48/345-1

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ЗА 10 ЛЕТ

Том I

25/15
1/142.

ИЗД. ЛСПО
ЛЕНИНГРАД
1928

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Г. П. Б. в ЛНГС.
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1928.

2-2-305

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Том I

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

ИЗДАНИЕ Л. С. П. О.
ЛЕНИНГРАД
1 · 9 · 2 · 8

ТИПОГРАФИЯ Л. С. П. О.
Ленинград, Лештуков, 13.
Ленинградский Областлит № 5586.
Тираж 3000.

„ . . . Ни один город не дал так много сил для организации продовольственного дела, упомяну между прочим, как Петроград, все лучшие силы его уже двинуты на работу: и так и должны поступать рабочие передовых городов . . . “.

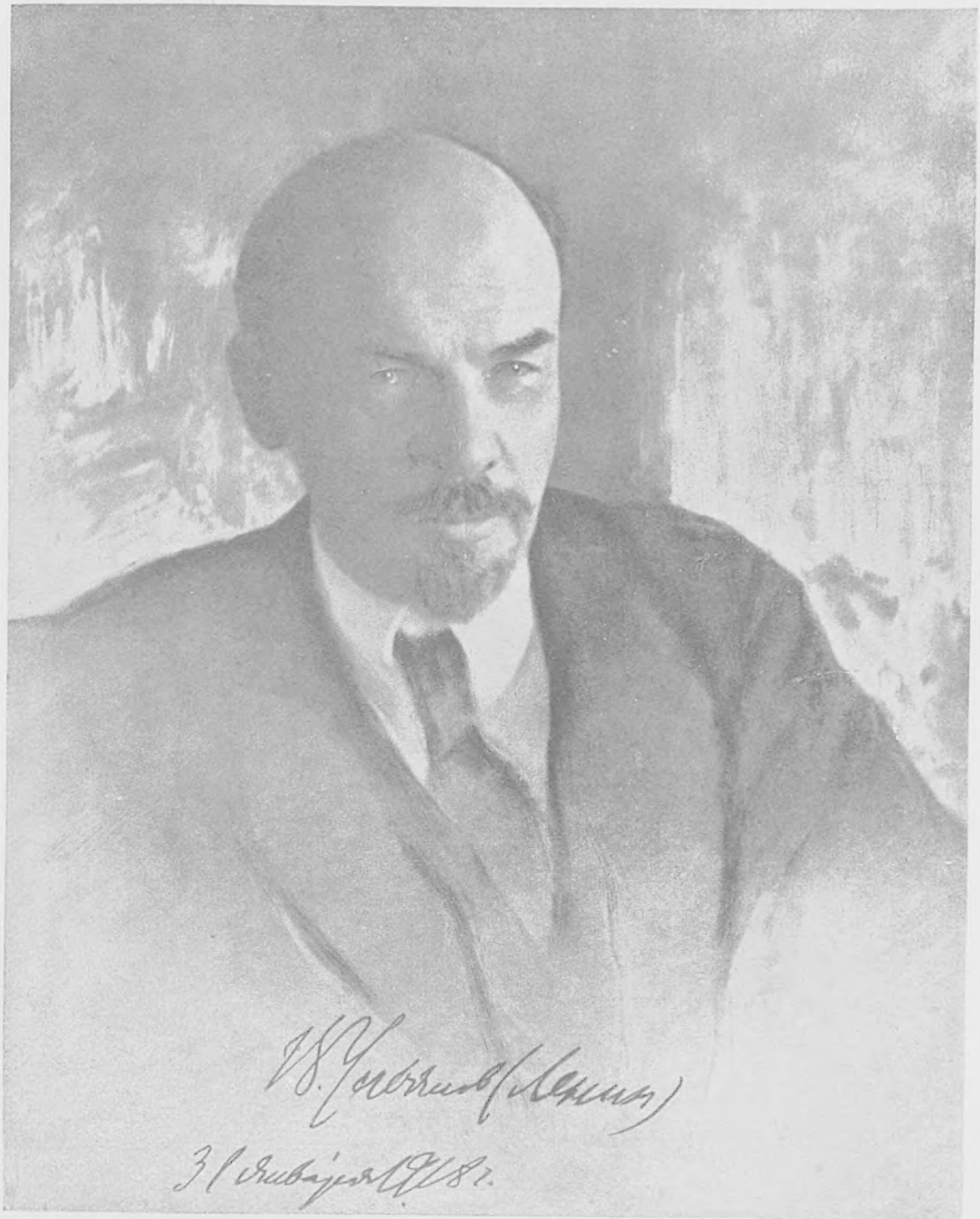
Ленин.

(Из речи на митинге 13 марта 1919 г. Собрание сочинений, т. XVI, стр. 82).

„ . . . Простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше „небольшим“ исключением) с ростом социализма . . . “.

Ленин.

(Собрание соч., т. XVIII, ч. II, стр. 134).



А. Е. БАДАЕВ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ

Вспоминать о великом событии—о перевороте 25 октября— можно очень много, ибо это событие имело исключительно большое значение не только для рабочего класса России, но и для трудящихся всего мира: этот переворот является переворотом или началом переворота для всего международного пролетариата. Поэтому неправильно было бы останавливаться исключительно на самом моменте Октябрьского переворота. Самый переворот 25 Октября, собственно говоря, совершился в течение нескольких часов, хотя и с оружием в руках, но почти без пролития крови. Из этого одного уже можно заключить, что он был подготовлен гораздо раньше, задолго даже до Февральской революции. Октябрьская революция подготовлялась в течение длинного ряда лет, не кончилась она и на другой день после переворота; борьбой за Октябрь наполнено все истекшее десятилетие. Эта борьба продолжается и до сих пор.

Начало революционного движения в России—1905 год.

Наш рабочий класс пробудился к активной борьбе позже, чем пролетариат Западной Европы. Рабочее революционное движение в России существует, примерно, с восьмидесятых годов прошлого столетия, когда русский пролетариат впервые осознал свои классовые интересы и понял необходимость организованности. С этого времени наш рабочий класс, хотя еще очень слабо и неорганизованно, выступил на арене борьбы. Я не буду останавливаться подробно на этом первоначальном периоде и перейду к главнейшим этапам более позднего времени, когда рабочий класс действительно выявил огромную свою силу, свою организованность и сознательность и, вступив в борьбу, вовлек в нее и целый ряд других классов и группировок. Именно тогда наметился тот путь, который привел впоследствии к победе революции. Самый переворот 25 октября и вся революция показывают нам, что свергнуть своих вековых врагов—царя, помещиков и буржуазию – могли только рабочий класс, крестьянство, солдаты, словом, все организованные трудящиеся вместе. Только в таком случае победа могла быть обеспеченной.

До 1905 г. в передовых рядах боролись главным образом наиболее сознательные партийные рабочие, но это был довольно тонкий слой рабочего класса. От времени до времени вспыхивали забастовки на фабриках и заводах, носившие экономический характер. Толчком, пробудившим рабочий класс к активной борьбе, явилась начавшаяся в 1904 г. Русско-Японская война, которая, как и всякая война вообще, подвинула революционное движение вперед на несколько десятков лет.

Русско-Японская война была неудачна для России и вызвала недовольство всего населения страны. В первую очередь это отразилось на настроении рабочего класса и крестьянства, затем мелкой буржуазии и т. д. Подъем настроения среди рабочих в середине декабря 1904 г. выливается в экономиче-

ские забастовки. Началось все со споров с фабрично-заводской администрацией. Так, например, было на Путиловском заводе. Сначала были просто разговоры о различных заводских непорядках; администрация на требования рабочих не соглашалась; тогда разговоры стали касаться уже приостановки работы в мастерских. Как я уже говорил, все это имело под собой экономическую почву. Спор этот переходит на другие фабрики и заводы, он постепенно охватывает всех, так как требования, предъявленные путиловскими рабочими, интересуют рабочий класс всего Ленинграда—тогда Петербурга.

В это время среди питерских рабочих появляется фигура священника Гапона, который пытается формулировать требования рабочих и становится во главе движения.

На первый взгляд может показаться странным, как это питерские рабочие пошли за Гапоном и гапоновцами, а не за революционными политическими партиями. Почему масса шла за этой группой и не хотела слышать о требованиях, выдвинутых революционными рабочими?

Широкие рабочие массы в своей толще были тогда еще очень мало сознательны, и поэтому в этот начальный период борьбы и первых схваток с царизмом они не могли пойти за передовыми рабочими, социал-демократами, которые уже знали, чего они хотят, свои требования оформили и настаивали на восьмичасовом рабочем дне, учредительном собрании и демократической республике. Широкая масса рабочих об этих требованиях не хотела и слушать, она хотела в первую очередь удовлетворить свои более мелкие требования насущного дня: увеличить и сделать более нормальной заработную плату, упавшую после Русско-Японской войны, ограничить сверхурочные работы, дать свободу союзам и т. д.

9-е Января. На почве сформулированной Гапоном платформы организовалась вся масса рабочих петербургских фабрик и заводов. Намечался и план выступления рабочих. Основное желание всей массы (и уже из этого видно, насколько она была несознательна) было итти к батюшке-царю, итти с иконами, царскими портретами, итти на площадь, вызвать его из дворца и передать петицию с требованиями, рассказать ему все, как отцу—„он узнает, он пожалеет".

А для царского правительства это вовсе не было страшным, и поэтому охранка даже помогала Гапону... Кстати, и городовые принимали участие в этой кампании. Настроение же среди рабочих в этом шествии было такое, что городовых даже не выгоняли; говорили городовым, что, мол, и вам плохо живется, поэтому и вы тоже не совсем чужие люди в этом деле.

Подготовка к шествию шла в конце декабря и в начале января 1905 года. По всем фабрикам и заводам Петербурга работы приостановились. 9-го января, как известно, питерские рабочие двинулись на площадь. В этом шествии участвовали рабочие с женами и детьми—шли целыми семьями. Некоторые группы рабочих шли на площадь с молитвами, восхваляя царя. И это делали рабочие Петербурга! Что же можно было сказать о нашем крестьянстве, которое в то время было особенно темным?

Но не дремала и охранка, подготовляя „достойную" встречу рабочим. Всем известно, чем кончилась эта встреча. На площади у дворца толпа была расстреляна.

Еще тогда, когда шла подготовка к шествию, Гапон и гапоновцы подготовляли ответ на тот случай, если царь не удовлетворит требования рабочих.

„Как мы тогда скажем, что мы ответим?“ Масса отвечала (и Гапон тоже клонил к этому), что если требования рабочих не будут удовлетворены, тогда — „нет у нас царя“. А вся вера была в царя.

Вера в царя убита.

Расстрел 9-го января - „кровавое воскресение“ — был событием огромной революционной важности. Это был первый революционный опыт рабочих, которые еще не были искушены в борьбе. Тогда еще верили не только в бога и в царя, но и в священников и полицейских—верили всем. Выступлением на площади у дворца эта вера была убита.

9-го января рабочий класс организованной массой выступил на революционную арену. После этого он стал доподлинным истинным борцом за освобождение. После расстрела революционное настроение среди рабочих стало расти не неделями, а часами.

Когда до того времени питерскому рабочему говорили, агитировали, он не чувствовал, не понимал всего смысла революционной борьбы, но эти выстрелы, эти пули пробудили рабочего от сна. Он стал революционным, он сразу потерял веру в царя, он стал верить только в самого себя. Рабочий класс увидел, что никакими петициями он себе не поможет, он может рассчитывать только на самого себя.

Царское правительство, увидев огромное впечатление, которое произвел расстрел 9-го января, попыталось как-нибудь приостановить поднявшееся революционное настроение. Выстрелы 9-го января были услышаны по всей России. Правительство всеми силами стремилось ослабить ту огромную революционную волну, которая прокатилась по всей стране после расстрела. Охранка силой собирала рабочие „депутации“ и везла их во дворец, где сам царь их уговаривал: „я верю в добрые чувства и намерения рабочего класса, врагам же я не верю“. Но настроение на всех фабриках и заводах резко переменилось.

Подъем революционного настроения.

Каких только мер охранка ни принимала, все было напрасно. Борьба закипела не только в Питере, она прокатилась по всем городам. Рабочий класс развернутым фронтом встал на путь активной борьбы — начал захватывать типографии, различные правительственные учреждения, создавать комитеты, свои организации и т. д.

Все это вылилось в огромное революционное движение. Повсюду распространялись прокламации. Вот что после расстрела пишут сами рабочие; эта прокламация была напечатана через несколько часов после выстрелов 9-го января: „Граждане, вчера вы видели зверства самодержавного правительства, видели кровь, залившую улицы. Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей. Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощеную их же руками. Кто же направил войска, ружья и пули в рабочую грудь? Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь. Они убийцы—смерть им! К оружию товарищи! Захватывайте арсеналы, оружейные склады, магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы. Освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство. Да здравствует революция! Да здравствует учредительное собрание народных представителей!“

Такая прокламация до 9-го января не могла дойти до сознания широких масс рабочих. Только теперь, после того, как вера в царя была окончательно

убита, слова этой прокламации стали близкими и понятными широким массам. Рабочему классу, а за ним и всем другим классам и промежуточным группам стало ясно, по какому пути надо итти.

К революционному движению в первую очередь присоединились различные интеллигентские союзы—врачей, инженеров, адвокатов и т. п., объединявшиеся в общий Союз Союзов. Присоединилась и мелкая буржуазия, которую угнетало царское правительство. Революционное настроение перебросилось и в войска. К этому времени относится восстание на „Потемкине" и ряд других восстаний в воинских частях. Революция разгоралась, особенно усилившись к летним месяцам. Но вслед с ними другие понятной стала забастовка. Присоединилось и крестьянство, которое хотя еще было очень несознательно и слабо и не совсем понимало сущности борьбы, все же было втянуто в борьбу. Революционное движение приобрело огромную силу.

В течение всего 1905 года царское правительство пыталось как-нибудь приостановить нарастание революции, бросая различного рода подачки то в одну, то в другую сторону. Сперва была создана под председательством сенатора Шидловского специальная комиссия по рабочему вопросу. Но рабочие в эту комиссию, конечно, не пошли. Тогда правительство бросается на новую уловку—объявляется о созыве так наз. „булыгинской" думы, с которой якобы обещает „совещаться" по некоторым государственным вопросам. Но и на эту удочку, разуверившиеся в своих надеждах, рабочие не пошли. Все попытки, все меры были бесполезны. Напуганное ростом движения правительство увидело провал всех своих планов и стало подготовлять манифест о „свободах". Этим манифестом оно попыталось удовлетворить только буржуазию и вовлечь в революцию промежуточные группы, вроде „Союза Союзов" и т. п.

К этому времени относится франко-русский договор, а также договор с другими государствами Западной Европы, которые дали царскому правительству огромные займы. Заграничные займы, улучшившие экономическое положение буржуазии, и обещание в манифесте политических свобод оттащили ее от революционного движения. Получив то, что ей надо, российская буржуазия вновь стала поддерживать правительство. Она поняла, что положение становится шатким и каждый момент рабочий класс может свернуть вправо, а затем направит свое оружие и против самой буржуазии.

В это время борьба уже обострилась до самых крайних пределов. В России фактически образовалось две власти: власть царского правительства и власть организовавшегося тогда первого Совета Рабочих Депутатов. Напуганная сильным подъемом революционного движения, крупная и мелкая буржуазия, вместе с другими промежуточными группами, перешла в сторону царя и его правительства, а рабочий класс остался совершенно одиноким. Слабое и еще далеко неорганизованное крестьянство не могло поддержать движение рабочих, и рабочие таким образом оказались совершенно изолированными в своей борьбе.

Декабрьское восстание.

К моменту издания манифеста 17 октября 1905 года революционное движение и борьба рабочих достигли наибольшего напряжения. Борьба из мирных экономических забастовок вылилась уже в политическую борьбу, а из политической борьбы, к декабрю 1905 года, она перешла в вооруженное восстание. На улицах Петербурга тогдашние положения были взяты. На баррикадах пролилась кровь сотен питерских рабочих. Все это еще больше поднимало революционное настроение

рабочих, толкало их в сторону более решительного наступления на правительство. В декабре напряженное состояние разрешилось вооруженным восстанием в Москве. Рабочий класс восстал. Наша партия вместе с другими социалистическими партиями призывала тогда трудящихся к вооруженной борьбе. На улицах лилась кровь.

Московское восстание было жестоко подавлено кровавой рукой адмирала Дубасова, посланного в Москву с городами солдат. Рабочее восстание было встречено не только пулеметами и ружьями — рабочих расстреливали даже из пушек. Сносились целые здания, улицы были залиты кровью. Это был кульминационный момент революционного движения 1905 года. И вот тут-то рабочий класс оказался одинок, и царское правительство получило возможность расправиться с восставшими рабочими.

Подавление вооруженного восстания в Москве дало правительству новые силы. Правительство начало отбирать назад все, вырванные у него движением, подачки. Манифест не был осуществлен, свободы не были даны. Манифест 17 октября оказался уловкой и обманом царя и его правительства, удочкой, на которую пошла буржуазия и промежуточные группы.

Царское правительство жестоко расправилось с революционным движением. С момента Кто вторая и до того времени, когда собралась первая государственная дума (27 апреля 1906 г.), было убито свыше 14.000 чел., казнено больше 1.000, ранено 21.000 чел. и сослано и заковано в тюрьмах больше 70.000 чел. Эти цифры показывают, что рабочий класс пролил свою кровь еще задолго до победной революции 1917 года. Он пролил свою кровь как бы в счет борьбы за октябрьский переворот.

Причины неудачи революции 1905 г.

Почему не удалась революция 1905 года? Были три основные причины неудачи вспыхнувшего с такой силой революционного движения в 1905 году.

Первая основная причина—это то, что международное положение благоприятствовало Николаю II. Царское правительство заключило огромные займы за границей. Буржуазия Западной Европы поддержала его. Вообще-то западноевропейская буржуазия хотела, чтобы Япония победила Россию в войне, но она вовсе не желала совсем свалить самодержавие. И когда смертельный момент для царского правительства приблизился, буржуазия Франции, Англии, Германии и др. стран его поддержала.

Следующая причина неудачи революции заключается в том, что российская буржуазия, вначале примкнувшая к революционному движению, затем отшатнулась от рабочего класса. Она поддерживала его, когда ей было по пути с рабочим классом, но затем, увидев, что пролетариат идет в своих требованиях к учредительному собранию и восьмичасовому рабочему дню, буржуазия испугалась, как бы революция не смела ее вместе с царским правительством. Тогда она отошла в сторону, понавшись к тому же на удочку царского правительства, которое своими заграничными займами и манифестом 17 октября сделало уступки выдвинутым буржуазией требованиям.

Самая же основная, третья причина, это то, что крестьянство не подоспело к баррикадам в момент самого разгара борьбы рабочего класса. Оно не поддержало рабочий класс в тот момент, когда трон уже зашатался, когда правительство и все министры уже готовы были сдать свои позиции, когда власть Советов Рабочих Депутатов начала уже становиться действительной властью.

После разгрома революции 1905 года рабочий класс терпел одно поражение за другим. После первой государственной думы в 1907 году была созвана вторая, в которую вошло много представителей революционных партий. Эта дума, понятно, оказалась неугодной правительству и просуществовала всего 70 дней. Правительство прибегло к испытанному средству — провокации — и 3-го июня 1907 г. разогнало думу, арестовав при этом членов думы социал-демократов. 22-го ноября судили социал-демократическую фракцию второй думы и, заковав ее в кандалы, послали на каторгу. В этот день рабочий класс, истощенный в борьбе и покинутый перешедшей на сторону контр-революции буржуазией, не смог уже выступить с необходимой силой против этих последних ударов реакции. Заводы уже бастовали не все, а только те, где были наиболее революционно настроенные рабочие. Не все рабочие бросили работу, часть осталась на заводах. Это было уже последнее напряжение рабочего класса, разбитого в своей борьбе с царским правительством.

После 1907 года наступила жестокая реакция, продолжавшаяся вплоть до 1911 года. Это было самое тяжелое время для рабочего класса и для всего революционного движения. Начался разброд. Крупная буржуазия, отходя от революции и присоединяясь к царскому правительству, потянула за собой не только мелкую буржуазию, но и интеллигенцию. Буржуазия стала контр-революционной, интеллигенция отшатнулась от революции. Но зато рабочий класс, а затем и крестьянство встали на революционный путь. 1905 год показал рабочим прямую дорогу, он указал им верный и ближайший путь борьбы. Крестьянство 1905 год потряс, пробудил. Правда, крестьянство еще не успело повести широкую борьбу, но оно эту борьбу уже начало, стремясь захватить землю: крестьяне поджигали помещиков, громили усадьбы и т. д. Крестьянство вступило в революцию слишком поздно, когда правительство успело уже оправиться и собраться с силами. При помощи различных карательных отрядов правительство расправилось с крестьянскими волнениями так же, как и с восстанием рабочих. Эта расправа оказалась уроком для всего нашего крестьянства — оно стало уже ближе к революционному движению, стало понимать задачи борьбы рабочего класса.

Именно 1905 год открывает карты всех группировок и классов: кто с кем будет бороться в следующий этап борьбы рабочего класса. Все выявили свою физиономию. В следующих этапах революции буржуазия не только не участвует в революционном движении, но уже идет против рабочего класса в то время, как крестьянство его поддерживает.

Годы реакции. Наступившая после революции 1905 года реакция отразилась на всех партиях, в том числе и на социал-демократической. Меньшевики отходят в сторону от революционного движения, отказываются от него, говорят, что оно неудачно, несвоевременно и т. д. Среди участвовавших раньше в революции интеллигентских групп начался в полном смысле слова отход от движения, отход от рабочих в сторону буржуазии, под тем или другим предлогом. Некоторые говорили, что революция уже была и больше не будет, что это обреченная на неудачу безнадежная затея. Даже Плеханов, один из основателей социал-демократии, игравший в свое время крупную роль в революционном движении, даже он в одной из своих книг сказал, что не следовало браться за оружие, не нужно было итти на баррикады. Эти слова Плеханова целиком отражали точку зрения право-социалистического крыла. Конечно, это при-

посило огромный вред для всего революционного движения. Колебания были и в нашей большевистской партии. В партии тогда народились различные пессимистические течения — отзовизм, группа „Вперед" и т. д. Но основное ядро большевистской партии, во главе с тов. Лениным, попрежнему стояло на действительно революционной позиции и призывало рабочих и всех оставшихся верными революции готовиться к новым боям. В темные дни реакции большевики призывали рабочий класс копить свои силы, уйти в подполье и там подготовляться к новым битвам.

„Настали будни, и в эти будни необходима непрерывная настойчивая работа по подготовке к новой борьбе"—так формулировал тов. Ленин вместе со всей нашей партией задачи рабочего класса в период после революции 1905 года.

После поражения Парижской Коммуны в 1871 году Маркс написал книгу, посвященную этому величайшему революционному этапу прошлого столетия. Он говорил в этой книге, что, несмотря на поражение парижских коммунаров, коммуна 1871 года является грозным и огромным опытом для пролетарской борьбы и победы рабочего класса. Также оценивал революцию 1905 года тов. Ленин. Это, говорил он, генеральная репетиция будущей революции и в то же время это грандиозная победа рабочего класса, которая является основным и ближайшим этапом к его окончательной победе. Самодержавие в 1905 году для рабочей массы и для крестьянства уже треснуло, еще один сильный революционный удар, и самодержавия не станет.

Годы с 1907 по 1911 были годами темных тяжелых сумерков для революционного движения. Царское правительство в борьбе с революцией мобилизовало все средства охранки, стараясь стереть с земли наиболее передовых революционно-сознательных рабочих. Их загоняли и в ссылку, и в тюрьму, и на каторгу, и даже на виселицу. Однако, революционное движение убить окончательно правительству не удалось. Большевистская партия боролась вышеуказанным и попрежнему, стоя на революционных позициях, собирает и организует силы рабочего класса. Она ведет свою нелегальную работу, борясь со всеми трудностями и невзгодами. В то же время ликвидаторы, меньшевики тянули вправо, изменяя и снижая те лозунги, которые были выдвинуты революционным движением. О земле они говорили, что, мол, безвозмездный выкуп земли не нужен, а нужно только как-нибудь пересмотреть земельный вопрос, вместо демократической республики начали говорить о самоуправлении и т. д. Одним словом, подменялись все основные лозунги, за которые боролся рабочий класс.

В таких условиях жесточайшего реакционного пресса, с одной стороны, и ликвидаторских течений с другой происходило собирание революционных сил рабочего класса и его подготовка к новым боям.

Ленский расстрел и подъем революционной борьбы.

С начала 1912 года революционное движение, заглохшее и ушедшее глубоко в подполье в годы реакции, снова вырвалось наружу. Рабочий класс, медленно собиравший свои силы после революции 1905 года, вновь вышел на арену активной борьбы. Отзвуками начавшегося подъема революционного движения явились расстрел ленских рабочих в апреле 1912 года. Этот новый раскат выстрелов царского правительства был новым сильным ударом, пробудившим и поднявшим революционное настроение рабочих. Ленский расстрел заставляет подтянуться рабочий класс, собрать все свои силы и объединиться для активной борьбы. Рабочие вступают

теперь в борьбу, как организованный класс. За передовым революционным авангардом идет уже весь рабочий класс всей России. На этот раз к движению не присоединяется ни мелкая буржуазия, ни другие промежуточные классы. Рабочий класс идет один своей дорогой, он сам является своим агитатором и пропагандистом, сам создает свою литературу и одновременно выкидывает твердые лозунги в борьбе с правыми оппортунистическими и ликвидаторскими элементами.

В период 1912—1914 гг. революционное движение достигло небывалого подъема. Сначала в Петербурге, затем в Москве, в Ростове-на-Дону, в Баку и на Урале движение захватывает весь рабочий класс, все фабрики и заводы. Особенную силу достигло революционное движение в Петербурге. В [illegible] пролетариат выступил в роли авангарда революции, как и в авангарде борьбы рабочих с царским правительством. В Петербурге один за другим возникают профессиональные союзы, просветительные общества и другие организации рабочего класса, в которых под легальной вывеской велась пропаганда революционных идей. В это же время в Петербурге создается революционная газета, начинает выходить орган большевистской партии „Правда". Вокруг „Правды" группируется [illegible] революционных рабочих, [illegible] широкие рабочие массы. Несмотря на все преследования правительства, конфисковывавшего и закрывавшего газету чуть ли не ежедневно, „Правда" имела огромное организующее значение в революционной борьбе этого времени. Она не только борется с правительством, но и разоблачает ликвидаторов, тянувших рабочий класс назад и сдерживавших его революционное выступление.

В эти годы широкой волной прокатилось по всей России забастовочное движение. Забастовки уже не носили [illegible] 1905 года [illegible] экономический характер. Вместе с экономическими требованиями рабочие выдвигали требования политические и боролись за них не только одними забастовками, но и демонстрациями и выступлениями на улице. В 1914 году мы были свидетелями того, как в Петербурге дело доходило до баррикад. Рабочий класс уже чувствовал свою силу, он сорганизовался, он нащупывал верные пути борьбы. Теперь пролетариат России был уже не таким, как в 1905 году; он научился бороться не только легально, но и подпольно, выступая, как сплоченная организованная сила. Буржуазия уже не могла вести его на своем поводу, он не нуждался в каких-либо посторонних вожаках. Рабочий класс сам был достаточно крепок, он не только хорошо знал, чего он хочет, но мог и другим указывать путь к борьбе. Рабочий класс вырос, и в его росте первенствующую роль сыграла революция 1905 года, послужившая уроком огромной революционной важности.

В это же время вновь начало пробуждаться и крестьянство, которое снова тянется к революционному движению. Не стоит гадать, что могло бы получиться из всего этого нарастания революционной волны. На сцене мировой истории появился новый фактор, империалистическая война, которая, как грозная туча, нависла над всем миром. Как и всегда, буржуазия воспользовалась войной, чтобы придавить быстро разраставшееся движение рабочего класса. Но были еще другие причины, которые отрицательно отразились на росте революционного движения. И самая важная среди них это — измена революции право-социалистических партий, имевших в это время еще большее влияние на рабочий класс во всех европейских государствах.

Война и предательство Второго Интернационала.

В 1871 году после поражения Парижской Коммуны погиб I-й Интернационал, а через 18 лет возник Второй Интернационал, первый съезд которого состоялся в 1889 году. На всех конгрессах интернационала, вплоть до самого начала войны, принимались резолюции против войны. Социалистические партии в течение 25 лет ясно и недвусмысленно призывали рабочий класс бороться с войной.

На первом же конгрессе II-го Интернационала было вынесено решение о необходимости вести борьбу против регулярных армий и за замену их общенародной милицией. Конгресс 1907 года обязывал все социалистические партии, участвующие в парламентах всех стран, отвергать кредиты на военные нужды и требовать разоружения. На одном из предшествующих конгрессов (в Штутгарте) было принято решение о том, что пролетариат в случае возникновения войны должен покончить с ней путем революционного восстания. Это решение было принято по предложению тов. Ленина. Наконец, на последнем предвоенном конгрессе, который состоялся в 1912 году в швейцарском городе Базеле, было постановлено, что в случае объявления войны необходимо бороться против нее и что всякую войну рабочему классу надо использовать против всех своих врагов, заставляющих в своих интересах участвовать в ней рабочих. Базельский конгресс обратился ко всему международному пролетариату с манифестом, в котором говорится, что всякая война не в интересах трудящихся, а в интересах кучки капиталистов. Трудящиеся должны стремиться к захвату власти. Рабочему классу рекомендовалось не поддерживать войну, а обратить оружие против своих врагов.

Что же произошло в 1914 году, когда раздались первые выстрелы империалистической войны?

До самого дня объявления войны все социал-демократические партии, особенно германская, твердили, что нужно проводить постановления базельского конгресса, нужно бороться против войны. Но как только война действительно началась, все они почти без исключения сразу позабыли те резолюции, которые сами недавно принимали. На сцену, во всей своей неприглядной красоте, выступило „оборончество". Право-социалистические партии начали говорить, что раз война оказалась неизбежным злом, то нужно защищать отечество. Немецкие социал-демократы вообще создали теорию, которая по сути дела оправдывала войну. Вдруг интернационалисты иным языком стали говорить: „Теперь относительно наших воззрений против войны, а то подслушают шпионы других стран, надо полегче в этом вопросе, а то наше государство потеряет".

Французские социалисты, которые ненавидели нашего царя, боролись против него, вдруг стали восхвалять Николая II, кричать ему ура. Один из лидеров II-го Интернационала, Вандервельде, в первые же дни войны по приглашению бельгийского царя вошел в министерство и начал помогать своему правительству в войне против Германии.

Руководители социалистических партий и стран тройственного согласия и тройственного союза с одинаковым рвением кричали шовинистические речи—„коли друг друга, проливай кровь". И это говорилось в то время, когда было совершенно ясно, с кем именно нужно было бороться рабочему классу.

Борьба большевиков против войны.

Что же происходило у нас? Вихрь беспредельного шовинизма и ура-патриотического настроения огромной волной прокатился по России. Толпы народа с царскими портретами манифестировали по улицам Петербурга и в патриотическом усердии падали на

колени перед царским дворцом. В этой обстановке наша партия заняла резкую и определенную позицию против войны. Большевики последовательно проводили ту линию, которая была намечена на всех конгрессах Интернационала.

В первых числах августа в выпущенной в Петербурге прокламации большевистская партия писала: „Надвинулись мировые события чрезвычайной важности. Европейский пожар, зажигаемый со всех концов конкурирующей буржуазией, разгорается. Миллионы рабочих, крестьян России, Германии, Франции, Австрии, Англии и других стран отрываются от мирной жизни и поставлены друг против друга, со смертельным оружием в руках, исключительно для того, чтобы морями своей крови создать для господ положение, возможность еще больше выжимать прибавочной стоимости из рабов капитала... Неисчислимые бедствия несет война русскому народу и, прежде всего, рабочему классу и крестьянству. Но поражения или победу принесет война официальной России и ее союзникам, все равно рабочий класс проникнется еще глубже сознанием, что современный строй держится только на крови, насилии и обмане, что выход из такого положения один— революция... Мировые события надвигаются. За наступающими потрясениями и политическими переворотами уже стоит призрак социальной революции. К этой конечной цели стремится пролетариат всех стран. Но на пути у русского пролетариата еще стоит много преград, и русскому рабочему классу необходимо сделать героическое усилие, чтобы смести самодержавный строй без остатка“...

Среди рабочих и солдатских масс, на фабриках и заводах большевистская партия вела упорную борьбу против войны, призывая рабочий класс обратить оружие против царского правительства и буржуазии. Большевики призывали рабочих готовиться к революционным выступлениям и сбросить царское самодержавие вместе с затеянной им войной. 15 августа 1914 г. наша партия выпустила новую прокламацию ко всем трудящимся: „Товарищи! Алчная кровожадная политика царского правительства и капиталистов обрекла на смерть миллионы самых лучших сынов человечества. Тысячи людей гибнут каждый день „во имя злата“. Каждый день остаются тысячи вдов и сирот, которые, лишившись своих кормильцев, обречены на проституцию и голодную смерть, потому что промышленная жизнь в городах окончательно замирает: помощь выдают только семьям офицеров, а семьям солдат лишь жалкие крохи; а в деревне—там, когда все работали, и то наполовину голодали, а теперь все лучшие рабочие силы взяты на войну—остались старики, женщины и дети, которые теперь окончательно обречены на голод. Все, начиная от черносотенцев и кончая „революционными трудовиками“, рукоплещут этому дикому истреблению человечества, разрисовывая красивыми красками „спасение родины от варваров“. Но вы, крестьяне и рабочие, должны понимать, что у нас нет врагов по ту сторону границы—там так же, как и у нас, слышатся стоны и плач голодных жен и детей — и что там также произносятся продажные речи буржуазии от имени трудового народа о солидарности интересов. Вы, дающие кровожадному царскому правительству своих сыновей, отцов и братьев в солдаты, должны помнить, помнить слова „помазанников божиих“ - царей и королей всех воюющих стран: „до тех пор не кончу войны, пока на моей земле не останется ни одного неприятельского солдата“. Эти паразиты, с налитыми кровью глазами, дают клятвы, что будут воевать до тех пор, пока не будет уничтожена половина человечества. Вы вспомните, что было и есть с теми солдатами, которые приехали с Русско-Японской войны без рук, без ног; они вынуждены были просить „Христа ради“, и та буржуазия

и либералы, которые ходили у нас по улицам с флагами, иконами и прославляли войну, отвертывались от них, как от заразы, а помогали лишь свои братья—рабочие и крестьяне, которые и сами живут впроголодь. Крестьяне и рабочие, вы ответственны за всю эту кровь и слезы, которые теперь проливаются, потому что вы являетесь мощным рычагом всего государства, от вас зависит повернуть его в пользу войны или в пользу мира. Так поверните же его в пользу мира, остановите эту дикую вакханалию. „Довольно крови и слез“,—должны заявить мы мощно:—„мы не хотим обрекать человечество на погибель во имя интересов кровожадного Николая II и его приспешников. Вы должны помнить, что это „спасение родины“ будет продолжаться до тех пор, пока вами будут управлять эти паразиты, которые расстреливают голодных рабочих даже тогда, когда те с [illegible] труд. Так свергните их, возьмите управление государством в свои руки и, вместо строя тиранов, водрузите над землею красное знамя труда. Организуйтесь в политические партии, запасайтесь оружием - время не ждет. Долой войну. Долой кровавое самодержавие. Да здравствует учредительное собрание, могущее дать крестьянам всю землю, а рабочему люду право бороться за лучший мир, за социализм. Да здравствует впроголодь работающий пролетариат. Да здравствует всемирное братство. Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, единственная защитница трудящегося класса“.

В сентябре 1914 г. Ц. К. нашей партии опубликовал тезисы о войне, написанные Владимиром Ильичем. В них говорится, что наименьшим злом в этой войне было бы поражение царской монархии. Рабочие всех стран должны бороться против своих классовых врагов, обратить свои штыки против капиталистов и помещиков. Рабочему классу каждой страны [illegible] борьбу против своей буржуазии.

На первом-же после объявления войны заседании IV государственной думы наша думская фракция [illegible] с [illegible] войну и [illegible], что не может быть никакого единения между народом и [illegible] угнетателей. В Думе большинством голосов [illegible] против военных [illegible], как во всех европейских парламентах фракции социалистических партий голосовали за них.

Социалисты из II Интернационала не только сами поддерживали войну, но и не преминули сделать попытку обратиться к нашей фракции с предложением [illegible] их примеру. Лидер II Интернационала Вандервельде совмещавший свое лидерство с должностью министра бельгийского короля, в присланном нам письме [illegible] русских социалистов [illegible] войну, [illegible], необходимо было прекратить на время борьбу с царским правительством. Наша фракция это предложение отвергла. В ответном письме Вандервельде мы писали, что пролетариат не может ни при каких условиях итти рука об руку с правительством, не может заключать с ним никаких хотя бы и временных перемирий, а должен использовать военный кризис в интересах усиления революционной борьбы.

Думская фракция большевиков одновременно [illegible] нелегальную работу по [illegible] борьбы против войны. На собраниях и в прокламациях большевики изо дня в день разоблачали истинные задачи империалистической войны и призывали рабочий класс организованно бороться против войны. Когда эти [illegible] [illegible] широко [illegible] [illegible]

в армию, правительство решило разделаться с думской фракцией большевиков. Во время одной из конференций, когда обсуждались дальнейшие меры борьбы с войной, вся наша фракция была целиком арестована, а затем, после суда, сослана в Сибирь.

Наступление царского правительства.

Царское правительство воспользовалось войной, чтобы начать новую борьбу с рабочим классом. Уже перед самой войной охранка начала открытый поход: позакрылись все культурно-просветительные общества, были разогнаны все профсоюзы, закрыли „Правду". Вновь тысячи тысяч рабочих по всей России были закованы в кандалы, посажены в тюрьмы и сосланы в Сибирь. Правительство видело силу разразившегося революционного движения и постаралось использовать момент, чтобы обуздать рабочий класс и разгромить назревающую революцию. Аресты и ссылки с первых дней войны еще больше усилились. Часть передовых рабочих забрали под ружье и отправили на фронт.

Но куда же могла деться вся сила, вся энергия рабочего класса, которая накапливалась, начиная с 1905 года? Из года в год эта сила росла и только ждала момента, чтобы разрядиться.

В первый момент, когда война только что начиналась, рабочий класс был вынужден рассеяться — кто на фронт, а кто и в тюрьмы. Но борьба все время стояла в порядке дня. Несмотря на то, что социал-демократические партии всех других стран в преобладающем большинстве изменили делу пожудующей революции, были однако и другие течения, особенно во второй половине войны. В 1915 году в Циммервальде, в Швейцарии, состоялась конференция представителей тех социалистических групп, которые были против оборончества. Циммервальдская конференция заняла резкую линию против войны, отражая настроения наиболее революционных слоев рабочего класса. Движение против войны, задушенное социал-патриотами, вновь стало расти в целом ряде стран. Несмотря на жестокие репрессии царского правительства, это движение начало усиливаться и у нас в России. По существу это уже было как бы начало гражданской войны — пролетариат готовил оружие против мечтавшей о войне до победного конца буржуазии.

Февраль.

В результате империалистической войны расшаталось все народное хозяйство нашей страны. Буржуазия вначале была очень довольна войной, так как она на войне наживала огромные хищнические прибыли. Но очень скоро военные неудачи, которые терпела Россия на фронте, начали пугать буржуазию. Она боялась, как бы в результате проигрыша войны не оказаться перед угрозой разорения, тогда как в ее плане входило не только удержать хищнические прибыли от военных заказов, но еще поживиться за счет контрибуции с побежденных. Буржуазия, недовольная правительством, становится к нему в оппозицию и ведет с ним борьбу. Само собой разумеется, что еще большее недовольство вызывает хозяйственная разруха среди трудящихся. Война принесла с собой усиление эксплоатации рабочего класса, который под угрозой отправки на фронт прикрепляется к фабрикам и заводам и отдается на полное растерзание капиталистов. В то же время война разорила деревню, выкачала из нее все лучшие работоспособные силы, оставила незасеянными огромные площади земли.

Рабочий голоден потому, что хищники, вырывая друг у друга, обобрали всю страну. В то время, когда рабочий и крестьянин голодают и нуж-

даются во всем, в руках у капиталистов скапливаются огромные богатства. Рабочий класс [illegible] борьбу, [illegible] пробуждается к революции. По всей стране [illegible] нарастать революционное настроение. С каждым днем все ближе подходит тот момент, когда эти настроения должны были вылиться в открытое наступление.

В готовившемся наступлении на царское правительство сошлись две силы, а может быть и три. Крестьянин понял, что война ему не нужна, что она готовит ему только новое порабощение; крестьянину не нужна была война, ему нужна была земля. Солдатам, которые в большинстве были тоже крестьяне, война также не была нужна, и им также нужна была земля. Рабочий класс, как вожак всего революционного движения, чувствовал, что настал момент, когда он может свергнуть и царя и буржуазию.

Питерский пролетариат перешел в наступление и в феврале 1917 года сбросил прогнившее и уже почти само разложившееся внутри царское самодержавие.

Пролетариат в союзе с крестьянством и армией победил, и тут же на сцену выступила буржуазия, раньше боявшаяся революции, а теперь решившая воспользоваться ее плодами. Она захватила власть в свои руки, заменив собой [illegible] царизмом [illegible] царского самодержавия. На первый случай она приберегала Николая II, таская его из одной губернии в другую – пусть, мол, поживет, кто-нибудь из нас да выиграет. Однако рабочий класс, солдаты и крестьянство не дремали, и, самое главное, они не поверили этому обману. Сколько уже раз рабочий класс был обманут в прошлом!

В Таврическом дворце, с одной стороны, заседал Совет Рабочих Депутатов, а с другой—комитет гос. думы во главе с Родзянко. Были две власти и ни одна из них не хотела уступить. Но в Совете Рабочих Депутатов преобладающую роль, в силу первоначальной революционности, играли меньшевики и эс-эры. Представителей большевистской партии в это время в Петрограде было мало, так как они в предыдущие годы все были попрятаны по тюрьмам и ссылкам, а часть их должна была бежать от преследования царского правительства за границу. Меньшевистско-эс-эровское большинство, как и следовало ожидать, не смогло встать на действительно революционную позицию; власть была уступлена буржуазии, создавшей свое временное правительство, которое меньшевики и эс-эры поддерживали всеми силами. В результате создался блок против рабочего класса и крестьянства.

Борьба против соглашателей.

С первых же дней февральской революции наша партия повела борьбу против буржуазии и поддерживавших ее меньшевиков и эс-эров. Революция развязала все силы, открыла огромное поле для агитации и пропаганды. Бывший центром всех революционных событий, Петроград кипел и бурлил. Широкие массы населения были захлестнуты первыми волнами революционного подъема. Полиция была сметена, суды, охранка, полицейские участки разгромлены. Все это было свидетельством огромной мощи, которая наконец вырвалась из-под векового гнета царизма.

Рабочий класс на первых порах не успел еще отчетливо оформить свои задачи и не смог еще выявить своих подлинных требований. Эс-эры и меньшевики пожинали плоды этого положения и прикрываясь громкими фразами, вместе с буржуазией, на новый лад тянули старую песню за войну. Наоборот, высту-

Ленин большевиков были взорваны их действительно революционными лозунгами: против войны, за конфискацию помещичьих земель и т. п. Несмотря на преобладающее в то время влияние меньшевиков и эс-эров, каждое выступление представителей большевистской партии откалывало все новые группы от еще зараженных оборончеством и верой во временное правительство рабочих и солдатских масс.

Еще с большей силой и остротой наша борьба развернулась после приезда 3 апреля в Петроград тов. Ленина. Его речь на Финляндском вокзале и затем выступление 4 апреля на собрании в Таврическом дворце с тезисами о задачах рабочего класса в революции сразу же дали ясную и открытую постановку революционных требований. Само собой понятно, что тезисы тов. Ленина, в свою очередь, вызвали бешеный взрыв негодования у всех соглашателей. Революционное временное правительство пустилось на провокацию. Распространялись слухи, что Ленин и вся партия—провокаторы, немецкие шпионы и т. п. Все это делалось, конечно, для того, чтобы подавить революционное движение и вновь закабалить рабочий класс.

Тезисы тов. Ленина и его твердое руководство дали ясную и определенную ориентировку нашим агитационным выступлениям. Еще резче наметилось деление на два противоположных лагеря: революционный пролетариат, с одной стороны, и буржуазия вместе с коалировавшими с ней правосоциалистическими партиями, с другой. Объективная данность временного периода, наша партия указывала, что кончить войну истинно демократическим путем нельзя, без свержения капитала. Власть должна быть передана Советам. Наличие в Советах большинства соглашательских партий требует терпеливой и неустанной работы за усиление в них большевистского влияния. Прямая и ясная постановка революционных требований дала свои результаты: среди рабочих начали все быстрее отсеиваться группы сторонников партии большевиков.

Параллельно с непрерывной агитационной работой среди рабочих, велась не менее интенсивная агитация в армии. Овладение солдатскими массами было узловым пунктом борьбы между политическими партиями. Рядом с лозунгом мира решающее значение для солдатских масс, представлявших собой главным образом крестьянство, имело выдвинутое нами требование конфискации помещичьих земель.

Пролетариат вооружается.

Каждый день приносил с собой обострение политической борьбы. Под влиянием напряженной агитации нашей партии оборонческие иллюзии первых дней февраля быстро таяли, временное правительство теряло последние следы авторитета, широкие массы начали убеждаться в контр-революционности буржуазии.

Нараставшие революционные настроения получили свое выражение сперва в демонстрации 10 июня, пропитанной еще большевистскими лозунгами, несмотря на то, что она была организована соглашательской верхушкой Совета, а затем в событиях 3—5 июля. Выступления рабочих масс теперь уже были обращены не только против буржуазии, но и против меньшевиков и эс-эров и против коалиции с буржуазией.

После июльских дней и образования фактической буржуазной диктатуры наша агитационно-политическая работа среди масс проходила в обстановке бешеной травли, преследований, арестов и разгромов. Тов. Ленину пришлось

скрываться в подполье, были произведены аресты целого ряда работников партии, юнкерами была разгромлена редакция „Правды".

Корниловское выступление окончательно обнажило контр-революционную сущность временного правительства и резко повернуло настроение масс в сторону большевистских лозунгов. Корниловщина дала сильный толчок усилению вооружения рабочих и организации красной гвардии. До тех пор создание вооруженных отрядов из рабочих приходилось вести полулегальным путем.

Одновременно быстро шла большевизация Советов. Уже 31 августа Петроградский Совет из меньшевистского сделался большевистским. За резолюцию большевиков было подано 279 голосов против 115 при 51 воздержавшемся. Меньшевики и эс-эры сперва не поверили результатам этого голосования, решили переголосовать. Снова переголосовали и снова получилось то же самое. Таким образом, потерпев полный провал, соглашатели ушли со сцены еще 31 августа. Вскоре после этого Петроградский Совет перезбрал и президиум, в состав которого в преобладающем большинстве вошли представители нашей партии. Это была большая победа рабочего класса, но дела впереди было еще много, впереди был еще решительный бой за свержение временного правительства. Этот мучительный вопрос стоял перед рабочим классом и крестьянством, но он не был еще разрешен.

Буржуазия, видевшая опасность, в свою очередь попыталась найти какую-либо общественную поддержку, созвав сперва „демократическое" совещание, а затем предпарламент. Открывшееся 12 сентября демократическое совещание, хотя и было соответствующим образом подтасовано временным правительством, все же под давлением масс оказалось вынужденным высказаться против коалиции. Большевистская фракция „совещания" использовала свои выступления на трибуне для разоблачения лживости временного правительства и право-социалистических партий. С той же целью большевики вошли в образованный демократическим совещанием совет республики (предпарламент). На открытии предпарламента наша фракция огласила декларацию, в которой от имени петроградского, московского и целого ряда провинциальных советов требовала создания истинно революционной власти.

Заявив, что с правительством народной измены и советом республики, который является советом контр-революционного попустительства мы ничего не имеем общего, фракция большевиков в полном составе ушла из предпарламента. Наш уход вызвал неистовый вой „демократических" защитников буржуазии, обвинявших большевиков в измене революции и прочих еще более тяжких грехах.

Накануне Октября. Но широкие массы рабочих и солдат очень быстро показали, на чьей они стороне. Большевистская партия верно отражала истинно-революционное настроение пролетариата и крестьянства, которые неизменно поддерживали все наши выступления. Петроградский Совет в заседании 9-го октября приветствовал уход большевиков из предпарламента, целиком поддерживая выдвинутые нашей партией требования. Через два дня Съезд Советов Северной области принял резолюцию с требованием передачи всей власти Советам. Съезд обратился к крестьянству с призывом к борьбе за власть Советов. Настойчиво и определенно требовали передачи власти Советам все время происходившие по городу массовые собрания рабочих и солдат.

Вопрос о захвате власти Советами таким образом был вполне уже подготовлен. Правда, среди революционно-настроенных групп, в том числе и в нашей большевистской партии были отдельные товарищи, которые колебались. Эти товарищи говорили, что выступление несвоевременно, что надо еще подождать. Однако эти колебания силой и сознательностью революционного пролетариата были своевременно подавлены. Центральный комитет нашей партии, учитывая все объективные условия, на заседании 10 октября признал, что „вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело". Это решение ЦК партии было сигналом к интенсивной подготовке вооруженного выступления. 16-го октября Петроградский Совет организовал Военно-Революционный Комитет, который приступил к вооружению рабочих отрядов и к укреплению связи с расположенными в Петрограде воинскими частями.

Временное правительство, чувствуя, что почва под его ногами окончательно ускользает, попыталось еще раз спасти свое положение. Оно вызвало в Петроград юнкеров и ударные батальоны и сделало попытку вывести из города революционно-настроенные войска. Правительство Керенского решило парализовать революционное выступление пролетариата в самом начале. Отрядом юнкеров были закрыты типографии, где печатались большевистские газеты „Рабочий Путь" и „Солдат", было отдано распоряжение о разводке мостов и выключении всех телефонов Смольного. Ж[illegible] попытка! Как, будто, было надо, перерезать телефонные провода, приостановить уже поднявшуюся петроградскую революционную волну.

В ответ на атаку временного правительства питерский пролетариат, в свою очередь, перешел в наступление. Питерские рабочие двинули в районы расположения отряды красной гвардии. С винтовкой в руках питерские пролетарии вместе с отрядами солдат начали захват важнейших правительственных зданий.

25 Октября. И вот настала ночь с 24 на 25 октября, когда решено было нанести окончательный удар. Ночь прошла в напряженном состоянии. К утру стало известно о занятии красной гвардией ряда правительственных зданий и опорных пунктов в городе. В середине дня был окружен Мариинский дворец, в котором шло очередное заседание совета республики. Предпарламент, в котором [illegible] нашли защиту предатели большевистской партии, был разогнан питерскими рабочими. Остался только зимний дворец, где укрылось правительство Керенского, осажденное со всех сторон отрядами красной гвардии.

Около 3-х час. дня 25 октября в актовом зале Смольного открылось заседание Петроградского Совета, на котором от имени Военно-Революционного Комитета было объявлено о низвержении временного правительства. Появление на трибуне тов. Ленина, впервые открыто выступившего после трехмесячного пребывания в подполье, было встречено бурными овациями Совета, приветствовавшего вождя и руководителя победившей революции. „Отныне, сказал тов. Ленин, наступила новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма".

Через несколько часов открылся второй съезд Советов. Он собрался еще за несколько дней перед этим, когда шла уже деятельная подготовка восстания. Хотя съезд официально открыл свое заседание только вечером 25 октября, однако за эти дни он все время делал свое дело, организуя и подготовляя революционный переворот. В то время, когда происходило [illegible] заседание совета,

[illegible] ший несколько выстрелов по дворцу. К 2-м часам ночи дворец был занят, временное правительство, кроме бежавшего на фронт Керенского, арестовано.

Первое заседание второго съезда Советов продолжалось до поздней ночи Непрерывно поступали сведения о новых успехах революции. Еще в начале заседания со съезда ушли немногочисленные фракции меньшевиков и эс-эров, [illegible] состояло из представителей партии большевиков. От имени съезда было выпущено обращение к рабочим, солдатам и крестьянам с сообщением о переходе власти к Советам и низвержении временного правительства.

Второй съезд Советов принял основные законы, вытекающие из борьбы на протяжении десятков лет не только нашего рабочего класса, но и рабочего класса всего мира. Первым по предложению тов. Ленина был единогласно принят декрет о мире. Обращаясь к народам и правительствам всех стран, съезд Советов предложил немедленно начать переговоры о справедливом и демократическом мире, для чего сейчас же заключить перемирие на трехмесячный срок. Не меньшее значение имел другой декрет, принятый на том же заседании, декрет о земле. Право частной собственности на землю было отменено навсегда. Вся земля обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех, трудящихся на ней.

Характерно, что в этот самый день, в момент, когда рабочий класс впер[illegible] жертвами, достиг своей цели, когда съезд Советов принял исторические законы, меньшевики, в руках которых еще находилась газета „Известия", [illegible] 25 октября утверждали, что основные вопросы революции о хлебе, о земле и о мире не могут быть разрешены советской властью. Хлеба, писали они, нет вообще и не будет потому, что транспорт разрушен; вопрос о хлебе приведет только к восстанию, к резне и т. п. Вопрос о земле, по их мнению, тоже не мог быть разрешён, о какой земле могут говорить большевики, когда нет никаких земельных органов, кто и как будет землю делить; все передерутся, а земли не будет. И, наконец, третий вопрос о мире или войне: кто будет заключать мир, когда большевики ведут в стране гражданскую войну; с такой властью никто не будет подписывать мира и т. д. Меньшевики встретили победу рабочего класса не поддержкой, а в штыки, как самые отъявленные его враги.

На другой день после переворота.

Рабочий класс победил, но понадобилось еще много ожесточенной борьбы и напряженнейшей работы, чтобы укрепить эту победу и защитить ее от многочисленных врагов пролетарской революции. На другой же день после переворота началась лихорадочная деятельность по организации власти. Сразу же перед трудящимися советской России открылись многочисленные фронты, на которых приходилось бороться и которые требовали многочисленных жертв.

Буржуазия с бешеной силой старалась отвоевать назад то, что она потеряла. Она попыталась козырнуть учредилкой, но и этот козырь был бит. На помощь [illegible] свои отряды для уничтожения советской власти. Белые генералы и интер[illegible] советскую Россию, [illegible]

лику трудящихся Пушки и штыки, бомбы и взрывы, голод и блокада—все было пущено в ход для борьбы с советской Россией.

В своей борьбе с рабочим классом контр-революция ставила в первую очередь ставку на голод. На продовольственном вопросе буржуазия заостряла все виды своего оружия. Весь план гражданской войны сводился к стремлению белогвардейцев отрезать советскую Россию от хлеба. Для этого они взрывали мосты, разрушали железные дороги, организовывали кулацкие восстания, жгли хлебные запасы, словом, делали все, чтобы накинуть мертвую петлю на революцию.

Рабочий класс во время гражданской войны прошел через тяжелые испытания. Костлявая рука голода хватала его за горло и вместе с пулями врагов вырывала не одну жертву из передовых рядов пролетариата. В такой обстановке, когда оставшаяся в наследство революции небывалая хозяйственная разруха еще больше усиливалась необходимостью отражать врагов на многочисленных фронтах, рабочий класс советской России строил свое хозяйство.

Рабочий класс смело шел против Колчака, Деникина, Дутова, Юденича, Врангеля и других многочисленных генералов, имена которых не перечесть. Он шел на борьбу с ними, потому что генералы на острие своего штыка несли возвращение капиталистов и заводчиков, помещиков и банкиров, словом, всех тех, кто много веков перед этим угнетал трудящихся. Рабочие и крестьяне, победившие после десятков лет напряженнейшей борьбы, с небывалой силой и энергией защищали революцию. Объединенными усилиями рабочий класс шел от одной победы к другой, отражал врагов и в то же время строил свое хозяйство.

Эти десять лет, которые прошли со дня 25 октября, полны непрерывной борьбы и строительства. Надежды и расчеты буржуазии оказались разбитыми на голову—рабочий класс не обанкротился, не погиб в тяжелой борьбе и не отдал обратно ни одного из своих завоеваний. Наоборот, с каждым днем советская Россия [illegible] в год крепнет и развивается. За пять лет нэп'а рабочий класс проделал огромную работу, восстановил до довоенного уровня, а частично и перешагнул за него, все основные отрасли народного хозяйства. Советская власть существует, строительство ее идет вперед, к ней тянутся многие миллионы рабочих всех стран.

10 лет тому назад. Десять лет, полных борьбы и напряженнейшей работы, прошло с момента октябрьского переворота. Многое забылось с того времени, но не забываемым осталось впечатление о том настроении, которое было у всех участников переворота именно в эти часы. Накануне была необычайная забота, тревога на лицах у всех участников борьбы—удастся ли [illegible] бои, которые, быть может, будут ему не по плечу, может быть, слишком велика будет борьба за власть. На другой день у всех настроение было уже другое. Это было торжество победы и одновременно это было чувство огромнейшей ответственности не только перед рабочим классом России, но и перед всем международным пролетариатом. Долгие годы люди шли по тяжелому революционному пути, многие погибли, многие остались позади—и вот теперь мы дошли до того рубежа, который делит историю человечества на две части. Мы находимся на пороге двух миров—с одной стороны, трудящиеся всего мира, а с другой—буржуазия, капитал, угнетатели рабочего класса, старый мир со всеми его предрассудками.

25 октября 1917 года рабочий класс добился того, за что он боролся долгие годы. В этой борьбе он отдал своих лучших сынов и пролил много своей крови. Рабочий класс получил власть в свои руки и стал проводить в жизнь свою революционную волю.

Из года в год советская Россия побеждала одну трудность за другой. Наш рабочий класс, в союзе с крестьянством, разбил бесчисленные фронты белых генералов и помогавших им интервентов и перешел на мирное строительство. Рабочий класс смело шагает вперед к социализму по тому пути, который ему указан великим вождем и вдохновителем Октябрьской Революции тов. Лениным.

Семичасовой рабочий день, который вводится у нас с будущего года, лучше всего свидетельствует, как далеко мы продвинулись по пути к окончательной победе социализма. Великий Ленинский план социалистического строительства уже в значительной степени выполнен. В новое десятилетие мы его выполним полностью. Порукой этому служат истекшие десять лет Октябрьской Революции, полные величайшей борьбы и в то же время величайших побед рабочего класса России, передового отряда пролетариата всего мира.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА

Десять лет отделяют нас от знаменательной даты, когда русские рабочие разорвали сжимавшие их оковы царизма и его кратковременного заместителя, Временного правительства. Десять лет, как власть находится в крепких руках подлинного хозяина жизни — рабочего класса. За это время советская страна достигла огромных успехов, и сегодняшние успехи и достижения уже изглаживают в памяти невероятные муки и трудности, сопровождавшие каждый шаг советской власти в начале революции. И если память начинает изменять и тем, кто сам боролся в это время в первых рядах, то еще меньше знает о прошлом наша подрастающая смена, узнавшая революцию только в последние годы.

А между тем не только наше настоящее, но и наше будущее лежит корнями в прошлом. Тяжелые удары, которые пришлось вынести рабочему классу от многочисленных его врагов, еще до сих пор дают о себе болезненно знать на отдельных участках нашего строительства. Гражданская война и интервенция на фронте и на фронте экономики не могла пройти бесследно. Наши раны зажили быстрее, чем это рисовалось в любом воображении, но они еще зажили не окончательно, и, быть может, пройдет еще не один год, когда они исчезнут бесследно.

Путь революции был тяжелый и трудный. Каждый год, каждый месяц выдвигал новые препятствия, новые барьеры. Лишь только нам удавалось выкарабкаться из одного ухаба, как раскрывался новый, иногда еще более опасный. Железная воля к победе, твердое руководство партии и советов давали рабочему классу силы преодолевать такие трудности, которые история еще не взваливала на плечи ни одному народу в мире. Благодаря изумительной своей способности к быстрому, ударному действию революция умела всегда ликвидировать наиболее угрожающий участок фронта, но само собой понятно, что в это время не могла не ослабевать борьба на других участках. Тогда вставала новая опасность, новая угроза. Надо было все внимание, всю силу удара направлять сюда. И так из года в год, из месяца в месяц героический пролетариат России не знал ни одного дня отдыха, ни одного дня перерыва.

Среди блестящих страниц Октябрьской революции далеко не последнее место занимает та борьба, которая велась рабочим классом на продовольственном фронте. Прозаический фунт хлеба моментами превращался в залог победы всей пролетарской революции. Хлеб был тем топливом, которое надо было ежедневно подбрасывать в локомотив революции. Остановка в снабжении продовольствием грозила неисчислимыми бедствиями и опасностями. История Октября знает не один случай, когда заминка и ухудшение продовольственной работы вызывали необычайные потрясения и с трудом поправимые осложнения. На весах революции хлеб часто лежал той гирей, которая грозила перевесить враждебную чашу.

Царское правительство и февральская революция оставили тяжелое наследие Октябрю. Война и ничем не прикрытое хищничество буржуазии в корне расша-

тали народное хозяйство страны. Мобилизация за мобилизацией отрывали от производительного труда лучшую, наиболее работоспособную часть населения. Сокращалась посевная площадь, в конец был расстроен и разбит транспорт, загруженный свыше всех пределов военными перевозками. Запасы в стране таяли с каждым днем и почти совсем не возобновлялись. На этом фоне военного развала происходила бешеная свистопляска помещиков и фабрикантов, которые в погоне за чудовищными сверхприбылями рвали на куски и без того расшатанное хозяйство страны. Недостаток товаров на рынке и выпущенная правительством лавина бумажных денег непомерно вздували цены и совершенно оторвали город от деревни, потерявшей всякий интерес к реализации своей продукции.

Уже к моменту Октябрьского переворота голод был полным хозяином в стране. Особенно тяжело было положение крупных промышленных центров, с огромным, разросшимся за годы войны населением. Продовольственный кризис крепко держал за горло восставший на своих вековых угнетателей пролетариат.

На плечи советской власти продовольственный вопрос лег тяжелым грузом уже с самых первых дней революции. Но не дремала и взявшаяся за винтовки буржуазия, вместе с верными ее прислужниками эс-эрами и меньшевиками. Контр-революция крупными буквами написала на знамени своей борьбы слово „голод" и всю свою стратегию направила к тому, чтобы измором взять рабочий класс. Весь план гражданской войны белогвардейцев фактически сводился к тому, чтобы отрезать революцию от хлебородных губерний и лишить ее необходимого воздуха. Борьба на военных фронтах была в значительной части борьбой за пути к хлебу. Белогвардейщина спекулировала на голоде и рисовала горы продовольствия перед изголодавшимся населением, которое, однако, сразу убеждалось в том, что оно обмануто и что белые войска взамен обещанных булок отбирают и последнюю корку хлеба. Рядом с этим приходилось вести неустанную борьбу и внутри советской территории с деревенским кулаком, который не хотел дать хлеба ненавистной ему власти трудящихся.

Такова была во много раз осложнившаяся обстановка продовольственной работы советской власти. Дело продовольствия в конечном итоге превратилось в узел почти всей борьбы революции с ее многочисленными врагами. Это отнюдь не была мирная экономическая работа, это был непрерывный фронт, требовавший не только сил и материальных средств, но и много человеческих жертв.

Революция произошла в Петрограде. Отсюда она стихийной волной прокатилась по всей России. Но здесь был штаб Октября, его главный нерв. Малейшее колебание, хотя бы на один день в Петрограде, могло болезненно отразиться на всем успешном ходе революционной борьбы. Поэтому, если вопросы продовольствия имели существеннейшее значение для всей страны, то для Петрограда это значение становилось во много раз большим. Ко всему тому, Петроград был всегда в худших условиях снабжения, чем все другие крупные города. Расположенный вдали от хлебородных губерний, Петроград окружен районами, которые не только сами не имеют излишков, но еще выкачивают продукты из города. Столичное положение Петрограда способствовало одновременно непрерывному росту его населения, достигшего за годы войны свыше двух миллионов человек, не считая огромного гарнизона.

Все это, с одной стороны, делало продовольственную работу в Петрограде исключительно важной, а с другой—крайне осложняло ее, особенно в условиях

[illegible] после Октября положение в Петрограде осложнялось еще тем, что фактически только что [illegible] почти никаким аппаратом. Оставшиеся после февральской революции в аппарате работники были враждебно настроены к советской власти и не только почти ничего не делали, но пользовались всяким случаем, чтобы помешать [illegible] к Петрограду тот или иной вагон хлеба, но пока этот хлеб попадал к рабочему, [illegible] революции.

Одним ударом разогнать засевшее в продовольственном органе осиное гнездо нельзя было—среди рабочих не было еще людей, имевших хоть какой-[illegible] и сломать продовольственно-[illegible] аппарат, сделать его полностью советским.

В первые месяцы не только не было подготовленных людей, но и не хватало ни финансовых, ни технических, ни материальных средств. Буржуазия оставила [illegible] разбитое и разрушенное хозяйство. Петроградский рабочий должен был начать строить все сызнова. Смело взялся за это дело пролетариат. Он взвалил на себя огромную невиданную тяжесть и сделал это без боязни, так как был уверен в своей победе.

На Петроград, бывший огромным, неисчерпаемым резервуаром революционных сил, падала не только задача по самоснабжению. Петроградский пролетариат был в значительной мере зачинателем и организатором всей советской продовольственной работы в стране. Недаром Ленин весной 1919 г. сказал, что ни один город не дал столько сил для продовольственного дела, как Петроград.

За все годы революции не было ни одного момента, когда бы петроградские рабочие пассивно ждали, чтобы к ним пришло улучшение откуда-либо со стороны. Они сами, своими силами, брались за преодоление самых тяжелых трудностей, в самые обостренные моменты. И очень часто опыт Петрограда [illegible] Так было с продовольственно-заготовительными отрядами, так было с классовым, а затем трудовым пайком и с многими другими мероприятиями, ставшими впоследствии основной частью советской продовольственной политики.

В теперешних условиях мирного строительства трудно себе представить, какой огромной тяжестью сопровождалась продовольственная работа в Петрограде. Прибытие каждого вагона с хлебом, размер ежедневного пайка, обед в коммунальной столовой — все это неизменно было в центре внимания петроградского населения, от этого в значительной мере зависело настроение на фабриках и заводах и, в конечном итоге, отношение широких масс к советской власти. Сотни тысяч людей неустанно следили за нашей работой и предъявляли свои требования.

Продовольственная работа каждый день висела на острие. В отличие от всех других областей работы продовольственное дело требовало ежедневных практических результатов. Бывали моменты, когда, будучи вынуждены работать без каких бы то ни было запасов, мы не знали, чем удастся завтра накормить двухмиллионное население города. Но накормить его надо было во что бы то ни стало, и, в той или иной мере, питерский рабочий получал свой ежедневный паек.

Продовольственный аппарат в Петрограде за все годы революции не представлял собой чего-то оторванного от широких рабочих масс. Наоборот, ими он был создан и ими же он непрерывно пополнялся новыми силами.

Массовые отряды за хлебом, огромная огородная кампания, различные учетные и разгрузочные кампании навсегда останутся в памяти, как образцы самодеятельности петроградских рабочих в самые тяжелые годы революции.

В таких условиях наша работа, несмотря на исключительную сложность, была и легка. Мы всегда чувствовали под собой твердую почву пролетарской поддержки. Мы знали, что как бы ни [illegible] трудны были отдельные моменты, у нас есть в запасе неисчерпаемый резервуар активности рабочего класса. За нами стояла руководившая в время работой наша партия, за нами стоял Совет, выразитель воли пролетариата. Это был огромный капитал, которого не имел и не мог иметь ни один орган буржуазного государства.

Окончание гражданской войны и введение нэп'а, ставшие гранью двух периодов, на которые делится история советской хозяйственной работы, повели по новому руслу [illegible] продовольственную деятельность. Мы перешли в условия мирного будничного строительства. Но хотя страницы истории как будто потускнели, надо еще много подлинного героизма, чтобы окончательно завершить постройку социалистического здания в стране советов. И в новой обстановке, как и прежде, активность петроградских рабочих [illegible] била и бьет неослабным ключем.

Только это, только подлинное понимание своих классовых интересов дало силы пролетариату Петрограда пройти тяжелый путь от хлебной осьмушки до [illegible] своих рук рынке огромного города. Наша современная кооперация строится на той же пролетарской закваске, как и прежняя продовольственная работа.

Петроград начал строить кооперацию после нэп'а в условиях почти совершенно разрушенного гражданской войной хозяйства. Каждый кирпич кооперативного здания доставался с огромным трудом. Но мало было собрать кирпичи, надо было их еще скрепить цементом, сделать кооперацию крепкой и устойчивой против бурь хозяйственной непогоды. Своим ежедневным кропотливым [illegible] трудом, оторванным от скромного заработка, петроградский рабочий постепенно превратил в [illegible] сначала и почти [illegible] хозяйственный организм.

Мы до сих пор жалуемся на небольшую активность пайщиков, нам все еще мало. А разве не пайщик, не петроградский рабочий создал сегодняшнее огромное хозяйство нашей кооперации, разве без его активности мы могли бы итти таким не ослабевающим стремительным темпом вперед.

Участок за участком отвоевывала ленинградская кооперация от сидевшего в своих норах частника. Весь город покрыт широкой сетью кооперативных лавок и магазинов. Сюда идет все население Ленинграда, здесь, в кооперации, оно получает все, ему необходимое.

Рост ленинградской кооперации из года в год идет все быстрее. Каждый пройденный год не похож на предыдущий. Рамки кооперативной работы далеко раздвинулись за самые смелые предположения. Кооперация Ленинграда уже не довольствуется старыми доморощенными приемами работы. Она призывает себе на помощь все новейшие [illegible] техники. Она [illegible]

подходит к полному обхвату нужд потребителя, к действительному кооперированию всех трудящихся масс.

И первая половина истекшего десятилетия, прошедшая в бурях гражданской войны, и второе пятилетие мирного хозяйственного развития требовали от ленинградского пролетариата напряжения всех сил, настоящего подлинного героизма. Сейчас успехи революции налицо, теперь уже ни для кого не может быть сомнения, что пролетариат доведет строительство социализма до конца. В новое десятилетие рабочий класс входит уверенной поступью подлинного хозяина жизни. Едва ли смогут повториться на его пути уже пройденные и оставшиеся позади трудности, но, что бы ни было впереди, пролетариат Советского Союза справится с любыми задачами, как бы они тяжелы ни были. Залог этого — десятилетняя история Октября, история непрерывной борьбы с многочисленными опасностями, выраставшими на пути революции.

Мы, прошедшие вместе с ленинградским пролетариатом весь этот тяжелый исторический путь, считаем своим долгом [illegible] яркие этапы.

ДО ОКТЯБРЯ И ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ РЕВОЛЮЦИИ.

Наследство. Февральской революции.

До Октябрьской революции и в первый месяц Октября продовольственное дело в Петрограде было тесно связано с городским самоуправлением. Продовольственный аппарат, правда, некоторое время был самостоятельным, но вскоре снова превратился только в отдел городской управы и так и просуществовал почти до конца 1917 года.

В августе 1917 года в Петрограде были произведены перевыборы городской думы. На выборах в думу большевики дали первый открытый бой. К этому времени влияние большевистской партии в рабочих массах уже значительно укрепилось. Выборы дали треть голосов за список большевиков. Они показали, что революционное настроение в Петрограде неудержимо растет.

Большинство в новой городской думе все же было из эс-эров и кадетов. Командующую роль заняли эс-эры, которые снова выдвинули на пост городского головы своего представителя Шрейдера, но эс-эровско-кадетскому большинству приходилось считаться с сильной фракцией большевиков. Поэтому, когда в сентябре дума решила ликвидировать самостоятельный Центральный продовольственный комитет и образовать свой исполнительный орган „Особое присутствие по продовольствию", в него пришлось включить также представителей большевистской партии. От большевиков в новый продовольственный орган вошли тт. [illegible] и [illegible] (состоявший председателем). Но роль большевиков в продовольственной работе, понятно, не могла быть значительной. Большинство особого присутствия, состоявшее главным образом из эс-эров, ограничивалось тем, что только терпело в своих рядах представителей большевистской партии, но близко к работе их не подпускало.

Во главе особого присутствия стоял князь Аргутинский-Долгоруков. Сиятельный эс-эр был жалкой фигурой, фактическим же хозяином и распорядителем особого присутствия был заместитель председателя—Дедусенко. Дедусенко был одним из лидеров эс-эровской партии и до самого конца оставался вдохновителем и руководителем борьбы и саботажа против советской власти.

Остальные члены особого присутствия, эс-эры и меньшевики, шли рука об руку со своими лидерами.

Когда городская дума брала в свои руки продовольственный аппарат, большевистская партия указывала, что от перемены вывески дело не улучшится. Лечить болезнь нужно было не переименованием организации, а революционными методами—введением твердых цен на все продукты, взятием на учет запасов, правильной системой распределения, организацией рабочего контроля и т. п.

На рабочих собраниях и в печати большевики все время выступали с этим требованием. Борьба с продовольственной разрухой могла вестись только революционными мерами. Неоднократно указывал на это в своих выступлениях и т. Ленин.

Ближайшие же недели показали, что новый аппарат так же не может справиться со своими задачами, как и его предшественник. Объявлялись таксы на продукты, но никто с ними не считался, учет запасов не производился, волна спекуляции с каждым днем росла и захлестывала и самый продовольственный орган.

Особое присутствие шло по линии наименьшего сопротивления и изо дня в день уменьшало нормы выдачи продуктов. Но рядом с этим не велось никакой борьбы с мешечничеством и спекуляцией. Поэтому уменьшение пайков больно ударяло только по рабочим массам, состоятельные же слои населения ни в чем не нуждались.

В снабженческой работе особое присутствие ограничивалось рассылкой по России слезливых воззваний и телеграмм с просьбой об отправке продуктов в Петроград. Но слезы—плохое средство борьбы, в обмен на них никто хлеба не посылал.

За четыре дня до Октябрьского переворота в Петрограде была вновь понижена норма выдачи хлеба до ¼ ф. в день на едока, при чем к хлебу начали примешивать ячмень. Не лучше обстояло дело и с другими продуктами. В особенности остро чувствовался недостаток жиров. Совершенно прекратилась выдача коровьего масла, которое было заменено растительным, и то по пониженной норме. Плохо было и с мясом, а особенно с фуражом. В Октябрьскую революцию Петроград вошел, сжимаемый тесным кольцом голода.

Наши задачи на другой день переворота.

Октябрь сразу же поставил перед захватившим власть пролетариатом массу сложных и трудных вопросов. Среди них далеко не последнее место занимало продовольственное дело. В лозунге „хлеба, мира и свободы" хлеб стоял на первом месте.

Продовольственное дело в отличие от всех других отраслей государственной работы носило такой характер, что малейшее его колебание или неудача сказывались уже на завтра. Голод был одним из революционизирующих массы факторов, но он легко мог превратиться и в свою противоположность. Контр-революционные силы как в первые месяцы революции, так и в последующие годы неоднократно спекулировали на продовольственном кризисе и каждой заминкой в снабжении населения пользовались для попытки свержения советской власти.

Если таково было значение продовольственной работы во всей стране, то для Петрограда оно было во много раз больше. Петроград был сердцем революции, и петроградский продовольственный орган должен был непрерывно

питать его. Приостановка хотя бы на несколько дней снабжения Петрограда могла болезненно отразиться на успешном ходе революции.

Вспомним, что даже накануне Октября одним из доводов колеблющихся была недостаточность в Петрограде хлебных запасов и невозможность обеспечить хлебом восставших рабочих. Ленин в статье „Письма к товарищам", напечатанной за четыре дня до переворота, разбил эти доводы, указав, что только пролетарская революция сможет ликвидировать продовольственную разруху.

Но как приступить к продовольственной работе, как ухватиться за это сложное и ответственнейшее дело?

В области государственного управления навыков ни у кого из нас не было. На [illegible] кое-кого из товарищей, но для продовольственного дела не было хотя бы сколько-нибудь подготовленных работников. Для всех нас продовольственная работа была совершенно новым и неизвестным делом. Предыдущая партийная и общественная работа не могла дать нам никакого хозяйственного и коммерческого опыта, необходимого в продовольственном деле. Не надо забывать также, что снабжение и заготовки связаны с выходом за пределы города в деревню, с которой до того времени большинству из нас совсем не приходилось сталкиваться.

Налицо была также и просто нехватка в работниках. Революционная волна вынесла на своем гребне массу людей, но требования, которые предъявлялись революцией, были огромны. Прежде всего, люди нужны были для того, чтобы со штыком в руках отражать наступление вооруженных отрядов, сперва Керенского, а потом различных генералов.

В связи со всеми этими обстоятельствами советская власть на первых порах проявила особую осторожность в организации продовольственного дела. Перерыв в управлении городским хозяйством, народном просвещении, даже промышленности и финансов, хотя и отражался тяжело на общем положении, однако не грозил немедленной катастрофой. Не то было в области продовольственной работы. Перебои в работе продовольственного аппарата, даже на один-два дня, грозили серьезнейшими опасностями для революции.

Поэтому на первое время нашей задачей было как-нибудь использовать существующий аппарат, сохранить его работоспособность и не позволять ему только лить воду на мельницу контр-революции. Бешеный саботаж, с которым мы очень скоро встретились, показал однако, что положение в продовольственном аппарате было нисколько не лучше, чем в различных министерствах и городской думе, где с приходом советской власти была объявлена поголовная забастовка.

До первых чисел декабря 1917 года никаких изменений в организации продовольственного дела в Петрограде не было произведено. Попрежнему во главе дела стояло подчиненное городской думе особое присутствие. Состав особого присутствия тоже не изменился. Наоборот, внутри аппарата даже несколько уменьшилось влияние большевиков, так как т. Теодорович перешел на работу в Народный комиссариат продовольствия.

В первый же день революции, 25 октября, особое присутствие выкинуло флаг продовольственного нейтралитета. Продовольственный аппарат, по заявлению эс-эровского большинства, должен был стать чем-то вроде Красного Креста. Но очень скоро выяснилась истинная сущность этого нейтралитета.

Продовольственным делом эс-эры из особого присутствия пользовались для того, чтобы вести политическую агитацию против советской власти. В честь ожидавшегося открытия учредительного собрания они объявили повышение нормы выдачи хлеба, так как якобы производящие районы посылали продукты в адрес учредилки. Это был самый бессовестный обман: повышенную норму удалось выдать всего два-три раза. Особое присутствие пользовалось всяким подвохом, чтобы свалить вину за свою плохую работу на Военно-Революционный Комитет и Совет Народных Комиссаров. Сперва в мелочах, а затем уже развернутой кампанией большинство особого присутствия начало открытую борьбу с советской властью.

В этом отношении продовольственный орган шел по стопам городской думы, которая быстро скатилась к роли штаба контр-революции. Гласные шрейдеровской думы занимались непрерывной агитацией против советской власти, слали протест за протестом, устраивали митинги, шествия и т. п. Организованный думой „Комитет спасения родины и революции" встал во главе контр-революционной борьбы.

Создалось нестерпимое положение. В интересах революции было необходимо как можно скорее разогнать засевшее в думе осиное гнездо. 17 ноября Совет Народных Комиссаров опубликовал декрет о роспуске петроградской городской думы и назначении новых выборов. Была организована избирательная комиссия под моим председательством. В состав комиссии входили еще тт. Скрыпник, Зеликсон и др.

В нашу задачу входило не только проведение избирательной компании, но и осуществление, в первую очередь, фактического роспуска старой думы. Для этой цели мы получили вооруженный отряд, который занял все входы в городскую думу и не позволял шрейдеровцам собираться. Наша комиссия фактически встала во главе городского самоуправления и должна была до новых выборов руководить всем городским хозяйством.

Здание думы и управы мы заняли, но здесь встретились с первым проявлением саботажа. Все городские служащие разбежались. Когда мы приступили к работе, у нас не было ни машинистки, ни счетовода, ни кассира, осталось только несколько сторожей и низших служащих, у которых и приходилось „информироваться" о делах думы.

Началась избирательная кампания. Эс-эры, меньшевики и кадеты дружно объединились и всячески старались сорвать выборы. Они рвали бюллетени и старались всякими способами помешать выборам. В конце концов, они объявили о бойкоте выборов и своих списков не выставили.

Выборы в думу происходили 30 ноября и дали решительную победу большевикам. Всего было подано по районам около 400 тысяч голосов, из них 360 тысяч голосов собрал список большевиков. В думу оказались избранными 188 большевиков и 10 левых эс-эров.

Организация советской продовольственной управы.

2 декабря я, как председатель избирательной комиссии, открыл первое заседание вновь избранной городской думы. Городским головой был выбран т. Калинин, председателем думы т. Винокуров. Накануне этого дня, вынужденная обстоятельствами, собралась на свое ликвидационное собрание старая городская дума, которая постановила также ликвидировать и все свои исполнительные органы. В их числе было и особое присутствие по продо-

вольствию. Члены особого присутствия на другой же день разбежались, передав управление продовольственным делом в руки избранной служащими пятерки. Эта пятерка пыталась изображать собой власть, несмотря на то, что в особом присутствии остались и продолжали работать тт. Владимиров и Фалькнер-Смит. Разгоревшаяся борьба привела скоро к ликвидации пятерки и организации нового продовольственного органа — Центральной Управы Продовольственного Совета.

В качестве руководителя продовольственным делом была выдвинута моя кандидатура. Партия считала, что для продовольственной работы может оказаться полезной та связь с рабочими Петрограда, которая создалась у меня за [illegible] революционную работу. [illegible] избран в Государственную думу, а затем в городскую думу. Вся моя прежняя деятельность протекла тут же, в Петрограде, и была непрерывно связана с рабочими петроградских фабрик. Сейчас эта связь могла принести пользу в одной из самых важных и трудных частей советской работы. За продовольственное дело приходилось держать ответ перед населением ежедневно. Почти каждый день приходилось выступать на рабочих собраниях и объяснять причины тех или иных заминок в снабжении.

6 декабря 1917 г. состоялось заседание существовавшего при особом присутствии продовольственного совета, на котором была избрана продовольственная управа под моим председательством. В управу я вошел, как представитель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Все шесть членов управы были большевики.

Без всякого опыта, с чуждым и враждебным аппаратом, мы с середины [illegible] взялись за руководительство одной из самых важных отраслей революционной работы.

САБОТАЖ.

Угрозы продовольственной забастовки.

Положение, которое мы встретили в продовольственном аппарате, было не лучшим, чем в городской думе. Правда, формально продовольственные служащие не объявляли забастовки и все выходили на работу. Но внутри собственного аппарата [illegible] непрерывно [illegible]. Большинство [illegible] продовольственной управы и Комиссаров [illegible] были полны враждебно настроенными к советской власти служащими.

„Временное бюро" служащих (пятерка), управлявшее аппаратом в течение [illegible], официально [illegible] было ликвидировано [illegible] большевистскими [illegible] руководящие посты, меньшевистско-эс-эровская верхушка служащих не думала сложить оружие. Высшие чиновники, заведующие отделами, бухгалтеры и другие ответственные служащие повели непрерывную борьбу в самом аппарате, стремясь взорвать первый советский продовольственный орган изнутри.

В аппарате управы нам не на кого было опереться. Большевиков среди служащих управы было всего пять-шесть человек. Только небольшая группа [illegible], убежденных [illegible] по-настоящему советской власти. Огромная масса средних служащих, обывательски-мещанская по своей сущности, была солидарна с забастовавшим чиновничеством.

Руководящая же верхушка служащих, фактически державшая в своих руках все нити продовольственной работы, состояла из меньшевиков и эс-эров. Для многих из них даже меньшевизм был только прической, скрывавшей под собой самое махровое черносотенство.

Наше появление в продовольственном органе было встречено бешеным воем и протестами. Накануне начала работы новой продовольственной управы собрав-
вников в надвигающемся на Петроград голоде. За несколько дней перед этим подобную же резолюцию вынес съезд продовольственных агентов и уполномоченных, работавших на местах заготовок. Политическая позиция местных представителей и агентов управы, от которых зависела самая важная часть работы—закупка и погрузка продуктов,—была такова, что от них нельзя было ожидать помощи питерским рабочим.

Бешеную атаку повела на нас существовавшая еще тогда меньшевистская и эс-эровская печать. Газета меньшевиков „Новый Луч" писала, что новая управа
Петрограда. При этом газета довольно недвусмысленно намекала на гнев народных
Другие газеты высказывались с большей ясностью и призывали служащих не подчиняться руководству большевиков.

В то же время среди служащих шла усиленная агитация за объявление продовольственной забастовки. Это был момент, когда чиновничья забастовка охва-
продовольственной управе забастовки не было. Чем объясняется, что служащие управы оказались в роли белой вороны? Симпатии и склонности к советской власти у них не было, но были другие причины, которые не дали возможности развернуться продовольственной забастовки в Петрограде.

Служащие управы хорошо понимали, какое исключительное значение имела в то время продовольственная работа. Перерыв в продовольственной работе
Но, прежде всего, эти бедствия обрушились бы на голову самих продоволь-
толпа не постеснялась бы жестоко расправиться с виновниками голода. Страх перед расправой в значительной мере удерживал управских служащих от присоединения к общей чиновничьей забастовке.

Но несравненно большее значение имели те меры, которые проводились нами для сохранения существовавшего аппарата. Среди них были и меры административного воздействия, и подготовка смены на случай возможной забастовки, и, наконец, сыграла роль та осторожность, с которой мы подошли на первых порах к служащим продовольственного аппарата.

Исполком и пленум Петроградского Совета 7 декабря постановили, что забастовавшие продовольственники будут объявлены врагами народа, фамилии забастовавших должны быть опубликованы в плакатах, а сами они лишены хлебных карточек и преданы военно-революционному суду. К этому же времени
Правда, смена состояла из неопытных, неквалифицированных работников (глав-

ным образом, низшие служащие), но все же успех забастовки в таком случае ставился под сомнение. Все это парализовало первую забастовочную волну, возникшую в связи с роспуском городской думы и новыми выборами гласных.

Когда, в середине декабря, мы приступили к работе в Центральной продовольственной управе, наш план заключался в следующем. Мы решили удержать на работе всех тех, кто не принадлежал к самым крайним черносотенцам, подключив в то же время к продовольственному аппарату новые силы из районов, профсоюзов и других рабочих организаций.

На одном из первых же заседаний управы я обратился к служащим с речью, в которой обрисовал исключительную трудность и важность продовольственного дела. Я указал, что затяжка колебаний в саботажной или распределительной работе может гибельно отразиться на положении петроградского населения. Перерыв в работе, хотя бы на один день, скажется уже на завтра. Поэтому я обратился к служащим как центра, так и районов, с призывом вести совместную работу, несмотря на принадлежность к различным партиям.

Мое обращение дало свои результаты. Мало-по-малу среди управских служащих начали отделяться отдельные работники, которые постепенно стали склоняться влево, перешли потом полностью на советскую платформу. Многие из них, в прошлом [illegible] вступили затем в коммунистическую партию.

В обстановке саботажа.

Но, вместе с тем, в другой группе старых служащих мы продолжали сталкиваться с самым неприкрытым саботажем. В практической работе нам ежедневно ставились палки в колеса. Бывали случаи, когда из-за противодействия того или иного зава срывались самые важные отрасли работы.

Вспоминаю один характерный случай. При отделе снабжения управы существовала техническая комиссия. За несколько дней до [illegible] ей было поручено выработать план снабжения на январь 1918 г. и согласовать его с Народным Комиссариатом по продовольствию, которого запрос лежал на моем столе. Председатель этой [illegible] поручение исполнил, но коллегии снабжения за два дня до нового года заявил управе, что выполнить распоряжение они по политическим причинам не могут, так как власти Совета Народных Комиссаров служащие отдела снабжения не признают и с Народным Комиссариатом сноситься не хотят. Оказалось положительно [illegible] управа была вынуждена отказаться от выработки нового плана снабжения и решила повторить на январь декабрьский план. Одна из важнейших частей работы была сорвана.

Не менее активное противодействие встречали мы и в других отделах управы. Особенно резко обострились отношения в тех случаях, когда возникал вопрос о назначении новых работников или об увольнении кого-нибудь из числа зарвавшихся саботажников.

Затруднения внутри аппарата управа встречала не только в своих центральных отделах; с ними приходилось сталкиваться и на отдельных предприятиях. Самостийность, неподчинение центру были [illegible] явлением на продовольственных складах и предприятиях. Комитет служащих на Черниговских [illegible] складах отказался выпускать грузы без своего разрешения. То же самое произошло и на [illegible] при попытке управы завести [illegible]. В виду больших [illegible] на складах были поданы [illegible] на складские

служащие отказывались их допустить к работе. Такие мелкие конфликты встречались на каждом шагу, заставляя нас значительное время своего делового дня тратить на их улаживание.

Внутренняя борьба служащих против большевистской управы достигла своего наибольшего напряжения к моменту созыва учредительного собрания. В день открытия учредилки, 5 января, служащие прекратили работу и отправились на демонстрацию. Это была политическая забастовка, направленная против советской власти. Хотя на продовольственном деле этот перерыв в работе не отразился, все же в некоторых районах был уволен ряд не вышедших на работу служащих. На заседании центральной управы я сделал заявление, что поведение служащих заставляет нас принять решительные меры.

Нужно отметить, что весь подъем саботажничества и все надежды саботажников были приурочены к созыву учредительного собрания. Крах учредилки окончательно их подрезал и на это израсходовались их последние силенки.

С этого момента волна саботажа начала постепенно спадать. Правда, саботаж еще чувствовался в течение всей зимы 1918 г., но из месяца в месяц все слабее. Сыграло роль и то, что мы с каждым днем вовлекали в работу все новых и новых работников из рабочих организаций. Ускорился и процесс отсеивания в рядах старых работников.

Постепенно отмирали и попытки меньшевиков и других антисоветских партий создать свои параллельные продовольственные организации. Попытка меньшевиков созвать свою продовольственную конференцию потерпела полнейший крах. Ликвидировалась также к лету 1918 г. созданная Громаном, в противовес находившемуся в руках большевиков петроградскому продоргану, северная продовольственная управа. К концу зимы продовольственные трудности настолько усилились, что у антисоветских групп пропала всякая охота заниматься продовольственным делом. С этими трудностями могла справиться только пользующаяся доверием рабочих масс советская власть.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОГО ПРОДОРГАНА.

Как наладить работу.

Особое присутствие оставило нам тяжелое наследство. И снабженческая и распределительная работа в Петрограде была полностью расстроена.

Положение продовольственного дела в производящих районах России было такое, что Петрограду было трудно рассчитывать на получение хотя бы незначительной части необходимых продуктов. Мешечники и спекулянты широкой волной захлестнули все хлебородные губернии, взвинчивали цены и мешали всякой регулярной заготовительной работе. Транспортная разруха еще больше усугубляла продовольственный кризис. Вагоны, направлявшиеся в Петроград, месяцами застревали в пути. Адресованные в Петроград продукты перехватывались в дороге организациями других голодающих губерний. Хищения грузов достигли колоссальных размеров.

Положение продовольственной управы еще осложнялось тяжелым финансовым кризисом. Петроград должен был местным губпродкомам больше 25 милл. руб. С мест поступали сведения, что из-за отсутствия денег прекращается погрузка, а заготовленные продукты гниют. Особое присутствие бежало, не передав имевшихся у него денег новой управе; в районах была такая же картина. За взятые

в центре продукты районы не давали. Предпосылались различные меры к путем прекращения отпуска и попытки поставить районы аккуратно рассчитываться с управой. Некоторую финансовую помощь мы получили только от Народного банка и Наркомпрода.

Снабженческо заготовительная работа налаживалась с большим трудом. Наркомпрод, который только что после забастовки служащих начал организовываться, нам еще не мог оказать сколько-нибудь помощи. Бывшая агентура особого присутствия была распущена, особенно контрреволюционная. Таким образом мы могли рассчитывать в первое время только на самих себя.

Для усиления заготовок мы начали посылать на места вновь привлеченных нами работников из районов, преимущественно самых в работоспособном организмом. Вооружение [illegible] вагоны.

Насколько трудно было на первых порах организовать снабжение, видно хотя бы из того, что в последнюю треть декабря в течение целой недели не прибыло ни одного вагона с хлебом. В начале же января положение еще ухудшилось в связи с бывшими в том году сильными снежными заносами.

В нашей практической работе мы осуществляли те требования, которые выдвигала партия большевиков по отношению к продовольственному делу. Эти требования в части распределительной работы сводились к установлению твердых цен на все продукты, строгому учету запасов, привлечению рабочих к контролю и реорганизации и к принятию системы распределительной системы. Постепенно, изо дня в день, мы начали проводить эти меры в жизнь.

Прежде всего мы произвели учет продуктов, находящихся на складах управы и ее районов. Почти с первых же дней мы поставили вопрос о концентрации хлебопекарни, которая [illegible] работе. Учет и твердые цены мало-по-малу охватили почти все виды продуктов. Такса была введена даже на такие продукты, как шоколад и конина. В это время начал чувствоваться в Петрограде картофельный голод. Весь картофель, как частный, так и городской, был взят на учет, и на него тоже была установлена такса.

При принятии [illegible] пришлось столкнуться с рядом препятствий, выдвигаемых отдельными группами населения. Распределительная часть управы положительно стонала от наплыва представителей различных организаций [illegible] выдачи. Часто среди наших посетителей попадались и такие (это были по большей части бывшие офицеры и юнкера), которые угрожали оружием в случае неудовлетворения их просьб. Один из таких посетителей выхватил револьвер и, направив его на меня через письменный стол, потребовал, чтобы я распорядился о выдаче ему продуктов. Находившиеся в это время в моей комнате работники оттащили вооруженного налетчика. Эти налеты заставили нас усилить охрану управы и принять свои меры против возможных нападений. В здании управы, в помещении комендатуры была даже просуществовавшая довольно продолжительное время комната с решетками, куда мы засаживали арестованных нашей охраной.

Работа центральной управы крайне осложнилась хаотическим положением, в котором находились районы. В районных продовольственных организациях [illegible]

В районных управах была полная неразбериха. Дело доходило до того, что в одном из районов местный районный Совет Рабочих Депутатов арестовал председателя продовольственного органа.

Между тем районные продовольственные управы имели очень важное значение, так как они непосредственно соприкасались с массами и через них проводилось все распределение продуктов. Нам пришлось реорганизовать районы на ходу так, чтобы работа не прерывалась ни на один день. Основным недостатком при этом было отсутствие в районах, как и в центре, опытных работников. Большей частью направляемые в районы работники из рабочих организаций, лишь попав в продовольственный орган, узнавали, в чем заключается их работа.

Правильно вести распределительную работу можно было только при условии жестокой борьбы со спекуляцией и мешечничеством. В этом направлении мы повели деятельную работу. Управа установила твердые нормы ввоза в Петроград пассажирами продуктов. Нормы были распубликованы в специальных аншлагах на железнодорожных путях. Кроме того, был усилен надежными людьми продовольственный контроль на железных дорогах. Шла борьба со спекуляцией и хищениями и внутри города. Помню, что в конце декабря на одном [illegible] со всеми хищниками продовольствия. Ленинym выдвигался проект создания специальных революционных продовольственных судов, которые в кратчайший срок принимали бы решения по продовольственным преступлениям.

Первый удар по частной торговле.

Петроград изо дня в день требовал большое количество продовольствия. Каждый день перед нами стоял вопрос, чем мы накормим население огромного города. Приходилось изыскивать всевозможные способы, чтобы как-нибудь удовлетворить, хотя бы и в пониженном размере, потребность питерских рабочих. Между тем подвоз хлеба не усиливался, а моментами даже снижался. Тогда нами был поставлен вопрос о необходимости взять в свои руки все продовольственные запасы, имевшиеся в Петрограде, где бы они не были. В городе еще сохранились огромные склады различных акционерных обществ и крупных частных торговцев. Нужно было все эти склады прощупать, установить имевшиеся там запасы и взять их в общий котел для распределения среди петроградского населения.

Это был решительный революционный шаг. Здесь впервые революция накладывала свою руку на „священную" частную собственность. Решительность этой меры была такова, что возбудила среди ряда наших же товарищей по работе колебания и сомнения. Нас всячески отговаривали, указывая на самые различные причины. Говорили, что поголовная реквизиция продовольственных запасов может вызвать в городе погромную волну, указывали, что после такой реквизиции в Петроград никто не привезет продуктов, наконец, что у нас нет необходимого аппарата, так как районы еще не организованы.

Мы, однако, настаивали на необходимости этой меры. Боязнь погромов, по [illegible] погром был [illegible] погромом, [illegible] без продуктов. [illegible] районных [illegible] ных органов я предложил использовать районные Советы Рабочих Депутатов. Что же касается опасений о прекращении подвоза продуктов частными торговцами, то было бы наивностью вообще ожидать, что частные предприниматели будут доставлять продукты революционному Петрограду. Наше предложение [illegible]

знали эту меру необходимой и постановили осмотр и реквизицию продовольственных запасов произвести.

Для руководства всем делом при управе была организована специальная десятка—„совет десяти"—под моим председательством. Членами десятки были назначены Петроградским Советом тт. Комаров, Стриевский, Трубачев, Вас. Попов и др. Десятка начала подготовительную работу, прежде всего мобилизовав весь аппарат управы, начиная с работников центра и районов и кончая всеми наличными транспортными средствами. Однако для такого большого дела одних сил управы было, конечно, недостаточно. По фабрикам, заводам и рабочим организациям была проведена специальная мобилизация, давшая до двух тысяч верных и деятельных работников. В результате на работу был направлен весь тот питерский актив, который в это время проводил все массовые кампании.

Вся подготовка велась в тайне для того, чтобы владельцы продовольственных запасов не успели скрыть и попрятать имевшиеся у них продукты. Когда план действия был выработан и все необходимые инструкции были составлены, в последний момент, накануне начала учета, в Смольном было созвано собрание мобилизованных товарищей, на котором я сделал инструктивный доклад о задачах обследования и способах его проведения. Таким образом появление учетных отрядов рабочих на петроградских складах было для владельцев последних полной неожиданностью.

В течение нескольких дней все находящиеся в городе склады были осмотрены и взяты на учет. Наши расчеты оказались правильными: на складах были обнаружены огромные запасы продовольствия. Продовольствия было, но были другие ценные продукты — рыба, мясо, жиры и т. д. Одной рыбы было найдено свыше трех миллионов пудов. Обнаружены были также большие запасы топлива и других товаров.

Работа „совета десяти" внесла полную растерянность в среду частных торговцев и спекулянтов. Правда, мелкие розничные магазины мы не трогали, но предприятия крупной буржуазии поняли, что революция с ними не будет. К нам забегали уполномоченные и представители всяких акционерных обществ, прося хоть бы частичной оплаты реквизированных продуктов. Но платить им мы, понятно, не собирались.

Реквизированные „советом десяти" продукты составили солидный фонд, который несколько облегчил продовольственный кризис, но этим не исчерпывалось значение проведенной нами работы. Гораздо важнее было то, что это было первое привлечение широких масс петроградских рабочих к продовольственной работе. Мы пробудили активность масс, показали им, что улучшение продовольственного положения во многом зависит от них самих. Проведенное в Смольном собрание участников учета и реквизиции стало прообразом будущих общегородских продовольственно-кооперативных конференций. Работа „совета десяти" развернула и двинула новый слой рабочих из самой гущи петроградского пролетариата.

Следующая массовая кампания была проведена в конце февраля 1918 г., когда продовольственное положение вновь обострилось, в связи с движением на Петроград немецких войск. Петроград перешел на осадное положение. Необходимо было взять на учет каждый фунт хлеба, чтобы снабдить уходящие на фронт части и в то же время продолжать регулярно снабжать население. Сколько тогда уже все обследования, конфискационные наступления на спекулянтов

ными путями вокруг города. Организовалась чрезвычайная тройка по ревизии железнодорожного узла. Опять было мобилизовано несколько сот питерских рабочих, в большинстве уже получивших опыт во время январского учета складов. В течение нескольких дней были обследованы линии железных дорог, радиусом приблизительно до 50 верст. В различных железнодорожных тупичках, в скрытых и забытых пакгаузах были обнаружены новые запасы продуктов, которые были реквизированы для распределения среди голодающего питерского населения.

После этих двух массовых кампаний к продовольственному аппарату начали значительно быстрее подтягиваться новые силы. И, хотя с каждом днем вырастали все новые и новые трудности, преодолевать их стало нам значительно легче. Мы обильно водили [illegible] работы.

БОРЬБА ЗА ХЛЕБ.

К концу зимы 1918 года и без того трудное продовольственное положение Петрограда стало ухудшаться с каждым днем. Контр-революционные силы, вы[illegible] на юге России в хлебородных губерниях. В планы белогвардейцев входило бороться с революцией голодом и, в первую очередь, отрезать революционный Петроград от хлебных районов. [illegible] перестало удивлять только ленивый. Программу [illegible] белогвардейцы старались проводить в жизнь.

На Украине хозяйничало свое буржуазное правительство—рада, решившая не посылать ни одного вагона хлеба большевистскому северу. На Кубани шла непрерывная война с белыми генералами. В Поволжьи появился генерал Дутов со своими бандами.

Подвоз хлеба в Петроград с каждой неделей падал, запасы на складах таяли. В марте продовольственная управа получила свыше 800 вагонов хлеба, а за первые три недели апреля в Петроград прибыло всего 280 вагонов. Этого количества, даже при существовавшей тогда голодной норме в одну восьмую фунта в день, могло хватить для двухмиллионного города всего на 6—7 дней.

Поездка в Сибирь. При таком положении все взоры и надежды естественно направлялись на Сибирь, единственный хлебный район, где гражданской войны еще не было. В Сибири были огромные запасы продовольствия. По тогдашним подсчетам остатки хлеба в Сибири с урожая 1917 г. достигали свыше 600 миллионов пуд. За кампанию 1917—18 г. оттуда было вывезено не более 25 миллионов пуд., и такое же количество было использовано на варку самогона. Богата была Сибирь и другими продуктами, главным образом жирами и маслом, о которых петроградский рабочий почти уже перестала думать.

Достать хлеб из Сибири и снабдить им голодающие районы и прежде всего Петроград было нелегкой задачей. Чтобы получить сибирский хлеб, питерским работникам необходимо было поехать непосредственно на место и самим взяться за заготовку хлеба.

В последних числах апреля я выехал для организации хлебных заготовок в Омск. Моей задачей было во что бы то ни стало двинуть хлеб в Петроград и, по возможности, [illegible]

Первые же впечатления по приезде в Омск подтвердили имевшиеся у нас сведения об огромных запасах продовольствия в Сибири. У самого сибирского краевого совета было больше десяти миллионов пудов хлеба, который он мог послать в Россию. У крестьян имелся хлеб, оставшийся от урожаев за пять лет назад. Необмолоченный хлеб лежал по деревням в огромных скирдах по несколько тысяч пудов в каждой. Но достать этот хлеб было не так легко. В Сибири почти совсем не было промышленных товаров, мануфактуры, машин, железа и т. п., а крестьяне соглашались давать хлеб лишь при условии товарообмена. Не было товаров и у нас. Нам приходилось итти другими путями и рассчитывать только на энергию и активность отдельных работников. Между тем в Сибири почти совершенно не было людей. В Омске была небольшая группа руководящих работников, среди них деятельно помогавшие нам председатель Омского совета т. В. М. Косарев, т. Дронин, Монастырский, Фрумкин, на места же послать было некого. Понаехавшие в Омск делегаты голодающих губерний в своем большинстве занимались не продовольственной работой, а политикой, а многие из них и спекуляцией. Старые работники местных продовольственных организаций саботировали.

Немедленно по приезде в Омск мы поставили во всех организациях вопрос о помощи Петрограду. На собравшейся партийной конференции было решено всеми силами поддержать революционный Петроград, начать усиленную работу по отправке петроградским рабочим хлеба и других продуктов. Конференция [illegible] в Сибирь для продовольственной работы до 1000 питерских товарищей.

В связи с решениями конференции, нами был намечен план работы, и мы разъехались по местам для заготовки хлеба. Уже через несколько дней нам удалось послать в Петроград первый маршрут с хлебом; вслед за ним было отправлено еще несколько маршрутов. От Петроградского Совета я получал непрерывные просьбы усилить отправку хлеба в виду почти полного прекращения подвоза из других районов. Председатель Совета т. Зиновьев телеграфировал мне, что наша работа имеет огромное значение для Петрограда, что в настоящий момент единственная надежда на посылаемый из Сибири хлеб. В ответ на просьбу партийного съезда о присылке работников, Петроградский Совет сразу выделил несколько сот человек, которые в спешном порядке были отправлены для работы в Сибирь. Однако только небольшой группе этих товарищей удалось доехать до Омска, бо́льшая же часть не могла добраться до места, так как к тому времени чехо-словаки уже отрезали Сибирь от России.

Чехо-словаки, пленные империалистической войны, возвращались эшелонами на родину по Сибирской магистрали через Владивосток. По дороге в западной Сибири отряды чехо-словаков восстали и повернули свой фронт против советской России. Это было первое организованное империалистами выступление против Советов.

Первая стычка чехо-словаков с рабочими одной из станций по линии Омск — Челябинск произошла 22 мая, а уже к 25 мая был захвачен Челябинск, и все движение, кроме Иртыша и линии Омск—Тюмень—Екатеринбург, было прервано. Чехо-словаки прежде всего занимали железнодорожный путь, отрезая таким образом Сибирь от России и не давая возможности отправлять продовольствие в Советскую республику.

Чтобы как-нибудь доставить хлеб в Россию, мы решили выехать по реке Иртышу и направить хлеб по реке вниз до Тюмени, а оттуда также частью реками, а частью по железной дороге. Но к этому времени в Сибири уже начались белогвардейские восстания, и этот план не удалось осуществить.

Восстание захватило меня в Семипалатинске, который сразу же оказался отрезанным. Телеграфное и железнодорожное сообщение прекратилось. Не имея сведений, как широко распространилось восстание, я все же решил пробиваться к Омску. По дороге я вместе с ехавшим со мной одним из питерских работников неоднократно натыкались на белых, но более или менее благополучно ускользали из их рук. В одном из местечек под Славгородом нас однако арестовали и засадили в тюрьму. В течение дня нас несколько раз выводили из тюрьмы с тем, чтобы расправиться. Однако наши угрозы, что за каждую нашу голову белогвардейцы жестоко поплатятся, очевидно, подействовали. Ночью нас выпустили из тюрьмы, но взяли под надзор. Не дожидаясь утра, когда настроение белых могло снова перемениться, мы решили бежать.

В бегстве помог нам какой-то демобилизованный солдат, который еще раньше отговаривал наших тюремщиков от расправы с нами. Этот солдат, услышав мою фамилию и зная ее в прошлом, все время говорил, что нельзя держать в тюрьме и расправляться с таким человеком, который еще в Государственной думе восстал против войны и пострадал за это от царского правительства.

Двигаясь постепенно к Омску, мы снова попали в какое-то занятое белыми селение. Не желая подвергаться новым арестам, мы свернули с пути и решили поехать в сторону. Но вышло, что мы попали из огня да в полымя. Весь район оказался в руках восставших казаков, которые жестоко расправлялись с большевиками. В Красноярске мы случайно остановились на ночлег у самого казацкого атамана, только накануне расстрелявшего 11 человек. Предупрежденные работниками, мы ночью покинули опасное логовище.

Немного дальше нас приютил крестьянин-переселенец, как все переселенцы сочувствовавший советской власти и живший во вражде с казаками. Переселенец предупредил нас, что у казаков появились подозрения, и они решили нас арестовать. В своей сломанной лодке в бурную погоду он, крадучись, перевез нас через Иртыш и, высадив среди болота, указал путь и имена крестьян в следующих деревнях, которые могли бы оказать нам помощь. Несколько верст шли мы по топкому болоту, пока не добрались до соседней деревни, где нашли приют по указанному адресу; оттуда двинулись дальше. Так, переходя из одной деревни в другую, мы снова вышли на дорогу, ведущую к Омску.

Мы направились к Омску, не зная, что Омск также находится в руках у белых. Только недалеко от города мы узнали, что уже весь район занят белыми. Почти около самого Омска на линии железной дороги я снова попал под надзор белых. Пришлось тогда итти прямо навстречу опасности; я дошел до ближайшей станции и уже поездом приехал в Омск.

В Омске я направился разыскивать живущего там агента продовольственной управы, который, как меньшевик, остался после переворота жить в городе легально. Следом за мной все время шли несколько человек из охраны белогвардейцев. Так под надзором я ходил из одного места в другое, пока не нашел нашего агента в городском саду. При виде меня он испугался, как бы я не сказал чего-нибудь лишнего и не подвел бы его. Оказалось, что один из сле-

довавших за мной охранников накануне производил у него обыск и знал, что тот, как благонадежный, оставлен на свободе. Поэтому надзор за мной прекратился, и я получил возможность переночевать в Омске.

Рано утром меня снабдили документами и подвезли прямо к отходу поезда на вокзал. Залег я на верхнюю полку, стараясь как можно меньше быть замеченным. Гляжу, на противоположной полке лежит какой-то человек поведение которого удивительно похоже на мое. Мы разговорились. Оказывается, это тоже один из наших товарищей, пробирающийся из Сибири в Советскую Россию.

Мы добрались с трудом до Челябинска, который находился во фронтовой полосе. Дальше ехать оказалось невозможным, так как здесь мы уперлись в [illegible]. Таким образом мы оказались в ловушке. Челябинский вокзал и окружающие районы были запружены толпами людей, среди которых была масса советских работников, стремящихся перебраться через рубеж фронта. К вечеру мы получили сведения, что ночью предполагаются облава и аресты. Необходимо было бежать, не откладывая ни минуты. Я с моим случайным спутником вскочили на полном ходу на подножку отъезжающего поезда и без всяких разрешений и билетов отправились по железнодорожной линии обратно от Челябинска. На одной из промежуточных станций мы пересели на лошадей и поехали кружным путем четыреста верст до Ишима, находившегося в руках советских войск. В Ишиме нас встретили патрули Красной армии, снабдили документами, и я отправился в Петроград.

В Петроград я приехал в первых числах августа. К этому времени голод [illegible] прямо на улицах падали лошади, были случаи голодной смерти. Оторванность Петрограда от хлебных районов дала себя знать. У петроградского продовольственного [illegible] в первое время некоторое облегчение Петрограду, но чехо-словацкое восстание [illegible] в самом разгаре. Теперь уже не было возможности и на Сибирь.

Классовый паек.

Продовольственный кризис в Петрограде становился все более напряженным. В продовольственном органе тогда еще [illegible] Одним из первых распоряжений [illegible] наиболее правильной и целесообразной работой была посылка на места для заготовок отрядов питерских рабочих. Никакие телеграммы, резолюции, распоряжения не давали результатов, если они не сопровождались посылкой живых сил на места заготовки. Между [illegible] в Петрокомпрод, в своей заготовительной работе, главным образом рассчитывал [illegible] же была такова, что эти наряды выполнялись в незначительном проценте, так как [illegible] очень слабы, да часто к тому же были заражены сепаратизмом, стремлением соблюдать интересы только своей колокольни.

Слабый подвоз хлеба и других продуктов из заготовительных районов ставил перед продовольственным аппаратом задачу максимально использовать все имеющиеся у него под рукой ресурсы. Для снабжения петроградского населения были взяты старые запасы военных организаций, заготовленные еще в разгар войны и рассчитанные на долгое хранение. В распределительных пунктах

появились знаменитые сухие коренья, которые значительное время составляли основное блюдо петроградского населения. Питательность их была очень невысока. Были использованы также и другие запасы военных складов - консервы, сухая рыба и т. п.

В распределительной работе Петрокомпрод перешел тогда впервые на систему классового пайка. Были введены четыре категории продовольственных карточек, при чем первая, самая высшая, выдавалась рабочим, а последняя тем остаткам буржуазии, которая еще не бежала в лагери различных генералов.

Установление классового пайка вызвано было необходимостью ввести такую систему распределения, при которой [illegible] был бы обеспечен продовольствием рабочий физического труда. У советского государства не было никакого основания последние крохи хлеба отдавать саботирующей и ведущей контр-революционную борьбу буржуазии.

Классовый паек вызвал жестокое озлобление во всех антисоветских группировках. Даже внутри самого продовольственного аппарата классовый паек встретил активное противодействие со стороны оставшихся еще на работе старых продовольственников. Они вновь сделали попытку сорвать работу совет[illegible] [illegible]. По постановлению [illegible] были уволены. Все остальные были предупреждены, что с ними церемониться тоже не будут. Классовый паек, единодушно приветствуемый рабочими Петрограда, был введен.

Но от введения новой системы распределения количество хлеба, прибывающего в Петроград, не увеличилось. Это было только справедливой системой распределения, но отнюдь не мерой улучшения заготовок и снабжения.

Учет урожая. Возвращаясь из Сибири, я остановился по пути в Пермской и Уфимской губерниях для ознакомления с возможностями получить оттуда хлеб для Петрограда. На небольшом пароходе вместе с представителями местных продорганов я проехал по Каме, останавливаясь в отдельных деревнях и селениях. Хлеба в этом районе было еще достаточно. У местных кулаков были многолетние запасы хлеба, который необмолоченный лежал в скирдах. Для меня было совершенно ясно, что получить этот хлеб для голодающего Петрограда можно было только при одном условии: надо было направить сюда группы петроградских рабочих, которые могли бы, привлекая на свою сторону беднейших крестьян, обмолотить хлеб, его ссыпать и самим отправить в Петроград. Об этой работе я договорился с руководителями продовольственных организаций Перми, которая тогда была областным центром, объединявшим Пермскую, Уфимскую и Вятскую губернии (тогда там работал т. Войков, погибший в этом году в Варшаве от руки наемного убийцы).

На заседании Петроградского Совета 28 августа я сделал доклад о своей поездке в Сибирь. Я указал, что главная причина недостатка хлеба заключается в том, что мы во-время не взяли его на учет. Не только в Сибири, но и в Уфимской и Вятской губерниях имеются огромные запасы хлеба, приблизительно по 6 миллионов в каждой. Наша задача—как можно скорее учесть этот хлеб; но для того, чтобы сделать это вернее, нужно хлеб тут же обмолотить. Крестьянство с обмолотом не торопится, поэтому обмолот должен быть произведен посланными на место отрядами рабочих. После обмолота излишки можно отобрать уже

значительно легче. В этом должна заключаться ближайшая задача нашей продовольственной работы.

После моего доклада и выступления т. Зиновьева Совет решил приступить к организации отрядов, но в первую очередь решено было послать отряды в губернии нашей Северной области.

В этих губерниях мы, правда, не рассчитывали взять сколько-нибудь больших запасов хлебных продуктов, но хотели провести работу, могущую разгрузить петроградские советские органы от огромного наплыва представителей голодающих районов нашей области, требовавших, чтобы Петроград выделил им часть своих скудных запасов.

Наша задача в северных губерниях, таким образом, заключалась не в заготовке продуктов, а, главным образом, в учете продовольственных запасов области и их правильном перераспределении. Поэтому посланные из Петрограда отряды рабочих получили название „учетников". Петроградский Совет постановил мобилизовать на работу по учету до 2.000 человек. Посылались не просто желающие, а наиболее стойкие, энергичные работники, выделенные для этого партийными и профессиональными организациями и районными Советами рабочих и крестьянских депутатов. Строгий отбор был необходим, потому что посланные в область представители петроградского пролетариата должны были не только вести учетную работу, но и проводить организацию бедняцкого крестьянства.

Поставленный Петроградским Советом во главе работы по учету, я прежде всего занялся подготовкой и инструктированием отправляющихся отрядов. Нами была разработана точная инструкция, предусматривающая все подробности работы. Учетники должны были в каждой волости и деревне установить количество взрослого населения и детей, количество голов скота и выявить потребность их в хлебе и кормах по установленным нормам. В случаях же обнаружения у кого-либо излишков сверх нормы, эти излишки отбирались и передавались неимущим. В каждой волости один из наиболее крепких товарищей выделялся в качестве руководителя, остальные работали по его указанию. К учету привлекались местные продовольственники и работники других местных организаций, которые с радостью встретили наши отряды, помогавшие им во всех областях их работы.

Ежедневно в течение полуторы недель, когда шла подготовка к отъезду, я собирал учетников в помещении Комиссариата снабжения Северной области и инструктировал их по заранее разработанному плану. Мы производили примерные записи в учетные бланки и обсуждали различные случаи, которые могли встретиться при учете. Наконец, в первых числах сентября (7-го или 8-го) отправился первый отряд. До половины сентября выехали остальные отряды. Учет охватил Новгородскую, Витебскую, Псковскую, Череповецкую, Петроградскую, Олонецкую, Вологодскую, Архангельскую и Северо-Двинскую губернии. Но не везде работа могла быть проведена полностью — часть Архангельской губернии была занята англичанами, а часть Псковской немцами. Поэтому группа работников из Архангельской губ. была переброшена в Новгородскую и советскую часть Псковской губ.

Работа учетников сразу же вышла за пределы учета и распределения запасов. Учетник был первым человеком, который принес в глухую северную деревню правду о советской власти. До того времени деревня питалась, главным образом, слухами. Отряды петроградских рабочих сыграли крупную роль в куль-

турном подъеме деревни, в ее революционном сдвиге. Крестьяне обращались к учетникам по самым разнообразным вопросам - учетник был универсальным представителем революционной власти. Состоявшийся в конце 1918 года в Петрограде съезд крестьянской бедноты Северной области, в котором участвовало свыше 20.000 человек, своим успехом был во многом обязан работе наших учетников.

Главная часть работы по учету была закончена в Северной области приблизительно к концу октября. К ноябрю почти все отряды вернулись. Произведенное на местах перераспределение хлебных излишков сразу дало себя знать: исчезли многочисленные делегации, толпившиеся ранее в петроградских организациях с просьбами о продовольственной помощи.

Первый отряд за хлебом.

В это время Петроград переживал один из самых тяжелых моментов продовольственного кризиса. В городе почти совсем не было хлеба, катастрофически падали и размеры ежедневного прибытия. Необходимо было принять исключительные меры к усилению снабжения Петрограда. Для этой цели в первую очередь решено было послать отряд за хлебом в производящие районы республики. Начал формироваться отряд, который должен был работать в Пермской, Вятской и Уфимской губерниях. В отряд вошло свыше трехсот человек, частью бывшие учетники, а частью вновь мобилизованные рабочие с предприятий.

К середине ноября я кончил формирование отрядов, и мы погрузились в специальный маршрутный поезд, рассчитывая добраться до Перми, откуда затем разбиться на работу по отдельным районам. Но к этому времени Пермь оказалась занятой Колчаком. Пермские работники вместе со своими областными организациями перебрались в Вятку, куда и направился наш отряд. Приезд отряда вызвал большой энтузиазм в местных советских органах. Хотя они и находились в хлебном окружении, но вследствие слабости и недостатка работников зачастую сами сидели без хлеба. Я указал вятским продовольственникам, что работа нашего отряда не только пополнит пустой котел государства и снабдит хлебом революционный Питер, но и даст возможность покрыть потребность местного городского населения в хлебе. Вятские газеты встретили нас радостными статьями, они писали, что теперь, когда приехали петроградские рабочие, будет обеспечена хлебом сама Вятка.

Однако, уже очень скоро, у меня с вятскими продорганами начались трения. Им показалось, что широкий план работы, с которым мы приехали, как-то нарушает их самостоятельность. Вятичи хотели даже перенести спор в Москву. Все же нам сравнительно быстро удалось договориться, и мы получили возможность приступить к работе. В течение нескольких дней пребывания отряда в Вятке я знакомил членов отряда с предстоящей работой и вырабатывал необходимые инструкции. Я указывал отряду, что нам предстоит работа, не похожая на ту, что была проведена в Северной области. Там наша задача заключалась только в учете хлебных запасов и перераспределении их среди местного населения, здесь же мы должны были взять хлеб для отправки и отправить его в голодающие районы, главным образом, в Петроград. Для этого в первую очередь надо было произвести обмолот скирд, в которых по деревням лежали десятки тысяч пудов хлеба. Пока хлеб не был обмолочен, кулак всячески оттоваривался и отказывался его сдавать, после же обмолота отказываться от сдачи хлеба было бы уже значительно труднее. Для обмолота привлекли бедняцкие

группы крестьянства, которые получили из реквизированного хлеба часть для себя. В этом духе мною были составлены инструкции отряду, предусматривающие все детали работы.

В Петрограде, когда составлялся отряд, я внимательно знакомился с каждым будущим членом отряда. Мы произвели самый тщательный подбор, так как на отряд падала очень ответственная работа и не только по снабжению Петрограда, но и по организации крестьянства на местах. Весь отряд вполне сознавал важность поставленной перед ним задачи и ответственность, которую он несет перед пославшим его пролетарским Петроградом. Само собой в отряде установилась крепкая товарищеская дисциплина.

Я разделил отряд на несколько групп, которые послал в различные уезды Вятской и Уфимской губерний. Отряды расселились по волостям и приступили к сбору хлеба. На некоторые отдельные волости падало по 100—150 тыс. пудов. Продовольственный аппарат на местах с таким хлебом и с таким темпом работы в таких размерах не вел.

Как и в Северной области, на плечи приехавших петроградцев пала почти вся работа по организации на местах советской власти и революционной пропаганде. Близость к фронту делала эту работу особенно трудной. Колчаковские шпионы и агитаторы распускали про советскую власть самые невероятные слухи, с которыми нам приходилось усиленно бороться. Каждый член отряда, ежедневно выступал на каких-либо собраниях крестьян. Петроградские рабочие, только что ушедшие от станка, превратились в заправских ораторов, ими читались доклады на самые различные темы. Отряду часто приходилось работать почти под самым обстрелом белой армии. Из-под носа у Колчака мы увозили заготовленный хлеб и грузили в вагоны. Собранный отрядом хлеб направлялся не только в Петроград, но и в Москву по заданиям Наркомпрода.

Ссыпка и заготовка хлеба в Вятской губернии дала очень хорошие результаты. Всего отрядом в Петроград было отправлено 8 миллионов пудов хлеба, из которых значительная часть была послана в Петроград. Работники отряда не только обмолачивали и ссыпали хлеб, но и сами его погружали в вагоны, а в случае необходимости с винтовками за плечами сопровождали вагоны до Петрограда. Это была необходимая мера, так как отправка вагонов и захищения грузов были тогда обычным явлением.

Насколько успешна была работа в Вятской губернии, видно хотя бы из того, что для погрузки заготовленного хлеба на железной дороге не хватало вагонов. Руководители отряда обращались в Петроград самыми энергичными телеграммами с требованием и предоставлением подвижного состава. Упорная петроградская работа посылала телеграммы прямо к Ленину в Кремль, прося его содействия в получении вагонов.

Каждый вагон хлеба, отправленный отрядом в Петроград, играл огромную роль в снабжении голодного города. Уже первое сообщение из Вятки об отправке в ударном порядке 90 вагонов хлеба создало перелом в настроении города, который сидел в это время совершенно без хлеба. За этой партией хлеба последовали новые. Маршрут за маршрутом посылал отряд в Петроград, и эти маршруты были тогда единственным источником снабжения петроградских рабочих.

Начало работы Вятского отряда совпало во времени с жесточайшим продовольственным кризисом, который переживал Петроград. Последние недели 1918 г. были самым тяжелым периодом для Петрограда за все годы революции. В декабре

в Петрограде иссякли последние запасы хлеба и других продуктов, и в то же время чрезвычайно тяжелые условия транспорта, обостренные еще сезонными снежными заносами, совершенно приостановили подвоз продовольствия.

Доля снабжения по нарядам Наркомпрода упала до минимума; те же меры, которые предпринимала коллегия Петрокомпрода, не давали сколько-нибудь ощутительных результатов. Все это отразилось на продовольственном аппарате, потерявшим свою ударность и впавшим в состояние паралича. Положение требовало исключительного напряжения, героических ударных мер, а между тем аппарат переживал состояние безнадежности и неуверенности в завтрашнем дне.

Кризис достиг своих высших пределов. В городе прекратилась выдача хлеба, и взамен него из продовольственных лавок по хлебным карточкам выдавался овес. У работников продоргана не было уверенности, что в ближайшие дни можно будет снова наладить регулярное снабжение хлебом. Момент был исключительный по своей трудности.

В Вятке я получил несколько телеграмм с сообщениями о тяжелом кризисе, который наступил в Петрограде. Совет Комиссаров петроградской Трудовой Коммуны, назначивший меня комиссаром продовольствия Петрограда и Северной области, телеграфно предложил мне немедленно приехать в Петроград.

В день моего приезда, почти прямо с вокзала, мне пришлось делать доклад на заседании Петроградского Совета о продовольственном положении. В своем докладе я выразил твердую уверенность, что кризис будет преодолен в ближайшие же дни. Большую помощь окажут Петрограду наши продовольственные отряды, которые работают в районах, имеющих значительные запасы хлеба. В Петрограде в это время было такое настроение, что не только в широких массах населения, но и в кругах самих продовольственников появилось сомнение, да есть ли вообще в стране какие-либо продовольственные ресурсы. Мое сообщение о сотнях тысяч и миллионах пудов хлеба, который лежит в скирдах в приуральских губерниях, подняло настроение петроградского пролетариата, показало, что возможности для улучшения продовольственного положения имеются, но нужно только уметь их использовать.

В конце декабря 1918 г. состоялось в Москве всероссийское продовольственное совещание, на котором я участвовал. На совещании намечался ряд мер по продовольственной работе. В связи с создавшимся кризисом я обратился за помощью в Наркомпрод и к т. Ленину, после чего вскоре такая помощь Петрограду была оказана. Было решено дать Петрограду продовольствие вне очереди. Во все концы советской России были разосланы телеграммы за подписью т. Ленина с предложением усилить отправку продуктов в Петроград.

Одновременно мы начали усиливать работу и нашего продовольственного аппарата. Петроград начал формировать новые отряды, ремонтировал и организовывал маршрутные поезда, словом—в ударном порядке принимал все меры, чтобы как можно скорее ликвидировать только что пережитый тягчайший продовольственный кризис. Работа начала выравниваться и скоро снова получила необходимый для этого времени характер ударности.

Продагит.

Успешная работа вятского отряда на практике убедила в полезности и целесообразности посылки отрядов петроградских рабочих за хлебом. Правда, Петроград и раньше направлял небольшие отряды своих работников в распоряжение Наркомпрода для продовольственной работы, но они по прибытии на места обычно рассыпались, и участники таких

отрядов целиком погружались в местную работу, теряя связь с пославшим их [illegible] компактное целое. Хотя он выполнял общую работу по сбору хлеба в районе, но, находясь в постоянной связи с Петроградом, [illegible] хлеб сюда и сыграл большую роль в преодолении жесточайшего кризиса зимой 1919 года. В то же время вятский отряд дал нам известный опыт и показал, какими приемами лучше всего вести хлебные заготовки.

С весны 1919 г. дело посылки отрядов из Петрограда в хлебородные губернии приняло широкие размеры. В это время отряды получили и свое название — [illegible] ние показывает, в чем заключалась сущность работы отрядов. Это отнюдь не были просто группы вооруженных людей, которые силой отбирали хлеб от не желавшей сдавать его государству деревни. Понятно, продагиты, как революционные организации, не отказывались вовсе от применения силы к упорствующим кулакам, но по отношению ко всей остальной массе крестьянства они применяли другие методы. Агитацией как словом, так и делом, продагитчики вызывали перелом в отношении деревни к советской власти и побуждали ее к добро[illegible] в районах, только что отбитых у белогвардейцев, в которых царствовали самые нелепые слухи о советской власти. Продагитчик был верным другом крестьянских бедняков, помогал им сорганизоваться против кулака-эксплуататора, словом—впервые на деле осуществляли смычку революционного города с деревней.

Для Петрограда агитационная работа продагитчиков имела еще то значение, что они на месте рассказывали об исключительно тяжелых бедствиях, выпавших на долю петроградскому пролетариату. Сытый голодного не разумеет, и что бы ни писали в воззваниях и газетах, населению хлебородных губерний плохо верилось в сообщения о мучительном голоде, который господствовал в Петрограде. А тут приезжали из этого далекого города живые люди. Уже по одним их лицам было видно, как тяжело живется петроградскому рабочему, а затем следовали подробные рассказы об отсутствии хлеба на севере. Крестьянин после внимательных расспросов убеждался в необходимости притти на помощь Петрограду. У нас было много случаев, когда деревни в районах работы продагита, сверх выполнения на сто процентов разверстки, сами, по своей инициативе собирали и посылали хлеб и другие продукты в Петроград.

В конце апреля 1919 г. вернулся в Петроград вятский отряд, прекративший [illegible] выехали два новых продагит-отряда: на Украину и на Дон. Эти районы тогда только что освободились частично от белых войск, но в них еще было совер[illegible] низована, во всех углах бродили различные атаманы, то нападавшие на какие-либо населенные пункты, то снова пропадавшие в степях и лесах.

На Украину и Дон в мае и июне 1919 г. выехало около 500 продагитчиков. Среди них была часть только что вернувшихся из Вятской губернии, а часть были вновь мобилизованные по фабрикам и заводам. Но оказалось, что ни на Украине, ни на Дону работу отрядов развернуть нельзя. На Дону как раз началось сильное наступление деникинской армии, фронт начал притягиваться сюда ближе, и, естественно, создалась обстановка, при которой всякая работа по извлечению излишков хлеба была невозможна. Ничего нельзя было сделать и на

Украине, которая кипела, как в котле, от непрерывных налетов самых разнообразных банд. Кой-какую работу наши отряды на Украине все же сделали, но не для Петрограда, а для снабжения местных красноармейских частей; говорить же о какой-нибудь планомерной заготовке хлеба не приходилось.

В виду осложнившейся таким образом обстановки мы решили перебросить донской и украинский отряды в другие хлебородные районы. Продагитчики с Дона были переправлены в Уфимскую губернию, а украинский отряд был переведен для работы в Самарскую губ. Сюда были посланы дополнительно затем и несколько других отрядов из Петрограда. Всего в Уфимской губернии работало около 400 продагитчиков и в Самарской до 600. Среди новых продагитчиков было много беспартийных рабочих, тогда как в первых отрядах преобладали, главным образом, коммунары. Надо сказать, что продагиты оказались очень хорошей школой коммунизма. Большинство из ездивших с отрядами рабочих вернулось обратно членами партии.

В Самарской и Уфимской губерниях продагитская работа развернулась полным ходом. Возможности там были огромные. Хотя только что выгнанные из Уфимской губернии колчаковские войска перед отступлением сжигали скирды и топили уже груженый на баржи хлеб, все же там сохранились большие хлебные запасы. Много хлеба было и в Самарской губернии. К моменту приезда отрядов (в июле 1919 г.) как раз урожай уже был готов, его необходимо было немедленно собрать, но рабочих рук не хватало. Петроградские продагитчики с головой окунулись в эту работу.

Но эта была только маленькая незначительная часть работы. Продагитчикам приходилось нести самые разнообразные обязанности, почти ничего общего не имевшие с прямыми задачами отрядов. Куда бы продагитчики ни приезжали, их использовывали положительно во всех областях советской и общественной работы. И это было вполне понятно, так как при огромном недостатке работников на местах каждый петроградский рабочий, прошедший уже хорошую революционную школу, становился крупным подспорьем для местных организаций.

В деревне продагитчик был универсальным работником, выполнявшим все задания советской власти. В конечном итоге эти задания в большинстве случаев, понятно, сводились к той же продовольственной работе, но в различных ее стадиях. Сама же по себе заготовительная работа и сбор разверстки почти всей своей тяжестью ложились на плечи продагитчиков. Дело не ограничивалось одним хлебом, наши отряды заготовляли самые разнообразные продукты: яйца, масло, овощи и т. д.

Продагитчики принимали участие и в установлении самой разверстки для отдельных волостей и деревень. Вместе с сельским советом они определяли, сколько хлеба причитается на каждого домохозяина. Они же затем выступали на сельских сходах с разъяснением, почему на тот или иной двор падает установленное количество хлеба. Бывали случаи, что из-за спешки и недостаточных статистических сведений разверстка для какого либо района была слишком обременительна. Тогда наши же продагитчики ездили в губпродком, и на основании их сведений делались поправки. Затем уже начинался самый сбор хлеба и его ссыпка и отправка на железнодорожные пункты.

Но одной хозяйственной работой не ограничивалась деятельность продагитотрядов. Огромную роль они сыграли в организации советской власти на местах. Много продагитчиков так и остались впоследствии на местной работе. Участники

наших отрядов заняли руководящие посты в самых разнообразных местных организациях. Не приходится уже говорить о продорганах, во многих из которых петроградские продагитчики остались на должностях продкомиссаров и членов коллегий.

Существеннейшей частью деятельности продагитов была агитационная и культурно-просветительная работа среди крестьянства. Это был один из основных методов продагитработы. Продагитчик находил общий язык с крестьянством, разъяснял ему сущность и значение советской власти и словом и убеждением действовал на крестьянство для того, чтобы оно дало хлеб голодному городу. Попутно с этим продагитчик должен был дать ответ и разъяснение на все вопросы, возникавшие в деревне. Изо дня в день продагитчик агитировал, делал разнообразные доклады, выступал на собраниях и вел одновременно культурно-просветительную работу в деревне.

Но не всегда под влиянием агитации деревня везла хлеб на ссыпные пункты. Бывали моменты, когда деревенские кулаки оказывали силой сопротивление работе продагитов. Подчас на почве кулацкой агитации возникали открытые крестьянские восстания, направленные против советской власти. Время было боевое, гражданская война в самом разгаре, а нашим отрядам приходилось работать в большинстве случаев вблизи военных фронтов. Бывали случаи, что продагиты попадали в самую полосу боев.

Тогда перед продагитчиками вставала уже совершенно новая задача: они брали в руки винтовку и с оружием в руках шли выполнять свой революционный долг. Спереди — фронт, а сзади — шальная пуля кулака, в таких условиях часто приходилось вести работу продагитчикам. Петроградские работники показали здесь много примеров подлинного героизма.

Во время кулацкого восстания в Уфимской губернии погибла самая активная часть уфимского отряда. Многие были зверски замучены белобандитами, которые не знали пощады для продагитчиков. Если по счастливой случайности кому-либо и удавалось вырваться из белогвардейских лап, то он возвращался калекой или инвалидом. Продовольственный фронт требовал своих человеческих жертв.

Весной 1920 года в самарском и уфимском отрядах погибло свыше 50 человек, около двадцати продагитчиков было убито и замучено в Челябинском районе. Были жертвы и на всех других участках работ наших отрядов. Ко всему этому надо прибавить сыпняк, который неумолимо косил продагитчиков.

Вот несколько примеров той ужасающей жестокости, с которой расправлялись белые с попавшими к ним в руки продагитчиками. Продагитчик Исаев был живой привязан к саням и протащен десять верст, после чего его полумертвого опустили в прорубь. Тело его так и не удалось найти. Продагитчика Метелина вытащили из больницы и избили на площади так, что он просил как о милости, чтобы его расстреляли. Но этой милости ему не оказали, и он тут же в мучениях умер от ран. У продагитчика Котовича был выколот при жизни глаз, после чего его замучили до смерти. Таких и еще более ужасных случаев можно привести множество.

Что дали продагиты Петрограду.

Петроградские продагитчики шли на свою героическую работу [illegible] чтобы рабочие Петрограда могли непрерывно вести свою революционную борьбу. Работа продагитотрядов имела исключительно большое значение

для снабжения Петрограда. Тот хлеб, который Петроград получал в годы голода, в значительной части был результатом работы наших отрядов. Наши отряды заготовляли хлеб в общегосударственный котел, но все же их основная работа была направлена на снабжение Петрограда. Какую колоссальную работу проделали продагитчики, видно по одному примеру: Уфимская губерния до 1-го апреля 1920 года дала 14½ миллионов пудов хлеба, из них 60% падает на работу нашего отряда.

Работа продагитотрядов, начавшаяся фактически с учета Северной области в середине 1918 года, развернулась главным образом в 1919 и в первой половине 1920 гг. За это время наши отряды кроме уже упомянутых районов побывали в Пермской и Челябинской губерниях, на Северном Кавказе и в других районах. Но главная продагитская работа сосредоточивалась в Уфимской и Самарской губерниях. Там были самые мощные отряды, там работа развернулась сильнее, чем где либо в другом месте.

Через наши отряды прошло свыше 3.000 петроградских рабочих. Эта была подлинная [illegible] работа, [illegible] широких масс.

Продагитотряды, организованные петроградскими рабочими, привлекали внимание всей страны. Они, как известно, послужили образцами для организации рабочих отрядов в других районах. Наши центральные органы с большим интересом наблюдали за их деятельностью. Когда отряды только организовывались, меня неоднократно расспрашивал о них председатель ЦИК'а т. Свердлов. Он интересовался каждой подробностью организации отрядов и теми планами, которые были у Петрограда для их дальнейшей работы.

После Петрограда начали возникать отряды и в других промышленных центрах республики. На основе опыта петроградских продагитов образовано было специальное „Военпродбюро", руководившее организацией и посылкой продовольственных отрядов. Затем появилась продармия Наркомпрода, сохранившаяся до самого нэп'а.

Питерские продагиты—одна из геройских страниц революционной истории. Борьба за хлеб, которую они вели с подлинным высоким героизмом, сыграла не последнюю роль в успешном ходе революции.

ТРУДОВОЙ ПАЕК.

Что такое трудовой паек.

В работе петроградского продовольственного органа особое исключительное значение сыграл трудовой бронированный паек, который начал выдаваться в Петрограде с марта 1919 г. Трудовой паек не только внес новые основания в распределение продуктов, но и имел большое значение в улучшении всей продовольственной работы, вплоть до заготовок хлеба на местах.

Возможность введения трудового пайка была обеспечена той напряженной работой, которая проводилась нами с первых же дней 1919 г. Продовольственным органом была проведена тогда целая система ударных мер для того, чтобы гарантировать Петроград от повторения острого кризиса, пережитого городом в последние недели 1918 г.

Декабрьский продовольственный кризис, приведший к выдаче овса вместо хлеба, [illegible] положении петроградских рабочих. [illegible]

ление Петрограда широкой волной двигалось по железным дорогам в окрестности города и в отдаленные производящие районы, чтобы в обмен на свой домашний скарб получить в деревне хотя бы фунт хлеба или пуд картошки. С мешком за плечами всякими правдами и неправдами рабочие целыми толпами выбирались из городов в поисках хлеба. На фабриках и заводах не работало несколько десятков тысяч человек. Особенно опасно было то, что стояло производство на предприятиях, работающих для транспорта и на оборону страны.

Необходимо было найти такие меры, которые давали бы возможность занятому на производстве рабочему не думать только о поисках продуктов. Дело шло также о самой жизни рабочих — сыпняк сотнями косил питерцев во время их поездок по России.

Существовавшая тогда система классового пайка, правда, выделяла рабочего в первую категорию, давая ему продуктов больше, чем другим группам населения, но классовый паек не гарантировал занятому на производстве рабочему хотя бы относительную сытость. Наличные запасы продуктов делились лишь в известной пропорции так, чтобы рабочий получал вдвое или втрое больше той восьмушки, которая доставалась нетрудовым элементам. Твердой же определенной нормы, на которую рабочий мог ежедневно рассчитывать, классовый паек не обеспечивал.

В основе трудового пайка лежал также классовый принцип, но он был более развит и имел целевое назначение. При трудовом пайке прежние категории классового пайка сохранялись, выдачи же по трудпайку были дополнительными: [illegible] в ½ фунта в день, что вместе с выдачей по карточкам I категории составляло 1 фунт на едока. Все виды прочего продовольствия выдавались по такому же принципу.

Сущность трудового пайка заключалась в том, чтобы обеспечить правильный ход производства петроградской промышленности. Поэтому вся система трудпайка была проникнута от начала до конца производственным признаком. Трудпаек выдавался за действительно проработанные дни; за праздничные и прогульные дни паек выдавался только по основным категорным карточкам. Было обусловлено также, что при падении производительности труда на предприятии рабочие лишались трудпайка. Для учета проработанных дней была введена подробно разработанная система контроля и отчетности.

Идея трудового пайка была встречена петроградскими партийными, профессиональными и советскими организациями с большим сочувствием. Все признавали, что эта мера имеет исключительное значение и должна сыграть крупную роль как в политическом, так и в хозяйственном отношении. Переход от недавней четверки овса к обеспеченному фунту хлеба в день был колоссальным достижением революции. Но одновременно с этим у ряда работников появились сомнения, не приведет ли введение трудового пайка на первых порах к открытой вражде между рабочими, получающими его, и другими группами населения. Наиболее опасливые пугали нас поножовщиной, которая якобы грозит Петрограду, если одним будут выдавать по фунту в день, а другие будут сидеть на своей четверке. Уже после того, когда вопрос о трудовом пайке был принципиально решен, меня дважды вызывал тов. Зиновьев и обсуждал со мной, как осуществить эту меру, чтобы избежать возможных политических осложнений.

Были колебания и в рядах работников Петрокомпрода, часть из них высказывалась против трудового пайка. Вопрос был перенесен в совет комиссаров Северной Коммуны, где большинством было решено приступить к введению трудпайка.

Затруднения встречались также и со стороны Москвы. Наркомпрод боялся, как бы трудовой паек не спутал все его планы и не выбил бы нас из продовольственной сметы. В Наркомпроде полагали, что увеличение хлебной нормы, в связи с введением трудпайка, заставит его усилить снабжение Петрограда, а этого Наркомпрод тогда не в состоянии был сделать. Мы заявили Наркомпроду, что ни на какое усиленное специальное снабжение не рассчитываем. Трудовой паек мы будем выдавать из наличных ресурсов. В ответ тем, кто удивленно спрашивал, как мы выдержим такую высокую норму, мы указывали, что получим огромную экономию от проводимой нами концентрации хлебопечения. При концентрации хлебопечения и выдаче населению только печеным хлебом достигалась экономия свыше 40 процентов в муке. Этот излишек и был нашим дополнительным ресурсом. Другим источником экономии было общественное питание, которое усиленно развивалось в Петрограде и которое давало возможность рационально использовать каждый фунт продуктов.

Вопрос о введении трудового пайка был поставлен нами еще в январе 1919 г., но практически подойти к нему удалось только через пару месяцев. Необходимо было тщательно подготовиться к осуществлению этой меры, чтобы затем твердо выдержать объявленную норму. Одновременно с ускорением концентрации хлебопечения и расширением сети общественных столовых мы начали стягивать продовольствие из производящих районов, усиливая работу находившихся там наших отрядов.

Наши центральные органы в Москве с большим вниманием и интересом следили за всеми этими приготовлениями. Трудовым пайком очень интересовался т. Ленин. Он одобрительно относился к новой мере и расспрашивал меня, когда мне приходилось бывать у него во время поездок в Москву, о всех подробностях и о том, как мы рассчитываем удержаться на объявленной норме.

Значение трудпайка в снабжении рабочих.

Наконец к марту были закончены все технические приготовления. Были составлены списки рабочих, занятых на особо важных производствах, были выработаны инструкции и порядок штемпелевания трудовых карточек фабзавкомами. Заставили нас поспешить с выдачей трудового пайка и создавшиеся тогда на ряде заводов осложнения. Под влиянием агитации эс-эров и меньшевиков, спекулировавших на продовольственном кризисе, на некоторых заводах часть рабочих [illegible] в рабочие массы.

В связи с обострившимся положением в город приехал Ленин. 13 марта Ленин выступил на грандиозном митинге в Народном Доме, куда собралось свыше 10 тысяч человек. Из-за огромного скопления людей пришлось даже открыть параллельный митинг в одном из соседних зал.

Ленин значительную часть своей речи посвятил продовольственному вопросу. Он объяснил причины продовольственных трудностей, вызванных гражданской войной и транспортной разрухой, и указал, что теперь с освобождением от белых главных житниц России — Украины, Дона и части Поволжья положение должно облегчиться. Но предстоит еще очень тяжелое полугодие, так как в освобо-

жденных местностях, главным образом на Украине, советская власть еще не организована, и должно пройти некоторое время, пока наладится аппарат. Ленин [illegible] движении, чтобы использовать все паровозы для вывоза скопившихся в Поволжьи 9 миллионов пудов хлеба. Этот вопрос еще в январе был поднят петроградскими работниками, и теперь, после внимательной и длительной подготовки, решено было его провести в жизнь.

В своей речи т. Ленин сказал, что ни один город не сделал так много в [illegible] силы на продовольственное дело. Эти слова скупого обычно на похвалы Ильича дали нам новую энергию и уверенность в работе. С небывалым подъемом мы принялись за продолжение нашей тяжелой работы.

На том же митинге т. Зиновьев объявил о введении трудового пайка. Из слов т. Зиновьева видно, какую огромную роль играло введение трудпайка. Он сказал, что может сообщить радостную весть, что для всех рабочих, занятых в особо тяжелом производстве, увеличивается хлебный паек на $^1/_2$ фун. Более 100 тысяч рабочих будут получать теперь по 1 фунту хлеба в день.

15 марта была произведена первая выдача трудового пайка. Дополнительные карточки еще не успели напечатать и поэтому выдавали сперва в упрощенном порядке.

Введение трудового пайка внесло сразу же успокоение на фабриках и заводах. Петроградский рабочий впервые почти за полтора-два года начал получать фунтовой хлебный паек. Предыдущие месяцы были так тяжелы, что казалась почти невероятной возможность получить сколько-нибудь сытую хлебную норму. Твердо [illegible]

Сразу уменьшились поездки рабочих за хлебом и усилилась работа у заводских станков. Одновременно у рабочих масс Петрограда значительно больше выросло доверие к своему продовольственному органу. Увеличилась тяга к [illegible]

Удачный опыт Петрограда вызвал интерес всех других районов республики. У нас узнавали, как нам удалось достигнуть такого положения, спрашивали о подробностях и технике трудового пайка. Постепенно трудовой паек перекинулся в другие рабочие центры. А через несколько месяцев он получил официальное признание во всероссийском масштабе со стороны Наркомпрода.

В Петрограде трудовой паек до самого нэп'а оставался одной из самых важных форм продовольственной работы. Он видоизменялся, улучшался, усиливался, но неизменно сохранял свое крупное значение в деле снабжения петроградских рабочих.

КОММУНАЛЬНЫЙ КОТЕЛ.

Значение и роль общественного питания.

Во все революционные годы в петроградской продовольственной работе значительное место занимала организация общественного питания. Общественные или, как их называли тогда, коммунальные столовые были не только проводниками нового быта, прививавшими коллективные навыки, но и имели исключительное хозяйственное значение.

В этот период, когда Петроград, почти без перерыва, попадал из одного [illegible] экономия во всем. Мало было взять на учет каждый фунт мяса, рыбы или крупы,

надо было еще извлечь из него максимум пользы, сделать так, чтобы выдаваемые населению четверки и восьмушки не распылялись. Общественная столовая была одним из способов разрешения этого вопроса. Фабричное изготовление пищи имело все преимущества сравнительно с готовкой у домашнего очага, где нельзя было достичь такого экономного использования каждого продукта. Мало того, общественное питание частично разрешало и тяжелый топливный кризис, который все время переживал Петроград. Одна топка на 1.000 обедов съедала неизмеримо меньше дров, чем если бы эти обеды готовились на двухстах или даже ста топках на дому.

Через общественные столовые, наконец, легче всего было наладить питание детей, о которых советский продовольственный аппарат всегда заботился в первую очередь. При индивидуальной выдаче продовольствия детям очень часты были случаи злоупотребления со стороны взрослых, бравших себе выдаваемые по детским карточкам продукты, питание же через столовые гарантировало, что детский обед попадет только ребенку. У нас в Петрограде была раскинута сеть специальных детских столовых, удержавшихся и в первое время после нэп'а.

В организации общественного питания, как и во многих других отраслях продовольственного дела, Петроград шел впереди всей России. Здесь впервые организовались общественные столовые, и здесь сеть их достигла несравнимого ни с какими городами развития.

Общественные столовые появились в Петрограде чуть ли не с первых дней революции. Сперва их было очень мало, да и обслуживали они очень небольшое количество населения. Но постепенно тяга к коммунальному котлу питерских рабочих все увеличивалась. Каждый острый момент бесхлебья толкал новые массы к общественной столовой. Особенно это сказывалось в летние месяцы, бывшие всегда самыми трудными для Петрограда.

Своего максимального развития общественное питание в Петрограде достигло летом 1919 г. Это был один из самых тяжелых годов для Петрограда, так как гражданская война к этому времени разгорелась по всем фронтам. Петроград не только был лишен регулярного подвоза из производящих губерний, но и сам находился под военной угрозой бело-финских войск генерала Маннергейма и Юденича. Белогвардейский десант на южном берегу Финского залива и затем измена форта Красной Горки еще больше обострили положение и заставили Петроград полностью мобилизоваться для отражения врага.

В такие обостренные моменты продовольственное снабжение всегда приобретало исключительное, почти решающее значение. Успех защиты революции очень часто висел на острие продовольственного кризиса. Усиление снабжения продуктами в таких случаях не только поднимало боеспособность сражавшейся на позициях армии, но и создавало твердое и спокойное настроение в массе населения города, находившегося под ударом.

Петроград на коммунальном котле.

Образовавшийся в Петрограде Комитет рабочей обороны совместно с Петрокомпродом наметил целый ряд срочных мер по улучшению снабжения. Рассчитывать на увеличение подвоза из хлебородных губерний мы не могли, поэтому необходимо было изыскать способы по лучшему использованию тех ресурсов, которые были в Петрограде. В первую очередь было приступлено к улучшению выпечки хлеба на наших хлебозаводах. Было поднято качество выпекаемого хлеба и одновременно путем еще большей концентрации хлебопечения удалось значи-

тельно увеличить суточную выпечку. Следующей, исключительно важной по значению мерой, было расширение сети коммунальных столовых и увеличение пропускной способности ранее существовавших столовых.

В столовые направлялись лучшие из имевшихся у нас продуктов, на общественном питании было заострено все внимание продовольственного аппарата, а между тем не все рабочее население Петрограда могло пользоваться коммунальным котлом. Еще в марте столовые Петрокомпрода, питавшие около 300 тысяч человек, были закрыты совсем. На пути дальнейшего расширения столовых стояли большие трудности. Каждой ложкой, каждым куском оборудования приходилось добывать с величайшим трудом. Отсутствие необходимого оборудования, полная непригодность помещений заставили Петрокомпрод даже временно прекратить выдачу новых столовых карточек, оставляя за бортом тысячи рабочих. Необходимо было теперь этот пробел восполнить. Наша задача заключалась в том, чтобы предоставить всему рабочему населению возможность пользоваться общественным питанием.

Для расширения сети столовых мы прибегли к помощи самих рабочих организаций. Мы обратились с предложением к фабрично-заводским комитетам озаботиться подысканием помещений для столовых на территории фабрик и заводов или рядом с ними. Столовые должны быть рассчитаны не менее, чем на 1.000 человек, мелким предприятиям для устройства столовых предлагалось объединиться. Петрокомпрод согласился содействовать открытию рабочих столовых, обещал снабжать их продовольствием в первую очередь.

Призыв к рабочим организациям встретил с их стороны горячий отклик. Началась срочная работа по оборудованию столовых на фабриках и заводах. Одновременно и мы своими силами за месяц организовали в рабочих районах 16 новых столовых почти на 80 тысяч человек.

В результате этой ударной работы открылось больше 60 новых столовых. К июлю у нас было больше 200 столовых, в которых столовалось свыше 600 тысяч человек—больше половины всего населения Петрограда.

При таком колоссальном росте общественного питания сделать так, чтобы выдаваемый из столовой обед полностью удовлетворял рабочего, конечно, не представлялось возможным. Не приходится закрывать глаза на то, что коммунальные обеды в то время были скверны. Мы, правда, давали для столовых лучшие продукты, но что можно было сделать, когда, во-первых, этих продуктов было мало, а, во-вторых, и лучшие-то продукты были неважного качества. Были недостатки и в самом приготовлении обедов. В общественных столовых была масса работников, плохо, а иногда и совсем не подготовленных для этого дела. На службу в коммунальную столовую стремились попасть всякими правдами и неправдами, так как работа у котла гарантировала относительную сытость. Были в столовых и многочисленные злоупотребления, воровство. Правда, в огромной массе это были мелкие злоупотребления, выражавшиеся в получении служащими лишнего обеда или в уносе домой двух-трех фунтов продуктов, но и это при большой бедности в продуктах отражалось на изготовлении обедов.

Волнения рабочих из-за плохих обедов.

Плохая работа столовых, дававших иногда вместо супа почти одну воду и совершенно неудобоваримое второе, часто вызывала большое недовольство на фабриках и заводах. Понятно, этим немедленно пользовались еще застрявшие на заводах отдельные меньшевики и эс-эры, которые подогревали настроение

рабочих, стараясь на этом месте вызвать волынку. Это был обычный способ контр-революционеров, всегда пытавшихся использовать в своих интересах каждую трудность продовольственного положения.

Иногда волынка на заводах принимала такой характер, что приходилось тратить много сил и энергии, чтобы успокоить вызванное каким-либо скверным обедом волнение. Надо было выезжать на завод, долго митинговать там и доказывать рабочим, что продовольственный кризис есть результат общего нашего политического положения и той отчаянной борьбы, которая ведется против советской России белогвардейцами.

В связи с теми или иными продовольственными затруднениями на заводских митингах выступали работники губкома, губисполкома и другие товарищи. Но чаще всего приходилось отчитываться нам, продовольственникам. Характер продовольственной работы в этот период был таков, что выступления на рабочих собраниях и митингах были одной из основных частей нашей ежедневной работы. Само собой разумеется, что одними выступлениями мы не ограничивались, а всегда принимали все имевшиеся в нашем распоряжении меры, чтобы удовлетворить требования рабочих.

Для того, чтобы показать, во что выливалось моментами недовольство рабочих плохими обедами в коммунальных столовых, приведу случай на фабрике „Скороход", относящийся к лету 1919 г., т.-е. к тому периоду, когда сетью общественных столовых был покрыт уже весь город.

В этот день обед в столовой при фабрике был приготовлен плохо. Недовольные обедом рабочие во время полного хода работы в столовой выгнали всех служащих, арестовали их, а помещение столовой опечатали. У некоторых служащих нашли мешечки с продуктами. Хотя это были очень незначительные злоупотребления,—у большинства в мешечках было не больше двух-трех картошек или куска селедки,—но они возбудили большое негодование рабочих. Ловкие агитаторы из „беспартийных" меньшевиков и эс-эров немедленно начали плести на этой канве свои обычные узоры.

На „Скороходе" создалось напряженное положение. Надо было во что бы то ни стало его немедленно ликвидировать. Вызвали меня. Я сейчас же поехал на фабрику вместе с членом коллегии компрода т. В. Поповым, который ведал общественным питанием.

Встретили меня злобными криками. Весь фабричный двор бурлил и шумел, со всех сторон кричали:

— В котел его, в котел!

Пошли вместе с толпой рабочих в столовую, отпечатали помещение. Столовая была огромная—котлы вышиной в рост человека, один ковш для размешивания супа не меньше двух аршин длины. Попробовали суп, действительно оказавшийся жидким сверх нормы, посмотрели мешечки с украденной картошкой.

— Ну, теперь, товарищи—говорю,—пойдемте на двор, поговорим.

А перепуганным до смерти служащим велел за это время, пока мы будем митинговать, сварить новый обед да зарядить котлы покруче, так, чтобы обед был в полном порядке.

Тут же на дворе устроили митинг, на который собралось свыше трех тысяч голодных рабочих. Я взобрался на поленницу, откуда обратился к наполнившим весь двор до отказа рабочим с речью. Первые полчаса толпа слушала меня враждебно. Крикуны из меньшевиков и эс-эров продолжали подогревать на

строение рабочих и перебивали мою речь всякими возгласами и угрозами. Были такие моменты, когда казалось, что какая-нибудь группа из толпы вот-вот бросится на меня с кулаками.

Постепенно, под влиянием моих слов, враждебное настроение начало спадать. Я развернул перед собранием всю картину трудностей, с которыми приходится вести продовольственную работу, рассказал, как и почему они происходят.

По отношению к столовой я сказал, что рабочие имеют полное право выдвинуть для работы в столовой тех людей, которым они доверяют. Мы не только не возражаем против этого, но даже очень просим, чтобы рабочие сами следили за своей столовой. Толпа успокоилась, враждебное настроение повернулось уже от меня на голову крикунов, которые, конечно, не замедлили скрыться.

Помитинговали мы около двух часов, а потом пошли в столовую попробовать новый обед. На этот раз обед оказался удачным. Рабочие остались довольны, настроение окончательно переменилось. Прощаясь со мной, скороходовцы просили меня на завтра снова приехать, посмотреть, как работает столовая. Я выполнил их просьбу, обед был приготовлен опять хорошо.

— Каждый день я к вам на фабрику ездить не могу, — ответил я на просьбу рабочих еще раз проверить работу столовой:—теперь уже дело за вами, следите сами за своей столовой.

Случай на фабрике „Скороход" был не первый и не последний. Почти то же самое было на Путиловском заводе. На трибуну, во время моей речи, мне подали котелок с обедом, выданным из столовой. То, что называлось супом, на самом же деле было мутной водичкой, в которой крупинка за крупинкой гонялась с дубинкой. Поболтал я это варево: „Конечно, плохо,—говорю:—надо дело поправить".

На Обуховском и Семянниковском заводах из за плохих обедов в столовых рабочие бросили работу. Заводы стали. И тут, как и на „Скороходе", мне пришлось промитинговать несколько часов, объясняя причины нашего трудного продовольственного положения. После моих объяснений рабочие сразу же приняли решения вновь встать на работу. Со своей стороны мы приняли все возможные меры к устранению замеченных недостатков в столовых.

С большим трудом, с громадными усилиями налаживали мы общественное питание. Коммунальный обед, оставивший после себя такую печальную память, одно время был почти единственной основой питания петроградцев.

Только при широком развитии общественного питания удавалось хоть как-нибудь снабжать население в острые моменты голода. С июля 1919 г. мы перевели на общественное питание весь Петроград. Как ни была расширена сеть столовых, однако, все население города не могло вместиться в столовых. Поэтому части обедающих приходилось выдавать обеды на дома. По всем улицам двигались люди с котелками. Это была обычная картина в Петрограде.

Перевод на общественный котел почти миллиона человек был одним из крупнейших фактов нашей продовольственной работы. Таких колоссальных размеров общественное питание до тех пор и ни разу после этого периода не достигало.

НАСТУПЛЕНИЕ ЮДЕНИЧА.

Под угрозой белых войск.

Осенью 1919 года армия Юденича начала постепенно подвигаться к Петрограду. Наши войска кое-как удерживали наступление белых, но с половины октября положение сильно ухудшилось. Юденич быстрыми переходами начал приближаться к красной столице.

Красная армия оставила Ямбург и Лугу. Бои шли под Красной Горкой. Для Петрограда создалось угрожающее положение. Ни в коем случае нельзя было допустить занятие белыми первого города революции. Между тем отход красноармейских частей под давлением противника внушал серьезные опасения, что белая армия может скоро оказаться под самым Петроградом.

С лихорадочным напряжением петроградские рабочие готовились встретить врага. Сверху до низу Петроград мобилизовался. Объявленное еще раньше осадное положение было усилено. Вся жизнь Петрограда была подчинена военным нуждам: рылись окопы, на улицах устанавливались орудия, на окраинах появилась колючая проволока. Во главе обороны стоял Военный совет (Комитет обороны) под председательством т. Зиновьева. Для руководства военными операциями в город приехал т. Троцкий.

В случае вступления Юденича в Петроград решено было организовать в городе внутреннюю оборону. Почти поголовно вооруженные рабочие должны были дать бой белым войскам на улицах и площадях. Особо ударные отряды были образованы из членов партии.

Положение было напряженное. Надо было во что бы то ни стало остановить отход Красной Армии, а затем повести ее в наступление. Одним из серьезнейших условий поднятия боеспособности красноармейцев являлась организация правильного снабжения бойцов. Питание армии в это время было не блестящим. Военное снабжение, как и снабжение всего населения, было недостаточно из-за общего продовольственного кризиса, который переживала страна.

Комитет обороны решил во что бы то ни стало улучшить снабжение армии, но при этом необходимо было сохранить регулярное снабжение и городского населения, так как голод в городе мог бы сыграть на руку врагу. Поэтому все продовольственное дело решено было объединить и возложить на Петрокоммуну.

Передача в такой решительный момент, когда каждый день вызывал вопрос—быть или не быть, всего дела снабжения армии и флота и гражданского населения Петрокоммуне, показывала, что петроградский продовольственный орган сложился уже в крепкий и сильный аппарат. На нашу долю пала ответственнейшая задача усилить защиту революции правильным снабжением передовых позиций и прилегающего к фронту тыла. В борьбе с белогвардейскими бандами усиленный продовольственный паек должен был перетянуть колеблющуюся чашу успеха.

Поздно ночью, 15 или 16 октября, когда выяснилось, что Юденич занял Гатчину, в Смольном состоялось экстренное заседание, на котором был намечен ряд срочных мер боевой защиты Петрограда. На меня была возложена обязанность по снабжению армии, обороняющей подступы к Петрограду, и для этого в моих руках было сосредоточено распоряжение всеми продовольственными запасами в городе и районе расположения армии.

Петрокоммуна — орган военного снабжения

На другой же день началась лихорадочная работа. Петрокоммуна заменила собой продовольственные органы, существовавшие в городе. Губпродком, Опродкомарм, Опродкомфлот и все другие продорганы работали по моим распоряжениям. Всеми запасами, их переброской и распределением распоряжалась Петрокоммуна.

Самостоятельные адреса всех продовольственных организаций были аннулированы, все продукты поступали исключительно в адрес Петрокоммуны. В Череповце и на ст. Бологое были устроены продовольственные базы, куда непрерывно доставлялись со всех концов республики вагоны с хлебом и другими продуктами. Эти базы были организованы для того, чтобы, если на худой конец враг ворвался бы в Петроград, на его долю не досталось бы больших запасов продовольствия. Были также приняты меры для полной мобилизации всех продуктов, имевшихся в самом городе. Еще раз были ощупаны все петроградские склады и взяты на учет обнаруженные там запасы.

Из гражданского органа, только что перестроенного на кооперативные начала, Петрокоммуна превратилась в боевой штаб снабжения. Работа внутри аппарата была переведена на военную ногу: все продовольственные учреждения и предприятия были объявлены на военном положении, служащие мобилизованы. Работа шла круглые сутки. День и ночь в Петрокоммуну доставлялись сведения о поступающих в Петроград и обнаруженных в городе запасах и отдавались распоряжения об их посылке на фронт. Вагон за вагоном отправлялись бойцам хлеб, мясо и другие продукты. Приходилось также снабжать их обмундированием, в котором армия чувствовала недостаток.

На осадном положении работали и районные органы Петрокоммуны. Председатели только что избранных районных исполнительных бюро по моему приказу были назначены чрезвычайными уполномоченными в своих районах. Петроград из [illegible] работа районных органов Петрокоммуны города почти ничем не отличалась от работы по снабжению передовых позиций.

Развернувшаяся к тому времени широкая сеть общественных столовых была превращена в сеть военно-питательных пунктов. Пункты работали круглые сутки, снабжая обедами прибывавшие части особого назначения и направлявшиеся на фронт войска. Тут же, в случаях спешной отправки на фронт, воинская часть получала на руки продукты на несколько дней. Обеды выдавались по боевой красноармейской норме. Особенно большая работа выпала на долю военно-питательных пунктов Нарвско-Петергофского района, который был ближайшим к фронту.

С особым напряжением работали все хлебозаводы Петрокоммуны. В течение круглых суток производилась выпечка хлеба. Выпечка хлеба была доведена до 44.000 пудов в сутки, тогда как раньше Петрокоммуной не выпекалось более 20.000 пудов. Печеный хлеб прямо грузился в вагоны и отправлялся на фронт.

Полностью был мобилизован весь транспорт Петрокоммуны. Две трети двухтысячного конского состава было передано для военных нужд, почти целиком был мобилизован военными органами также автомобильный парк Петрокоммуны. Но это не отразилось на продовольственной работе. Для перевозки продуктов Петрокоммуна использовала городские трамваи. В течение круглых суток трамваи перевозили муку с мельниц на хлебозаводы и развозили продукты по коммунальным столовым. Для подвозки продуктов был использован также подвижной

состав Ораниенбаумской электрической линии и платформы Невской пригородной железной дороги.

Все эти меры вместе с усиленной присылкой продуктов из производящих районов значительно улучшили снабжение армии. Норму хлебного пайка для находящихся на передовых позициях бойцов нам удалось довести до двух фунтов в день, в то время как раньше они получали по полфунта. Норма выдачи мяса (или рыбы) была поднята до $^3/_4$ фунта в день; находящимся в тылу мы давали ежедневно по 1—$1^1/_2$ ф. хлеба. Удалось даже выдавать белый хлеб. Мне пришлось побывать на всех участках фронта. В беседах со мной красноармейцы и краснофлотцы единодушно утверждали, что усиленный продовольственный паек значительно поднял их боеспособность. Такого пайка до тех пор Красная Армия не видела за все время военных действий.

Все это время Петрокоммуна ни на минуту не ослабляла снабжения и городского населения. Хлебный паек сохранился на прежней норме. А к октябрьским торжествам была подготовлена специальная праздничная выдача белого хлеба, сахарного песку, варенья и т. д.

Обстановка, в которой приходилось работать Петрокоммуне, была чрезвычайно тяжелая. Не говоря уже о чисто продовольственных затруднениях, у нас были трудности и организационного характера. Случались у нас и конфликты с военным командованием. Я выработал ряд мер по усилению и снабжению армии, которые были утверждены Комитетом обороны. Затем мною были проведены разные дополнительные меры, тоже согласованные с Комитетом обороны и с Реввоенсоветом. На первых порах дело подвигалось туго, но потом быстро наступило улучшение.

Когда паек был увеличен и продукты уже начали усиленными партиями посылаться на фронт, т. Троцкий начал нажимать на меня, утверждая, что с снабжением армии обстоит неблагополучно и что на позициях не получается назначенный красноармейский паек. В 24 часа я произвел проверку всех участков фронта. Отовсюду поступили сведения, которые подтвердили правильность всех наших мер: армия снабжалась регулярно, и усиленный паек полностью доходил до всех красноармейцев. Тов. Троцкому, продолжавшему нападки на продовольственные органы, я заявил, что за снабжение фронта я несу полную ответственность и гарантирую, что все будет в исправности. Поэтому я буду продолжать вести работу так, как считаю это нужным. В этом споре с т. Троцким на моей стороне было большинство работников петроградского губкома и исполкома.

Уже после окончания военных действий, когда т. Троцкий уезжал из Петрограда, он признал, что снабжение армии во время наступления Юденича было хорошо организовано. Прощаясь с мной, т. Троцкий в примирительном тоне сказал: „Хоть мы и поспорили, но во имя общих интересов".

Боевая обстановка, в которой приходилось нам работать, когда дорога была каждая минута, не всегда позволяла нам в точности выполнять все [illegible] компрода. На этой почве у нас возникли даже некоторые трения с наркомпродовцами, которые уже позже, после того, как Петроград избавился от военной угрозы, выступили с рядом упреков против меня. Дело дошло до т. Ленина. [illegible] в создавшейся обстановке иначе я поступить не мог. Ильич, а вслед за ним, в конце концов и руководители Наркомпрода признали, что я был прав.

Красная Армия отступила до Пулкова. Здесь наступил перелом, и красно-[illegible] части перешли в обратное наступление. Юденич обратились в бегство и быстро откатывались назад по только что пройденному пути. 7-го ноября 1919 года петроградский пролетариат праздновал двойной праздник— годовщину революции и победу Красной Армии над Юденичем.

В этой победе некоторую роль несомненно сыграла и наша петроградская [illegible] организация. Петрокоммуна внесла по своих силах немаловажное по значению и важности революционное дело.

Петрокоммуна была военным органом больше месяца. В двадцатых числах ноября, когда [illegible] на фронте наступило, [illegible] Красной Армии [illegible] перешло к военным продовольственным органам, а Петрокоммуна вновь занялась нормальной продовольственной работой.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Огородная кампания.

Весной 1920 г. в Петрограде широко развернулась огородная кампания. Еще в предыдущие годы у петроградского, населения была большая тяга к организации собственных огородов, но она выражалась в разрозненных действиях и не носила организованного характера.

Для нас, однако, было совершенно ясно, что планомерная организация огородов [illegible] Петрограда [illegible] только что пережитые летние месяцы показали, что регулярный подвоз продуктов в Петроград [illegible] нарушен летними [illegible] причинами. Поэтому необходимо было принять все возможные меры самозащиты и в числе их, в первую очередь, как можно шире развить огородные работы в самом Петрограде. В начале октября 1920 года в [illegible] Петроградский Совет [illegible] о будущей огородной кампании. Совет принял решение провести все необходимые [illegible] и расширить [illegible] в Петрограде в будущий огородный сезон.

Начиная с осени и все зимние месяцы, мы готовились к весенним огородным работам. Заготовлялся [illegible] инвентарь, подыскивались [illegible] земли, подбирался необходимый инвентарь.

С первых же весенних дней Петроград приступил к огородным работам. Широко развернулись летние и [illegible] индивидуальные и [illegible] огороды для [illegible] города. Районы [illegible] Петрограда покрылись огородными [illegible] с большим энтузиазмом. Не говоря о рабочих, [illegible] принимали [illegible]. Для [illegible] [illegible] отбывал по очереди огородную повинность. Но этим дело не ограничилось. Почти все рабочие и служащие Петрограда после окончания своей работы на предприятиях и в учреждениях спешили на расположенные по окраинам города огородные участки.

Не хватало инвентаря, не хватало лошадей для работы. Почти без всяких [illegible] [illegible] [illegible]

Огромная лавина людей, работавших на огородах, со дня на день росла. Общий подъем был настолько велик, что в результате за эту весну в Петрограде не осталось ни одного участка мало-мальски пригодной земли, не возделанной под огороды.

Повышение трудового пайка.

Не говоря уже о крупнейшем общественном значении, огородов в 1918 г. [illegible] результаты. К осенним месяцам мы подходили с новыми большими ресурсами, полученными тут же у себя на месте. Зная, что на летний период обычно падают самые большие продовольственные трудности, мы приняли и ряд других мер к увеличению запасов на петроградских складах. Наши отряды усилили заготовку и отправку хлеба из заготовительных районов. В результате усиленного подвоза у нас, вместо обычного запаса хлеба на 3—4 дня, образовался запас больше полмиллиона пудов, обеспечивающих потребность города свыше, чем на месяц.

Усиленный подвоз хлеба, с одной стороны, и расчеты на поступление других продуктов, с другой, несколько улучшили продовольственные перспективы Петрограда, и мы сочли возможным увеличить норму выдаваемого рабочим хлебного пайка. Мы хотели довести трудовой паек до ³/₄ ф., что вместе с ³/₄ ф. по карточке первой категории давало рабочему 1¹/₂ фун. хлеба в день.

Как и год перед этим, у ряда руководящих петроградских работников, а также руководителей Наркомпрода сперва возникли сомнения—удастся ли удержаться нам на такой высокой норме, выдержим ли мы. Но мы твердо рассчитали свои запасы и к тому же провели ряд новых мер по усилению заготовок, концентрации хлебопечения, общественному питанию и т. д., что еще больше увеличивало наши ресурсы. Увеличение пайка полностью укладывалось в рамки плана снабжения Петрограда и нисколько не должно было отразиться на ходе работы Наркомпрода.

Когда вопрос был согласован и после большого напряжения всего аппарата повышенная норма была объявлена, среди группы профсоюзных и исполкомских руководящих работников появилась новая тенденция. Теперь они уже не удовлетворялись только повышением нормы, а настаивали на выдаче трудового бронированного пайка не только за проработанные дни, но и за праздничные, расширяя, таким образом, контингент получающих трудпаек. Ни я, ни мои товарищи по работе, которые хорошо понимали положение, не могли согласиться с таким требованием. Прежде всего, при новой системе, трудовой паек терял свой смысл, так как он вводился, как мера, усиливающая производительность труда. Но, кроме того, такого увеличения пайка наши запасы не могли выдержать. Нам надо было одолеть хотя бы одну трудность—провести в жизнь намеченное увеличение пайка; сделать же что-либо большее в то время совершенно не представлялось возможным. Объявлять же о повышении пайка, а через несколько дней снова его понижать значило только возбудить волну недоверия рабочих к продовольственному аппарату.

По этому вопросу у нас возник спор с частью руководящих работников исполкома и губпрофсовета. Я и другие работники Петрокоммуны категорически возражали против новой меры, указывали на невозможность ее осуществления из-за ряда непреодолимых трудностей. Расширение контингента получающих трудпаек не только не могло быть проведено практически, но даже грозило срывом первого постановления о повышении нормы пайка. Несмотря, однако,

на наши возражения, все же без согласования с правлением Петрокоммуны было опубликовано, что старая система выдачи трудпайка отменяется и вводится новый порядок, расширяющий круг рабочих, имеющих право на трудовой паек.

Для проведения всяких мер, связанных с новыми выдачами, из Смольного была прислана в Петрокоммуну специальная комиссия из трех работников. Это еще больше обострило положение, так как вносило полный разнобой в нормальный ход работы. Принять присланную в аппарат тройку мы отказались, и она так и не приступила к работе.

Вопрос был перенесен в губком, но и в губкоме в виду того, что положение достаточно обострилось, нам не удалось договориться. Мы настаивали на том, что наши ресурсы никаких новых мер не позволяют проводить и что нужно только ограничиться тем повышением пайка, которое было намечено Петрокоммуной и после долгого и внимательного обсуждения согласовано с Москвой. В противном случае мы только оскандалимся перед населением, так как выдержать обещание нет никакой возможности. Возражавшие нам товарищи, однако, не хотели итти на уступки и продолжали настаивать на своем требовании.

О нашем споре стало известно сперва в Наркомпроде, а затем в ЦК партии. Мы были вызваны в Москву, где в ЦК было решено разобраться в создавшемся положении. В это время как раз происходил пленум ЦК, на котором и был поставлен доклад о нашем конфликте. Пленум заслушал председателя петроградского исполкома т. Зиновьева, меня и мнение наркомпрода т. Брюханова. Представители Наркомпрода так же, как и выступившие затем в прениях товарищи, встали на нашу точку зрения, признав, что мероприятия, согласованные с центральными органами, были правильны, и исполком не имел в данном случае повода к вмешательству в продовольственную работу. Тогда т. Ленин предложил резолюцию, в которой признавалась правильность нашей позиции, а вмешательство исполкома рассматривалось как неправильное. Тут же были сделаны и выводы из этого постановления. Я указал, что надо обсудить вопрос о нашей дальнейшей работе в Петрограде, так как при настоящих отношениях, очевидно, и в будущем возможны конфликты... После выраженного мною согласия пленум ЦК принял дополнительную резолюцию о переводе меня с группой питерских продовольственников на работу в Москву, МПО.

В Москве. Через насколько дней (это было в июле 1920 г.) Московский совет собрал расширенную конференцию, на которой я был избран председателем московского продовольственного органа, носившего название МПО и переименованного впоследствии в Москоммуну. Вместе со мной в Москву перешло по решению ЦК несколько петроградских продовольственников.

В организации продовольственного дела Петроград шел впереди других районов республики и дал нам уже достаточно большой опыт. В Москве продовольственная работа была послабее. Распределение не имело твердой системы, распределительный аппарат состоял из самых разнообразных органов и ячеек, которые действовали вразброд, хлеб выдавался нерегулярно, за продовольственным органом была большая задолженность.

Мы с места в карьер приступили к реорганизации аппарата. Пришлось проводить такие меры, которые в Петрограде были давно проведены. Началась также усиленная работа по заготовкам и снабжению. Результаты не замедлили

сказаться. Продовольственное положение Москвы стало быстро улучшаться. Как и в Петрограде, крупную роль сыграл трудовой паек и проведенная нами концентрация хлебопечения.

К концу осени положение настолько улучшилось, что у нас возник вопрос о ликвидации главной язвы Москвы того времени—Сухаревского рынка. Хотя Сухаревка была только московским рынком, но она имела как бы всероссийское значение. С именем Сухаревки связано было представление о неорганизованном снабжении, шедшем вразрез с государственной продовольственной работой. Когда говорили о недостатках продовольственного дела, то всегда указывали на Сухаревку, без которой якобы Москве не выжить. Ликвидация Сухаревского рынка поэтому имела общегосударственное значение.

Незадолго до VIII съезда Советов, состоявшегося в декабре 1920 года, я пришел к т. Ленину и изложил ему наш план закрытия Сухаревского рынка. Я указал, что за истекшие несколько месяцев продовольственный аппарат в Москве сорганизовался, благоприятны и продовольственные перспективы, поэтому сейчас есть возможность покончить с Сухаревским злом. Ленин, порасспросив подробно, одобрил мой план и предложил составить коротенькую докладную записку на вечернее заседание Совнаркома.

Мнение т. Ленина, твердо решившего ликвидировать Сухаревку, стало известно председателю Московского совета т. Каменеву, который созвал экстренное заседание президиума исполкома и поставил на нем вопрос о роспуске Сухаревского рынка. Вслед за т. Каменевым большинство высказалось за то, что с Сухаревкой пора разделаться. Спрашивают мое мнение, как руководителя продовольственным делом в Москве. Я говорю, что, судя по всей обстановке, никаких сомнений не должно быть, что все предупредительные меры приняты, и закрытие Сухаревки не только не повредит делу, но, наоборот, улучшит снабжение Москвы. Таким образом, и Совнарком и президиум московского губисполкома приняли одновременное решение о разгоне сухаревского гнезда спекулянтов.

На состоявшемся вскоре VIII съезде Советов т. Ленин в отчетном докладе Совнаркома сообщил между прочим о ликвидации Сухаревки. „Товарищи,—сказал он,—наше положение настолько улучшилось, что мы решили покончить с этим злом". Гром аплодисментов покрыл эти слова т. Ленина. Съезд шумно приветствовал укрепление продовольственного дела, всегда бывшего одной из важнейших частей революционной работы.

(Закрытие Сухаревского рынка не вызвало в Москве никаких волнений или протестов. В результате ряда предупредительных мер снабжение населения шло непрерывно и без перебоев. Мы имели возможность производить выдачи продуктов полностью по установленным нормам.)Одна из очередных наших задач, объявленная Москоммуной как раз во время того же VIII съезда Советов, побудила даже группу делегатов съезда поставить вопрос, что проводимое нами снабжение города превышает общие нормы и что Москва оказалась в каком-то особо привилегированном положении. Делегаты Петрограда (среди них были тт. Зиновьев, Лашевич и др.), несколько делегатов Иванова-Вознесенска и привлеченные этой группой наркомпродовцы созвали специальное собрание и потребовали расследования дела и даже привлечения меня к ответственности.

Объявив, что я принимаю на себя всю ответственность за снабжение московского населения, я указал комиссии, которую избрала группа протестующих

товарищей, что судить меня не за что, так как усиленную выдачу продуктов мы произвели не из каких-либо нелегальных источников, а за счет результатов нашей работы в пределах общего плана. Поэтому другие города никак не могут быть в претензии на Москву.

Настроение, однако, было настолько приподнятое, что все же было решено передать дело в Совет Труда и Обороны. На другой же день на заседании Совета Труда и Обороны я вновь повторил свои объяснения. По предложению т. Ленина была создана комиссия, которой было поручено в течение ночи разобраться во всем деле и дать свое заключение. Когда комиссия убедилась, что мы произвели выдачи из собственных запасов, она пришла к выводам о необходимости изыскать такие меры, которые могли бы помочь усилить снабжение других районов.

Т. Ленин, когда ему доложили заключение комиссии, рассмеялся.

— Правильно решила комиссия,—сказал он.—Какая же это будет советская власть, если мы будем судить за улучшение снабжения рабочих.

Результаты расследования были доложены группе делегатов съезда, возбудивших вопрос. Услышав заключение комиссии, т. Зиновьев, на этот раз уже шутя, сказал:

— А все-таки надо Бадаева наказать. Давайте в наказание переведем его обратно в Петроград.

Снова в Петрограде. За это время (осень 1920 г. и зима 1921 г.) продовольственная работа в Петрограде вследствие целого ряда обстоятельств несколько ослабела. К обычным трудностям частых продовольственных кризисов прибавилось еще то, что петроградский продовольственный аппарат потерял ударность в работе, характерную для него с первых же дней революции. Мало удачно была проведена осенняя кампания по реализации урожая [illegible] работа продотрядов Петрограда в хлебородных районах. Подвоз продуктов сократился и шел с перебоями. Все это отразилось на снабжении петроградских рабочих.

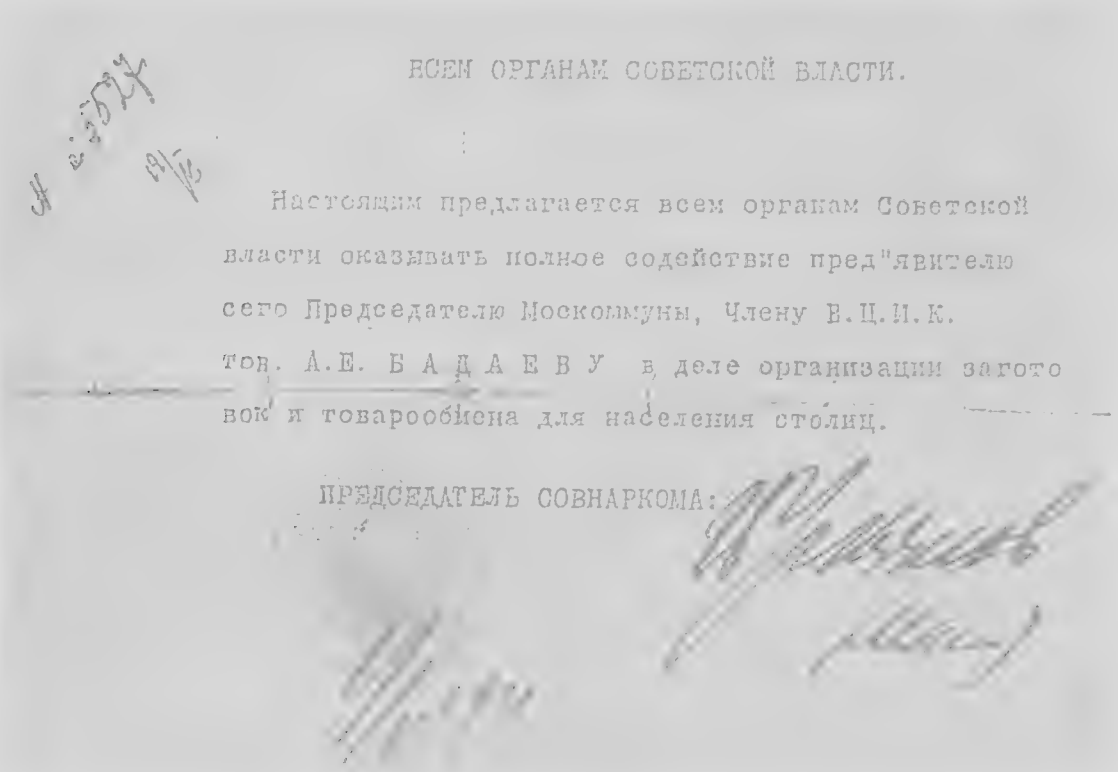
Кронштадтское восстание в феврале 1921 года еще больше обострило и без того [illegible] Петрограда и решительно поставило вопрос об улучшении продовольственной работы и усилении снабжения города. В самом порядке был принят ряд мер помощи Петрограду. Необходимо указать на [illegible] подвоз. Москва, где в это время я работал с группой петроградских продовольственников, пошла на помощь Петрограду: со складов Москоммуны мы отправили в Петроград свыше 70 тыс. пудов хлеба и некоторые другие продукты.

Но положение Петрограда все еще оставалось плохим, а наступающее лето грозило новым продовольственным кризисом. Нэп был только что объявлен, но пока еще не было видно даже первых его результатов.

Весной 1921 г. ряд руководящих работников Петроградского губкома и совета поднял вопрос о моем возвращении обратно на работу в Петроград. Приезжавшие в Москву товарищи передавали мне об этом. В мае или июне 1921 г. об этом же повел разговор со мной т. Зиновьев. На вопрос о моем отношении к возвращению в Петроград я ответил, что буду работать там, куда меня пошлет ЦК. Но, разумеется, если меня переведут обратно в Петроград, имевшие место в прошлом конфликты не должны повторяться. Получив мое

условное согласие, т. Зиновьев сказал, что будет сам говорить с Лениным о моем обратном возвращении в Петроград.

Планы петроградцев стали известны в кругах московских работников. Через некоторое время я должен был выехать с группой товарищей в Туркестан, Бухару и другие районы республики. В виду тяжелого продовольственного положения в стране и полного исчерпания запасов в других районах республики, я получил от т. Ленина поручение организовать там товарообмен и заготовку



ВСЕМ ОРГАНАМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Настоящим предлагается всем органам Советской власти оказывать полное содействие пред"явителю сего Председателю Москоммуны, Члену В.Ц.И.К. тов. А.Е. БАДАЕВУ в деле организации заготовок и товарообмена для населения столиц.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВНАРКОМА:

хлеба для обеих столиц. Перед самым отъездом у меня произошел следующий разговор с секретарем МК т. Зеленским:

— Мы слышали,—сказал т. Зеленский,—что Петроградский губком обратился в ЦК с просьбой о твоем обратном переводе в Петроград. Теперь ты уезжаешь, и мы хотим узнать твое мнение по этому вопросу.

— Я поступлю так, как решит ЦК.

— Но твое личное мнение не безразлично, мы хотим его знать.

— Если петроградцы настаивают,—ответил я,—то мне трудно отказываться.

Еще перед моим отъездом вопрос о моем возвращении в Петроград, таким образом, был предрешен. За время моей поездки дело было окончательно оформлено, и обратно я уже проехал прямо в Петроград.

Когда после почти годового отсутствия я снова вернулся в Петроград, продовольственное положение города было незавидное. Снабжение населения шло не регулярно, ряд фабрик и заводов стояли. Расстроен был в значительной мере и продовольственный аппарат. Председатель Петрогубкоммуны т. Куклин, еще до моего приезда, подал в отставку. Правление было составлено

на скорую руку и носило временный характер, определенного плана работы у него не было.

Я сформировал новое правление, куда вошло также и несколько вернувшихся со мной из Москвы бывших петроградских работников, и начал налаживать аппарат. В организационном отношении в Петрограде была тогда большая неразбериха. Нэп поставил перед продовольственными и кооперативными органами ряд новых задач, в огромном же аппарате тогдашней Петрокоммуны были переплетены самые разнообразные функции. Пришлось заняться разграничением работы и, прежде всего, выделить ту часть работы, которая относилась к губернии. Из отдельных частей Петрогубкоммуны были организованы самостоятельные аппараты губпродкома и губсоюза. Им передано было соответствующее количество имущества и товаров.

Нэп, с одной стороны, облегчил дело снабжения населения, но, с другой, крайне осложнил работу, тем более, что теперь требовались совершенно новые навыки, которых у нас на первых порах не было. Учиться приходилось на ходу работы.

В НАЧАЛЕ НЭП'а.

Состояние товарного рынка.

Колоссальное напряжение всех сил страны во время гражданской войны не могло не сказаться болезненно на состоянии нашего народного хозяйства. Промышленная разруха, значительное сокращение посевной площади, почти полное истощение всех продуктов и товарных запасов страны требовали немедленно после ликвидации военных фронтов изменения экономической политики в сторону большего развязывания хозяйственных отношений и восстановления рыночного товарооборота.

Результатом хозяйственных обострений явились также политические колебания в массе мелких производителей, наиболее ярким выражением которых был кронштадтский мятеж. Не надо забывать, что среди лозунгов Кронштадта было требование свободной торговли. Несомненно, что в кронштадтских событиях сыграло известную роль тяжелое продовольственное положение Петрограда, особенно обострившееся осенью 1920 и зимой 1921 гг. И до того продовольственная работа в Петрограде была очень трудна, в последние же месяцы до нэп'а она еще более осложнилась. Заготовительная работа стала слабее, а в связи с этим упало и снабжение. Зимой 1921 г. паек, выдававшийся рабочим даже по ударной карточке, не достигал и половины необходимого прожиточного минимума. Конечно, такие нормы снабжения способствовали еще большему углублению промышленной разрухи, вызывали бегство рабочих из Петрограда, заставляли их превращаться в кустарей, заниматься производством зажигалок и всяких других мелочей для товарообмена и т. п.

Замена разверстки продналогом и разрешение свободного товарооборота на рынке давали выход назревшему кризису, устанавливая новую систему хозяйственной политики в стране. Естественным развитием этих положений был декрет 7 апреля 1921 г., по которому, с одной стороны, с кооперации снимался ряд обязательных государственных заданий, а с другой, перед кооперативными объединениями раскрывалось новое широкое поле хозяйственной деятельности.

Продовольственная кооперативная работа в Петрограде начала перестраиваться. В связи с установлением свободных рыночных отношений работа как

будто бы облегчилась, но в то же время перед ней встали совершенно новые трудности. С наибольшей тяжестью обрушились эти трудности на петроградскую кооперацию в первые месяцы нэп'а, когда новая хозяйственная политика только начала прорывать свои первые каналы. Рождение товарно-денежного хозяйства происходило медленно и с трудом. Внутренний рынок был совершенно расстроен. Работа по сбору разверстки за предыдущие годы почти полностью выкачала все запасы в стране. Рассчитывать можно было только на новый урожай, а между тем первый год нэп'а совпал с тяжким неурожаем, постигшим хлебородное Поволжье. Вместо обычного получения хлеба из Поволжского района в этом году приходилось ввозить продукты туда.

Все это привело к почти полному обескровлению нашего внутреннего рынка. Товаров почти не было, а между тем спрос на них предъявлялся со всех сторон. На рынок хлынуло бесконечное количество заготовителей, вплоть до самых мелких организаций, при чем каждая старалась урвать как можно больше себе. Ни о каком плановом начале говорить не приходилось.

Большой спрос и конкуренция при повсеместном недостатке продуктов вызвали на первых порах сильный подъем цен. Параллельно с этим, с все ускоряющейся быстротой рос выпуск дензнаков.

При таких условиях немедленный переход на денежное хозяйство представлял колоссальные трудности. Поэтому вначале на первый план был выдвинут товарообмен. При [illegible] предполагалось наладить заготовки необходимых городу продуктов. Но очень быстро выяснилось, что из товарообмена ничего не выходит, так как при очень слабо работающей промышленности на товарообмен можно было пустить только остатки старых товаров, в большинстве не пригодных для широкого потребления и совершенно не отвечавших спросу.

С чем начала работать петроградская кооперация.

В такой исключительно трудной обстановке начал новую хозяйственную работу петроградский продовольственно-кооперативный орган, носивший тогда еще старое название — Петрогубкоммуна. У него были и свои внутренние недостатки, сильно мешавшие быстрому переходу на новые начала. Предыдущая работа в Петрограде привела к тому, что продовольственный аппарат носил исключительно централизованный характер. Иначе, правда, и не могло быть. В свое время это было совершенно необходимо, так как основные задачи продовольственной организации заключались в строжайшем учете всех продуктов, в том, чтобы не допустить образования какой-либо щели, куда могла бы просочиться хоть малейшая струйка спекулятивной торговли. На Петрокоммуну возлагались все новые и новые функции: на нее была возложена обязанность обслуживать железнодорожников, в район ее деятельности была включена вся губерния, где приходилось не только вести распределение, но и выполнять хлебную разверстку и т. д. Продовольственная работа, сопровождавшаяся строжайшим учетом каждого фунта продуктов и каждого едока, требовала в предыдущие годы очень много работников. Отпустить по карточкам какую-либо четверку хлеба было много сложнее, чем теперь снабдить город несколькими миллионами пудов. В результате, аппарат Петрогубкоммуны оказался очень громоздким и тяжелым и насчитывал свыше 36.000 человек служащих, чуть ли не десять процентов всего взрослого населения Петрограда. При нэп'е этот огромный аппарат ложился тяжелым грузом на работу.

Но и в отношении материальных средств Петрогубкоммуна вступала в новый период работы в значительной мере обессиленная. При первых же шагах нэп'а пришлось большую часть различного скопленного продовольственным органом имущества, оборудования и [illegible] своей родившимся организациям. Петрокоммуне пришлось наделить имуществом и вновь отделившиеся от нее губпродком и губсоюз и некоторые только что образовавшиеся тресты и даже профсоюзы, которые завели собственные склады, правда, очень скоро ликвидированные. Много [illegible] продовольственного органа и широкими бесплатными выдачами различных предметов населению Петрограда, полосой прошедшими перед самым нэп'ом. Оставшиеся товарные [illegible] у Петрокоммуны [illegible] и [illegible] распределялись.

С 1 сентября 1921 г. вся кооперация, в том числе и Петрокоммуна, должна была жить и работать исключительно на собственные средства. По постановлению Совнаркома кооперация была снята с государственного снабжения, как продовольственного, так и денежного. С этого момента Петрокоммуна оказалась вынужденной содержать на свои средства весь свой многочисленный аппарат, нести расходы по заготовкам топлива и горючего для транспорта, по провозу по железной дороге и т. п. Как раз этот период совпадал с началом новой заготовительной кампании, когда нужно было напряжение всех сил. Успех этой кампании целиком зависел от наличных средств, которые можно было пустить в оборот. Ибо работа кооперации измерялась [illegible] пудов полученных продуктов, но также размерами и быстротой оборота денежных средств.

Товарный фонд, которым располагал к началу своих операций петроградский [illegible] состоял [illegible] и из [illegible]. Но в состав этого фонда входили товары, мало или даже совершенно непригодные для [illegible]. Годного имущества было [illegible] распределена между населением, и теперь оставались, в большинстве случаев, лишь всякие ненужные побрякушки.

Кредитные операции в это время на рынке еще совсем не практиковались. За каждый пуд продуктов требовали немедленно деньги на бочку. Что же касается денежного кредита, то его тоже не откуда было получить, так как об [illegible] банке [illegible], он [illegible]. Государственный банк организовался только в ноябре 1921 г. Только к этому моменту (даже [illegible]) [illegible] денежный кредит на заготовки. Характерна была та обстановка, в которой происходила выдача этих первых кредитов. Дело было настолько новое, что руководители банка потребовали, чтобы получить деньги приехал я сам. Нам выдали 30 миллиардов рублей, которые были сложены в несколько мешков весом по два-три пуда каждый. Мне, вместе с двумя нашими петрокоммунскими работниками, пришлось превратиться в грузчиков: мы нагрузили многопудовыми мешками с дензнаками наш автомобиль, а затем купе вагона и отвезли [illegible] в Петроград. Вплоть [illegible] [illegible] [illegible]

курсу Наркомфина 1 рубль в золотом исчислении составлял 60 тысяч рублей совзнаками. Значит, весь наш капитал, вместе с товарными запасами, был немного больше одного миллиона рублей. Если же не считать мертвого груза, в виде совершенно непригодных для сбыта товаров, то наши фактические оборотные средства не превышали 500 тысяч рублей.

При быстром падении рубля и этот ничтожный капитал мог очень легко и незаметно испариться. Только за три месяца, до конца января 1922 г., цены на рынке возросли, примерно, в 3 раза; поэтому уже к этому моменту для того, чтобы сохранить в том же размере наши заготовительные возможности, мы должны были бы иметь капитал в 240 миллиардов рублей.

Мы принимали всякие меры для того, чтобы удержать первоначальный капитал и увеличить оборотные средства Петрокоммуны. В то же время шла перестройка и подготовка аппарата для новой системы хозяйственной работы. Уже к 1 ноября 1921 г. число служащих было сокращено в шесть раз, с 36 до 6 тысяч, а к январю 1922 г. в аппарате уже было всего 4 тысячи работников.

Свертывание аппарата было нелегким делом. Мы ликвидировали ряд ком-
мун, [illegible] и распределительных пунктов, [illegible] и другие многочисленные предприятия, оставшиеся с прошлого периода. Одновременно была частично ликвидирована наша многочисленная агентура, представители которой до тех пор имелись почти в каждой губернии, свернуты были и многочисленные, невыгодные в новых условиях иногородние совхозы. Все это приходилось проводить постепенно, так как сразу нельзя было сделать резкий поворот от прежней системы работы.

Товарообмен. В таких организационных и хозяйственных условиях началась работа петроградской кооперации при новой экономической политике. В первую очередь было организовано несколько товарообменных [illegible] за хлебом на Украину, в Киркрай, Туркестан и в другие районы. Характерно, что больше всего дала заготовка хлеба в Туркестане, т. е. в том районе, откуда никогда раньше не вывозился хлеб, а куда, наоборот, он ввозился. В этот период ехали заготовлять не в обычные хлебные районы, а туда, где оставались хоть какие-либо признаки хлеба. Уже одно это показывает, в каком состоянии был наш внутренний рынок, какие трудности представляла работа в первые месяцы нэп'а.

Товарообмен в своем чистом виде, однако, плохо налаживался. Как мы уже говорили выше, и товар был для этого неподходящий и крайне трудно было вести расчеты по этим операциям, так как при полном разнобое цен почти невозможно [illegible] ситца или какое-либо железное ведро.

В связи с этими трудностями в наших отношениях с кооперативами, сдающими для товарообмена различные изделия, был установлен новый порядок, уже приближавший нас к товарно-денежным операциям. С кооперативами заключались твердые договоры на поставку продуктов в золотой валюте, при чем в этой же валюте, исходя из довоенных цен, оценивались переданные Петрокоммуне для обмена товары.

Такие договоры заключались не только с кооперативами, но и с целым рядом отдельных заводов, как, например, Треугольник, Скороход, Нижорский, [illegible] Петрогубкоммуна [illegible]

продуктов почти на 200 тысяч рублей золотом. Но вскоре пришлось отказаться и от этой системы, так как условия рынка все ближе и ближе подводили нас к чисто денежным операциям. Сыграл роль здесь и мало пригодный для сбыта подбор товаров, которые сдавались для товарообмена различными петроградскими организациями. Все же с июля, когда фактически началась наша работа, по октябрь удалось заготовить до 350 тысяч пудов различного продовольствия, в том числе 100 тысяч пудов хлеба, 150 тысяч пудов овощей и т. д.

Таковы были итоги первого товарообменного периода заготовок, после которого, приблизительно с октября, петроградский кооперативный центр уже начал вести свои операции исключительно на деньги.

В январе 1922 г. состоялась общегородская кооперативная конференция, на которой собрались представители петроградских фабрично-заводских, кооперативных и профессиональных союзов. Это была не первая конференция петроградского продовольственного кооперативного органа, постоянно черпавшего на этих конференциях новые силы для работы. Однако после последней конференции прошло почти два года. Созыв общегородской конференции после такого перерыва сам уже по себе свидетельствовал о наступившем оживлении в работе. Тот период перед самым нэп'ом, когда в аппарате продовольственно-кооперативного органа чувствовалось некоторое окостенение и отрыв от широких масс петроградских рабочих, теперь уже окончательно остался позади.

На конференции мы могли сообщить внушительную цифру наших заготовительных итогов за первые месяцы работы. С июля 1921 г. по январь 1922 г. ПЕПО заготовило свыше 1.700 тысяч пудов разных продуктов, среди них 400 тысяч пудов хлеба, 100 тысяч пудов мяса и т. д. Ни одна однородная организация за этот срок не заготовила и четверти того, чем снабдило ПЕПО петроградское население. На этой же конференции мы развернули перед собравшимися представителями петроградских рабочих широкий план развития кооперации Петрограда во всех областях ее работы. Достигнутые в первый же самый трудный период нэп'а результаты хозяйственной деятельности дали нам твердую уверенность, что намеченный план вполне реален и будет выполнен петроградской кооперацией полностью.

ПЕРВЫЕ КООПЕРАТИВЫ ПРИ НЭП'е.

Кооперативные организации до нэп'а.

С первых же месяцев нэп'а, после изданного правительством декрета о кооперации, в Петрограде началась стихийная организация потребительских обществ. Во всех районах города, при фабриках, заводах и учреждениях начали возникать кооперативы.

Нельзя, однако, считать, что только с нэп'а ведет свое начало советская кооперация. Существовавшие до тех пор единые потребительские общества, образованные по декрету 20 марта 1919 г., тоже были кооперативными организациями, но на всей их работе лежали черты, обусловленные хозяйственной политикой военного коммунизма. Они были построены по принципу обязательного членства всего населения в кооперации, были строго централизованы, выполняли, главным образом, государственные задания по продовольственному снабжению и были, в силу сложившихся объективных условий, строго ограничены в заготовительной работе. Но и при таком положении единые потреби-

тельские общества развивали большую кооперативную работу, вовлекая в нее широкие массы трудящихся.

В особенности большая и энергичная работа велась обоими столичными кооперативными центрами. Глубокий смысл имело наименование, которое носило Петроградское единое потребительское общество. В отличие от других ЕПО, наше потребительское общество называлось „Петрокоммуна", подчеркивая этим названием, что оно является коллективной хозяйственной организацией трудящихся. Хотя население Петрограда не вносило никаких паев в кооперацию и не выполняло других кооперативных обязанностей, но то, что мы сейчас называем материальной заинтересованностью кооперированных масс, было у пайщиков Петрокоммуны во много раз выше, чем у членов нынешних кооперативов. Четверка хлеба, которую получал в то время потребитель, была для него единственным средством существования. Как бы ни был мизерен ежедневный продовольственный паек, но лишиться его—значило прожить сутки без всякой еды, так как ни откуда со стороны продуктов достать нельзя было Свою четверку поэтому потребитель ни за что не упускал, и, если почему-либо ее не выдавали, он проявлял максимум настойчивости и активности, шел за ней до самых верхов и в конечном итоге добивался своих прав. Но эта же четверка налагала и обязанности на потребителя. Для того, чтобы добыть для Петрограда лишний вагон хлеба, рабочие собирались в отряды и шли с опасностью для жизни туда, где каждую минуту могла настичь пуля белогвардейца или подкосить смертоносный сыпняк. Огороды, маршрутные поезда, субботники—все это было другим проявлением активности и самодеятельности потребительских масс в голодные годы.

Начало кооперативного строительства.

Декрет 7 апреля 1921 г. открыл возможность нового и значительного повышения самодеятельности кооперированного населения. Он давал выход инициативе в тех областях хозяйственной работы, которые государство в период военного коммунизма было вынуждено ограничивать.

Первым толчком к созданию в Петрограде кооперативов, называвшихся тогда добровольными потребительскими обществами, послужила необходимость организации планомерного обмена на продукты тех изделий промышленности, которые выдавались рабочим в счет их заработной платы. На этой почве и организовались первые кооперативные объединения при нэп'е.

Кооперативы в Петрограде начали расти с исключительной быстротой. Так как основной их задачей в этот момент была реализация натурпремий и товарообменных фондов, то естественно, что построение первых кооперативных объединений шло по производственному принципу. Потребительские общества образовывались при фабриках и заводах, при учреждениях и вузах. Производственная линия построения рабочей кооперации оставалась в Петрограде в течение приблизительно двух лет и имела и свои положительные и отрицательные стороны.

Этот принцип организации рабочих кооперативов сыграл и ту роль, что в первые месяцы инициатива и руководство кооперацией были распылены и не сосредоточены в каком-либо одном центре. Кооперативным строительством занимались и исполком, и губернский совет профессиональных союзов, и разные другие организации и учреждения. Таким образом, в первые месяцы нэп'а руководящее значение Петрокоммуны в петроградской продовольственно-кооперативной работе несколько снизилось и ослабело.

Причиной этого было то, что за последний год своей работы Петрокоммуна в значительной мере оторвалась от широких масс рабочего населения Петрограда, потеряла ту необходимую гибкость аппарата, которая была характерна для первых лет Октябрьской революции. С одной стороны, аппарат Петрокоммуны [illegible] с другой весь год прошел при пониженной активности в снабженческой работе. Все это привело к потере авторитета Петрокоммуны и к резкой критике, которой подвергалась ее работа среди потребительских масс.

В результате, при губпрофсовете даже был создан новый параллельный [illegible] оказалась слабой, перспектив у нее никаких не было. Между тем сложная обстановка [illegible] требования перед хозяйственной работой. Для Пецеркоопа, как и для многих других организаций этого периода, эта обстановка оказалась не по плечу, и он быстро ликвидировался, так и не успев сколько-нибудь сильно развернуть своей работы. С июля 1921 г. руководство первичной кооперацией Петрограда перешло окончательно в руки Петрокоммуны, преобразованной в это время в ПЕПО.

Первые рабочие кооперативы носили на себе отпечаток всех условий переходного времени. По существу они были чем-то средним между потребительскими обществами и фабрично-заводскими закупочными комиссиями.

Рост таких кооперативов шел с неуклонной быстротой вверх. В июле 1921 г. их было около 70, а уже к концу года число первичных кооперативов в Петро[illegible] предприятий, считал [illegible] иметь собственное потребительское общество.

В хозяйственном отношении эти первые кооперативные объединения были [illegible] мертвым грузом. Что касается денежных средств, то при почти целиком натурализованной заработной плате, при полном отсутствии денег у населения со[illegible] представлявшее [illegible] [illegible] [illegible]

ское и потребительское масло. Теперь уже, если небольшие продукты шло плохо, вина за это в сознании потребителя ложилась на близкую ему маленькую кооперативную ячейку, тогда как раньше он все свои обвинения направлял против советских продовольственных органов, а в конечном итоге против советской власти в целом. При всей незначительности практических хозяйственных результатов многочисленные потребительские общества этого периода облегчили советской власти крайне трудный переход к проведению в жизнь новой экономической политики.

Оглядываясь назад, мы должны отметить значение этого периода и для всего дальнейшего кооперативного строительства в Петрограде. Вырастающие с поистине сказочной быстротой, порождаемые при каждом заводе и фабрике, заводские кооперативы превратили в Петрограде огромные кооперирующиеся трудящихся масс, вовлекли и объединили в своих рядах сотни тысяч пайщиков. Они были первыми кооперативными ячейками, из которых впоследствии выросли наши нынешние сильные районные потребительские общества. В то же время хозяйственная неудача первых объединений с убыточной деятельностью показала преимущества крупных кооперативных организаций. Петроград, так бы на опыте, убедился в том, что жизнеспособно только большое и мощное кооперативное общество. Параллельно организационной работе ЦЕКО, постепенно укрупнявшего и объединявшего рабочие кооперативы в Петрограде, шел тот же процесс как раз опыт этих первых месяцев нэп'а. Но мелкие кооперативы при своем объединении или связи с более крупными передавали последних сотни пайщиков, ранее потерянных ими в ряды кооперации. В этом была положительная историческая роль стихийно выросших тогда мелких рабочих кооперативов.

Хозяйственная несостоятельность этих мелких кооперативов сказалась очень быстро. Число их достигло к маю 1922 г. свыше 400, но одновременно шла и гибель отдельных наиболее слабых объединений.

Начинает организовываться первый государственный бюджет, вводится налоговая система, при встрече с которой лопается наравне с частниками ряд потребительских кооперативов. Были и другие причины ликвидации мелких кооперативов. В поисках средств они нашли или неприемлемым путем и попадали в кабалу к частным торговцам, которые, спекулируя на операциях кооперативов, по существу кооперативы, а затем, попросту, клали весь кооператив к себе в карман. Приходилось вести отчаянную борьбу с такими лжекооперативами.

Непормально разросшаяся сеть кооперативов в Петрограде начала постепенно сокращаться и к концу 1922 г. снова достигла 300 единиц. Таким образом, уже тогда начал намечаться путь укрупнения петроградской кооперации, постепенно превратившей ее в крупный и мощный кулак.

Несколько позже затянулся процесс укрупнения в ликвидации союзных кооперативов. Построенные, как правило, они были более жизнеспособны, чем одиночные кооперативы. Но с установлением хозяйственной работы, когда была введена более жесткая государственная финансовая система, самостоятельное существование оказалось трудным и для профсоюзных кооперативов. Все они постепенно вошли в общую систему петроградской кооперации. Летом 1923 г. ликвидировались наиболее сильные союзные кооперативы — металлистов, печатников и медсантруд.

ЗАГРАНИЧНАЯ МУКА.

Первые закупки заграничных продуктов.

Лето 1921 г. принесло Советской России снятие блокады и возможность восстановления торговых сношений с заграничным рынком. После долгого перерыва в наших портах снова появились заграничные пароходы. Но правильных торговых отношений еще не было. Наш внешторг только нащупывал почву, знакомился с рынком, к планомерному же экспорту и импорту ни одна хозяйственная организация еще не приступила.

Между тем положение на внутреннем рынке в стране с каждым днем ухудшалось. Те небольшие запасы продуктов, которые оставались от прежних лет в заготовительных районах, скоро были подобраны начисто. Новый сезон из-за недорода в Поволжьи не обещал ничего хорошего. Несмотря на восстановление товарных отношений, перспективы наступающего года были очень тяжелые. Как всегда, особых затруднений нужно было ожидать к весне и лету, когда небольшой урожай 1921 г. был бы окончательно съеден. Для нас, работавших в петроградском продовольственном органе не первый год, эти тяжелые перспективы были совершенно ясны. Уже с осени надо было готовиться к этому моменту и заранее принять все необходимые меры. Теперь мы должны были вести работу уже на все 100% своими силами, не рассчитывая на хлеб от Наркомпрода или других организаций.

Естественно поэтому, что как только снятие блокады открыло первую узкую щель на заграничный рынок, мы постарались, не откладывая в долгий ящик, использовать новые возможности. Свои первые закупки заграничных продуктов мы произвели тут же у себя в Петрограде в порту, куда в это время за свой риск и страх начали привозить товары заграничные купцы. С разрешения Наркомвнешторга нами было закуплено с прибывающих в порт пароходов 50 тысяч пудов различных продуктов, из них до 30 тысяч пудов сахара, в котором в это время Петроград очень нуждался. После долгого перерыва, когда сахар выдавался чуть ли не по граммам, удалось снабдить рабочих по полтора-два фунта на человека.

Эти первые закупки были однако и незначительны и носили несистематический характер. Но в то же время они показали нам, что в существующих условиях использование внешнего рынка для заготовки некоторых продовольственных продуктов вполне целесообразно и выгодно. За это говорило и установившееся соотношение между нашими и заграничными ценами. Даже хлеб купить за границей в это время было выгоднее, чем заготовлять его на внутреннем, сильно обескровленном неурожаем, рынке. Все это подсказывало нам необходимость приступить к заграничным операциям уже планомерно и с большим вниманием. Последующие за этим месяцы показали, что наши расчеты были вполне правильны: закупленная за границей мука дала возможность в 1922 г. не только систематически снабжать петроградских пайщиков, но и оказала большую помощь сохранившемуся еще в первое время государственному снабжению некоторых групп рабочих.

Но как приступить к заграничным операциям? Если основная трудность заготовок внутри страны лежала для ПЕПО в недостатке средств, то по отношению к заграничным операциям эта трудность была неизмеримо большей. Для выступления на внешнем рынке нужна была валюта, получить которую в кредит или

каким-либо другим образом в это время не было совершенно никакой возможности.

Мы вступили в переговоры с исполкомом и экосо, предлагая им произвести заграничные покупки совместно, на половинных началах, и прося, чтобы нам выдали для этого имевшийся в Петрограде фонд из реквизированных золотых и драгоценных вещей. Но хотя наши условия, как будто, были приняты, ПЕПО получило из фонда всего 50 или 70 тыс. руб., расплачивалось потом за четырехмиллионную покупку муки полностью своими средствами.

Никаких других валютных источников у нас не было, но мы все же не хотели упускать представившихся возможностей и решили сами создать необходимую для работы валюту. У нас был следующий расчет: в распоряжении ПЕПО был небольшой материальный фонд совзнаками и товарами, при чем в числе последних были такие, как сахар и сельди, пользовавшиеся большим спросом среди крестьянства. Если часть этого фонда направить в районы сырьевых заготовок и быстро оборачивать товары, то можно было заготовить значительное количество экспортного сырья. Цены на сырье стояли тогда невысокие, так как заготовкой его почти еще не занимались, а поэтому экспортные операции были выгодны и могли дать нам необходимую для закупок валюту.

Два миллиона пудов муки из-за границы.

После предварительной подготовки и обсуждения, ПЕПО в начале января 1922 г. заключило с Внешторгом договор на поставку в Петроград двух миллионов пудов заграничной муки, на сумму до 4 миллионов рублей золотом. Согласно условиям договора мы должны были сдать Внешторгу на соответствующую сумму экспортного сырья нашей заготовки. Сырье сдавалось в Петрограде по ценам лондонской биржи. Внешторг охотно пошел на это соглашение тем более, что у него самого еще почти совсем не было никаких экспортных товаров для выступления на внешнем рынке.

Заключение договора с Внешторгом на закупку такой громадной партии хлеба произвело огромное впечатление. После долгих лет блокады, после того, как прибытие каждого маршрута хлеба в Петроград было крупным событием, для многих казалось совершенно невероятным, чтобы можно было получить из-за границы такую глыбину хлеба. В миллионах пудов заготовки отдельных организаций до сих пор не исчислялись. Когда на кооперативной конференции в январе 1922 г. я сообщил о нашей закупке, конференция постановила, чтобы ПЕПО как можно чаще докладывало на собраниях о том, как выполняет свой договор Внешторг. Среди рабочих Петрограда эта операция вызвала необычайный интерес, и они хотели непрерывно наблюдать за ее выполнением. Но Внешторг аккуратно выполнял свои обязательства, для него эта закупка была своего рода экзаменом перед Европой. Ударить в грязь лицом здесь было нельзя

Большое впечатление произвел наш договор и в Москве, которая также переживала продовольственные затруднения. Председатель Московского совета т. Каменев, во время одного из моих приездов в Москву, забросал меня рядом вопросов:—где взяли, как, на какие средства и т. д.

Со всей ударностью, на которую был способен наш аппарат, ПЕПО приступило к заготовкам экспортного сырья. Фактически мы начали это совершенно незнакомое нам дело почти совсем без средств. Таким образом все зависело от быстроты нашей работы, от скорости оборота тех незначительных средств, которые

можно скорее его реализовали и бросали вырученные деньги на новые заготовки. Уже тогда мы стали сжимать разросшийся в предыдущие годы заготовительный и агентурный аппарат ПЕПО и поставили дело так, чтобы он как можно меньше съедал расходов на свое содержание.

Из всех районов республики наша агентура начала посылать в Петроград лен, пеньку, кожи, щетину, волос и другое сырье. Дело быстро пошло на лад. Нельзя сказать, правда, что все это сырье вполне отвечало установленному за границей стандарту. Да иначе и не могло быть, так как не только у нас, но и во всей стране не было ни необходимого опыта, ни еще хорошо подготовленных специалистов. Но и при этих условиях экспортные товары было нетрудно сбывать за границу, так как цены там стояли значительно выше, чем на внутреннем рынке. Напряженная работа быстро дала результаты. За первые два месяца работы ПЕПО удалось заготовить почти 100 тысяч пудов льна и пеньки, 20 тысяч пудов кожи и ряд других экспортных товаров. Все это мы немедленно сдавали Внешторгу, а он отправлял за границу.

В феврале началось поступление в Петроград заграничной муки. Мы с волнением и трепетом ожидали прибытия первой партии. Все еще как-то не верилось, что удастся получить из-за границы такое количество хлеба. Какие затруднения приходилось при этом испытывать, показывает следующий факт. Хлеб прибывал в Петроград по железной дороге из Ревеля, куда доставлялся пароходами. Для того, чтобы доставка шла аккуратно и без перебоев, нам пришлось [illegible] прибывающей муки железнодорожников. В силу недостаточного положения транспорта, из-за отсутствия топлива и недостатка перевозочных средств, железнодорожники требовали [illegible] напряженная работа, чтобы [illegible] их снабжение стояло выше [illegible]. Своей мукой ПЕПО приходилось пополнить этот пробел.

Почти все два миллиона пудов, целое море вагонов было получено ПЕПО до июня 1922 г. Все это время шла сдача нами Внешторгу сырья. Работа велась быстро и бесперебойно. Появился у нас и некоторый опыт в этом деле и знание сырьевого рынка.

Кооперативный хлеб для госснабжения.

Заграничные закупки муки имели крупнейшее значение для снабжения Петрограда в 1922 г. Только благодаря им Петрограду сравнительно легко удалось пережить тяжелый год. Мы не только снабжали этим хлебом наших пайщиков, но и отдали часть его для госснабжения.

Почти полное отсутствие хлеба на внутреннем рынке поставило под удар сохранившееся еще в первые месяцы нэп'а для некоторых групп рабочих государственное снабжение продуктами. Это снабжение лежало на обязанности Наркомпрода, который оказался не в состоянии дать столько хлеба, сколько следовало по установленной норме. На петроградских фабриках и заводах это создало напряженное положение, грозившее тяжелыми последствиями. Нельзя было допустить повторения волынки на заводах, в роде той, которая имела место во время кронштадтских событий, год тому назад, в те же самые месяцы (февраль, март).

ПЕПО было предъявлено требование отдать для госснабжения часть хлеба из закупленной за границей муки. Это требование ставило кооперацию в чрезвы-

Заседание кооперат. секции Ленинградского Совета в актовом зале Смольного (с чехо-словацкой кооперативной делегацией).

Торжественное заседание кооперативного актива, посвященное [illegible] Октябрьской Революции.

ченных для госснабжения, производилась с большим опозданием, да и вообще была проблематична, ввиду того, что заграница сократила требования непрерывного притока живых средств либо в виде валюты, либо в виде сырья, за которое нам приходилось расплачиваться наличными. Кроме того, такая огромная выемка средств [illegible] грозила нам [illegible] ватя последствиями для нормального хода нашей хозяйственной работы.

Вопрос о передаче ПЕПО части заграничной муки для госснабжения был в острой форме поставлен на специальном заседании бюро Петроградского губкома. В ответ на мои объяснения, почему ПЕПО считает это для себя затруднительным, бюро губкома, исходя из создавшейся на фабриках и заводах политической обстановки, все же настаивало, чтобы мы пополнили своей мукой нехватки по госснабжению, и обещало в свою очередь добиваться через ЦК полной уплаты кооперации за выделенные ею продукты.

Как это ни было трудно для кооперации, нам все же пришлось отдать для госснабжения часть заграничной муки. По постановлению Совнаркома до полумиллиона пудов было закуплено у нас Наркомпродом по себестоимости. В результате, в то время как наркомпродовская норма по госснабжению составляла всего до 30 ф. в месяц, петроградский рабочий получал некоторые месяцы по 1½ и 2 пуда хлеба. Все это вселило большую уверенность не только в кооперативных работниках, но и в широких массах петроградского населения. Теперь уже хлебные осьмушки окончательно остались позади, и для всех стало ясно, что к ним не будет больше возврата.

Для ПЕПО заграничные операции с хлебом имели и еще одно крупное значение. Только благодаря заграничным закупкам удалось весной 1922 года [illegible] средств для петроградской кооперации. Для пуска завода нужно было сырье — ячмень, который мы также получили из-за границы. Заготовить ячмень для пивоварения внутри страны не представлялось возможным, так как при общем бесхлебьи нам никогда не позволили бы хоть небольшую партию хлебных продуктов пустить на пиво. У нас же создалось такое положение, что Петроград получал хлеба столько, сколько ему было нужно, и поэтому переработка ячменя на пиво не могла возбудить никаких протестов. Мы всегда имели возможность удовлетворить требования на хлеб, а рядом с этим перерабатывать ячмень на пиво.

Но, быть может, самую большую роль сыграли первые заграничные операции тем, что они подвели некоторую финансовую базу под работу ПЕПО. При почти полном отсутствии средств в начале нашей работы в условиях нэп'а эти 4 миллиона рублей золотом, которые мы получили в наши оборотные средства, [illegible] и теперь такой приток оборотных средств имел бы исключительное значение, тогда же он, положительно, дал жизнь всей нашей системе. Мы точно выполнили [illegible] с его стороны, расчеты с ним несколько запаздывали, при чем последний был произведен уже в 1924 г. Между тем хлеб мы реализовали очень быстро и поэтому в нашем обороте были некоторое время значительные средства, на которые развертывалась работа кооперации.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ РАБОТА.

Почему кооперация занялась производством.

Первым делом кооперации, при установлении товарно-рыночных отношений, было заготовить как можно больше хлеба и продуктов и накормить ими долго голодавшее население. Но очень быстро потребитель начал предъявлять и другие требования. Кроме хлеба ему нужна была и мануфактура, и обувь, и мыло. Между тем товарных запасов на рынке было еще меньше, чем продуктовых. Наша промышленность, истощенная и разрушенная сначала войной империалистической, а затем гражданской войны, в 1920—1921 гг. выпустила изделий не больше 15—20% потребности населения. Без товаров сидела не только деревня, но и город, даже такой крупный промышленный центр, как Петроград. Петроградскому рабочему негде было приобрести подметку для сапог или кусок мыла для мытья.

Рабочий, начавший уже получать от кооперации нужные для ежедневного потребления продукты, ставил жив на ПЕПО и требовал также и предметов первой необходимости. Широкие массы потребителей, на все предложения кооперации видеть в кооперативно-продовольственном органе своей единственный хозяйственный аппарат в Петрограде. Снова и снова русская деревня самые разнообразные требования потребителей, здесь петроградский рабочий рассчитывал всегда встретить отклик на ту или иную свою нужду. Деятельность и Петрокоммуны и Петрокоммуне далеко выходила за пределы формальных рамок их работы. В плановые органы кооперации продовольственного снабжения возлагались самые различные задания, и, в той или иной мере, она их всегда выполняла. Когда нужно было, наш аппарат брал на себя снабжение армии, размещение безработных, ремонт, строительство, заготовку дров и т. д.

И теперь, когда население переживало острый голод на предметы первой необходимости, и промышленность была еще слаба и только-что первые организационные шаги, потребовали, чтобы ПЕПО в плане своей работы включило и производство различных товаров.

Пайщик однако не ограничивался одними требованиями наладить производство предметов широкого потребления, но шел еще дальше. Состоявшаяся в январе 1923 г. кооперативная конференция предложила ПЕПО, кроме фабрик и заводов, вырабатывающих товары для потребителя, устраивать также различные подсобные предприятия, починочные и сапожные мастерские, прачечные, бани и даже аптеки.

Эти настойчивые требования пайщиков послужили толчком к организации ПЕПО производственных предприятий. Вообще и другие причины, побудившие нас заняться производственной деятельностью, в процессе организационной работы ставили перед ПЕПО задачу создать некоторые товарные запасы для отправки их в деревню. Особенно это необходимо было в связи с широкими заготовками сырья для экспорта. Уже к этому времени намечалось обострившееся впоследствии расхождение ножниц на промышленные и сельско-хозяйственные товары, и обладание некоторыми запасами промтоваров давало большие преимущества на заготовительном рынке.

Наконец, третья причина, толкнувшая нас на производственную деятельность, носила чисто финансовый характер. Вся кооперативная работа в Петро-

упиралась, как в стену, в недостаток оборотных средств. Мы всячески изворачивались не только для того, чтобы найти какую-либо финансовую базу для работу кооперации, но просто, чтобы пережить сегодняшний день.

И вот в виде одного из источников оборотных средств мы избрали организацию таких производственных предприятий, продукция которых давала бы кооперации определенную прибыль. Эта прибыль должна была способствовать дальнейшему расширению кооперативной работы. Наша точка зрения разделялась тогда и партийными кругами и той же самой январской (1922 г.) кооперативной конференцией признавалась, что производственная деятельность ПЕПО должна положить прочную экономическую основу под работу петроградской кооперации.

Эти три причины, побудившие ПЕПО заняться производственной деятельностью по мере расширения работы тянулись одна за другой. Создание своего производственного предприятия влекло за собой организацию снабжения, у другой стороны сама работа потребительских организаций, не использованной в ее пользу, не могла быть прекращена для выработки каких-либо других побочных изделий. Так, например, для утилизации побочного продукта — обезжиренного творожного молока, которое было сварено для получения казеина. Таким образом промышленные предприятия ПЕПО образовывали вместе один производственный комбинат, где одно производство было увязано с другим и его дополняло.

Нельзя считать, что производственная работа петроградского продовольственного центра началась только с нуля. В период [illegible] существовали у него были налажены кооперативное питание, совхозы, фермы, огороды, колбасное дело. Но вся эта деятельность носила до тех пор узкий характер, ограничиваясь добычей и обработкой исключительно небольшой группы пищевых продуктов; теперь же она значительно расширила свою базу, захватывая самые разнообразные виды производства.

Различные виды кооперативной промышленности.

Большинство предприятий, которое получило в это время для эксплуатации ПЕПО, было в запущенном, полуразрушенном состоянии. Саблинский стекольный завод стоял после пожара в 1918 г., на „Старой Баварии“ работы не производились в течение 7 лет, в таком же положении были и все другие предприятия. Все они требовали крупного ремонта и дооборудования, а для этого, понятно, нужны были значительные средства.

В ноябре 1921 г. был пущен в ход кожевенный завод для изготовления [illegible] кожи, [illegible] для производства ремней, обуви и других [illegible] Чтобы [illegible] и женской обуви фабрику. Восстановив, устроив [illegible] Петрограде число [illegible] товаров.

Вслед за тем число производственных предприятий ПЕПО начало быстро расти. Организовался [illegible] пивоваренный, [illegible] костеобжигательный, [illegible] химическая, [illegible] и другие. Производственные предприятия ПЕПО [illegible] [illegible] Союз [illegible] производственные предприятия

считая в том числе совхозы и молочные фермы, к концу 1922 г. достигло внушительной цифры — 50.

Рядом с организацией этих предприятий продолжало расширяться и развиваться существующее до того кооперативное производство. Хлебопечение всегда стояло в центре внимания петроградского продовольственно-кооперативного органа. Каждый год приносил новое улучшение в выпечке хлеба. В основу кооперативного хлебопечения были положены концентрация всего производства на крупных мощных заводах и постепенная механизация всего процесса выпечки. С начала нэп'а выпуск хлеба на заводах должен был естественно начаться, так как теперь уже у населения, кроме ПЕПО, были другие источники снабжения хлебом, но именно благодаря этому приобрел особое значение вопрос о качестве и дешевизне кооперативного хлеба. На рынке появился частный хлебопек, и этого частника кооперация должна была побить не только дешевизной своего хлеба, но и его качеством. С нэп'а механизация хлебопечения усиливается, ведется ударным порядком и, в результате, приводит почти к полному охвату кооперативным хлебом всего петроградского рынка. Крайне разросшаяся также и производство в скобяном заводе Макронная фирма ПЕПО, которая за один первый года нэп'а увеличила выпуск своей продукции в 9 раз.

Из новых предприятий, открытых ПЕПО в 1922 г., наибольшие споры и возражения вызывали, на первых порах, пивоваренные заводы. Эти споры продолжались и после пуска заводов и умолкли только тогда, когда общественное мнение убедилось в громадном значении пивоваренных заводов для всего развития кооперативной работы в Петрограде. Вместе, не признавшие смысла этого значения, указывали, что при все еще трудном продовольственном положении нельзя тратить на пивоварение хлебные продукты, да к тому же все это производство, несмотря на его большую прибыльность, не дело кооперации.

Споры были большие и длинные. Окончательно перевесило вопрос в положительную сторону то обстоятельство, что к пивоваренному делу в это время начал усиленно подбираться частный капитал. Один из петроградских пивозаводов был заарендован иностранной фирмой. При таком положении стало совершенно ясно, что если уж допускать производство пива, то нет никакого смысла позволять уплывать барышам от этого дела в бездонные карманы частников в то время, как кооперация бьется из-за каждого рубля оборотных капиталов. Вопрос был решен, и ПЕПО получило весной 1922 г. в аренду завод „Старая Бавария", теперешняя „Красная Бавария", а в 1923 г. Калинкинский завод, переименованный в „Стеньку Разина".

Воссоздание этих заводов стоило больших усилий для кооперации. Необходимо было оторвать от своего незначительного капитала большие средства, чтобы пустить в ход стоявшее в течение долгих лет и разрушенное производство. Нужно было закупить сырье, топливо, запастись льдом, подправить оборудование и т. п. При взятии в аренду бывшего Калинкинского завода ПЕПО внесло вперед в счет арендной платы 50 тысяч пудов зерна для обсеменения полей в Сев.-Зап. области. Все эти затраты оказались не напрасными, расчет был правильный, и в первый же год пивоваренное производство дало хорошую прибыль. В дальнейшем два пивоваренных завода стали неисчерпаемым источником средств для всей работы петроградской кооперации. Прибыль, полученная

от пивозаводов, позволила ПЕПО, вместе с периферией, перенести безболезненно не один из последующих хозяйственных кризисов, под ударами которых погиб целый ряд слабых кооперативных организаций.

Средства, которые приносили ПЕПО пивоваренные заводы, в первую очередь направлялись на усиление заготовительной работы. В острые моменты финансовых затруднений выручка провинциальных пивных складов тут же шла на закупку необходимых Петрограду продуктов. Теперь, когда основные наши трудности уже позади, мы можем смело сказать, что доходы пивоваренного производства сыграли не последнюю роль в успешном наступлении кооперации на частный рынок.

Но роль пивоваренных заводов ПЕПО не только ограничивалась подведением финансовой базы под кооперативную работу. Они же оказались хорошим источником средств для местного бюджета Петрограда и даже для нашего Союзного Наркомфина, взимающего акциз с продукции пивозаводов. За все эти годы, с момента возникновения заводов, кооперация имела от них прибыли около 9 миллионов рублей. Губисполком в виде арендной платы и различного рода отчислений с каждой бутылки пива получил тоже около 9 миллионов, и, наконец, Наркомфин собрал акциза на 18½ миллионов рублей. Таким образом в нашем пивоваренном производстве имеются как бы три дольщика, при чем на долю кооперации приходится всего четверть получаемых доходов. Все же остальные доходы идут, с одной стороны, на общегосударственные нужды, а с другой—для развития школьной, медицинской и прочих важных отраслей хозяйства нашего города.

Новое направление кооперативного производства.

Развитие производственной деятельности ПЕПО шло, все усиливаясь в течение 1922 г. и первой половины 1923 г., г. е. именно в тот период, когда наша промышленность была еще не организована и переживала только первый период восстановления.

Петроградские фабрики и заводы еще и в малой доле не могли удовлетворять потребителя. Но к лету 1923 г. положение изменилось. Промышленность быстрым темпом восстанавливается и усиливает выпуск своей продукции. Производство стало оживать. В город усиливается приток старых рабочих, фабрика за фабрикой пускается в ход. При таких условиях первоначальная роль кооперативного производства уже отпадает, тем более, что ПЕПО не могло вложить в него новые крупные средства для переоборудования. Изделия государственной промышленности становятся и лучше и выгоднее для потребителя.

Поэтому ПЕПО, на основании постановлений кооперативной конференции, начинает постепенно сворачивать сеть своих производственных предприятий. Причиной ликвидации некоторых послужила и убыточность, явившаяся последствием отсутствия соответствующего опыта при их организации.

Были ликвидированы и переданы на ходу различным организациям кожевенный [illegible] фабрики, пуговичный, [illegible] и др. При ликвидации ПЕПО получило обратно свои затраченные на производство средства и даже имело прибыль в 200 тысяч рублей. После отказа от этих предприятий производственная [illegible] ПЕПО сосредоточилась главным образом на пищевых предприятиях, которые неуклонно растут и улучшаются. В связи с общим ростом кооперативной работы непрерывно растет и число этих

предприятий. К концу 1927 г. у нашего петроградского кооперативного центра количество производственных единиц уже больше семидесяти, т. е. значительно превысило максимальную цифру предприятий в первые годы нэп'а. Все наше [illegible] роль в успешной борьбе кооперации за овладение петроградским рынком.

В то время, как изделия кооперативной промышленности петроградской кооперации позволяют ей широко развить работу в соответствующих областях торговли, этого нельзя сказать про продукцию других отраслей промышленности, находящихся в руках наших трестов. Товары, которые производятся тут же в Петрограде и которые получать кооперации должно было бы значительно легче, чем привезти продукты сельского хозяйства из отдаленных районов Союза, занимают в кооперативном обороте не более одной трети. Это объясняется прежде всего тем, что наши тресты до сих пор не хотят отказаться от самостоятельной торговли. В то время как банки, тоже увлекавшиеся в начале нэп'а торговлей, теперь окончательно прекратили торговые операции, наши тресты и синдикаты, несмотря на полученные и несколько раз подтвержденные директивы партии и правительства, все еще продолжают усиленно развивать свою самостоятельную розничную торговлю. Спор кооперации с государственной промышленностью несколько затянулся; он должен быть разрешен как можно скорее, чтобы ко[illegible]

ХЛЕБОПЕЧЕНИЕ.

Роль хлебопечения в работе петроградской кооперации.

За все истекшее десятилетие хлеб был в центре внимания продовольственно-кооперативной работы в Петрограде. Для петроградского рабочего в годы голода хлеб моментами был почти единственным продуктом питания. Все успехи и достижения продовольственного органа в конечном счете измерялись тем количеством хлебных грузов, которое удавалось нам подвезти к Петрограду. Революционный город предпринимал героические меры для того, чтобы добыть лишний маршрут хлеба и доставить его, несмотря на все исключительно тяжелые препятствия, голодающему населению Петрограда.

С переходом на новую экономическую политику и ликвидацией продовольственного кризиса задача кооперации по снабжению хлебом Петрограда, однако, нисколько не уменьшилась. Роль хлеба, как основного продукта питания в потреблении рабочей семьи, настолько велика, что кооперация ни на один день не могла ослабить своей работы по хлебоснабжению Петрограда. К этому обязывает ее и то значение, которое имеет правильно наложенное снабжение хлебом рабочего с точки зрения общих экономических и финансовых задач, стоящих перед советской властью. Движение цен на хлеб является одним из решающих факторов в деле укрепления советской валюты. Поэтому для государства чрезвычайно важно, чтобы снабжение хлебом находилось не в руках частного торгового капитала, а у кооперации, которая ведет свою работу по общей линии советской экономической политики. Таким образом на протяжении всех десяти лет—и в доиэповский период и в период после установления новой экономической политики—вопросы снабжения хлебом занимали особо важное место в работе петроградского продовольственно-кооперативного органа. Но как в тот период, так и в этот, хлебоснабжение Петрограда было тесно увязано с организацией хлебопекарного производства.

В годы голода, в значительной мере только при помощи налаженного [illegible] продовольственного кризиса и из месяца в месяц поднимать норму пайка по хлебной [illegible] учете каждый фунт продовольствия, распределение хлеба среди населения [illegible] Выдача по карточкам не мукой, а печеным хлебом, что непрерывно проводилось в Петрограде во все годы продовольственного кризиса, позволяла в значительной мере повышать норму пайка и провести в жизнь такие исключительно важные [illegible] было то обстоятельство, что выпечка хлеба производилась в крупных хлебопекарных предприятиях, технические условия которых давали максимальную экономию в расходовании муки и другого необходимого для хлебопечения сырья.

Но и после того, когда голодные годы остались позади, кооперативное хлебопечение не утратило своего исключительного значения. На смену необходимости выпуска при помощи укрупненного производства во что бы то ни стало большего количества хлеба стал вопрос о качестве и дешевизне хлебных изделий, которыми снабжается петроградский рабочий. И в этом случае крупные хлебопекарные предприятия кооперации имели особое преимущество сравнительно с мелкой кустарнической выпечкой хлеба.

Исторический путь развития кооперативного хлебопечения в Петрограде определялся таким образом непрерывной линией на его укрупнение и параллельно с этим на усиление механизации хлебопекарного производства за счет сокращения ручной выпечки хлеба. В своем взаимодействии оба эти фактора привели кооперативное хлебопечение Ленинграда к тому положению, которое оно занимает [illegible] печеным хлебом полуторамиллионное население города.

Вопрос о создании крупных хлебопекарных заводов встал перед петроградским продовольственным органом с первых же дней его существования. Уже в январе 1918 г. центральная продовольственная управа приняла решение о проведении концентрации всего хлебопечения в Петрограде. Постепенно эта мера была проведена в жизнь и вся выпечка хлеба в Петрограде перешла в руки центрального продовольственного аппарата. К осени 1919 г. все хлебопечение в Петрограде было сосредоточено на 8 механических и полумеханических заводах и на 11 хлебопекарнях, выпекавших в среднем ежедневно свыше 20 тыс. пудов хлеба, т.-е. весь хлеб, который распределялся среди петроградского населения. Ни один фунт хлеба, который выдавался по карточкам в это время в Петрограде, не мог миновать хлебозаводов продоргана.

С особенной силой преимущества концентрации производства обнаружились во время наступления Юденича, когда боевая обстановка потребовала исключительного напряжения всех сил и средств для обороны осажденного города. Хлебозаводы продовольственного органа в полной мере выполнили выпавшее на них задание—снабдить хлебом защищавшие подступы к Петрограду красноармейские части и удвоили свою выпечку, доведя ее в этот период до 44 тыс. пуд. в день.

Строить свое хлебопечение петроградскому продовольственному кооперативному органу пришлось на основе плохого наследства, полученного от дореволюционной [illegible] не существовало. Все хлебопечение в Петрограде находилось в руках кустарей.

которые выпекали хлеб в своих мелких лавочках-мастерских в исключительно [illegible] условиях и [illegible]. Только в годы войны появились первые попытки создания более или менее крупных предприятий, но и эти попытки в своем большинстве были неудачны.

Революция таким образом не получила от предыдущего времени ни сколько-нибудь значительного имущества и оборудования для хлебопекарного производства, ни необходимого для этого большого и сложного дела опыта в работе. [illegible] построен городской думой в деревянном здании и имел очень плохое оборудование. Уже с первых дней нашей работы этот завод оказался слишком незначительным для нашего производства, и в 1918 г. рядом со старым зданием [illegible] построили [illegible] корпусе с 12-ю двухъярусными печами. Параллельно с этим в дальнейшем было [illegible] почти только печи. Производительность этого хлебозавода (теперь хлебозавод ЛСПО № 1, им. Юргенсона) около 10 тысяч пудов печеного ржаного хлеба в сутки, при чем большая часть выпечки (5½ тыс. пуд.) падает на новое здание завода.

За первым хлебозаводом последовали другие. Мы использовали для этого помещения наиболее крупных хлебопекарен дореволюционного времени. Но они были настолько малы и мало приспособлены для нашей работы, что пришлось почти полностью их переделывать, возводя иногда даже новые стены. В тех 9 хлебозаводах, которые имеет сейчас петроградская кооперация, нет и следов прежнего оборудования. На некоторых заводах единственное, что роднит их с [illegible] котором заново построено все здание, не говоря уже о необходимом для производства оборудовании.

Из существующих сейчас у петроградской кооперации заводов совершенно [illegible] и обо всех остальных. К [illegible] перестраивались, достраивались и оборудовались полностью заново.

Кооперативное хлебопечение во время нэп'а.

Хлебозаводы петроградской кооперации во все годы продовольственного кризиса вели исключительно напряженную работу, снабжая все без исключения население города хлебом своего производства. К началу нэп'а их оборудование было уже в достаточной мере изношено и требовало серьезного ремонта и улучшения. [illegible] видов изделий широкого спроса. Вместе с тем на сцену появился снова и частный хлебопек-кустарь, который быстро приспособился к рынку и начал загружать его своей продукцией. Перед кооперативным центром встала таким образом [illegible] качество своего хлеба и понижая его цену.

Совпавшее с этим периодом введение твердой валюты потребовало от ко[illegible] на рынок огромные партии хлеба по цене ниже себестоимости с тем, чтобы дать рабочему дешевый хлеб и удержать на достигнутом уровне его реальную зара-

Президиум торжественного заседания ленинградского кооперативного актива.

На постройке хлебозавода „Десятилетие Октября". (Правление ЛСПО с группой кооперативных работников).

ботную плату. Эта первая схватка кооперации с частным рынком окончилась нашей победой — частный хлебопек вынужден был подравнять свои цены с дешевыми ценами кооперативных лавок. Целый ряд частных хлебопекарен лопнули. Одновременно наши хлебозаводы непрерывно и настойчиво работали над улучшением качества хлеба и над все большим усовершенствованием процесса своего производства. Расширялся и ассортимент изделий, выпускаемых хлебозаводами.

Все это вместе взятое дало свои результаты. Из года в год роль кооперации в снабжении Петрограда печеным хлебом становилась все больше и больше. За последние три года, т.-е. за время работы кооперации в условиях устойчивой валюты, выпечка хлеба на заводах ЛСПО росла следующим образом: в 1924/25 г. хлебозаводы выпустили 6 миллионов пудов хлеба, в 1925/26 г. — 9 миллионов и в 1926/27 г. — свыше 10 миллионов пудов. На ближайший 1927/28 г. выпечка хлебозаводов ЛСПО будет доведена до 13 миллионов пудов.

Характерно, что все эти годы особенно сильно росла выпечка белого хлеба, что свидетельствует о непрерывном улучшении благосостояния петроградских рабочих. Если в 1924/25 г. белого хлеба выпекалось около 40 % всего количества, то уже в следующем году этот процент повысился до 48, а в наступающем 1927/28 г. на белый хлеб будет падать больше половины всей выпечки.

В смысле охвата рынка печеного хлеба петроградская кооперация быстрыми шагами подходит полностью ко всем 100 %. В 1924/25 г. кооперация снабжала Петроград хлебом на 68 процентов всей его потребности, в 1925/26 г. — на 76 процентов, а в 1926/27 г. — уже почти на 80 процентов. Мы наблюдаем отступление частников-хлебопеков по всему фронту. Под давлением кооперативной хлеботорговли, густой сетью покрывшей весь город, частник один за другим закрывает свои пекарни, уступая место кооперации.

Непрерывный рост населения Петрограда и повышения спроса на кооперативный хлеб ставит перед нами вопрос о дальнейшем расширении хлебопекарного производства. Уже в последнее время ЛСПО был вынужден, чтобы удовлетворить спрос на хлеб, присоединить к своим основным заводам ряд небольших хлебопекарен, в виде заводских отделений. К 9 заводам ЛСПО приписано 41 отделение, для которых использованы помещения наиболее крупных петроградских пекарен. Однако дальнейшее развитие кооперативного хлебопечения не может пойти по этому пути. ЛСПО взят твердый курс на постройку новых хлебозаводов, первый из которых в настоящее время заканчивается постройкой и к концу года заработает полным ходом.

В соответствии с современными требованиями рационализации производства, новый завод строится как мощная производственная единица с учетом всех достижений европейской и американской техники. Постройка такого завода стоит огромных денег, не менее 3 миллионов рублей, которые кооперация частично выделила из своих прибылей, а частично получила в виде ссуды от правительства.

Оборудование завода закуплено у различных заграничных фирм, специализировавшихся на изготовлении необходимых для хлебозаводов машин. Механизация и автоматизация всего производства на новом заводе будет доведена до 100 %. Рабочие будут только наблюдать за машиной, участие же рук в хлебопечении будет совсем исключено. Таким образом устраняются те дефекты в нашем хлебопечении, которые зависят от необходимости производить часть процесса вручную.

В то же время новый завод даст огромную экономию, рационализируя весь сложный процесс выпечки хлеба и повысив продукцию на одного рабочего с 13 пуд. в день до 35. Если учесть, что завод выпустит в месяц около 300 тыс. пуд. хлеба, то один только месяц работы завода даст экономии свыше 50 тыс. рублей, а в год больше 600 тыс. руб. Это по самым скромным подсчетам.

Такой хлебозавод-гигант строится в России впервые. Поэтому мы подходили к его постройке с особой тщательностью, подробно изучив все достижения европейской и американской техники. Надо полагать, что завод петроградской кооперации будет образцом для всего Союза в организации механического хлебопечения, которое сейчас проводится во всех крупнейших рабочих центрах.

Параллельно с постройкой нового хлебозавода идет смена изношенных уже существующих заводов и доведение их производства до полной механизации. Заводы переоборудываются новыми заграничными машинами и во все их производство вносятся различные технические усовершенствования. Добавочная механи[illegible] вдвое.

Все эти меры по расширению и рационализации кооперативного хлебопечения позволяют нам с полной уверенностью рассчитывать, что очень скоро, не далее как через год или два, в Петрограде не будет и следов частника-хлебопека, и весь петроградский рынок будет без остатка находиться в руках кооперации. Механизированное на все сто процентов крупное хлебопекарное производство кооперации обеспечит потребителя дешевым и доброкачественным хлебом и освободит его целиком от услуг хищнического частного капитала.

ТОВАРНЫЙ КРИЗИС И ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА.

Введение налогов и сборов.

Весь 1922 г. прошел под знаком непрерывно ускоряющегося роста заготовительных операций ЛСПО. Используя выгодную конъюнктуру внутреннего сырьевого рынка и внешнего продуктового, ПЕПО к концу года имело очень значительные успехи в заготовках. К ноябрю, когда была созвана четвертая общегородская кооперативная конференция, общий результат продовольственных заготовок ПЕПО выражался свыше, чем в 7 миллионов пудов, из которых больше 3 миллионов было закуплено за границей. Одного хлеба было доставлено в Петроград свыше 3½ миллионов пудов. На заграничном рынке кроме хлеба были закуплены также сахар, мясные и рыбные продукты, крупа, жиры и т. д. За это же время наш экспорт составил почти 700 тысяч пудов льна, пеньки, кудели, кож и другого сырья. Экспорт ПЕПО оценивался в 800 тысяч фунтов стерлингов, т.-е. около 8 миллионов рублей в золотом исчислении.

Эти результаты для первого года работы ПЕПО, начавшего в июле 1921 г. свои заготовки с одного вагона яблок, были очень значительны, тем более, что петроградская кооперация работала почти без всяких средств. Все зависело от быстроты оборотов, от четкости работы аппарата и уменья использовать в каждый момент благоприятные условия рынка. Трудность заготовительной работы вызывалась, главным образом, отсутствием средств, тяжелыми финансовыми условиями, которые сопровождали все время работу ПЕПО. К концу 1922 г. финансовое положение кооперации еще больше осложнилось. К этому времени начинает создаваться наш государственный бюджет. Вводятся налоги, акциз, пошлины;

параллельно с общегосударственными налогами были введены и разные местные сборы, которые шли на усиление местного бюджета. В интересах оздоровления валюты государством проводится жесткая налоговая политика. Налоговой пресс, который в начале года почти совсем не чувствовался, начал работать с большей силой и интенсивностью. Прежде всего он сказался на слабых хозяйственных организациях, не имевших под собой твердой почвы. Сильно ударил он по частной торговле, которая расцвела в начале нэп'а. Частные торговцы стали лопаться один за другим. Первый период взимания налогов оказался очень тяжелым и для кооперации. Фактически некоторые налоги взимались задним числом за предъидущее время, когда хозяйственные организации, в том числе и ПЕПО, развивали свою работу, не учитывая размеров налогового обложения. При таких условиях предполагавшиеся результаты некоторых уже законченных операций значительно снижались. С другой стороны, вследствие несовершенства налоговой системы нередки были случаи, когда кооперации приходилось платить дважды за одну и ту же массу товаров, так как налог взимался отдельно по центру и отдельно [illegible] рация оказалась даже в худшем положении, чем частный капитал, так как частный [illegible] свои обороты. Частник показывал фининспектору свой оборот в 10, 20 раз меньше, чем в действительности, уловить же его наш финансовый аппарат еще не умел. [illegible] говцем, который, в свою очередь, старался использовать положение, чтобы закрепиться на рынке.

Одновременно с налогами установилась строгая система платности за все виды государственных и коммунальных услуг. Плата за аренду помещений, за фрахт, акциз—все это стали взимать точно в срок, без всяких поблажек. Уже отошло то время, когда все держалось на честном слове, без договоров, и каждый мог безнаказанно нарушить любые сроки оплаты. Для ПЕПО особенно тяжелым оказался порядок взимания таможенных сборов за доставляемые из-за границы товары. Таможенные пошлины взимались в золотом исчислении по специальному курсу, который изменялся почти ежедневно. Каждый день просрочки при выкупе товаров значительно удорожал стоимость товаров и уменьшал выгодность заграничных операций.

В результате всей этой жесткой системы создавалась угроза замедления развития торговой деятельности и даже частичной ее приостановки. Накладные расходы сразу выросли, достигнув почти 28% к обороту. На тяжелое налоговое положение кооперации обратила внимание наша общегородская кооперативная конференция, которая приняла резолюцию о необходимости предоставления кооперативам различных льгот в области налогов и сборов. Некоторого облегчения ПЕПО удалось, однако, добиться только в конце января 1923 г., когда исполком установил для кооперативов скидку с арендной платы за помещение и сложил пени по уравнительному сбору.

Трудности работы с падающей валютой.

Главная, однако, финансовая трудность нашей работы заключалась в общих условиях денежного обращения. С самого начала новой экономической политики, когда рыночный товарооборот стал предъявлять требования на дензнаки, начался быстрый рост эмиссии. Новое увеличение денежной массы [illegible]

ского рубля. Реальная ценность обращающейся денежной массы падала и, не удовлетворяя потребности оборота, требовала все нового и нового выпуска совзнаков, что, в свою очередь, создавало новое падение рубля и т. д. Все это отражалось на ценах, которые не имели ни малейшего признака устойчивости, изменялись чуть ли не два раза в день и спутывали, таким образом, все хозяйственные расчеты.

Весь 1922 г. прошел при таком непрерывном обесценении совзнака, но особенно быстро стал падать рубль к концу года, и в начале 1923 г., когда уже были выпущены первые банкноты (червонцы), и началась кампания за переход на твердую валюту. Насколько обесценились совзнаки, видно хотя бы из того, что на 1 января 1923 г. в обороте во всей стране находилось почти 2 квадриллиона советских рублей, покупательная же их способность в золотом исчислении составляла не больше 100—125 миллионов рублей.

С 1 января 1923 г. Госбанк и другие руководящие организации, главным образом финансовые, перешли на исчисление в твердой валюте и перевели на золотое исчисление все свои расчеты, в том числе и наши долги. Между тем для кооперации, имевшей дело с широкими кругами потребителей, получавших заработную плату еще в совзначном исчислении, сделать это также быстро не представлялось возможным. Мы попали, в результате, в такое положение, что порой приходилось в несколько раз переплачивать одну и ту же сумму. Был случай, когда на одной только операции по выкупу заграничных товаров с таможни ПЕПО из-за просрочки на несколько дней пришлось уплатить совзнаками взамен 4 триллионов рублей—9 триллионов. Правда, эти лишние пять триллионов пошли государству, но все-таки для организации, которая только что перешла на хозяйственный расчет, такая огромная выемка средств была очень болезненна.

Легко себе представить, какие исключительные трудности представляла при этих условиях заготовительная работа. По тем временам еще не было возможности заключать крупные договоры на миллионы пудов с какими-либо заготовительными организациями. Нам приходилось самим по сотне и тысяче пудов собирать и заготовлять продукты в различных районах республики. Поэтому, хотя мы и сократили жестоко прежнюю петрокоммунскую агентуру, но все же пришлось сохранить около 30 заготовительных контор. Эти конторы непрерывно требовали денег для своей работы, но пока деньги пересылались на места, они успевали потерять значительную часть своей покупательной способности. Чем скорее шел поезд, тем меньше падали деньги в цене. Переводить же деньги через банк не представлялось возможным, так как банковская сеть была еще очень незначительна, да притом еще часто бывало, что отделение банка на местах из-за отсутствия дензнаков не могло во-время выдать необходимые для какой-либо срочной операции средства. Приходилось прибегать к всяческим ухищрениям, в роде посылки на места товаров для их реализации и немедленной закупки в тот же день нужных продуктов и т. д. Но и эти операции тоже не могли дать нам гарантий от убытков, так как крайний разнобой и случайное построение цен могли в одну минуту опрокинуть все самые правильные расчеты.

Чем ближе подходил момент окончательного установления твердой валюты, тем все быстрее падал совзнак. Надо было принимать героические меры, чтобы полученные с утра деньги не растаяли к вечеру. Каждый рабочий и служащий немедленно после получки бежал на рынок, чтобы закупить необходимые, а подчас и ненужные ему товары, только бы сохранить от падения заработанные

деньги. У нас в это время даже серьезно обсуждался вопрос, когда открывать лавки и магазины, утром или вечером, для того, чтобы рабочий как можно меньше терял на курсе. Вместе с тем, весь Петроград переживал усиленную горячку в погоне за червонцем. Не только хозяйственные организации, но даже и отдельные лица стремились все имеющиеся у них наличные деньги превратить в червонную валюту. Фондовая биржа была самым оживленным местом в Петрограде.

Естественно, что при всех этих условиях не могло быть и речи о нормальных торговых отношениях. Кооперативные лавки торговали толчками, только в день получки, все же остальное время обслуживающий персонал стоял почти без дела. Чрезвычайно затруднительно было и получение товаров от трестов и промышленных предприятий. Тресты, только что сформировавшиеся, не имели еще под собой твердой почвы и в погоне за рублем совершенно не считались с кооперацией. Товарный кредит почти совершенно отсутствовал, а если и давался, то не больше, чем на семь дней. В то же время двери трестов были широко открыты для частников, которым продавали сколько угодно и каких угодно товаров, лишь бы они платили наличными. Частник с удовольствием шел на это, так как он закупал маленькими партиями и быстро оборачивал свой капитал. Потребительский спрос был еще далеко не насыщен, и население брало любой товар, какой ему предлагали; поэтому частнику был полный расчет заплатить наличными, чтобы затем нажить 200—300 процентов. Кооперация же, ворочающая большими массами товаров, не имела возможности платить наличными, так как их неоткуда было взять. В результате частная лавка имела более богатый выбор товаров, чем кооперативная.

Вся эта обстановка еще осложнялась тем, что в торговле не было никаких регулирующих начал, никакого разграничения между различными хозяйственными организациями. Все бросились торговать во что бы то ни стало, надеясь нажить на этом огромные капиталы. Закупали и продавали любые товары не только отдельные заводы и тресты, но даже организации, ничего общего не имеющие с хозяйственной деятельностью. Не занимался торговлей, кажется, один только финотдел. Особенно широкие размеры приняла торговля банков, торговые обороты у которых были вряд ли меньше, чем у кооперации. Они, не в пример другим организациям, всегда имели приток денежных средств и пользовались ими для торговли направо и налево—и мукой, и хлебом, и сахаром, и всем, что было выгодно купить и продать на рынке. От такой неразберихи и путаницы страдала больше всего кооперация, которая сидела без товаров и не могла выполнить своих прямых задач по снабжению пайщика.

Ко всем этим чрезвычайно тяжелым условиям работы в начале 1923 г. прибавилось еще одно неблагоприятное обстоятельство. Изменилась конъюнктура на внешнем рынке, заграничные фирмы начали понижать цены на сырье. ПЕПО немедленно прекратило свою экспортную работу, но были еще старые товары, которые находились уже за границей и которые нужно было реализовать. Мы не хотели уступать и выжидали нового повышения цен. Вследствие этого наши обороты замедлились и часть средств временно застряла в товаре. В конечном итоге ПЕПО, правда, продало экспортное сырье с прибылью, но медленность оборота отрицательно сказалась на нашем финансовом положении. Ко всему тому наступили сроки платежа ПЕПО по обязательствам Внешторгу и полученным кредитам в Госбанке. Все это скопилось, приблизительно, к одному времени и сильно затормозило нашу работу. Мне пришлось поехать в

Москву и просить зам. предс. Совнархома т. Рыкова отсрочить наши платежи. По постановлению правительства эта отсрочка ПЕПО была дана. Банку было [illegible]. Но хотя отсрочка была дана на короткий срок, в трудных условиях того времени она имела для ПЕПО большое значение.

Перестройка аппарата.

Естественно, что роль кооперации в этот период на петроградском рынке была ничтожная. Рынок почти на три четверти держала в своих руках частная торговля. По некоторым товарам, как сахар, масло, жиры и т. п., кооперация удовлетворяла потребителя всего на 3—5%. Кооперативные лавки были пусты. Все это отражалось на настроении потребителя, на его отношении к первичным кооперативам и к ПЕПО. [illegible] обвиняли в слишком большом увлечении коммерческими операциями, в том, что оно мало помогает первичным кооперативам, продает по дорогим ценам, имеет убыточные предприятия и т. д.

Понятно, у ПЕПО были свои недостатки, без них такое огромное дело не могло обойтись, но вся линия нашей работы все время вырастала из объективной хозяйственной обстановки. Наши коммерческие операции отнюдь не имели в виду создания какого-то неподвижного основного капитала, они позволяли нам только оборачиваться изо дня в день, более или менее успешно вести повседневное снабжение Петрограда. Прибыль, которую получало ПЕПО на [illegible] рации только возможность кое-как изворачиваться. Не получая ниоткуда ни кредитов, ни финансовой поддержки, мы могли рассчитывать только на самих себя. Если бы мы не успели раньше хоть кое-как закрепиться, то это тяжело [illegible]. Общая хозяйственная обстановка была такова, что даже отдельный какой-либо промах в работе мог оказаться гибельным для всего дела. Даже крупные хозяйственные организации в стране в это время пошатывались от сильного кризиса.

В этих трудных условиях мы принимали все меры, чтобы развитие нашей хозяйственной работы не приостановилось. Параллельно с этим ПЕПО непрерывно сжимало и улучшало свой аппарат, в котором все еще были остатки [illegible] роль для кооперации, а теперь уже ей ненужных. Все части ПЕПО были переведены на хозяйственный расчет так, чтобы каждая хозяйственная единица отвечала за свою работу и оборачивалась бы на свои средства. До минимума была сжата заготовительная агентура, которая тоже начала работать на новых хозяйственных началах. Все это сразу же отразилось на накладных расходах и удешевило нашу работу. Таким образом ПЕПО окопалось и укрепилось изнутри, чтобы перенести сильную хозяйственную бурю.

К лету 1923 г. в стране наметились общие признаки хозяйственного улучшения. Стало лучше и положение петроградской кооперации. Дали свои результаты и принятые нами меры к усилению работы ПЕПО. Начали возвращаться средства, вложенные в начатые в предыдущем году заграничные операции, усилилась прибыль от пивзаводов и т. д. Все это позволило ПЕПО несколько оправиться, расплатиться с долгами и усилить снабжение пайщиков.

ПЕПО начало усиленно развивать кредитование первичных кооперативов Петрограда, оказывая им крупную финансовую поддержку. Кооперативы получали товарный кредит на льготных условиях, в совзначном исчислении, на десятидневный срок по открытому счету, в то время как само ПЕПО почти совсем не имело кредитов от трестов и госорганов, а если и получало, то на значительно более жестких условиях. Кредит кооперативам непрерывно рос из месяца в месяц, достигнув к сентябрю 1923 г. почти 900 тыс. рублей, т.-е. 70% всего отпуска товаров кооперативам. Одновременно с этим началось проведение [illegible] значительные средства. Таким образом вся работа ПЕПО осложнилась и требовала новых больших оборотных средств.

Между тем благоприятное положение рынка оказалось кратковременным, и очень быстро оживление рынка сменилось жестокой депрессией, всей тяжестью обрушившейся, прежде всего, на еще хозяйственно не окрепшую кооперацию.

Товарный кризис 1923 года.

Первые признаки хозяйственного кризиса наметились в последний квартал 1922/23 хозяйственного года, но с особенной силой он разразился после Нижегородской ярмарки, прошедшей еще под знаком большого оживления и повышенного спроса на товары. В основе кризиса лежало расхождение знаменитых ножниц между ценами на сельско-хозяйственные товары и изделия промышленности. В то время, как сельское хозяйство в стране к этому времени восстановилось на 75% против своих довоенных размеров, наша промышленность успела восстановиться всего на 33%. В результате цены на сельско-хозяйственные товары поползли вниз, в то время как цены на промтовары быстро росли.

Покупная способность крестьянского рынка упала, спрос на товары понизился, и у всех хозяйственных организаций, строивших свои планы в расчете на оживленную конъюнктуру, наступило резкое затоваривание. Товарный кризис немедленно отразился на только что начавших устанавливаться нормальных коммерческих отношениях, сразу выбив почву почти под всеми хозяйственными организациями в стране.

С особенной тяжестью осенний товарный кризис 1923 г. ударил по кооперации. Товары были закуплены, часть была оплачена, на часть были выданы векселя. В это время на рынке началось понижение цен. Кооперация со своими незначительными средствами попала в очень трудное положение, в результате которого целый ряд кооперативных организаций погиб и ликвидировался. Это был первый жестокий экзамен на жизнеспособность советской кооперации.

На промышленности эти обстоятельства отразились не так сильно, так как тресты и производственные предприятия выпускали продукцию по ценам, значительно превышавшим себестоимость изделий. Торговые же организации, покупая по дорогим ценам, должны были реализовать товары по пониженной цене. В лучшем случае удавалось продать их с незначительным процентом накидки, даже не покрывавшим торговых расходов, по некоторым же товарам операции кончались в убыток.

Тяжелый товарный кризис не мог не отразиться и на работе ПЕПО. Рас- [illegible] партию сахара, но цена на него быстро упала, и операция оказалась убыточной. То же самое произошло с мануфактурой и некоторыми другими товарами, также принесшими убыток. Полное расстройство рынка и, в отдельных случаях, не-

умелое использование рыночной конъюнктуры тяжело отразились на положении петроградской кооперации.

Товарный кризис разразился на фоне все ускорявшегося обесценения совзнака. Чем ближе подходил срок окончательного установления твердой валюты, тем быстрее падал советский рубль. Время, предшествовавшее выкупу совзнаков, было гибельным для слабых хозяйственных организаций, в том числе и для целого ряда первичных кооперативов Петрограда, потерявших на падении рубля весь свой незначительный капитал. В этот жесткий период с особенной силой поднялась волна за ликвидацию и укрупнение многочисленных первичных кооперативов. Под ударами кризиса погибли даже относительно сильные кооперативы („Красный Путиловец", кооператив швейников и др.), другие же быстро шли по пути слияния и укрупнения. Уже к 1-му января 1924 года в Петрограде оставалось всего около 60 кооперативов вместо 400 полтора года назад. Процесс укрупнения шел неуклонно вперед, и к лету 1924 года мы имели всего 25 кооперативов, каждый из которых представлял собой сравнительно сильную хозяйственную единицу.

Работа в условиях товарного кризиса и непрерывного падения совзнака была исключительно трудна. Кооперация лишилась и тех незначительных кредитов, которые она получала раньше, так как банки, в целях укрепления червонца, закрыли активные операции.

Неблагоприятная конъюнктура на внешнем рынке заставила ПЕПО к тому же прекратить свои заграничные операции. Как только появились первые признаки невыгодности экспорта за границу сырья и импорта оттуда товаров, эти операции были немедленно прекращены. В свое время они являлись одним из источников средств для работы ПЕПО, теперь же оно лишалось и этого источника.

Отсутствие всякого притока оборотных средств привело к тому, что в течение семи месяцев, начиная приблизительно с сентября 1923 г., ПЕПО варилось в собственном соку. Между тем, заготовительная работа не могла приостановиться ни на один день, тем более, что этот именно период совпадал с самым разгаром заготовок. Правда, урожай был хороший, состояние продуктового рынка было благоприятное, но без денег всякие заготовки обрекались на неудачу. Заготовительная работа велась с колоссальными затруднениями, с напряжением всех сил, и результаты ее показали, что аппарат ПЕПО, несмотря на всю исключительную сложность обстановки, смог все же осуществить поставленную перед собой задачу. В целом заготовительный план на сезон 1923/24 г. был выполнен ПЕПО с превышением почти на 35%, при чем по хлебу заготовки превысили план на 75%, а по крупе даже на 85%. Всего было заготовлено за год 6 миллионов пудов продуктов, тогда как в предыдущем году удалось получить лишь немногим более 3 милл. пудов и выполнить заготовительный план всего на три четверти.

Эти цифры показывают, что ПЕПО сумело перенести жесточайший хозяйственный кризис в общем благополучно. Но в отдельные моменты за этот год положение было архитрудное, можно сказать, опасное. Особенно тяжелым оно было в октябре – ноябре 1923 г., в первые месяцы товарного кризиса, когда все хозяйственные организации в стране переживали последствия неудачной Нижегородской ярмарки.

Роль кооперации в укреплении червонца.

Результаты хозяйственного кризиса чувствовались на протяжении всех первых месяцев 1924 года. Проведение денежной реформы, завершившееся выкупом в марте 1924 г. совзнака, требовало в свою очередь жертв от кооперативных организаций. Только что вошедший в оборот советский червонец должен был быть во что бы то ни стало укреплен. Нельзя было допустить, чтобы он подвергся хотя бы малейшему колебанию.

Партия и советское правительство поставили перед всеми хозяйственными организациями боевую задачу укрепления твердого рубля, прежде всего путем снижения цен и удержания их на достигнутом уровне. Новый финансовый фронт был не менее важен, чем предыдущие военный и продовольственный фронты. Особое значение в этих условиях приобретала кооперация, в руках которой [illegible]. Как это ни было тяжело для и без того истощенного организма кооперации, она шла на жертвы, хорошо сознавая, что без твердой валюты не может быть восстановлено народное хозяйство страны.

В марте 1924 года ЛЕПО установило твердую цену на печеный хлеб— 3½ коп. за фунт, а через два месяца понижает ее даже до 3 копеек. Стабилизация цен на основной продукт питания имела исключительно важное значение для удержания на достигнутом уровне реальной заработной платы рабочего, а тем самым и для укрепления твердой валюты. В широких потребительских массах эта мера произвела огромное впечатление. Потребитель, привыкший к беспрерывным скачкам цен на продукты, сначала никак не мог поверить, что теперь он строго может рассчитать свой бюджет и не зависит от совершенно непредвиденных колебаний. Месячная выпечка хлеба на хлебозаводах ЛЕПО [illegible] покрывались почти [illegible] города. Огромная партия дешевого хлеба, ежедневно выпускаемого ЛЕПО на рынок, заставила и частного хлебопека удешевить свой товар, в отдельных случаях, почти до кооперативной цены.

Вся эта хлебная операция, проведенная в интересах поддержки твердого рубля, была убыточна для ЛЕПО, продававшего пуд хлеба по 1 р. 20 к. при [illegible] почти в 4 рубля. Убытки, получавшиеся в результате снижения цен, покрывались в течение первых двух лет из государственного фонда, но некоторую долю их ЛЕПО пришлось покрыть из своих собственных средств.

Состояние кооперативного аппарата.

Невероятно тяжелые хозяйственные условия, в которых протекала работа ЛЕПО во второй половине 1923 г. и в первой половине 1924 года, не могли не отразиться и на состоянии нашего аппарата. Подчас невольно вставал вопрос, выдержит ли ЛЕПО, устоит ли оно перед натисками сильной хозяйственной бури. Такие моменты невольно вызывали колебания в аппарате, который одно время начал шататься из стороны в сторону, терял свою устойчивость и уменье безболезненно преодолевать хозяйственные затруднения.

А между тем именно теперь эта устойчивость была нужнее, чем когда-либо. При [illegible] хозяйственного кризиса [illegible] рассчитывать только на самих себя, на свою собственную работу и сообразительность, приспособляясь к изменяющейся конъюнктуре рынка. Помощи откуда-либо ждать не приходилось. При почти полном обесценении совзнака на пайщика не могло быть никаких надежд, нельзя было и думать о сборе сколько-нибудь значительных паевых взносов.

Хозорганы и тресты, сами обескровленные кризисом, с трудом шли на какие-либо льготы кооперации по отпуску товаров и кредитов. Нельзя было рассчитывать и на какой-либо денежный кредит, так как банки, с одной стороны, прекратили свои активные операции, а с другой—сами в погоне за рублем без разбора торговали любыми товарами.

Такая в высшей степени осложнившаяся обстановка, когда каждый день прибавлял все новые и новые, как будто неразрешимые трудности, естественно накладывала свой отпечаток на отдельных работников кооперативного аппарата. У одних создавалось тяжелое настроение, граничащее с паникой, у них руки опускались перед тяжестью работы, так как они не видели выхода из кажущегося тупика. Некоторые работники думали лишь о том, как бы вылезти из слишком тяжелого, непосильного для них дела. Были и такие, правда, немногочисленные, которые проявили полное безразличие к работе и судьбам ленинградской кооперации. Это настроение сказывалось и мешало работать и тем нашим работникам, которые попрежнему беззаветно выполняли свою работу.

При таком состоянии аппарата работать было невероятно трудно. Вместо того, чтобы итти по пути дальнейшего укрепления и развития всего сложного и тогда уже громадного массива ленинградской кооперации, приходилось заниматься лишь заделыванием и замазыванием ежедневно обнаруживавшихся прорех. Если день проходил более или менее благополучно и не угрожал немедленной катастрофой, то и это уже было хорошо. В течение семи месяцев ЛЕПО не только не имело ниоткуда притока новых средств, но даже потеряло из-за ряда неудачных операций часть своих, с трудом сколоченных, капиталов.

Приблизительно с апреля 1924 года в хозяйственной конъюнктуре страны [illegible] нормальной торговой работы. Уцелевшие после кризиса хозяйственные организации оправляются и залечивают свои раны. В связи с введением твердой валюты и оживлением рыночного спроса работать становится легче.

В первые месяцы оздоровления народного хозяйства ЛЕПО все еще по инерции продолжало работать не в полную силу. Результаты и достижения по отдельным операциям были много ниже, чем они могли быть при изменившихся условиях. В течение еще нескольких месяцев расшатанность аппарата, сбитого [illegible] еще напряженное состояние, он плохо реагировал на открывшиеся возможности и работал с перебоями. Не были изжиты и у отдельных работников настроения, создавшиеся во время кризиса. Такое состояние продолжалось почти до самой осени. Только приблизительно с сентября 1924 года ЛСПО окончательно освободился от тяжелых последствий предыдущего хозяйственного года и начал работать по-новому. Аппарат ленинградского кооперативного центра вышел из своего временного паралича и быстрыми шагами пошел в гору. Во всей работе ленинградской кооперации наступил резкий перелом в сторону неудержимого растущего подъема.

[illegible]

XIII съезд партии о кооперации.

1924/25 хозяйственный год был переломным годом в развитии ленинградской кооперации. В этом году как ЛСПО, так и первичные кооперативы показали совершенно небывалый бурный рост всей своей хозяйственной деятельности.

Уже с лета 1924 года начинает разрежаться тяжелая хозяйственная обстановка в стране. Кризис сбыта постепенно рассасывается и на смену ему приходит высокая хозяйственная конъюнктура, [illegible] голод. Повышенный спрос способствовал развитию промышленности и создал благоприятные условия для роста торговых оборотов. Начали сказываться также и первые результаты денежной реформы. Отпала сопровождавшая всю хозяйственную работу с начала нэп'а трудность работы с неустойчивой валютой. Улучшились также и условия кредита, возобновился учет векселей, векселя стали подвижнее—словом, наметилась возможность нормальной коммерческой деятельности.

Весной 1924 года партией были приняты важные решения о кооперации. XIII партийный съезд признал, что рост кооперации играет решающую роль в строительстве социализма в советской России. Кооперация выдвигается на передовую позицию в борьбе с частным капиталом и признается главным посредником между госпромышленностью и потребителем. В связи с этим съезд указал и тот путь, по которому должно пойти разрешение затянувшихся споров между кооперативными организациями и государственной промышленностью. На хозорганы возлагалась только оптовая и оптово-розничная торговля, вся же розница, по мере укрепления кооперации, должна быть передана последней.

Еще до XIII съезда ленинградская XX губпартконференция, после обсуждения доклада ЛЕПО, приняла со своей стороны ряд решений о поддержке кооперации, в частности о необходимости предоставить ей налоговые льготы, облегчить условия получения товаров от трестов, устранить конкуренцию между кооперативной и госторговой сетью и т. п.

Решения руководящих органов партии, а вслед за ними и ряд соответствующих постановлений [illegible] сопровождала раньше работу кооперации. Условия кооперативной работы становятся более легкими и благоприятными.

К осени 1924 года ЛЕПО, преобразованное по постановлению VI кооперативной конференции в ЛСПО, т.-е. Ленинградский Союз Потребительских Обществ, окончательно освободилось от тяжелых последствий предыдущего года. Аппарат выравнялся, подтянулся и начал работать в полную силу, изо дня в день показывая все лучшие результаты. Бурный рост наблюдается во всех отраслях кооперативной работы: и в заготовительной, и в торговой, и в финансовой. Не надо забывать, что работу приходилось строить почти заново, так как предыдущий период не только замедлил рост оборотов, но в значительной степени истощил еще слабый хозяйственный организм ленинградской кооперации. Сказался тяжелый год жизни кооперации и на ее авторитете среди широких масс ленинградского населения. Надо было восполнить и эту серьезнейшую брешь.

Паевой взнос и кооперативный заем.

С начала 1924 года все советская кооперация переходит на добровольное членство. Вопрос о добровольном участии пайщиков кооперации обсуждался еще на июльском пленуме ЦК 1923 года. Когда на пленуме был поставлен доклад о новых формах кооперативного строительства, тут же возник вопрос и о необходимости установить какой-либо размер паевого взноса, который мог бы подвести некоторую финансовую базу под работу кооперации. В прениях на пленуме я указывал, что существовавший тогда ничтожный паевой взнос в совзначном исчислении, в переводе на золотой рубль, равняется нескольким копей-

кам и не дает возможности серьезно развить работу кооперации и полностью обслужить рабочего потребителя. Если сейчас нельзя взимать с пайщика 25-рублевого взноса, как это делала дореволюционная кооперация, то надо установить размер пая по крайней мере в 5—10 рублей. Пятирублевый паевой взнос и был установлен на ближайший период работы кооперации.

Однако, и пять рублей с пайщика получать в это время было очень трудно, так как реальная зарплата рабочего была очень низка и к тому же выдавалась обесцененными совзнаками. В начале 1924 года средний паевой взнос ленинградского пайщика составлял всего полтинник, и этим полтинником фактически и ограничивались отношения всех числившихся в кооперации сотен тысяч пайщиков с кооперативными предприятиями. Перед нами была двойная работа: с одной стороны, пайщиков бумажных превратить в действительных членов кооперации, а с другой, постепенно повышая пай, довести его до установленного пятирублевого размера.

Начатая в марте паевая кампания продолжалась весь 1924—1925 год. Уже к 1 октября 1924 года было кооперировано 175 тысяч человек, а через год число пайщиков ленинградской кооперации достигло 200 тысяч человек. Размер пая за год дошел в среднем с 3 р. 75 к. до 4 р. 50 к. на пайщика, а весь паевой капитал ленинградских кооперативов с 646 тысяч рублей на 1 октября 1924 г. поднялся к окончанию хозяйственного года до 964 тысяч. За первый же год добровольного членства ленинградская кооперация сколотила паевой капитал почти в 1 миллион рублей.

Мобилизация средств кооперированного населения Ленинграда за этот период выразилась и в другой форме. На VI общегородской кооперативной конференции выдвинут был вопрос о выпуске от имени ЛСПО кооперативного займа, чтобы тем самым обеспечить финансовое положение кооперации. Это предложение было принято, и правлению ЛСПО было поручено провести его в жизнь. Сперва мы предполагали выпустить заем на сумму до 3-х миллионов рублей сроком на 2—3 года. Но Наркомфин, исходя из интересов денежного обращения в стране, разрешил Ленинграду заем всего на 2 миллиона рублей и сроком только на год. Заем был быстро размещен как среди пайщиков ленинградской кооперации, так частично и среди некоторых хозяйственных организаций. Условия займа были самые льготные и давали возможность трудящимся выгодно поместить свои сбережения. 6% годовых уплачивалось пайщику при приобретении облигаций. Кроме того, каждый купивший облигацию получал право пользования кооперативными лавками и двойным размером кредита против внесенной им суммы.

Сама возможность выпуска массового кооперативного займа и его успешное размещение показывают, что к этому времени в отношении широких масс трудящихся к кооперации наступил резкий перелом. Причиной этого перелома послужили огромные хозяйственные достижения, которых удалось добиться ЛСПО на протяжении 1924/25 хозяйственного года. Кооперативные лавки начали наполняться товарами. Потребитель уже не уходил из них, как раньше, из-за отсутствия самых необходимых для себя продуктов. Покупки в кооперации давали экономию около 20% заработка в сравнении с покупками частных рынках. Крупные достижения кооперации были ясно видны для каждого ленинградского рабочего.

Заготовки и торговля.

Хозяйственный рост ЛСПО и первичных кооперативов шел быстро и неуклонно. Каждый месяц обгонял предыдущий и был по результатам слабее последующего. Вся работа ЛСПО получила совершенно другой размах, чем в прежние годы.

Лучше всего свидетельствует об этом размер закупок и заготовок ЛСПО. В 1923/24 году было заготовлено товаров на 18½ миллионов рублей, а в следующем году закупки достигли 62½ милл. руб., т.-е. увеличились почти в три с половиной раза. Огромно расширил аппарат ЛСПО и изменил способ заготовительной работы. Если раньше закупки производились по сделкам в различных местах, главным образом, при помощи своих контор, то теперь три четверти всего количества закупалось путем заключения крупных договоров с главными заготовительными организациями республики. На миллионы пудов продуктов заключались договоры с Госторгом, Хлебопродуктом, Центросоюзом, синдикатами и трестами, которые сами в это время окрепли и широко развернули работу.

Основная масса всех заготовленных товаров, как и раньше, падала на хлеб. Хотя с хлебными заготовками в этом году произошла заминка и большинство организаций не дозаготовило хлеба, ЛСПО не только выполнил свои планы, но даже превысил их почти на 20% и завез в Ленинград 6¼ милл. пудов хлебных продуктов. Ленинград впервые получил большое количество хлеба по своей кооперативной организации.

Быстрыми шагами ЛСПО шел и в ленинградской розничной торговле. В то время, как в 1923/24 году доля кооперации в ленинградском розничном торговом обороте исчислялась всего в 15%, в 1924/25 году она повысилась вдвое, достигнув 30% всего оборота. Это было первое наступление кооперации широким фронтом на частную торговлю, роль которой начала быстро уменьшаться. По некоторым товарам, как хлеб, сахар, ЛСПО к этому времени успел занять решительное, преобладающее значение, удовлетворяя потребности в хлебе почти на 70%, а сахаром полностью на все 100%. В среднем же по всем продовольственным товарам роль кооперации достигла на рынке 50%.

Кооперативные лавки, как щупальцами, охватывают Ленинград от центра до самых окраин города. За год число торговых предприятий кооперации возросло почти вдвое, перевалив за тысячу, в то время как количество частных лавок упало на 1.300 единиц. Вытеснение частника пошло полным ходом.

Рядом с развитием работы ЛСПО росли и хозяйственно укреплялись и первичные кооперативы Ленинграда. Укрупнение и доукрепление до 15 единиц ленинградская кооперативная сеть развивала свою работу и ширь и вглубь. Закупки первичных кооперативов достигли почти 67 миллионов рублей, тогда как год перед этим они составляли всего около 22 миллионов. Увеличение оборотов позволило кооперативам удешевить обслуживание пайщика и понизить наценки почти на все товары. В то же время кооперативы шли навстречу повышающимся потребностям пайщика и расширяли ассортимент товаров в своих лавках, усиливая торговлю такими товарами, как мануфактура, обувь, галоши и т. п. Значительное место в работе первичной кооперации заняло и кредитование пайщиков, как долгосрочное, от 2 до 6 месяцев, так и мелколавочное, от получки до получки. В первом полугодии было отпущено в кредит пайщикам на 8.400 тысяч рублей, а во втором полугодии уже на 12.410 тыс., т.-е. в полтора раза больше. Кооперативы кредитовали пайщиков почти в два раза больше собранного ими паевого капитала.

Насколько росла роль кооперации на рынке, видно из непрерывно повышающегося охвата кооперативной торговлей бюджета рабочего. Из месяца в месяц на долю кооперации приходилась все большая часть заработной платы рабочего. В 1924 году бюджет рабочего охватывался кооперацией всего на 36,4%, а к октябрю 1925 года уже на 50,3%, по продовольственным же товарам даже на 57,9%. Удовлетворение рабочего печеным хлебом со стороны кооперации с 54% поднялось до 79%. Не надо забывать при этом, что покупательная способность населения весь этот год непрерывно росла. Общая сумма зарплаты, выплаченная в Ленинграде в октябре 1924 года, была 18 миллионов, а в октябре следующего года уже 28 миллионов, и все же, несмотря на это, кооперация увеличила охват бюджета рабочего.

Быстрое увеличение кооперативных оборотов в Ленинграде сыграло роль и в перемене отношений к ЛСПО со стороны трестов и хозорганов. Теперь уже не могло возникнуть сомнения в хозяйственной крепости ленинградской кооперации. По отношению к Ленинграду, несомненно, наступил момент, когда уже возможно выполнить партийные решения о передаче трестовской розницы кооперативным организациям. По этому пути и пошел ряд хозорганов, отказавшихся в пользу кооперации полностью от своей розничной торговли. Передали ЛСПО свою торговлю два иногородних текстильных треста—Серпуховский и Богородско-Шелковский и некоторые другие. Крупное значение для ленинградской кооперации сыграла также передача ей всей оптовой и розничной торговли Сахаротреста. Сперва ЛСПО принял на себя реализацию выпущенного государством сахарного займа, после чего с Сахаротрестом был заключен комиссионный договор на продажу 100 тысяч пудов сахара в месяц. Следующим этапом была передача ЛСПО всей розничной и оптовой торговли сахаром сперва в Ленинграде, а затем и по всей Северо-Западной области. Таким образом ленинградская кооперация стала монополистом по снабжению сахаром всего Северо-Западного района. Крупные операции с сахаром имеют большое значение для ЛСПО и с точки зрения финансовой, так как при продаже до 4½ миллионов пудов в год этим путем в его оборот притекают десятки миллионов рублей.

Передача некоторыми трестами своей торговли ЛСПО и заключение с другими хозорганами генеральных договоров на всю ленинградскую кооперативную систему способствовали большей нагрузке кооперативной сети товарами и ускоряли оборачиваемость рубля. Надо отметить, что и сами тресты в этом году значительно исправнее выполняли свои договорные обязательства. Таких случаев, как раньше, когда договоры обрывались в середине или в самом начале их выполнения, теперь уже не было. Это создавало большую устойчивотть в работе и уверенность во всех хозяйственных расчетах и планах.

Новые хозяйственные условия позволили ЛСПО значительно расширить свою оптовую торговлю и увеличить снабжение входящих в союз первичных кооперативов. Раньше кооперативы закупали, где придется, и получали от ЛСПО только незначительную часть необходимых им товаров; теперь же почти половина всех закупок первичной кооперации производилась в союзном центре. За 1923/24 г. ленинградская первичная кооперация получила от ЛСПО товаров приблизительно на пять с половиной миллионов рублей, а на следующий хозяйственный год—уже на двадцать пять миллионов, т.-е. почти в пять раз больше. Выросло и кредитование кооперативов, достигшее 99,2% всего отпуска товаров

первичной сети. Задолженность кооперативов ЛСПО в мае 1924 г. составляла около одного миллиона рублей, а в мае 1925 г. перевалила за пять миллионов рублей. Между ЛСПО и первичной кооперацией установились тесные хозяйственные отношения, и ЛСПО превратился в действительный оптовый центр всей ленинградской кооперации.

Рост оборотов ленинградской кооперации.

Все это показывает, каких крупных успехов добилась ленинградская рабочая кооперация за первый же год работы в более или менее нормальных хозяйственных условиях. Но лучшим доказательством служит тот бурный рост кооперативных оборотов, которым сопровождался 1924/25 год. Годовой оборот ЛСПО за 1923/24 год вырос против предыдущего всего на 8%, а за 1924/25 год — на 144%, увеличившись в абсолютных цифрах с 37 миллионов до 90½ миллионов рублей. Первичная кооперация за этот же год подняла свои обороты на 20% и довела их до 69 миллионов рублей. В общей же сложности вся ленинградская кооперативная система увеличила свой оборот за год с 59½ миллионов почти до 160 миллионов рублей, т.-е. на 168%. Это наиболее яркий показатель успешного роста кооперации.

После целого ряда лет медленного развертывания, рабочая кооперация Ленинграда сразу вырвалась вперед, перевалив через все стоящие на ее пути глубокие ухабы. Кооперативный аппарат развился, окреп и превратился в крупную хозяйственную силу. Нельзя сказать, чтобы с этого года путь кооперации стал совершенно гладким и расчищенным, но теперь уже все обычные затруднения переносились с большей легкостью и безболезненностью. Переломный 1924/25 г. позволил ЛСПО и всей системе ленинградской кооперации подняться во весь свой рост и уверенными шагами итти к дальнейшим достижениям.

1925 — 1926 ГОД.

Условия работы.

Советская кооперация не представляет собой какой-то особой независимой организации в общей системе народного хозяйства страны. Связанная тысячами нитей со всей хозяйственной жизнью, кооперация целиком зависит от экономических условий, которые сопровождают тот или иной период нашего общего строительства. Если хозяйство в стране улучшается, то в то же время не может не улучшаться и положение кооперации, если же общее хозяйственное положение ухудшается, то это быстро, быть может, быстрее, чем где-либо, отражается на кооперации. Со всей очевидностью это обнаружилось во время хозяйственных затруднений 1925/26 операционного года. В этом году наше народное хозяйство попало в полосу целого ряда трудностей. Известная неудача в хлебозаготовительной кампании повлекла за собой финансовые и валютные, а затем и общехозяйственные осложнения. Они, в свою очередь, отразились на кооперации, которой пришлось работать в более жестких, чем раньше, условиях.

Для ленинградской кооперации 1925/26 год оказался значительно более трудным, чем предыдущий хозяйственый год. Правда, и в этом году мы имели большие достижения, неуклонно двигаясь вперед, но при нормальных хозяйственных условиях ленинградская кооперация, несомненно, могла бы достигнуть большего. При той же обстановке, в которой приходилось вести работу, кооперация должна была подвигаться вперед медленно, шаг за шагом преодолевая стоявшие на ее пути препятствия.

В первую очередь и с наибольшей силой ухудшившиеся хозяйственные условия ударили по кредитам, самому уязвимому месту кооперации. Банковский кредит ленинградской кооперации сократился почти на 40%. Вслед за банками изменили к худшему условия товарного кредитования тресты и хозорганы. Раньше товар отпускался в кредит на 60—90 дней, теперь же тресты сократили срок кредита до 30 дней и стали требовать при покупке до 40% наличными. Эти условия были чрезвычайно тяжелы для кооперации, которая для нормального хода работы должна всегда иметь хотя бы месячный запас товаров.

Рядом с этим появились и другие затруднения. В первом полугодии 1925/26 г. наметился значительный рост цен на изделия промышленности, вызванный обострившимся товарным голодом. Особенно острый кризис был с мануфактурой, повысившийся спрос на которую вызвал на рынке спекулятивную волну. Но и по ряду других товаров от времени до времени рынок переживал частичные кризисы. В нашей торговой практике появилось новое понятие—недостаточные товары, т. е. те товары, наличные запасы которых не соответствовали размеру спроса.

Уже сами по себе эти условия были очень трудны, но параллельно с этим они осложнялись еще теми государственными задачами, которые возлагались в этот период на кооперацию. В хозяйственной политике советской власти в 1925/26 году значительно усиливается плановое начало и начинает проводиться строгое регулирование всех отраслей хозяйства, в том числе, и в первую очередь, торговли. Вводится планирование завоза товаров. Устанавливаются твердые, регулирующие рамки для заготовительных организаций, регулируется товаропроводящая сеть, проводится директивное снижение цен. Все это являлось необходимым для борьбы с уродливыми явлениями рынка, которые не только болезненно отражались на потребителе, но и представляли собой серьезную опасность как для финансовой системы, так и для общей политики смычки города с деревней. На кооперацию в деле регулирования рынка возлагались государством большие и ответственные задачи. Перед кооперативными организациями было поставлено задание усилить охват рынка и удержать рыночные цены на определенном уровне. Само собой понятно, что это было не легкое дело, и кооперативная работа в этих условиях становилась во много раз труднее, чем раньше. В течение этого года были и некоторые организационные затруднения, связанные с перемещением ряда работников, в том числе и меня осенью 1925 г. на должность заместителя председателя Губисполкома. Несколько месяцев работа аппарата ЛСПО шла слабее, чем раньше, и восстановилась лишь к весне 1926 г., приняв снова свой прежний темп и ударность.

Такова была сложная обстановка 1925/26 хозяйственного года. Значительно выросшая трудность работы кооперации сопровождалась новыми ответственными задачами. Насколько справилась ленинградская кооперация с этими задачами? Результаты хозяйственной работы за этот год показывают, что наша кооперативная система оказалась достаточно сильной, чтобы и в полосе временных затруднений неуклонно двигаться вперед и завоевывать все новые секторы ленинградского рынка.

Роль ленинградской кооперации на рынке.

Обороты ЛСПО со всей низовой сетью за 1925/26 год достигли огромной цифры—316 миллионов рублей, в то время, как предыдущий год дал 159 миллионов рублей. Хозяйственная деятельность ленинградской кооперации, несмотря на всю неблагоприятную обстановку, снова выросла вдвое. Это тем более пока-

зательно, что 1924/25 г. был годом исключительно бурного роста нашей кооперативной системы. Казалось бы, что после этого прыжка развитие кооперации должно было пойти сравнительно медленнее, а между тем быстрота роста хозяйственной деятельности оказалась почти на том же самом уровне.

Вровень с оборотами выросла и роль кооперации на ленинградском рынке. Два года перед этим участие кооперации в розничном обороте составляло не больше 15%, через год оно достигло примерно 30%, а в 1925/26 году по данным статотдела уже больше 40% всей розницы в Ленинграде было в руках кооперации. В 1923/24 году частник, захвативший 67% всего оборота, был почти полным хозяином рынка, теперь же, под натиском кооперации, он вынужден был отступить почти по всему фронту. В вытеснении частника сыграла роль и госторговля, но значительно слабее, чем кооперация. Доля госторговли на рынке за 1925/26 г. даже несколько упала против предыдущего года. Сравнительно с другими участниками рыночного оборота рост кооперации оказался самым сильным. За два года ленинградская кооперация с последнего места на рынке переместилась на первое.

Ленинградская кооперация — рабочая кооперация; поэтому лучше всего ее успехи и рост видны по тому, как она охватывает бюджет рабочего. 1925/26 год показал в этом отношении огромный шаг вперед и наметил путь к полному охвату рабочего бюджета. Два года тому назад, в 1923/24 г., бюджет ленинградского рабочего и служащего охватывался всего на 38%, а теперь уже 54% своей зарплаты рабочий реализует в кооперации, 22% бюджета рабочего охватывается госторговлей, 24% падает на частную торговлю. По таким же товарам, как хлеб, крупа, сахар, масло, кооперативное обслуживание еще выше, достигая почти 80%.

Эти цифры еще более убедительны, если сравнить их с общим ростом количества рабочих Ленинграда и суммой, выплаченной им зарплаты. За два года число работающих по найму в Ленинграде достигло 460 тысяч человек, увеличившись на 74‰. Число членов профсоюзов выросло на 62%, а сумма выплаченной заработной платы — на 181%. Между тем обороты ЛСПО поднялись на 374%, а первичной кооперации даже на 510%. Таким образом рост кооперации оказался быстрее и интенсивнее, чем рост указанных выше других элементов хозяйства, в то время, как ее задачи и предъявляемые к ней требования с каждым годом становились все сложней и значительнее.

Роль кооперации в борьбе с частником заставляет ее сейчас отказаться от узкой задачи обслуживания одних только своих пайщиков. Фактически все население Ленинграда закупает необходимые ему продукты в кооперативных лавках. Особенно это видно по отдельным товарам, как, наприм., хлеб, которым кооперация почти полностью обслуживает Ленинград.

В связи с этим, вся кооперативная торговля в Ленинграде имеет двоякое построение. Одновременно с широко разветвленной розничной торговлей первичных кооперативов часть розницы остается за союзным центром ленинградской кооперации — ЛСПО. Сосредоточенная в руках ЛСПО розничная торговля имеет значение для всей кооперативной системы Ленинграда. Это — торговля хлебом, мясом и тому подобными товарами, которые требуют особой ударности и специальности торговых приемов.

Такое построение кооперативной торговли позволяет лучше всего охватить рынок, держать его в своих руках и руководить им. Охват рынка ленинградской кооперацией по основным товарам и предметам широкого потребления превышал

в 1925/26 хоз. году 50%, по отдельным же товарам кооперация обслуживала потребности населения еще больше. Хлебом снабжает кооперация население на 76% потребности, сахаром на 95%, мануфактурой на 75% и т. д.

Единственным слабым участком продолжала оставаться мясная торговля кооперации. Мясной рынок в Ленинграде, как и во всей стране в 1925/26 г., все еще находился, главным образом, в руках частника. Кооперативная и государственная торговля мясом ведется недавно и до сих пор еще недостаточно организована.

Но уже в этом же году кооперация начала успешно развивать мясную торговлю. Рост этой работы в Ленинграде идет сейчас настолько успешно, что уже к концу 1927 г. наша кооперация займет по мясу так же, как и по другим основным товарам, первое место на ленинградском рынке. Через кооперативные лавки население Ленинграда получит не менее 60% общей потребности в мясе.

Рядом с увеличением торгового оборота непрерывно идет усиление производственной деятельности ленинградской кооперации. Наше производство теперь направлено главным образом в сторону изготовления продуктов питания, т.-е. в ту отрасль промышленности, которая по своему характеру имеет непосредственное отношение к работе потребительской кооперации. Наиболее важную роль в производстве ЛСПО играет хлебопечение, занимающее 60% всей производственной деятельности. За год выпечка хлебозаводов увеличилась в полтора раза. Особенно выросла в этом году выпечка белого хлеба. Это объясняется во первых, ростом потребностей населения, а, во-вторых, поставленной перед ЛСПО задачей вытеснить на все 100% частного хлебопека, который по черному хлебу уже раньше был выбит из своих позиций. Захват кооперацией рынка белого хлеба был трудной задачей, так как в этой области кустарю-хлебопеку легче конкурировать с крупным механическим хлебопечением. То, что за этот год удалось снабдить население белым хлебом на 2 миллиона пудов больше, чем в 1924/25 г., следует считать большим достижением кооперации.

Несмотря на сильный рост, кооперативное хлебопечение попрежнему было убыточно для кооперации, так как она продавала все время хлеб по твердым ценам, ниже производственной себестоимости. Зато ленинградский рабочий получал в наших хлебных лавках хлеб на 13– 14% дешевле, чем у частника. Что же касается убытков по этому делу, то их приходилось покрывать за счет других отраслей кооперативной работы.

Росли и другие производственные предприятия ЛСПО. Особенно сильно увеличилась продукция колбасных заводов, выпустивших за год почти 250 тысяч пудов своих изделий—на 285% больше, чем в 1924/25 г.

Результаты работы за 1925/1926 г. Мы видим, что во всех областях своей работы ЛСПО за 1925/26 год добился крупных успехов. В товарообороте это выразилось в окончании хозяйственного года с прибылью свыше, чем в 2½ миллиона рублей. Часть прибыли пошла на покрытие убытков предыдущего года, получившихся в результате деятельности нескольких слабых кооперативов. Убыток ликвидированных кооперативов ЛСПО принял на себя, другие же убыточные кооперативы, слившись с более сильными, принесли им свой дефицит. За этот год первичная кооперация, однако, целиком освободилась от убыточного наследства и к концу года так же, как и центр, имела даже незначительную прибыль. Этому способствовало дальнейшее укрупнение и уплотнение ленинградской кооперативной системы.

Паевые капиталы первичной кооперации выросли за год с 965 тысяч до 1,636 тысяч рублей. Паевой капитал увеличился как за счет доведения среднего размера пая до 5 р. 59 к., так и за счет увеличения числа пайщиков. За год в кооперацию вступило 63 000 новых пайщиков, всего же к 1 октября 1926 года в первичных кооперативах насчитывалось 285 тыс. пайщиков, или 64% всех рабочих и служащих Ленинграда. Хотя, в смысле кооперирования, этот год был успешнее всех предыдущих, но все же значительная часть трудящихся оставалась вне кооперации. Мал также и паевой взнос, который только на отдельных предприятиях достиг 10-рублевого размера. Все это не может не отразиться на работе кооперации, которой попрежнему приходилось, главным образом, оперировать на заемные средства. И все же, несмотря на дороговизну и недостаточность кредитов, 1925/26 год был годом оздоровления всей системы кооперативной работы.

Достигнутые за год результаты лучше всего свидетельствуют о том, что ленинградская кооперация режим экономии действительно провела в жизнь. За год торговые расходы по ЛСПО с 11,8% упали до 8,5%, т.-е. почти на 3½%. Но, если мы рассмотрим эти 8½%, то увидим, что они создались, главным образом, за счет производства и предприятий общественного питания, которые, по самому своему характеру, связаны со значительными накладными расходами. По другим же отделам, как, например, по отделу промтоваров, ведущему и розничную торговлю, % расходов упал с 11,8% до 6,3%. Что касается первичной кооперации, то и там за год накладные расходы снизились с 13,3% до 11,4%. Таким образом вся ленинградская кооперативная система от своего центра до низового кооператива улучшила работу своего аппарата и удешевила обслуживание рабочего потребителя.

Подводя итоги за 1925/26 год, девятый год Октябрьской революции, мы должны отметить, что, несмотря на более осложнившуюся обстановку работы, ленинградская кооперация с успехом продвинулась на новые крепкие позиции.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КООПЕРАЦИЯ К ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ.

Положение кооперации в народном хозяйстве.

С самого начала нэпа внимание нашей партии и правительства было главным образом заострено в сторону промышленности, финансов и ряда других отраслей хозяйства. Значение кооперации и государственной торговли хотя и признавалось первостепенным, но роль товаропроводящей сети не была ясно очерчена. Задачи кооперации не были точно установлены, не учитывались также ее силы и удельный вес на рынке. Кооперативные организации встречали мало поддержки от госорганов, которые, стремясь как можно скорее подвести под свою работу устойчивую финансовую базу, гонялись за рублем и снабжали полной рукой частный рынок, наживавший на товарах советского производства немалые прибыли. Мероприятия законодательного характера по отношению к частному рынку были еще слабы и не развиты. Кооперация в эти трудные годы в значительной мере была предоставлена самой себе, и ей пришлось в рукопашную один-на-один вступить в бой с частником.

Все эти условия находили свое отражение в удельном весе на рынке кооперативной и частной торговли. Несмотря на то, что хозяйственная работа кооперации из месяца в месяц ширилась и крепла, до прошлого года в Ленинграде, как и в других городах, частный капитал занимал первенствующее положение

в розничной торговле. Только в 1925/26 хозяйственном году роли переменились, и кооперация с последнего места в розничном товарообороте переместилась на первое.

Кооперация превратилась в мощный фактор торгового оборота. Она поднялась и встала во весь рост, заняв командующую роль на розничном рынке. Эта ее роль приобрела особое первостепенное значение в свете современной хозяйственной политики партии и советской власти, основной стержень которой (политики) лежит в снижении отпускных розничных цен.

Снижение цен.

Снижение цен является узловым пунктом всей нашей хозяйственной работы не только на короткий период проведения той или иной директивы правительства, но на протяжении ряда лет вперед. Не говоря уже о чисто-политическом значении этого вопроса, коренного в укреплении смычки рабочего класса и крестьянства, в снижение цен упираются все основные задачи развития и реконструкции советского народного хозяйства. Политика цен в конечном итоге предрешает вопрос и о темпе развития нашей промышленности, и о росте сельского хозяйства, и о социалистическом накоплении, и о нашей финансовой системе, и о товаропроводящей сети, и фактически о всех других сторонах нашего экономического и политического роста.

Проблема снижения цен стала в центре внимания партии и советского правительства с лета 1926 г., когда рост цен на рынке достиг размеров, сигнализировавших о серьезном затруднении для всего нашего народного хозяйства. С этого момента снижение цен стало центровым вопросом всей советской хозяйственной политики: и партийные, и советские органы неустанно работали и работают над тем, чтобы снизить отпускные розничные цены и действительно довести это снижение до потребителя. Именно эта последняя часть работы—доведение сниженных цен до потребителя—представляет собой наибольшую трудность. В результате вопросы торговли и товарооборота стали на первый план политики снижения. Сюда устремилось все внимание советской общественности, предъявившей торговому аппарату категорические требования устранить уродливые явления рынка.

Совершенно естественно, что эти требования оказались в первую очередь направлены в сторону кооперации, роль которой, как основного товаропродящего звена, теперь уже не вызывает никакого сомнения. Но и помимо этого самая природа кооперации, построенной на широкой общественной базе, насчитывающей в своих рядах миллионы пайщиков рабочих и крестьян, такова, что снижение цен является для нее всем существом ее работы. Советская кооперация, которая занимает один из основных участков социалистического сектора нашего хозяйства, никогда не подчиняла себя основному правилу буржуазной кооперации—продавать по средне-рыночным ценам. Наша задача отнюдь не в том, чтобы плестись в хвосте рынка, а в том, чтобы этот рынок подчинить себе и, постепенно вбирая в себя государственную торговлю, сужать поле работы частного торгового капитала. Поэтому директивные обращения к кооперации о снижении цен не представляли для нее чего-либо нового, они говорили лишь о необходимости усилить эту работу и попутно с большей активностью взяться за уничтожение своих внутренних недостатков.

Еще в период, предшествовавший опубликованию первых директив правительства, в работе ленинградской кооперации действовали совершенно ясные

тенденции к удешевлению товаров в своей лавочной сети. Об этом свидетельствует хотя бы средний размер наценок, составлявших в ленинградских кооперативах в 1924/25 г. 17%, тогда как довоенная кооперация наценяла в среднем на товары 20—21%. Наценки — наиболее ясный показатель, насколько дешево торгует кооперация, так как фактическая цена, по которой товар попадает к потребителю, в значительной своей части зависит от отпускных цен оптовых организаций. Как раз оптовый рынок весной 1926 г. в момент наиболее высоких розничных цен переживал повышательное настроение. Однако ленинградская кооперация увеличивала в своей рознице цены в меньшей степени, чем росли оптовые цены трестов и госорганов. Таким образом уже в это время кооперативы Ленинграда фактически снижали свои цены.

Наиболее высокого размера кооперативный индекс бюджетного набора достиг в Ленинграде к 1 апреля 1926 г., когда набор из 26 основных товаров стоил 19 р. 79 к., а к 1 июля 1926 г., т.-е. накануне первого постановления Совета Труда и Обороны о десятипроцентном снижении цен, бюджетный набор по ценам ленинградской кооперации уже упал до 19 р. 48 к. В абсолютных цифрах снижение цен было произведено еще в очень небольших размерах, но в то же время оно показывало, что ленинградская кооперация уже тогда успела переломить повышательные тенденции и вышла на твердый путь нового удешевления товаров для потребителя.

Дальнейшее снижение цен пошло интенсивным ходом и стало центральной частью работы ленинградской кооперации за весь последний год. Вся работа как ЛСПО, так и первичных кооперативов Ленинграда, в этом году проходила под знаком снижения цен, и к этому сводились их основные мероприятия по улучшению своего торгового аппарата и развитию хозяйственной деятельности.

Урезывая свои расходы и уменьшая наценки, кооперация Ленинграда снизила стоимость бюджетного набора к 1 октября 1926 г. до 17 р. 83 к., добившись таким образом понижения розничных цен против 1 мая на 9,9%. С октября, однако, на оптовом рынке снова появились признаки повышения отпускных цен, в связи с чем и кооперации пришлось повысить свои розничные цены на ряд товаров. В общем октябрь и ноябрь дали повышение оптовых цен на 4,5%, которые съели таким образом часть произведенного ленинградской кооперацией снижения. По подсчетам на 1 января 1927 г. ленинградская кооперация выполнила директивы правительства даже с превышением, снизив цены на 11.1%; однако из-за роста оптовых цен до потребителя удалось довести снижение всего на 6.6%.

Результаты первого снижения цен показали, что для дальнейшей работы в этом направлении одними директивами, обращенными к кооперативным организациям, обойтись нельзя. Новое постановление правительства от 16 февраля 1927 г., которому предшествовало обсуждение вопроса на февральском пленуме ЦК, было обращено уже не только к кооперации, но и к промышленности, финансовым и другим хозяйственным органам. И кооперации и промышленности было предложено к 1 июня 1927 г. снизить цены против цен на 1 января в равной мере до 5%. Таким образом на этот раз фактический результат снижения розничных цен кооперативами гарантировался обязательным снижением цен и в оптовой торговле.

Еще до опубликования нового распоряжения Совета Труда и Обороны ленинградская кооперация снизила цены по всей своей системе на 3% на обувь и не-

которые другие товары. Вслед за этим началась работа по снижению цен на все промышленные товары, как это требовало постановление правительства. Одними промтоварами однако ленинградская кооперация не ограничилась. Параллельно шло снижение цен на сельско-хозяйственные продукты, играющие преобладающую роль в бюджете ленинградского рабочего. Закупки ленинградского рабочего приблизительно на 75% падают на сельско-хозяйственные продукты и только на 25% на изделия промышленности. Таким образом, чтобы рабочий действительно почувствовал снижение цен и получил повышение своей реальной зарплаты, ленинградская кооперация сама расширила рамки правительственного задания.

Директивы партии и правительства кооперация Ленинграда выполнила точно и срок. Уже к 23 мая 1927 г. в кооперативах Ленинграда розничные цены были снижены на 9,16% против цен на 1 января. Если мы расчленим эту цифру по звеньям, то окажется, что за счет промышленности цены снизились на 3,7%, а за счет торговых звеньев кооперации—на 5,35%. В переводе на рубли снижение цен на промтовары при таком же темпе работы ленинградской кооперации в будущем даст потребителям 800 тыс. руб. экономии в месяц. Результаты снижения цен на продовольственную группу товаров показывают, что кооперация снизила их на 6,21% против цен на 1 января и на 19% против цен на 1 мая 1926 года. На 1 июня 1927 г. цены кооперации были дешевле цен частного рынка по всему бюджетному набору на 26,3%, т.-е. рабочий, покупая в кооперативной лавке, экономил против покупок у частника 2 р. 63 к. на каждые 10 р. закупок.

Снижение цен, полностью и к сроку проведенное ленинградской кооперацией, было нелегким делом. Не надо прежде всего забывать, что нам приходилось исходить из цен на 1 января 1927 г., когда уже по Ленинграду розничные цены понизились почти на 7%. В других районах Союза такие результаты к тому времени не были достигнуты, в иных снижения совсем не было произведено, поэтому там кооперация понижала высокие цены, мы же снижали цены, уже значительно сниженные.

Мало благоприятной также была обстановка сокращения торговых расходов, которые в значительной части являлись источником снижения цен. Как раз на первый квартал 1926/27 г. падает уменьшение налоговых льгот для кооперации и повышение железнодорожного тарифа. В то время, как часть зависимых расходов в ленинградской кооперации снизилась в первом квартале на 13,4%, доля независящих от нее расходов поднялась на 17,6%. И все же общая сумма расходов с 11.4% к обороту в 1925/26 г. сократилась в первом квартале до 11,28%.

По пути к дальнейшему росту.

На тех результатах, которых добилась ленинградская кооперация в области снижения цен, она, понятно, не остановится. Дать дешевый товар потребителю—это ее основная задача и основная цель ее работы. Дальнейшие достижения в этой области зависят от всего роста ленинградской кооперации, от увеличения ее оборотов, большей нагрузки товарами аппарата, усиления финансовых средств и увеличения числа пайщиков. Чем сильнее и мощнее кооперативный аппарат, тем дешевле обходятся его услуги рабочему-потребителю и тем больше кооперация может снизить цены в своей торговле.

Работа ленинградской кооперации в 1926/27 г. показывает, что в ней заложены здоровые факторы роста и непрерывного развития. В первом полугодии этого хозяйственного года обороты ЛСПО со всей кооперативной системой Ленинграда достигли почти 200 милл. рублей против полутораста милл. за пер-

вую половину прошлого хоз. года, т.-е. снова выросли больше, чем на 30%. Торговая работа ленинградской кооперации усилилась и в тех областях, в которых до того времени чувствовалась некоторая слабость. Особенно это сказалось в мясной торговле, бывшей раньше одним из неблагоприятных участков кооперативной работы. Теперь уже мясная торговля кооперации вышла из подготовительной стадии и захватила почти половину ленинградского мясного рынка. Такое же усиление работы мы имеем и во всех других отраслях кооперативной торговли.

Мы имеем сейчас и все признаки усиления кооперирования трудящихся Ленинграда. Ленинградские кооперативы на 1 июня 1927 г. насчитывали 350 тыс. пайщиков, внесших около $2^1/_2$ миллионов рублей паевого капитала. Уже сами пайщики поднимают вопрос, что существующий сейчас десятирублевый пай слишком мал для той огромной работы, которую ведет наша кооперация. Фабрика за фабрикой, завод за заводом принимают решение о переходе на 15-рублевый пай, при чем многие уже повышенные паи внесли полностью. Оживилась работа всех низовых кооперативных ячеек-коопбюро, которые существуют на каждом предприятии и заводе; появились и новые организации—лавочные комиссии, которые ведут непрерывное наблюдение за работой каждой кооперативной лавки. В массовую работу кооперации вовлечены совершенно новые пласты -домохозяйки, комсомол и т. д.

За последний год ленинградская кооперация продвинулась вперед и по пути укрупнения и уплотнения своего хозяйственного аппарата. В настоящее время в Ленинграде кооперативная сеть доведена до 6 крупных кооперативов, по одному на район. Каждое районное потребительское общество является мощным и сильным хозяйственным организмом.

Ленинградская кооперация на десятом году Октябрьской революции мало похожа на кооперацию в начале нэп'а. За этот короткий срок она прошла огромный путь развития и сейчас уже быстрыми шагами подходит к полному обслуживанию полностью кооперированных трудящихся масс Ленинграда.

НА НОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ.

Октябрьская революция вступает в новое десятилетие. Позади у нас десятилетний путь революционной борьбы рабочего класса. Год за годом отвоевывал пролетариат свою независимость и право на социалистическое строительство.

Долгие годы Советская Россия находилась в тяжелых тисках голода и хозяйственной разрухи. Гражданская война на многочисленных фронтах, блокада империалистических держав, хотевших измором взять пролетарскую революцию, борьба с внутренней контр-революцией, с остатками буржуазии, лелеявшей мысль с лихвой вернуть потерянное,—все это создавало неимоверные трудности для пролетариата советских республик, строивших свое хозяйство под градом пуль и под острием штыка.

Но лишь только победы на фронтах гражданской войны позволили советской власти перейти на мирное строительство, начался бурный рост всего нашего народного хозяйства. Рабочий класс у нас работает для себя и на самого себя,—и в этом кроется причина того исключительного упорства и энергии, с которыми пролетариат Советской России принялся создавать хозяйство первого в мире социалистического государства.

Нам пришлось начинать почти на пустом месте. Империалистическая война, сопровождавшаяся небывалым хищничеством буржуазии, оставила в наследие рабочему классу совершенно разбитое и разрушенное хозяйство в стране. И первым этапом мирного строительства советской власти было восстановление хозяйства в тех пределах, которые существовали в царской России в довоенное время.

Не так легко было подойти к довоенным размерам; приходилось вести работу в тяжелых условиях изолированности от капиталистических государств Западной Европы и Америки, стремившихся всячески помешать укреплению страны Советов. Без денежных кредитов, своими силами и средствами, на основе отсталой техники советская власть начала восстанавливать и промышленность, и сельское хозяйство, и финансы, и все другие отрасли народного хозяйства страны.

Результаты сейчас налицо. Во многих областях мы уже сейчас перешагнули за грань довоенных размеров. Советская Россия перешла теперь в следующий пе-

Вместе с ростом всего хозяйства страны выросла и советская кооперация. Наша кооперация с самого начала строилась, как органическая неделимая часть всей хозяйственной системы Советов. Но — в отличие от промышленности, финансов, сельского хозяйства — довоенные размеры ни разу не составляли того этапа, к которому она стремилась. Мерки кооперации царской России были настолько ничтожны, что наши советские кооперативные организации перешагнули через них чуть ли не в первый день своей работы. Слабая и бессильная довоенная кооперация не играла никакой роли в хозяйственном обороте страны и представляла собой невидимую для глаза точку на сплошном фоне частно-торгового капитала. Только небольшие группы сравнительно хорошо обеспеченных рабочих участвовали в кооперативах довоенного времени, вся же масса трудящихся оставалась вне кооперации. Да им и незачем было туда итти, так как прежние потребительские общества были более похожи на акционерные компании, чем на кооперативные организации. По существу дореволюционная кооперация была прислужницей частного капитала и играла ему только в руку.

Кооперация Советской России и кооперация дореволюционная — ничем несравнимые величины. Сейчас советская кооперация представляет собой огромную мощную организацию, объединяя по одной только потребительской системе 12½ миллионов рабочих и крестьян. Годовой оборот потребительской кооперации нашего Союза достиг 9 миллиардов руб. До 40% всего розничного оборота страны находится в руках многочисленных потребительских кооперативов, проникших во все самые отдаленные уголки Советских республик. Достижения

ративов Западной Европы, многочисленные делегации которых перебывали у нас за эти годы.

Сила советской кооперации в том, что она неразрывно связана с революционным движением рабочего класса. С самого первого дня она строилась коллективным путем при участии всей массы трудящихся. Те формы, которые принимала наша кооперация на своем пути непрерывного улучшения и усовершенствования, являются результатом не надуманности каких-либо отдельных идеологов и мудрецов, а есть результат коллективного строительства всего рабочего класса. Наша кооперация шагала в ногу с рабочим классом Советской России, она росла и крепла вместе с каждым продвижением пролетариата по

пути к социалистическому строительству. Вместе с тем каждый ее успех, каждый этап роста кооперации, рядом с развитием других основных отраслей хозяйства, в свою очередь, приближает нас к моменту полного установления социализма в стране победивших рабочих и крестьян.

Успехи кооперации тем более разительны, что в современных своих формах она начала работать только со времени нэпа, до которого вся система хозяйственной работы и организации снабжения населения были построены на совершенно других началах. За нами всего три-четыре года работы в более или менее нормальных условиях, и этот короткий промежуток советская кооперация использовала с максимальной силой и энергией.

В предыдущих главах мы рассказали, как росла и развивалась кооперация Ленинграда, какие трудности ей пришлось преодолеть на своем пути. Пройдя через голод и разруху, наша кооперация при первой же возможности мирного строительства быстрыми шагами двинулась вперед. Взамен старых отпавших функций периода гражданской войны у нашей кооперативной организации появились новые задачи. Работа кооперации осложнилась, приняла другие формы и иные масштабы. Перестраиваться приходилось во время хода самой работы; как и в первые месяцы революции кооперация не могла ни на один день приостановить или замедлить снабжение рабочего населения огромного города.

Чем дальше шло восстановление народного хозяйства, чем больше росло благосостояние рабочего класса Ленинграда и всего Советского Союза, тем сложнее становилась работа кооперации. Каждый этап развития ленинградской кооперации отличается от предыдущего не только по размерам работы, но и по ее содержанию, соответствующему новым повышенным требованиям рабочего класса. В своем развитии и движении вперед кооперация Ленинграда целиком отражала все процессы хозяйственного улучшения быта ленинградского рабочего.

Свой путь хозяйственных успехов ленинградская кооперация прошла исключительно быстрым темпом. Этот путь не был гладок и ровен, на нем стояли многочисленные препятствия, были рытвины и ухабы, но они не останавливали роста кооперативной работы; наоборот, они вызывали прилив новой энергии, новой активности, которая очень быстро приносила свои плоды.

В новое десятилетие пролетарской революции кооперация Ленинграда входит как сильный и окрепший организм. Весь город покрыт густой сетью кооперативных лавок и магазинов, где рабочие-потребители получают все необходимые им товары. Частный рынок оттиснут кооперацией на самые задворки и для своей умирающей торговли старается всякими правдами и неправдами урвать товары из тех же кооперативных лавок и магазинов.

В ряды ленинградской кооперации вливаются новые массы трудящихся. Следом за рабочими в кооперативы идут их жены и сестры, пополняются шеренги пайщиков и нашей сменой—молодежью, которая все ближе и ближе подходит к кооперативной работе. В первом же году нового десятилетия в ленинградских кооперативах будет свыше 400 тыс. пайщиков, т. е. мы приблизимся к [illegible] трудящихся Ленинграда. Рост кооперирования и увеличения паевого взноса, уже на многих предприятиях доведенного рабочими до 15-рублевого размера, подводит под ленинградскую кооперацию крепкую финансовую базу.

Усилившееся в последние годы плановое начало в советском хозяйстве дает нам возможность теперь каждый год строить твердый план своей будущей

работы. План работы на предстоящий период показывает, что в ближайший же год ленинградская кооперация снова вырастет почти на 80%, перевалив в своих оборотах за ½ миллиарда рублей. По ряду товаров, по которым мы сейчас еще несколько отстаем, кооперация полностью выбьет частника, на сто процентов снабжая основными продуктами полуторамиллионное население Ленинграда.

Ленинградская кооперация укрепляется и растет в значительной мере за счет объединения своих сил и концентрации всей своей работы в крупных хозяйственных единицах. В этом отношении мы уже сейчас имеем огромное достижение, сведя свою сеть к шести мощным районным кооперативам. Но те формы строительства, к которым мы подошли, не являются чем-то совершенным и окончательным. Перед нашей кооперацией открыт дальнейший путь улучшения и усовершенствования своего аппарата. Процесс укрупнения кооперативов, неуклонно развивавшийся в Ленинграде с начала нэп'а, имеет своей конечной целью создание единого ленинградского центрального кооператива, который еще больше усилит кооперативную работу и даст возможность еще лучше обслужить нужды рабочего-потребителя.

Вот основные черты роста и развития ленинградской кооперации на первый же период нового десятилетия Октябрьской революции. Огромный опыт и знания, накопленные рабочим классом за десять лет революции, будут с успехом применены им для завершения стоящих перед ним задач. Не ослабляя ни на минуту присущие революционному пролетариату активность и энергию, мы будем продолжать мирное строительство нашего хозяйства.

За десять лет рабочий класс советской России вынес на своих плечах неимоверные трудности. Это дало ему такой закал, такую революционную выучку, что теперь уже ему не страшны любые препятствия и любой нажим врагов.

К концу десятого года существования советской власти снова во всем мире зашевелились черные силы реакции. Мировая буржуазия уже не раз пробовала уничтожить ненавистную ей власть рабочих и крестьян. Она использовала все меры борьбы, начиная от открытой интервенции и блокады и кончая взрывами и поджогами внутри советской страны. Наши успехи за десять лет, та огромная симпатия, которой пользуется советское государство во всех странах мира, не дают спокойно спать правительствам буржуазных государств. Буржуазия вновь начала открытую борьбу против советской России. Перед нами стоит снова угроза блокады, а, может-быть, и война с винтовкой в руках.

Но на штыки и пушки империалистических держав рабочий класс ответит так же, как он отвечал уже не раз. Мы теснее смыкаем свои ряды, мы усиливаем нашу работу на всех участках нашего хозяйства, мы в полной готовности держим свои винтовки, и мы не дадим никому мешать нашему мирному строительству.

Ничто в мире не заставит советскую Россию свернуть с прямой дороги социалистического строительства. Среди идущих по этой дороге не последнее место принадлежит кооперации. Великий кооперативный план, который начал проводить в жизнь Ленин, будет выполнен. В этом порукою служат успехи, уже достигнутые советской кооперацией и в частности успехи кооперации Ленинграда—первого города революции.

Август 1927 г.

А. Е. Бадаев

ПРОДОВОЛЬСТВЕННО - КООПЕРАТИВНАЯ РАБОТА В ЛЕНИНГРАДЕ

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ
ПРАВЛЕНИЯ Л.С.П.О. ПО ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ КООПЕРАЦИИ.

ГЛАВА I.

Война и народное хозяйство России.

Уже тогда, когда было сказано первое слово о войне, где-то у порога народно-хозяйственной жизни России притаился невидимый призрак разрухи и голода. Путь экономического развития России был предрешен.

Еще одурманенные шовинистическим угаром толпы кричали «ура», еще царила твердо и уверенно пресловутая теория—«шапками закидаем»—и с крыши германского посольства в Санкт-Петербурге, превратившемся для устрашения кайзера в Петроград, тащили в назидание потомству к берегам Мойки бронзовых страшилищ... Еще никому не снились возможные ужасы будущего. Но обстоятельства уже неумолимо намечали разрушительные экономические процессы и создали неумолимо констатируемые для фактического начала хозяйства, создавшегося в период войны, особенности хрупкости, самоуничтожения, правового произвола, в зависимости от квалификации, на выбор два места: либо тюрьма для «изменников», либо желтый дом для сумасшедших. Исключительное спокойствие и легкомыслие правящей клики гарантировали еще больший рост разрухи, чем, может быть, это вызывалось естественным ходом экономических процессов.

Начало разрухи. Мировая война, разразившаяся в июле 1914 года, в корне изменила экономическую обстановку и ускорила те процессы разложения и гниения, которые до сей поры протекали относительно медленно в пределах «богоспасаемой» России. Вначале война скользила по поверхности хозяйства. Вернее, в первые месяцы удары, которые она наносила, не могли сразу оставлять видимые следы на сложившемся хозяйственном укладе, по инерции катившемся по старым рельсам.

Однако постепенно тайное начинало становиться явным. Уже к концу 1914 года дороговизна начала давать себя чувствовать. «Озимая пшеница в январе 1915 года ценилась в Киеве в 1 р. 50 к. против 1 рубля предшествующего года; в Саратове рожь поднялась до 95 к. - 1 рубля против довоенных 54—64 к. В Москве к марту 1915 года против августа 1914 г. цены на продукты питания увеличились от 12 до 60%; в частности, ржаной хлеб повысился в цене на 23%, пшено на 48%, гречневая крупа на 44%, соль на 57%, мясо третьего сорта на 46%, картофель на 92% и т. д.» [1]).

[1]) М. Балабанов. „Ист. раб. кооп. в России". М. 1925 г., стр. 189.

Уже в 1914 году вывоз за границу упал с 1.520 милл. рублей 1913 года до 956 милл. рублей, т. е. больше, чем на одну треть, при относительно мало снизившемся импорте. Сельскому хозяйству был нанесен огромный удар. Миллионы здоровых и наиболее ценных работников ушли по мобилизации из промышленности и сельского хозяйства на войну. Армия, не производя, разумеется, ничего, требовала для своего снабжения колоссального количества различных продуктов. Мобилизация 1914 года, занявшая огромную часть жел.-дор. транспорта под военные перевозки, положила начало в дальнейшем безостановочно увеличивавшемуся расстройству всего хозяйства железных дорог и всего транспортного дела. На ряду с этим, промышленники и торговцы, уже с первых дней войны сообразившие, что «такая война бывает раз в сто лет», всемерно старались использовать представившийся редкий случай; мелкая спекуляция захлестнула все отрасли жизни отвратительно грязной волной и всячески усиливала и приближала наступление неминуемого кризиса. Крупная промышленность, банки и все то «солидное» в хозяйстве, что представляло собой новый российский капитализм, делая [illegible] бешеные сверхприбыли, копили так называемые доходы военного времени. Помещики, как главные держатели хлеба и сельско-хозяйственных продуктов, под шум патриотических манифестаций, все же, разумеется, предпочитали громкие речи действительному принятию на свои плечи тягот войны и вздували хлебные цены.

Разруха, начавшаяся почти с первых дней войны, как этого и следовало ожидать, легла всей своей тяжестью на плечи неимущих трудящихся слоев населения. Промышленники, помещики, торговцы, финансисты получали от войны только огромные доходы,—и немудрено поэтому, что за завесой посыпавшегося на них золотого дождя они катастрофически проглядели наступление разрухи, продовольственного кризиса, почти голода.

Все вслух кричали о единении сил русского народа в наступившую тяжелую годину и все про себя думали: «всяк за себя, а бог за всех». Царское правительство—бюрократическое [illegible] непростительно преступно, преисполненное гордости и абсолютно лишенное умения разбираться в экономической [illegible] на лучшие времена. Правительственные бюрократы и всякого рода ученые экономисты блеснули в эти годы исключительной непредусмотрительностью, [illegible] не предложили для борьбы с разрухой и ничего не сделали для ослабления наступающего краха. Политика казенной веры в неизменное благополучие России вполне устраивала тупых и косных клевретов царя, коим было поручено верховное руководство страной в эти годы. Так нравилось самодержавию, так требовалось мыслить патриотам,—и патриоты так и думали, жадно набивая карманы, подобострастно уверяя в спокойствии и предательски обрекая страну на голод и безысходную нужду.

Рост экономического развала.

Вначале принято было думать, что окончание войны—дело нескольких месяцев. При этом, само собой понятно, известного рода потрясения будут вызваны в народном хозяйстве обстоятельствами военного времени, но эти потрясения, благодаря предположенному короткому сроку войны, не оставят серьезных следов. «Все или

почти все думали»—пишет М. И. Туган-Барановский,—«что война может продолжаться не более нескольких месяцев, первые решительные сражения определят, на чьей стороне победа, и побежденному придется признать свое поражение, так как вести войну более долгое время окажется экономически невозможным» [1]. Однако, месяцы шли за месяцами, а конца войны не предвиделось. Первые предварительные симптомы разрухи постепенно, — и притом в довольно четком и ускорявшемся темпе, — повлекли за собой общий народно-хозяйственный развал.

Война, помимо тех косвенных ударов, которые она наносила хозяйству, требовала колоссальное по размерам количество денежных сумм на прямые военные расходы. Уже в 1915 г. экономисты оценивали годовой расход на войну для всех воюющих стран в десятки миллиардов рублей (от 50 до 100 миллиардов). Для России с ее хозяйственной отсталостью и безграмотным и тупым правительством, разрушающее влияние войны неизмеримо усиливалось. Война вызвала огромное увеличение государственных займов и неслыханную доселе эмиссию бумажных денег. На 16 июня 1914 г. находилось в обращении 1,6 миллиарда бумажных рублей, на 1 марта 1917 г.—9,9 миллиардов рублей, т. е. бумажная масса увеличилась в 6,2 раза [2]. Рост выпуска бумажных денег начался с первых же месяцев войны. Если по 1 июня 1914 г. при 1.634 миллионах бумажных рублей золотой запас находился в народном обращении, золотой запас составлял 1.744 млн. рублей, т. е. равнялся 106,8% всей суммы бумажных денег, то уже через год картина резко изменилась: на 16 июня 1915 года количество бумажных денег было 3.085 миллиона рублей при золотом запасе в 1.688 млн. рублей. Все процентное отношение золотого запаса к находящимся в обращении бумажным деньгам составило 47,3 %. Страна постепенно заливалась потоком бумажек и, по мере роста этого потока, падала цена денег, росли цены на товары, увеличивалась дороговизна.

Росли дефициты по государственному бюджету, надрываемому «обстоятельствами военного времени». В 1914 г. расходы по бюджету составляли 4,9 миллиарда рублей, доходы без займов и эмиссий — 3,0 миллиарда руб. и дефицит выражался в 1,9 миллиард. руб., т. е. в 39,1 % к расходам. Уже в 1915 году дефицит составлял 74,0 % расходов (расходы 11,6 млр. руб., доходы 3,0 млр. руб., разница 8,6 млр. руб.). В 1916 году рост дефицита по бюджету, разумеется, не прекратился: дефицит вместо 8,6 млр. руб. в 1916 году достиг 13,8 млр. при расходах в 18,1 млр. руб., что составило 76,0% к общей сумме расходов [4].

По мере того, как затягивалась война, то, что на первый взгляд казалось не очень страшным, все больше и больше обращалось во всей своей разрушительной полноте. Военная обстановка внесла раньше всего хаотическое состояние в такую основную функцию народного хозяйства России, как его экономические взаимоотношения с внешним миром. Приведем весьма характерные данные о внешней торговле России в годы войны [5]:

[1]) „Год войны в народно-хозяйственном отношении". Ежегодник газеты „Речь" на 1915 г., стр. 435.

[2]) В. Сарабьянов „Экономика и экономическая политика СССР". 1924 г., стр. 68.

[3]) А. Шингарев „Война и финансы". Ежегодник „Речи" за 1915 г., стр. 417.

[4]) „На новых путях". „Финансы". Изд. СТО 1923 г. Цитир. по В. Сарабьянову, стр. 68.

[5]) Там же, стр. 64.

Годы	Ввоз.	Вывоз.
1913 г.	1.374 мил. р.	1.520 мил. р.
1914 г.	1.098 „ „	956 „ „
1915 г.	1.139 „ „	402 „
1916 г.	[illegible]	[illegible]

Помимо этих колебаний в абсолютных цифрах, весьма характерных для хозяйственных процессов военного времени, необходимо отметить, что произошли коренные изменения в самом содержании ввоза и вывоза. России пришлось все более дорожавшие предметы из-за границы почти в тех же количествах. Чувствовались, таким образом, те лишения, которые порождались войной. Выявилось необходимое сырье. Страна теряла ранее завоеванные ею места на внешнем рынке.

Значительное изменение вызвала война и в состоянии добывающей и обрабатывающей промышленности. В этой, пожалуй, наиболее показательной отрасли народного хозяйства процесс разрухи, несмотря на кажущуюся из-за военных заказов отдачу, был весьма серьезен и не уступал по темпу общему росту экономического развала.

Промышленные предприятия России находились в чрезвычайной зависимости от заграничного капитала и вызванный войной разрыв хозяйственной связи с заграницей с самого начала принес огромную угрозу всей промышленности. Работа на оборону изменила весь характер хозяйственной деятельности предприятий. Мобилизация запасных сразу вызвала убыль в рабочей силе приблизительно в 15% [1]). С первых дней давшее себя чувствовать отсутствие топлива и материалов и затруднение для коммерческого движения, в связи с мобилизацией железнодорожных путей, положили начало не прекращавшемуся процессу расстройства промышленности. В 1917 году снабжение страны минеральным топливом уменьшилось на 20% против 1916 г., при чем доля потребления промышленности снизилась на 40% за счет роста потребления, занятого военными перевозками транспорта. Но и поступавшее для промышленности топливо, главным образом, шло тех отраслей, которые обслуживали военные нужды.

Выплавка чугуна, в довоенное время из года в год повышавшаяся, уже в 1914 г. упала на 8%, а в 1915 г.—на 20%, дав всего 3.690.000 тонн против 4.605,000 тонн в 1913 г. Производство стали в 1915 г. упало против последнего довоенного года на [illegible]. Металлопромышленность в большой своей части была переведена на изготовление военных заказов (снарядов, артиллерийских стаканов и т. п.) и сократила все остальные отрасли своего производства. Катастрофически сократилось производство сельско-хозяйственных орудий и машин, которое в 1916 г. упало на 80% против 1913 г. По текстильной промышленности снижение продукции наблюдалось по всем отраслям, кроме льняной и пеньковой. Особенно резко упала выработка хлопчато-бумажных тканей, составившая в 1916 г. 81,9% довоенного производства.

Все отрасли промышленности, кроме специально перечисленных, на обслуживание военных нужд, сократили свою продукцию. В Сарабьянов приводит сле-

[1]) М. Туган-Барановский „Год войны в народно-хозяйственном отношении", Ежегодник газ. „Речь" на 1915 г., стр. 462.

дующую таблицу падения производства в „мирных" отраслях российской индустрии [1]).

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Добывание и обработка камней, земель и глин . .	100,0	93,3	67,2	57,8
Обработка дерева	100,0	87,6	67,0	62,1
Производство пищевых продуктов и наркотиков .	100,0	103,7	96,0	78,1
Обработка бумаги и полиграфическое производство . .	100,0	93,6	83,9	82,9
Художественная и прикладная научная промышленность	100,0	87,3	65,3	57,3
Одежда и туалет	100,0	115,6	102,9	98,8

Несмотря на искусственное вздутие той части индустрии, которая работала на оборону, вся промышленность России в целом годами войны была сверху донизу расшатана и в своем развитии на много лет отброшена назад.

Все основные отрасли народного хозяйства были затронуты войной. Если, быть может, при поверхностной или тенденциозно-воинственной оценке патриотически настроенных экономистов вначале могло еще казаться, что все это — «авось да небось, как-нибудь уладится», то, чем дальше затягивалась война, тем более угрожающими становились признаки разрухи. Этой-новой их приходилось замечать даже наиболее „благонамеренным" людям. Раны, которые наносила война народному хозяйству, были настолько значительны, что процесс разрухи неумолимо должен был прогрессировать, и не было сил, которые могли бы остановить этот рост. Собственническая природа старорежимной России не допускала даже попыток к ослаблению этого роста, ибо всякая такая попытка должна была привести к общегосударственному регулированию, т. е. открыть в священный заповедник собственности и стать на путь «подрыва основ».

Однако, если угрожающие процессы в тяжелой и легкой индустрии, в добывающей промышленности, в транспорте и прочих отраслях народного хозяйства были не так очевидны, чтобы их отчетливо осязали широкие слои населения, то, кроме этих, более или менее далеких населению частей народного хозяйства, существовала такая его отрасль, в которой с особой яркостью находили прямое отражение все скрытые моменты нарастания общегосударственной разрухи. Вопрос о снабжении населения продуктами первой необходимости за годы войны решающим путем частно-капиталистического обмена в условиях мирного времени резко изменился, осложнился невиданными трудностями и вылился в колоссальное народное бедствие, широко и громогласно сигнализировавшее всему народу о нарастании разрухи и приближении краха всей хозяйственной системы. Продовольственный кризис, переходящий в голод, в начале войны

[1]) В. Сарабьянов „Экономика и экономическая политика СССР". Оттуда же заимствованы данные по металлопромышленности и текстильной промышленности.

маячивший где-то в тумане тайных страхов, стал отчетливой явью, болячкой и злобой дня.

Нарастание продовольственного кризиса.

Целый ряд самых разнообразных обстоятельств уже с начала войны предопределял неизбежность продовольственных осложнений, которые особенно тяжело должны были отразиться на населении так называемых потребляющих районов страны, а для крупных городов должны были вылиться в почти полное отсутствие продуктов питания, граничащее с голодом.

Связанный с войной уход в армию наиболее работоспособной части крестьянства не мог не повлиять на продуктивность сельского хозяйства. В деревнях по мере того, как за одной мобилизацией следовала другая, оставалось все меньше и меньше работников и все большую и большую роль в качестве „кормильцев" начинали играть старики, женщины, инвалиды и подростки. Война косила людей и требовала все больше пушечного мяса, а деревня пустела и теряла возможность справляться со своими хозяйственными задачами. Уже одно это обстоятельство должно было чрезвычайно губительно отразиться как на размерах посевных площадей, так и на качестве обработки земли и уборке урожаев. Данные о сокращении посевных площадей за военные годы,—сообщает Н. Орлов, — по сравнению с мирной посевной нормой весьма противоречивы. Одни статистики считают, что изменения в сторону упадка весьма ничтожны (меньше 1%), другие определяют сокращение в размерах до 8%, а по отдельным культурам значительно больше, по пшенице, например, свыше 15%[1]). Во всяком случае реальный валовой сбор хлебов за годы войны значительно сократился, и несомненно, что в этом сокращении, на ряду с размерами урожаев, не малую роль играло уменьшение посевной площади и ухудшение качества обработки и уборки полей.

За предвоенный период (1909—1913 годы) средний годовой валовой сбор по шести основным хлебам по России выражался в таких количествах: рожь—1.210,9 миллионов пудов; пшеница—1.197,5 мил. пуд.; овес—847,5 мил. пуд.; ячмень—576,2 мил. пуд.; гречиха—66,6 мил. пуд.; просо—145,8 мил. пуд., или всего—4.044,5 мил. пуд. Уже в 1914 году валовой сбор ржи, пшеницы, ячменя и овса выразился в 3.657 мил. пуд., т. е. был ниже довоенного на 175 мил. пуд. (4,5%). За 1916 год сбор ржи дал 1.228,5 мил. пуд.; сбор пшеницы—919,8 мил. пуд., сбор овса—794,2 мил. пуд., сбор ячменя—468,9 мил. пуд., гречихи—72,1 мил. пуд., проса—113,9 мил. пуд., т. е. всего 3.597,4 мил. пуд. В сравнении со средним довоенным валовым сбором за два года войны мы видим уменьшение на 447,1 мил. пуд., т. е. на 11,5%.

Если считать сельское население России в 120 милл. человек и принять на душу среднее душевое потребление пшеницы в 6,2 пуда, ржи 8 пуд., ячменя 2,5 пуд., овса 5,3 пуд., т. е. всего 22 пуда этих хлебов в год, то потребность собственно сельского населения должна составить 2.640 милл. пудов. Общий валовой сбор этих хлебов в 1916 г. составил 3.411,4 милл. пудов. Таким образом, необходимый резерв на обсеменение вместе с товарным излишком составляли около 770 милл. пудов, из которых для одной только армии нужно было заготовить 220 милл. пудов, не считая пшеницы и ячменя. Уход из общих продовольственных ресурсов страны такого большого количества хлебов не мог,

[1]) Н. Орлов. „Продов. работа Советской власти". 1918 г., стр. 283.

разумеется, оставаться незамеченным на рынке и в значительной мере должен был отразиться на деле продовольственного снабжения.

На ряду с этим, многочисленная армия, не производя ничего, потребляла колоссальные количества продовольствия. По данным Михайловского, приведенным в его докладе московскому съезду о дороговизне, наряд для армии на овес во внутренних губерниях России в первый год войны достигал приблизительно 140 милл. пуд. По ржаной муке наряд на потребности армии по внутренним губерниям составлял около 80 милл. пуд., т. е. около 90 милл. пудов зерна. Армия требовала огромных количеств мяса, которые достигали таких размеров, что, по подсчетам С. Прокоповича, «даже при обращении на нужды армии всего вывозимого по железным дорогам на потребительские рынки мяса, потребность армии в мясе удовлетворена быть не может». Для характеристики размеров и значения потребления армии приведем некоторые сравнительные цифры: в довоенные годы (1913 г.) вывоз овса из России за границу составлял всего 36 милл. пудов, вывоз ржи за границу составлял 40 милл. пудов, т. е. наряды на снабжение армии овсом и рожью в первый год войны значительно превышали (почти в 3 раза) весь довоенный годовой экспорт этих хлебов за границу. Разумеется, огромные количества продуктов, заготовляемые военным ведомством, значительно уменьшили ресурсы для снабжения населения. Кроме того, наличие на рынке такого спроса, сопровождаемого высокими ценами (в виду того, что заготовку необходимо было произвести во что бы то ни стало), отражалось вообще на продуктовых рынках и вызывало повышение цен или стремление припрятать хлеб со спекулятивными целями.

Расшатывание промышленности и обращение ее к обслуживанию, главным образом, военных нужд вызывало товарный голод на целый ряд изделий, необходимых для деревни. Такие продукты питания, как сахар, соль и пр., изделия текстильной промышленности—суконные и хлопчато-бумажные ткани, металлические изделия, словом все то, в чем насущно нуждалось крестьянство, появлялось на рынке в уменьшенных и ограниченных количествах. Денежная эмиссия росла. Крестьянин, не имея возможности получать в достаточном количестве потребные ему продукты и изделия, реализовал хлеб осторожно, стараясь при первой возможности создавать хлебный запасец. Уже в этот период деревня стала́ рассматривать хлеб, как валюту. Излишки хлеба, консервированные в деревне, в отдельных районах были довольно значительны и сохранялись в течение ряда лет. Такое естественное стремление к удержанию хлеба в деревне находило свое отражение в снабжении непроизводящих районов и крупных городов и являлось одним из серьезных факторов нарастания продовольственного кризиса.

Помимо самой трудности приобретения и заготовки сельско-хозяйственных продуктов, дело продовольственного снабжения потребляющих районов чрезвычайно осложнялось также доставкой этих продуктов. В довоенное время, в 1913 году, железными дорогами Европейской России было перевезено 842 милл. пудов хлеба в зерне, 330 милл. пуд. муки и круп, 71 милл. пуд. отрубей, 236 милл. пуд. овощей, 21 милл. пуд. мяса и пр. В годы войны, помимо всех обычных грузов, помимо всего перечисленного продовольствия, дорогам нужно было еще возить и в экстренном порядке войска, снаряжение, оружие, беженцев и пр. Это не могло не отразиться на продовольственных перевозках. Железные дороги России всегда оставляли желать много лучшего. Царское правительство

рассматривало железнодорожное хозяйство, в первую очередь, как доходную статью, занимавшую в бюджете второе после винной монополии место. Средства на техническое улучшение дорог не отпускались. Железнодорожные служащие и администрация оплачивались чрезвычайно низко. В результате административный персонал был плохой. Подвижной состав дорог был в истрепанном и изношенном состоянии еще перед войной. К началу войны от 20 до 25% всего наличного паровозного парка было в возрасте от 40 до 45 лет. Неудивительно, что, сохранение дееспособности железных дорог в условиях военного времени было для тупоголовых царских бюрократов неосуществимой задачей. Война началась с мобилизационных перевозок, и до середины октября 1914 г., в связи с этим, длился перерыв движения коммерческих грузов, что должно было сразу же отразиться на запасах продуктов в потребляющих районах и создать товарные пробки на дорогах. После этого усиленные перевозки по снабжению, военные перевозки, переброски миллионов беженцев,—все это дезорганизовало работу транспорта. Новое строительство подвижного состава прекратилось, прекратился капитальный ремонт, железнодорожные мастерские загружались военными заказами,—транспортная разруха развивалась исключительно быстрым темпом. К 1916 г. положение транспорта уже официально определялось, как катастрофическое. Разумеется, такое состояние транспорта могло только осложнять нормальное снабжение страны и играло не малую роль в усилении обстоятельств, создавших продовольственный кризис.

Добывающая промышленность либо сокращала свою продукцию, либо удерживалась на старых позициях за счет лихорадочного напряжения, свойственного военному периоду. Технического движения вперед не было. Оборудование крупных предприятий тяжелой индустрии изнашивалось без капитальных ремонтов и улучшений. Отсутствие необходимого сырья из-за сокращения производства его внутри страны или прекращения ввоза из-за границы тяжело отразилось на целом ряде отраслей промышленности. Сократился количественно состав квалифицированной рабочей силы. Огромные военные заказы отрывали промышленность от сложившейся системы производства, требовали частых переустройств этой системы, вместо плана вводили лихорадку, сокращали выпуск на рынок продуктов, потребных для широких масс. Фабриканты и промышленники не видели в этом ничего особенно страшного, так как зрение их ослеплялось невероятными прибылями от военных заказов и военного времени. Однако, дезорганизация промышленности и влияние этой дезорганизации на всю хозяйственную [illegible] нужны, что остановить [illegible] внутри промышленности, нужны были долгие годы.

Специальные военные расходы и растущая дороговизна вызывали чрезвычайное [illegible] дороговизна росла. Сельское хозяйство, в котором производство точно также [illegible] из-за отсутствия товарных эквивалентов в виде промышленных изделий и нежелания реализовывать свою продукцию за падающие с каждым днем бумажные деньги. Товарный голод в деревне постепенно нарастал. На ряду с этим, плохо [illegible] ставшими перед ним в процессе войны, слабел и разрушался. Все эти отрица-

тельные процессы, входя в непрестанное взаимодействие друг с другом, систематически усиливали самих себя, усложняли все больше хозяйственную обстановку и неминуемо должны были окончиться катастрофой.

Таким образом вся экономическая обстановка с каждым новым месяцем выдвигала новые и новые угрозы. Война потрясла весь народно-хозяйственный организм, расшатала его в корне, довела до максимума те противоречия, которые в относительно скрытой форме существовали и в мирное время, и каждую трещину в довоенном народном хозяйстве за военные годы обратила в огромные провалы и пропасти.

В отсталой России интерес к вопросам экономики и хозяйства в довоенное и дореволюционное время являлся привилегией очень немногих избранников. Если иногда внешние политические моменты, скользящие по поверхности хозяйственной жизни, привлекали к себе внимание широкой публики, то и тут внезапный и весьма не глубокий интерес придавливался и глушился тяжелым полицейским сапогом. Даже так называемая интеллигенция, за исключением самых верхов ее, ограничивала свои интересы мелким кругом поверхностных вопросов, не смотрела глубоко и, по существу, была в массе невежественна, как и вся страна. Война якобы всколыхнула общественные интересы. Но и это было только видимостью: патриотическое негодование, «политические» разговоры, лозунги и крики, суетливость, а не экономический анализ характеризовали это оживление. И те катастрофические процессы разложения, которые с первых месяцев войны повели Россию к неизбежному краху, протекали вначале почти невидимо и неосязаемо.

Неудивительно поэтому, что не только после Октябрьской революции, но уже после февраля, когда скрытые хозяйственные нарывы во всей своей ужасающей неприглядности стали выходить наружу, весьма значительные массы людей легко и охотно поверили сказке о том, что все зло сие — от революции, что разруха родилась прямо из революционного уклада, что история краха начинается только с 1917 года.

Почти все последующее содержание этой книги посвящено героической борьбе Петроградского пролетариата с костлявой рукой голода и неслыханными трудностями, осложнявшими эту борьбу. Петроградский пролетариат прошел все первые годы революции в обстановке неослабной борьбы с все нараставшей разрухой.

Было бы совершенно безграмотно и экономически бессмысленно думать, что все эти страшные раны в народном хозяйстве были результатом нескольких месяцев революции. Основания к развалу были заложены уже в первые военные месяцы, — и все последовавшее в значительной мере было только логическим развитием событий, только естественным ходом болезни, когда один микроб рождает миллионы себе подобных и подтачивает больной организм.

Если вначале эти процессы не были видны, если в годы войны палочная дисциплина и консервативная инерция хозяйства снаружи давали довольно сносную картину, то внутри народного хозяйства к 1917 г. перегорели уже все основные связующие силы. И чем больше на вид положение казалось сносным, тем катастрофичней должен был стать процесс разрухи и распада тогда, когда болезнь вышла наружу.

Дороговизна и продовольственный кризис.

На почве тяжелого состояния промышленности, транспорта, финансов и сельского хозяйства рост осложнений и трудностей в удовлетворении основных потребностей широких масс был вполне естественным и неизбежным явлением. Бюрократический правительственный аппарат не представлял себе ни размеров разрухи, ни своих задач в борьбе с разрухой, ни конкретного плана для ослабления последствий разрухи для населения. Правда, время от времени вопрос о положении населения дебатировался, но это вызывалось скорее соображениями политического порядка, о правительство боится разрухи и считается с ее последствиями, которые она несла населению, а с точки зрения того, не вызывает ли это каких-нибудь политически неблагонамеренных мыслей или действий. Подход к народному бедствию под этим углом ни в коей мере не мог гарантировать успешности [illegible] борьбы за облегчение [illegible] народа. Кроме того, властвующий правительство и интересы господствующих классов находились в противоречии с интересами успешного ведения войны: своекорыстно-политические и чуждые, наживавшие огромные доходы на войне спекулянтские круги в жизнь каких бы то ни было мероприятий к усилению снабжения населения и ослаблению продовольственного кризиса. Деятельность [illegible] и классовая [illegible] была не для кого любви решительно никогда заранее была ограничена сотнями сфер и областей, к коим прикасаться не дозволено.

На поверхности хозяйственной жизни безнаказанно и с лихорадочной поспешностью [illegible] миллионы спекулянтов. Спекуляция [illegible] странных [illegible] спекуляций занимались не только торгаши, а все, кому не лень, или как говорили в те годы, «все, у кого есть голова на плечах». И так [illegible] народные ресурсы обогащались по дням неожиданно и потребитель [illegible], которые задерживали эти продукты, мистифицировали или [illegible] и [illegible] больше ухудшали положение масс. Наконец-то, со [illegible] времен нашедшее прочный приют в народной России, расцвело и расширилось [illegible] дитятко невиданных размеров. Не подлежало [illegible] [illegible] одной из важных экономических [illegible] практики страны. Через любое [illegible] пространство спекуляция и экономическая игра в [illegible] [illegible] и [illegible] давали [illegible] прибыли, спекулянты стригли всех понемногу. Страна катилась вниз.

Все изложенные обстоятельства неминуемо должны были вызвать в жизни [illegible] [illegible] к голоду. Рост цен на одни товары, [illegible] [illegible] [illegible] товаров, а так и никакой [illegible] цен, [illegible] цены, без границ, без пределов. Росла дороговизна, вся тяжесть которой ложилась в первую очередь на беднейшие слои населения.

К началу 1917 года, по данным анкеты Московского Союза Потребительских Обществ, [illegible] Н. Рыбакиным, цены на продукты [illegible] [illegible] в сравнении с концом 1915 г. По отдельным продуктам вздорожание было таково: на хлеб ржаной — 55%, хлеб из первача — 62%, мясо 2 сорта — 135%, [illegible] — 110%, [illegible] — 180%, [illegible] — 198%. По сравнению с довоенным временем [illegible] предметов продовольствия в городах не меньше чем на 100—150%, т. е. больше, чем удвоились [1]). Хлебная спекуляция началась с первых дней

[1]) „История рабочей кооперации в России", стр. 190.

войны, так что уже к январю - февралю 1915 года цены на главнейшие хлеба возросли настолько, что хлебозаготовительные расходы казначейства (по снабжению армии) испугали совет министров [1]). Цены на миткаль в летние месяцы: в 1913 г.—9⅝ коп., в 1915 г.—14⅜ к. Цены ситца (№ 1): начала лета 1914 г.—14½ к., июнь 1915 г.—21 к. [2]).

Индексы цен за годы войны изменились так: по Москве индекс 1913—1914 г.—1,00, в апреле 1917 г.—3,33. По 39 губерниям России в 1913—14 г.—1,00, в апреле 1917 г. — 2,42.

Цены росли абсолютно на все товары. При этом рост цен на продукты питания усиливался прямым отсутствием этих продуктов. Постепенно дороговизна и исчезновение продуктов с рынка становились основными темами, начинали внедрять панику в обывательские сердца и гнев в сердца трудящихся.

Положение Петрограда

Если война несла для всей страны продовольственные затруднения, переходящие в кризис, то для Петрограда совершенно естественным было обострение этого кризиса до размеров прямого голода. Огромный город с двухмиллионным населением, находившийся на окраине, в потребляющем и относительно бедном районе, нуждался в планомерном и систематическом притоке продуктов для удовлетворения первоочередных потребностей. Малейшие заминки в транспорте или заготовке продуктов сразу же должны были вызывать осложнения. В Петрограде в мирное время сходились 6 железно-дорожных магистралей, по которым ежедневно ввозились огромные количества продуктов, поглощавшихся городом. Значительную роль в снабжении города играли водные пути.

Вся эта сложная снабженческая система, построенная на принципе частной свободной торговли, не могла не быть потрясенной с первых же дней войны. Кроме всего прочего, Петроград в военные годы, как центр и столица, наводнялся огромными массами приезжающих. В городе стояли многочисленные воинские части. Население города весьма значительно увеличилось во время войны и таким образом возрастало количество потребного продовольствия.

Отдаленное положение Петрограда от заготовительных районов в связи с транспортной разрухой раньше чем где бы то ни было должно было отразиться на продовольственном снабжении города. Вначале это обстоятельство вызвало только рост цен на продукты, в дальнейшем же оно должно было вылиться в прямое отсутствие продуктов.

Спекуляция всякого рода должна была особенно легко и быстро развиваться в условиях чрезвычайно перенаселенного центра. Поэтому дороговизна в Петрограде начала расти с исключительной быстротой. Уже за первые полгода войны (к январю 1915 г.) в городе соль вздорожала на 57%, мука на 18%, пшеница на 12%, крупа гречневая на 51%, масло на 30%, мясо на 26%, молоко на 25%, сахар на 14% [3]). Положение осложнялось еще тем обстоятельством, что окружающие Петроград районы были сами потребляющими и фактически отсасывали от города часть ввозимого продовольствия.

Если можно говорить о наиболее благоприятных условиях, в которых раньше всего должен был найти свое отражение продовольственный кризис, принесенный

[1]) Орлов, „Продов. раб. Советской власти" 1918 г. стр. 4.
[2]) Туган-Барановский „Год войны в нар. хоз. отн." стр. 460.
[3]) Туган-Барановский. „Вздорожание жизни в Петрограде". „Нов. Экономист" 1915 г., № 6.

войной, то, разумеется, в Петрограде, в силу его экономического состояния и географического положения, все они были налицо. Полное отсутствие регулирующ[illegible] в руках частно-капиталистической торговой и спекулятивной стихии.

Частный капитал, ввозя в Петроград продукты, торгуя ими, руководствовался, конечно, отнюдь не заботой о снабжении населения, а личной наживой. И вот эта-то личная нажива должна была являться единственной регулирующей гарантией планомерного снабжения города с огромным населением, расположенного вдалеке от производящих районов и наряду с этим потребляющего громадные количества продовольствия. Разумеется, такая гарантия ни от чего не гарантировала в условиях общегосударственного хозяйственного кризиса, а наоборот являлась лучшим залогом скорейшего наступления голода.

С 1908 г. по 1916 г. число рабочих в Петроградской губернии увеличилось в 2½ раза (с 167 до 407 тысяч человек) и составляло около $^1/_7$ части населения губернии. За годы войны с 1914 по 1917 г. число рабочих в крупных предприятиях [illegible] в Петроградской губернии [illegible] человек). К моменту революции в Петрограде около центрального аппарата [illegible] 400.000 фабричных рабочих, из коих более трех четвертей (355 тыс.) на 140 больших заводах (в среднем по 2.400 человек на заводе). Невзгоды [illegible] продовольственного кризиса Петрограда, разумеется, в первую очередь должны были обрушиться всей своей тяжестью на этих рабочих и их семьи, а также на мелко-буржуазные обывательские слои населения.

Дело снабжения всей этой массы было в руках частных торговцев. Само собой понятно, что в тех экономических условиях, в которых находился Петроград, город был обречен на продовольственный кризис и голодовку сразу же после объявления войны. Чем дольше затягивалась война, тем неминуемей становилась эта обреченность.

И, разумеется, остановить этот страшный бег нараставшего продовольственного кризиса было не под силу ни наскоро и неумело организовавшимся бюрократическим продовольственным органам царского правительства, ни черносотенным [illegible] городской управы, ни [illegible] правительственных [illegible], которая была слишком незначительна, ни средствами и организационным опытом.

ГЛАВА II.

Петроградская потребительская кооперация

Уже к началу февральской революции хозяйственный аппарат, занимавший [illegible] Петрограда продуктами, был довольно сложным и организационно и экономически весьма разнообразным. Необходимое для потребления города продовольствие поступало и распределялось среди населения по нескольким каналам, резко различавшимся друг от друга по своей хозяйственной природе. В деле продовольствования населения Петрограда к моменту февральской революции действующими силами были и частный капитал, и потре-

бительская кооперация, и государственные полицейские продорганы, и специальные учреждения городского самоуправления, и благотворительные организации. Наряду с этим довольно серьезной силой стало самоснабжение, организационно выливавшееся в различные формы и являвшееся предвестником и предтечей будущего мешочничества. Удельный вес и возможности этих сил, мотивы, двигавшие ими и вызывавшие их к жизни, организация их практического применения,—все это было весьма различно и разнообразно и создавало довольно сложный экономически и организационно клубок, хаотичность которого сыграла не малую роль в дальнейшем продовольственном положении Петрограда.

К началу же войны 1914 года картина была совершенно иной. Можно категорически утверждать, что единственной реальной силой, занимавшейся до войны снабжением населения Петрограда продуктами, был частный капитал, частный рынок, частный торговец. Городские и государственные продовольственные органы появились только в процессе развития войны. Очень небольшая работа городского самоуправления по снабжению специальных городских учреждений продуктами никакой роли, разумеется, не играла и не может быть учитываема тем более, что и это снабжение происходило фактически через частных торговцев. Благотворительные организации, роль которых и во время войны была чрезвычайно незначительна, до войны в этой области ничего или почти ничего не делали. Более или менее реально участвовала в продовольственной работе кооперация. Но и ее роль и место в предвоенные годы, как это покажут приводимые далее данные, тоже были очень незначительны. Состояние самой кооперации, ее почти полное отсутствие среди реальных экономических факторов продовольственного рынка Петрограда, ничтожность размеров ее торговой деятельности, организационная слабость в этот период были продуктом

Для отчетливого представления о том, что к этому моменту представляла собой кооперация в Петрограде, небезынтересно кратко проследить основные этапы ее развития.

В данном случае мы сознательно выходим за пределы взятых для нашего обзора сроков. Итоги истекшего десятилетия привели к исключительному расцвету

поэтому особый интерес представляет хотя бы схематический очерк основных этапов развития потребительской кооперации в Петербурге от начала ее возникновения до империалистической войны, внесшей коренной перелом в общую экономику России.

Первые кооперативы Петрограда.

Организация первых потребительских обществ в Петрограде совпадает по времени с появлением вооб[illegible] кооперативов. В шестидесятых годах прошлого столетия проникает в Россию литература о кооперации, и к этому времени относятся первые несмелые и неумелые попытки создания на русской почве, отнюдь не подготовленной к этому экономически, потребительских кооперативов.

28-го июля 1866 г. в С.-Петербурге было основано общество „Бережливость". В 1867-м году к нему присоединилось об-во немецких ремесленников „Пальма". В конце 1868 г. в объединенном обществе было 2.300 членов, с капиталом в 23.808 руб. и оборотом — 223.000 руб. Общество, не имевшее под собой никакой почвы, неумело руководимое, наполовину благотворительное, наполовину стяжательное, вскоре зачахло и уже с 1873 года существовало только

на бумаге. Эта первая кооперативная попытка в Петрограде возникла в буржуазной среде, как продукт занесенных из Германии веяний, и особого подражания не вызвала. Некоторый подъем интереса к кооперации, который наметился в России в этот период, быстро спал по целому ряду причин.

Кооперативная форма организации, однако, нашла себе применение для обслуживания интересов фабрикантов и заводчиков, которые воспользовались кооперацией для замены ею вызывавших нарекания «фабричных лавок». При фабриках и заводах, в целях снабжения рабочих продуктами, было открыто несколько потребительских обществ, которые впоследствии получили название «зависимых кооперативов». Первое такое общество—«Общая Польза»—было открыто в 1871 году при Александровском механическом заводе. Приблизительно в этот же период было организовано потребительское общество при Невском механическом заводе. В 1896 году было открыто Путиловское общество, в 1898 году Обуховское, в 1899 году—Жуковское при заводе Жукова. На ряду с этим открывались железно-дорожные потребительские общества (Балтийской и Псково-Русской ж. д. в 1894 г., Спб.-Варшавской жел. дороги – в 1890 г., Железнодорожное в С.-Петербурге—в 1895 г.). Основными признаками этих «кооперативов» являлись их зависимость от администрации, участие в них хозяйских капиталов, кабальное кредитование по разрешениям заводских контор, руководящая роль в правлениях директоров и инженеров, при чем высокий пай делал доступным вступление в кооперативное дело служащих, мастеров и наиболее обеспеченных и «спокойных» рабочих. Кромо того, в этот период образовывались еще менее кооперативные потребительские общества при казенных заведениях из чиновников и военных, под соответствующим покровительством соотвествующего начальства. Эти общества имели целью предоставить своим членам возможность, с одной стороны, подешевле купить товары, а с другой, получать за счет торговли кооперативных лавок возможно больший процент и принимали в набор. Среди таких обществ можно отметить офицерское Гвардейское экономическое Общество (впоследствии широко развившее торговую и промышленную деятельность) и ряд других, менее удачных.

После 1905 года. Под влиянием ряда политических причин и под давлением экономической обстановки после 1905 года намечается некоторое оживление интереса рабочих к кооперации. Первым возникшим рабочим кооперативным обществом явилось общество Путиловского завода Пигита и др. Конюшки за Московской заставой (устав утвержден 21 июня 1906 г.). В уставе общества твердо говорилось о том, что «в члены не принимается никто, кроме рабочего класса», и на вывеске открытой обществом лавки было написано «Потребительская лавка от рабочих». Кооператив этот просуществовал несколько лет, но не смог достаточно окрепнуть и расшириться.

Почти одновременно с этим обществом возник много нашумевший и значительно развернувший свою торговую деятельность «Трудовой Союз», организованный интеллигентской группой во главе с В. А. Поссе. В период реакции и разочарований, наступивший после пятого года, эта группа пыталась подменить кооперативной деятельностью революционные стремления рабочих и отвлечь их интересы от политической борьбы. 21 июля 1906 г. было разрешено открытие кооператива. Среди пайщиков были крупные держатели паев, которые вкладывали в кооператив большие деньги, чтобы поддержать его (М. С. Ермолаев купил для общества пекарню за 65.000 руб.; М. Второва внесла 3.000 руб.,

С. Салазкин—7.000 руб.). Первая лавка «Трудового Союза» открылась 23 октября 1906 г. в с. Александровском в Муравьевском переулке. К 1 октября 1907 года в «Трудовом Союзе» было уже 8.414 членов, при чем в число пайщиков входили рабочие 101 завода, фабрик и мастерских. В 1907 году у кооператива было уже 19 лавок с оборотом в миллион рублей. Работа общества, однако, была поставлена плохо, общество не могло выдержать конкурренции и, несмотря на широкое по началу развитие, постепенно ослабевало. Внутри шли споры, росла бесхозяйственность и убыточность. С весны 1908 года начинается выделение из «Трудового Союза» районных лавок. Некоторые из этих районных лавок впоследствии легли в основу самостоятельных потребительских обществ, некоторые закрылись, некоторые перешли в частные руки. К январю 1909 года в «Трудовом Союзе» остались 3 лавки, а в 1910 году «Трудовой Союз» по распоряжению министерства внутренних дел был окончательно ликвидирован.

В период 1908—1912 годов в Петербурге существовал еще ряд небольших [illegible] вого Союза» Нейшлотской лавки образовалось «Первое Общество Выборгского района». В январе 1909 г. общество насчитывало 265 членов, на 1 января 1910 г.—375 членов. Оборот лавки в день в среднем был несколько выше 200 руб. В апреле 1909 г. образовалось «Первое Общество Потребителей [illegible] ство Петроградского района» (бывш. Вульфовская лавка «Трудового Союза») организовалось в 1908 г. В мае 1907 г. среди членов профессионального союза приказчиков возникла мысль о создании кооперативной столовой, которая под названием «Приказчик» была открыта 30 сентября того же года и просуществовала до 1910 года. В июле 1907 года был утвержден устав кооператива «Труженик», организаторы которого, считая, что «с достоинством рабочего класса [illegible] Кооператив ставил перед собой широкие задачи, но с трудом налаживал свою [illegible] «Труженик» был снова поставлен в [illegible] при чем общество [illegible] [illegible] деятельности постепенно укреплялось и дожило до революции 1917 года.

[illegible] незначительны.

В течение всего этого периода в работе зависимых и сословных кооперативов [illegible] сколько-нибудь значительных оборотов, кроме довольно крупного [illegible] ственной деятельности в порядке чисто-торговом, а не кооперативном. Это большей частью либо торгашеские организации, либо технические аппараты при

заводоуправлениях для снабжения рабочих и служащих. Такими они и остаются в течение всех лет от 1905 г. до начала войны. Правда, в наиболее крупном и резко выделявшемся среди всех потребительских обществ Петрограда — «Путиловском Обществе», которое находилось в полной зависимости от заводской администрации, в 1907 году поднимался вопрос о понижении пая, о необходимости взыскать долги с администрации завода, которая пользовалась неограниченным кредитом. Однако из этого ничего не вышло, и общество осталось существовать по-прежнему, напоминая собою скорее акционерную компанию, [illegible] потребительский кооператив. Хозяйственные операции общества между тем были довольно значительны, так что путиловский «кооператив» занимал по своим размерам и роли совершенно исключительное место в кооперации Петрограда [illegible] В 1912 году оборот общества достиг 3.000.000 рублей; число пайщиков 1.279; число заборных книжек, которые в подавляющем большинстве выдавались не пайщикам,— 8.538. Из доклада на собрании 31-го марта 1913 года видно, что Путиловское общество затратило к этому времени 350.000 рублей на хлебопекарню. К [illegible] войны имущество общества оценивалось в 200.000 руб.

Вообще хозяйственная деятельность зависимых обществ, имевших за своей спиной заинтересованных в существовании этих «грабиловок потребиловок» хозяев, естественно была крепче и устойчивей, чем независимых рабочих кооперативов. В 1914 г, в Петрограде была 14 зависимых обществ, причем, разумеется, размеры [illegible] были [illegible] и значительно меньше Путиловского общества [1]).

[illegible] характеристики мелкого зависимого общества приведем воспоминания об организованном в 1909 г. обществе потребителей из разных категорий служащих Технологического Института. Число пайщиков этого общества — 52, капитал — 1.281 руб., пай — 10 руб.; рост пайщиков таков — к 1911 г. прибавилось еще 2 члена. Рядом с таким кооперативом существовало общество потребителей при Обуховском сталелитейном заводе, отпустившем в 1912 г. товаров на 1.342.000 руб.; (размер пая здесь был в 10 руб., т. е. в пять раз меньше, чем на Путиловском заводе).

На общем фоне потребительской кооперации Петрограда к 1914 г. такие кооперативы, как Путиловское или Обуховское общества по своим размерам были исключениями. Остальные общества и, главным образом, независимые кооперативы были значительно меньше. По данным Орлова, приводимым им в журнале «Петроградский Кооператор», оборот девяти рабочих кооперативов (независимых) за 1913 год составил — 692.000 руб., при прибыли в 20.000 руб и общем числе пайщиков в 2.700 человек.

Характеристика потребительской кооперации к началу войны.

Отсутствие нормально поставленной статистики и скудость оставшихся материалов не дают нам возможности со всей точностью определить размеры и объем работы потребительской кооперации в Петрограде к началу империалистической войны. Однако, и имеющиеся сведения позволяют довольно отчетливо выявить некоторые основные положения, характерные для этого периода.

[1]) Совершенно непохожим даже на эти кооперативы было образовавшееся ранее „Гвард. Эконом. Общ.", офицерский снабженч. и торговый орган, обороты которого в 1907 г. достигли 4.289.642 руб. при 9.000 пайщиках и прибыли, примерно, в 200.000 рублей.

Прежде всего необходимо отметить, что к началу войны потребительская кооперативная сеть Петрограда была чрезвычайно разнокалиберна: здесь были и зависимые фабрично-заводские общества, и независимые небольшие рабочие кооперативы, и сословные замкнутые кооперативы, и специфические по условиям и характеру своей деятельности жел. дор. потребительские общества, и интеллигентские кооперативы. Размеры капиталов и оборотов, цели и задачи, состав пайщиков, размеры, организационное [illegible] управление и прочее — все это во всех обществах было разным и резко отличалось друг от друга.

Разумеется, ничего удивительного в этой разнокалиберности нет, ибо разные цели и задачи, вытекавшие из разнообразия классового состава обществ, естественно, должны были создать такую разнокалиберность. Правда, в значительном большинстве потребителями в лавках обществ были трудящиеся, главным образом, рабочие. В некоторых случаях они были сами хозяевами своих маленьких кооперативов и тогда строили их по своему; но как раз в самых больших обществах хозяевами были не они, а их классовые враги, которые, разумеется, строили эти кооперативы сообразно своим интересам.

К началу войны объединяющего, хотя бы формально, потребительские общества кооперативного союза в Петрограде не было. Имевшие место попытки создать такой союз кончились крахом. Еще 7-го января 1900 г. был утвержден устав «Общества Оптовых Закупок», учредителями которого были «Гвард. Эконом. Общ.», «Путиловское об-во», «Бережливость», «Потреб. Общ. Росс.-Амер. Резиновой Мануфактуры» и др. У Общества не было средств, и с большим трудом оно приступило к своей работе 28-го декабря 1904 года. Однако ему так и не удалось развиться и приобрести хотя бы какое-нибудь значение, и в 1911 г. общество закончило свою деятельность крахом. После этого среди петроградских потребительских обществ неоднократно появлялась мысль о необходимости создания кооперативного центра, но на практике осуществить ее не удалось, и война застала петроградскую потребительскую кооперацию совершенно необъединенной. Несомненно, что помимо ряда прочих причин в том немалую роль сыграла сама разношерстность этих кооперативов, а также враждебное отношение царского правительства как к самой кооперации, так и в особенности к ее объединению. Чем-то в роде кооперативного центра являлся III-й Отдел СПБ. Отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, издававший с 1909 г. журнал «Вестник Кооперации» и с 1910 г. «Известия СПБ Отделения».

Такова была организационная картина. В области экономической, где, как мы уже указывали, было отнюдь не меньше «разнообразия», потребительская кооперация Петрограда, какую бы основную роль в грядущем ни предсказывали ей всякого рода кооперативные пророки того времени (вообще говоря, для довоенной кооперации — преобладание в ней пророков и идеологов над хозяйственниками и практиками было чрезвычайным), была явлением очень и очень незначительным. Кооперация была в условиях царского режима маломощной и бесперспективной и, конечно, не могла занять сколько-нибудь значительное место в хозяйственной жизни города. Правительство всемерно противодействовало росту кооперации. Хозяин рынка, — частный торговый капитал — обладал всеми преимуществами в сравнении с кооперацией: бо́льшим опытом, средствами, политическими привилегиями, торговым аппаратом и проч. И, наконец та единственная сила, которая могла бы влить живую струю в кооперацию, —

широкая масса трудящихся, не видя в кооперации средства к борьбе за действительное улучшение своего положения, инстинктивно чувствуя, несмотря на весь идеологический нажим старых кооператоров, что не в кооперации решение вопроса, не оказывала широкой поддержки кооперации тем более, что на глазах у нее были такие «кооперативные» примеры, как «Путиловское Общество», неудача «Трудового Союза» и пр.

Отсутствие необходимых цифр не дает возможности определить место кооперации в Петрограде в деле снабжения населения продуктами к началу войны. Отдельные примеры и данные, приведенные нами выше, все же указывают на незначительность этого места. Только в некоторых отдельных случаях кооперация играла довольно серьезную роль. Путиловское общество при [illegible] около 25 руб. в месяц на заборщика (т. е., примерно, около 6 руб. на человека). Но если вспомнить о кооперативах, которые делали в год оборот около 60.000 руб. (а таких было значительное большинство), и подсчитать в среднем размер кооперативного оборота Петрограда на одну семью, то он выразится всего в несколько десятков копеек (меньше 50 к.). В общем товарообороте Петрограда кооперация к началу войны составляла крайне мизерную часть, выражающуюся в ничтожных долях процента.

У этой слабой кооперации был слабый и не налаженный аппарат, за редкими исключениями отсутствовал опыт, не было выверенного и дельного штата. В таком виде застали петроградскую кооперацию империалистическая война и неумолимо шедшие вслед за ней продовольственный кризис, голод и дороговизна. Все эти обстоятельства должны были потребовать от кооперации, как уже существующей, так и той, что непременно должна была создаваться в этих условиях, особых усилий. Кооперация к этому была не подготовлена, а обстановка полицейско-жандармского режима еще более усложняла для нее возможность хоть как-нибудь справиться с неумолимо вставшими перед ней задачами.

Заранее можно было предвидеть, что в условиях всех надвигающихся, исключительно значительных осложнений не кооперации было (даже если бы ей оказали, как это ни невероятно, правительственное содействие) устранить или хотя бы несколько видимо ослабить продовольственную анархию, которую должна была принести война.

Рост кооперации во время войны.

Война сыграла роль сильного толчка в развитии всех видов потребительской кооперации в России. Непрерывный рост цен на продукты в корне подрывал не только бюджет рабочего, но и среднего обывателя с более или менее обеспеченным источником доходов. Потребитель в поисках продуктов бросался из стороны в сторону, поддавался всем паническим слухам, которые во многом имели свои основания, а в значительной мере муссировались расплодившимися во время войны спекулянтами.

Кооперация, которая до сих пор тихо и мирно копошилась в своих мало заметных кому-либо норах, вдруг стала в центре внимания. В поисках сегодняшнего фунта муки или сахара, запасы которых таяли не по дням, а по часам, потребитель был согласен уплатить и вступной, и паевой взнос в кооператив, лишь бы найти новый источник снабжения. В первое время еще играла какую-то роль возможность купить по более дешевым ценам, но, по мере развития продовольственного кризиса, на первый план выдвигается уже не столько цена,

сколько самое наличие того или иного продукта. Кооперация имела кое-какие льготы по добыванию продуктов, и в ее лавки хлынула лавина совершенно новых групп покупателей.

В нет. России данных о стихийном росте кооперативных организаций. Кооперативы сливались с самыми разнообразными группами населения, начиная от рабочих и служащих различных предприятий и кончая [illegible] учреждений. О какой-либо идейной направленности кооперативных организаций в этих условиях не приходится говорить. В рабочие потребительские общества [illegible] начали объединяться и наводнять их обывательские комитеты, ступило в ряды кооперативного движения рабочих. Все старые русла, по которым шло развитие кооперации, смешались.

Стихийный рост кооперативных организаций в России во время войны виден из следующих данных [1]):

В 1913 г.	было	10.080	обществ с	1.400.000 членов
„ 1914 „	„	11.600	„ „	1.650.000 „
„ 1915 „	„	14.500	„ „	2.610.000 „
„ 1916 „	„	23.500	„ „	6.815.000 „

Однако рост этот был не вглубь, а вширь. Внутреннее содержание кооперативной работы, в том числе и во время войны, было больше чем [illegible]. Кооперативное движение в целом осталось чуждой и далекой своей массе. Рост пайщиков сводился только к росту простых покупателей, забывавших о кооперации немедленно после выхода из лавки. Ни судьба кооператива, ни то, чем он живет и дышит, пайщика не интересовали. Это создавало [illegible] почву для спекулятивных [illegible] кооперативных деятелей. Такие условия [illegible] являлись прекрасными возможностями для [illegible] спекуляций. Такова была обстановка, в которой создавалось [illegible] кооперативное военного времени, получившее [illegible] в литературе [illegible] названия „сахарной“ и „мучной“ кооперации. Но не этот фактор был самым важным. История рабочей кооперации за этот период характеризуется упорной борьбой с зависимостью от фабрично-заводской администрации. Благоприятную почву для этой борьбы с одной стороны, создавал рост оборотов кооперации, дававший ей в руки крупные материальные средства, а с другой стороны, повышение [illegible] рабочих, настроенных в ряде мест [illegible]. Предпринимателю было [illegible] удержать всю тяжесть взимать рабочих на почву [illegible] ими приманку капиталистических благодеяний.

В то же время за годы войны в кооперации значительно усилились тенденции [illegible] строительства. До этого времени царское правительство [illegible] создало почти непреодолимые препятствия на пути к объединению отдельных кооперативов в союзные организации. Потребительские общества прибегали к самым разнообразным ухищрениям и маскировке, но фактически только в редких [illegible] случаях удавалось добиться областных [illegible]. Быстро растущая продовольственная разруха заставила царское правительство несколько ослабить свою [illegible] систему и снять [illegible] некоторые традиционные рогатки. На этой почве стали быстро создаваться различные союзные объединения.

[1]) „Союз Потребителей“ № 8, 1923 г.

Количество кооперативов в Петрограде

Вся система петроградской кооперации в годы войны не отличалась какой-либо устойчивостью. Новые кооперативы возникали по мере [illegible] тельной работы, но также быстро они и закрывались. Потребительские общества сливались, объединялись, потом опять разъединялись, [illegible] лавки по лицам приказчиков мог сообразить, что он имеет дело с одним и тем же кооперативом.

В последний предвоенный год, как мы видели, в Петрограде было всего [illegible] лавок прогоревшего „Трудового Союза". Общества были небольшие (в среднем по 300 членов на общество) с годовым оборотом в 75—80.000 руб. Параллельно с этими рабочими кооперативными организациями, в Петрограде существовал еще целый ряд зависимых фабрично-заводских обществ, а также чиновничьих и обывательских кооперативов. По данным петроградского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, приведенных в листовке отделения от 6 мая 1914 г., в Петрограде в это время всего насчитывалось 43 общества.

Как и во всей России, в первый год войны, когда разруха чувствовалась еще слабо, кооперативное движение в Петрограде продолжало существовать в прежних довоенных размерах. Но с конца первой половины 1915 г. вздорожание жизни начало быстро расти и это немедленно отозвалось на темпе роста кооперативных организаций.

С января по сентябрь 1915 г. в Петрограде было учреждено и приступило к торговле всего 10 новых кооперативов (по одному-два в месяц), но затем число вновь возникающих кооперативов делает резкий скачек. За три последних месяца года было подано на утверждение 55 уставов. Всего, таким образом, за 1915 г. сформировались и представили на утверждение свои уставы 65 потребительских обществ, т. е. прирост против довоенного количества кооперативов дал 151%.

За 1915 г. получили утверждение уставы 45 обществ, из них в том же году начали торговлю 30, остальные, очевидно, приступили к операциям в 1916 г., но возможно, что некоторые так и не воспользовались полученным разрешением. [illegible] 18 уставов закрытых кооперативов; все остальные организовывались, как открытые.

В 1916 г. рост Петроградской кооперативной сети шел таким же неослабевающим темпом. Журнал „Петроградский Кооператор" (от 5 марта 1916 г.) считает, что в Петрограде к марту 1916 года функционировало 100 потребительских обществ. Всего в 1916 году начали свою деятельность 53 общества.

Вся эта масса кооперативов была совершенно разнообразна как по составу пайщиков, так и по характеру и размерам своей работы. В большинстве случаев пай был демократический,—5—10 рублей, но были такие общества, как „Забота", с паевым взносом в 100 р. За сторублевым паем, несомненно, скрывался [illegible] некоторые из вновь народившихся кооперативов, видно из воззвания „Продовольственного Общества Потребителей", которое сообщает, что общество организовалось для снабжения своих членов „продуктами и предметами

...ярной неподвижности по линиям, соответствующим требованиям данного момента".

Для характеристики тех групп населения, которые объединялись в кооперации, перечислим полезно обследуем здесь существовавшие в Петрограде в 1915 г.: „Городских служащих Васильевского Острова", „При кассе взаимопомощи служащих Сестрорецкой курорт. железной дороги", „Первое Донское", „Правое Петроградской Стороны", „При Удельнинском Обществе содействия благоустройству", „Извозопромышленников" и т. д. Преобладающее количество открывшихся в то время обществ принадлежало рабочим. Несмотря на абсолютные цифры, дающие представление о росте независимой рабочей кооперации, все же в других районах потребительных обществ. За 1915 год в Петрограде число независимых рабочих обществ поднялось с 9 до 15, а к концу 1916 года их число достигло 30, т. е. по сравнению с довоенным временем увеличилось почти в три с половиной раза. Еще больший рост показало потребительное движение рабочей кооперации, возникшее увеличившееся в двадцать пять раз (с двух тысяч человек до 50 тысяч) [1]).

На общем фабрично-заводских рабочих процесс кооперирования независимыми обществами достиг, таким образом, 1/5. Рост числа пайщиков шел не только за счет организации новых обществ, но и за счет притока новых членов в кооперативы. Открывшееся общество «Кузнец», имевшее в 1915 году всего 130 членов, через два года уже насчитывало 2.300 пайщиков. По данным, относящимся к середине января 1917 года, в самом крупном рабочем кооперативе Петрограда — Выборгском Обществе было 10.000 пайщиков. Вслед за ним шло Нарвское Общество потребителей «Трудовой Путь» — 4.000, «Самопомощь» при Экспедиции заготовления госуд. бумаг — 3.250 пайщиков, затем Кузнецкое — 2.000 пайщиков и т. д. Ряд кооперативов насчитывал в среднем по 1.000 пайщиков. Самые маленькие общества имели от 300 до 500 членов [2]).

В эти годы, как и в довоенное время, фабриканты и заводчики хотели использовать кооперацию в интересах повышения эксплуатации и большего закабаления рабочего. В связи с мобилизацией на фронт прикрепление квалифицированных рабочих к предприятию представляло для фабрично-заводской администрации еще больший интерес, чем раньше. Петроградское „Общество Фабрикантов и Заводчиков" организовало свой чрезвычайный комитет по борьбе с независимыми рабочими кооперативами. Общество получило на местных условиях продукты от правительственных учреждений и передало их рабочим кооперативам, причем в первую очередь и по пониженной цене заведомо независимым. Независимым кооперативам приходилось получать значительно повышенной расценке, так что общество фабрикантов сразу убивало двух зайцев: получало хорошую прибыль со своих операций и в то же время подрывало авторитет крупных обществ кооперативов. С другой стороны, фабриканты и заводчики вполне успешно использовали свое влияние для уменьшения размеров товарного и денежного кредита рабочим кооперативам. Не ограничиваясь этим, предприниматели пытались насаждать собственные кооперативные организации.

[1]) М. Балабанов, „История рабочей кооперации", стр. 211.

[2]) „Петрогр. Союз Рабоч. Потребит. Об.-в". Сборник. Петроград, 1918 г., стр. 10.

которые должны были быть поступлены оружием в интересах классовой борьбы. Однако непрерывно возраставшие цены на предметы потребления не так-то легко позволяла фабрикантам осуществлять их намерения.

В Выборгском районе общество фабрикантов и заводчиков в середине 1915 года, решив организовать „свой" рабочий кооператив, уже закупило для него различных товаров на 50.000 рублей и повело агитацию на фабриках и заводах района за вступление в пайщики. На учредительное собрание явилось около тысячи рабочих, которым оставалось, как будто, только поблагодарить дорогих хозяев и выполнить все продиктованные ими формальности. Однако дело получило иной оборот. После вступительного председательского слова директора завода „Старый Лесснер" Бачманова, собрание избрало своего председателя и решило взять организацию кооператива в собственные руки. В принятой собранием резолюции указывалось, что, „придавая кооперации определенное экономическое значение, пролетариат решает использовать ее, как одну из форм рабочего движения", и поэтому новое общество должно строиться, как независимый рабочий кооператив. Такое же положение вопроса фабрикантами и заводчиками при попытке организовать свои кооперативы на Обуховском заводе. Здесь рабочие отказались от предложенной им ссуды в 5000 рублей и устроили свое независимое общество. Неудачи были также и на Московской Заставе, где рабочие тоже отказались от навязанных им фабрично-заводской администрацией и открыли свой кооператив „Продукт".

Объединения кооперативов.

К началу войны в Петрограде не было никакого союзного объединения кооперации. Открывшее после нескольких лет мучительной подготовки в декабре 1904 года свои действия „Общество Оптовых Закупок" не дожило до войны. Обороты общества были ничтожны, достигнув в 1909 году закупочной в 120.000 руб. Обществу не встретило никакой поддержки среди существующих кооперативов и совершенно не сыграло роли в работе кооперации как по комиссионной, так и по организационной линии. К 1919 году О. О. З. фактически прекратило свое существование, оставив после себя свыше 4.000 рублей долга.

Реставрация Общества Оптовых Закупок, произведенная при содействии III Отд. Петроградского Комитета о сельских и пром. товариществах, относится к февралю 1915 года и была вызвана не столько желанием продолжать старое дело, сколько невозможностью помешать утверждению нового и противительственные внешние устои нового строя. Обороты возродившегося общества за 9 месяцев 1915 года составили 1.827.192 руб. 85 коп., а за весь 1916 г.— 6.794.895 р. 99 коп. Торговые операции О.О.З. разбивались на складские и контрольно-комиссионные, при чем последние постепенно вытесняли складские. В общество к 1-му января 1917 года входило 532 кооператива, внесших 100.205 руб. 84 коп. паевого капитала. Общество Оптовых Закупок было просто, как областной союз обществ потребителей 7 губерний, прилегающих к Петроградской. Из 532 союзных обществ 465 падают на область. Таким образом, основным полем деятельности О.О.З. была область, преимущественно в пределах города. Оборот союза с кооперативами Петрограда составлял всего 16%, общего оборота, причем сюда входят и закупки кооперативами окрестностей города [1]).

[1]) Отчет О.О.З. за 1916 г. Петроград, 1917 г.

Все эти данные указывают на то, что обслуживание петроградской рабочей кооперации со стороны О. О. З. было минимальным. Когда среди рабочих кооперативов Петрограда возник вопрос об объединении, первоначально предполагалось организовать особый отдел рабочей кооперации при О. О. З. Однако правление Общества Оптовых Закупок отнеслось к этой мысли пассивно и на собрание рабочих кооператоров даже не прислало своего представителя. В это время стало известно, что поданный на утверждение инициаторами возрождения О. О. З. устав «Петроградского Союза Потребительских Обществ» утвержден, и этим уставом и решила воспользоваться рабочая кооперация для организации своего союзного центра.

Но до фактического начала действия нового союза прошел довольно продолжительный срок, пока внутри рабочей кооперации дискуссировался вопрос о наиболее приемлемой форме кооперативного объединения. Спор шел между централистами и федералистами. Первые в основу объединения рабочей кооперации клали создание центрального многолавочного кооператива, охватывающего всех рабочих пайщиков Петрограда. Федералисты же, не возражая в принципе [illegible] не позволяет осуществить эту форму организации и что, поэтому, на первое время необходимо еще сохранение на местах самостоятельных кооперативных ячеек, объединенных в общегородской союз. В результате этих споров объединение рабочей кооперации пошло в Петрограде двумя путями. Рядом с Петросоюзом возник и центральный кооператив, впоследствии получивший название «Вперед».

Учредительное собрание Петросоюза состоялось 14 апреля 1916 года в одной из комнат народного дома гр. Паниной. На собрании присутствовало около 20 уполномоченных петроградских обществ, избравших временное правление. Правление немедленно приступило к организационной работе. Первоначально дело подвигалось медленно. Положение изменилось, когда в союз вступило более богатое Выборгское Общество, внесшее сразу в паевой капитал 20 тыс. руб. Это были первые средства, на которые союз начал работать.

Торговая деятельность Петросоюза первоначально шла бессистемно и хаотично. Общества мало удовлетворялись торговым отделом союза. Затем работа несколько выпрямляется. Усиление закупочных операций заставило Петросоюз открыть собственный склад и приобрести обоз. Несколько позже был открыт новый центральный распределительный склад. Петросоюз не только вел снабженческую работу, но и представительствовал от имени своих обществ в городских продовольственных учреждениях и комиссиях. В результате объединенного представительства общества добились увеличения отпуска с продовольственных складов недостаточных товаров—мяса и муки.

К январю 1917 года в Петросоюз входило 19 обществ [1]), при чем некоторые даже из окрестностей Петрограда (Шувалово, Удельная). Всего членами Петросоюза объединялось 43.000 пайщиков. Оборот союза достиг в декабре 305.147 р. 11 коп. Общий оборот по продаже за шесть месяцев составил 706.645 р. 31 к. К 1 января 1917 г. союз располагал оборотным капиталом в 96.000 рублей и паевым в размере 24 тысяч [2]). Мы видим, что Петросоюз в первое полугодие

[1]) До февраля 1917 г. в Петросоюз вступило еще 3 общества.
[2]) „Петр. Союз Рабоч. Потреб. Обществ". Сборник Петроград. 1918 г.

своего существования достиг сравнительно небольших успехов. Доля союза в снабжении товарами своих обществ, среди которых были общества, имевшие обороты по нескольку сот тысяч рублей в год, была незначительна. Слабо развивалась и неторговая деятельность союза, ограничившаяся поддержкой журнала „Труд", двумя-тремя докладами и одной лекцией.

Рядом с Петросоюзом в Петрограде возник и центральный рабочий кооператив, принявший после революции название «Вперед». Центральный кооператив образовался на основе общества потребителей „Торгово-Промышленный Служащий", устав которого был утвержден 26 апреля 1915 года. Первая лавка Торгово-Пром. Служащего была открыта 27-го сентября 1915 года на углу Боровой и Волоколамского. В листовке, выпущенной к «товарищам-потребителям», правление общества пишет: «Во всех углах Петрограда труженики обсуждают вопрос об изыскании способов борьбы с дороговизной. Под жестокими ударами дороговизны крепнет в широких кругах городской бедноты и рабочих идея организации в потребительские общества. Крепнет идея организованного отпора засилию лавочников, всех хищников, заинтересованных в эксплоатации потребителей. В момент тяжелого безмолвия, гнетущей распыленности строят труженики свои кооперативы. В кошмарную ночь безвременья загораются столь необходимые огни трудовой самодеятельности. И наученные горьким опытом прошлого, труженики выковывают формы своих объединений на основе [illegible]. Кооператив „Торгово-Промышленный Служащий", созданный по инициативе тружеников прилавка в апреле текущего года,—идет по этому пути» [1]).

В планах кооператоров рисовались в будущем „собственные хлебо-пекарни, санатории, рабочие дворцы, очаги трудовой культуры" и т. п. Эти мечты, однако, имели мало основания в действительности. Стремительный рост общества, как и других кооперативов, не имел ничего общего с предполагаемой [illegible] мирным путем кооперации. Дело было значительно проще — лавина пайщиков, двинувшихся в кооперативы, имела своим истоком отсутствие на рынке необходимых продуктов, и в преобладающем большинстве новые члены кооперации ни о чем другом не думали, как только о том, чтобы получить в кооперативе лишний фунт муки или сахара.

„Торгово-Промышленный Служащий" открылся при наличии трехсот пайщиков [2]), а уже к 1 января 1916 г. в кооперативе насчитывалось 3.775 членов. За 1916 год в „Торгово-Промышл. Служащий" вступило вновь 5.531 человек и, кроме того, [illegible] и Александро-Невское „Рабочий") увеличили число пайщиков еще на 2.288 чел. За год выбыло всего 32 пайщика и, таким образом, к 1 января 1917 г. будущий „Вперед" имел 11.562 пайщика, внесших 91.552 р. паевых взносов.

[1]) Листовка, выпущенная правлением общества в ноябре 1915 года по случаю открытия второй лавки на углу Б. Зеленина и Геслеровского.

[2]) Известия о-ва „Вперед" № 7–8, 1918 г.

Хозяйственная работа общества за полтора года шла следующим путем. В 1915 году были открыты три лавки (третья — 17 декабря), сделавшие оборот по продаже 54.065 р. 95 к. и давшие 161 р. 18 к. чистой прибыли. За 1916 год к этим трем лавкам присоединилось еще пять, при чем оборот всех этих восьми лавок за год достиг 832.906 р. 66 ½ коп. Торговые расходы составляли 12,5% к обороту. Общество закончило год с прибылью в 20.275 р. 03 к. [1]).

За несколько месяцев до революции, возник вопрос о создании другого [illegible] „Кооперация", которое по составу своих членов носило всесословный характер. 30 ноября 1916 г. был утвержден и устав нового кооператива под названием „Петроградское Общество Потребителей — Новый Путь". Этот устав впервые в [illegible] на районных собраниях членов общества и организацию местных ячеек в виде, так называемых, районных комитетов. Но фактически „Новый Путь" не сыграл никакой роли в развитии петроградской кооперации, и разросшийся впоследствии центральный рабочий кооператив был построен на основе общества „Торгово-Пром. Служащий".

Роль петроградской кооперации в смягчении продовольственного кризиса.

Рост рабочей кооперации в Петрограде за годы войны должен быть целиком отнесен за счет непрерывно усиливавшегося продовольственного кризиса. Все корни возникновения новых обществ и усиления старых лежали в недостатке товаров на рынке и в их непомерном вздорожании. Кооперативы лицом к лицу сталкивались ежедневно с голодным потребителем и все растущей нуждой петроградских рабочих. Восполнить все эти пробелы, дать рабочему продукт по дешевой цене как будто и было задачей кооперации военного периода. Во всяком случае именно эти требования предъявляли устремившиеся в кооперативы широкой волной потребители.

Не только население, но и сами представители полицейского самодержавия не в шутку начавшие опасаться эксцессов голодной толпы, стали смотреть на [illegible] обстановку. Царское правительство несколько ослабило повод, на котором оно держало кооперацию, и даже само начало толкать кооперативы на расширение работы.

На таком фоне происходит привлечение кооперативных организаций к участию [illegible] военном округе вызывается представитель кооперации; устав „Петроградского Союза Потребительских Обществ" был утвержден благодаря „указаниям" начальника военного округа. Представителей кооперации начали приглашать для участия в различных продовольственных совещаниях и учреждениях.

Городская дума, образовавшая у себя по распоряжению свыше продовольственный орган, тоже решила привлечь кооперацию к работе по снабжению [illegible] предложил кооперативам продавать получаемые ими от города продукты по себестоимости с заранее определенной твердой наценкой, но так как комитет не мог дать кооперации никакой гарантии по снабжению продуктами, последняя из коммерческих соображений отказалась от этого проекта. Со своей стороны

[1]) Два отчета „Общ. Торг.-Пром. Служ.", вышедшие на отдельных листках.

Общество Оптовых Закупок внесло предложение открыть при финансовой поддержке продовольственного комитета до 100 новых потребительских лавок в городе, значительно расширив таким образом кооперативную сеть Петрограда. Но этой попытке был отвергнут городской думой, несмотря, по-видимому, на сильное давление снизу. Дума оказалась представителем крупного купечества, которые хотя и делали патриотическое лицо, но отнюдь не хотели бить по своему же карману.

В результате фактические отношения между кооперацией и городским производственным комитетом сложились в случайном и несистематическом представлении городом денежного и товарного кредита отдельным кооперативным объединениям. Общество Оптовых Закупок получило от городской управы единственный кредит в 50.000 рублей, что сыграло известную роль в развитии только что начавшего работать союза.

Некоторую часть продуктов для своей торговли петроградские кооперативы получали с городских складов, но в преобладающей части потребительские общества закупали товары самостоятельно, где придется и как придется, и не только не способствовали регулированию рынка, но еще сами увеличивали его дезорганизацию. Именно это состояние продуктового рынка способствовало тому, что обороты кооперативов росли такой быстрой волной. В условиях товарного голода, когда потребитель набрасывался на каждый товар, подчас даже ему ненужный, капитал кооперативов оборачивался со скоростью волчка. Капитал общества „Торгово-Пром. Служащий" за 4 месяца 1916 года обернулся 8 раз, т. е. за год должен был обернуться 24 раза против максимально нормального 15-ти кратного оборота [1]. То же было и во всех других кооперативах. Оборот „Кузнеца" за 1916-й год превысил 500.000 рублей. „Единение" за 10 месяцев сделало 156.000 рублей. „Выборгское Общество" перевалило за несколько сот тысяч и т. д. Болезненное вздутие оборотов происходило не только за счет роста самой торговли, но и за счет вздорожания цен, искусственно взвинчивавших размеры кооперативных оборотов.

Ослепляющее действие стотысячных оборотов производило впечатление, что за мощностью кооперации добиться значительных успехов. При внимательном рассмотрении результатов кооперативной работы приходится сделать вывод, что кооперация почти широко не вышла за пределы Петрограда и в обслуживании же своего пайщика не только не подвинулась вперед, но даже сделала шаг назад. Отсутствие сводных итоговых данных не позволяет нам произвести сравнение работы всей системы потребительской кооперации довоенного периода с довоенной. Для подтверждения нашей мысли, воспользуемся материалами о работе лишь одного кооператива „Кузнец", по характеру своему ничем не отличавшегося от других рабочих обществ Петрограда. В 1913 году годовой оборот „Кузнеца" при 3.000 пайщиков составил около 1.000.000 руб., т. е. обслуживание одного пайщика составляло в год 307 руб. 69 коп. или в месяц 25 руб. 64 коп. За 1916 год „Кузнец" сделал оборот в 3.000.000 рублей и довел число своих пайщиков до 3.000. Размер обслуживания одного пайщика в 1916 году таким образом составили 166 руб. 66 коп. или 13 руб. 88 коп. в месяц. Уже эти цифры показывают падение почти вдвое размера снабжения пайщиков „Кузнеца" в сравнении с предвоенным годом. Но это падение окажется еще

[1] М. Балабанов. Истор. Рабоч. Кооперации в России, стр. 212.

большим и достигнет 4,3 раза, если сделать поправку на повышение рыночных цен. Сумма закупок одного пайщика „Кузнеца" в кооперативе в 1916 году составляет таким образом по довоенным ценам всего 6 руб. 48 коп. в месяц.

Сравнение суммы забора пайщика в 1916 году с забором в последний предвоенный год вскрывает истинную сущность установившихся во время войны отношений между потребителями и кооперативными организациями. Пайщик пользовался кооперативом не как аппаратом своего ежедневного снабжения, а лишь для случайных закупок тех или других недостаточных товаров, которыми в силу ряда причин располагала в данное время кооперация. Совершенно естественным выводом из такого отношения к кооперации было участие одного и того же лица в двух и трех обществах, приведшее впоследствии к тому, что число членов петроградских кооперативов превышало общее количество населения в городе. В кооператив „записывались" на всякий случай, в расчете перехватить там товар, которого не окажется в соседней кооперативной лавке.

Все это накладывало совершенно определенный отпечаток на характер кооперативной работы. И если рабочая кооперация в военные годы по своим цифровым измерителям достигла некоторых результатов, то внутреннее ее содержание неизменно снижалось.

Приведенные нами цифры забора пайщиков в обществе „Кузнец" показывают, [illegible] войны. А „Кузнец" для многих кооперативов мог даже считаться идеалом. Общество „Торгово-Промышленный Служащий", на которого неоднократно ссылались кооперативы, как на образец кооперативного величия, снабжал своего пайщика в 1916 году, примерно, всего на 6 руб. 25 коп. в месяц или по довоенным ценам на 2 руб. 92 коп.

Говорить при таких условиях о каком-либо серьезном значении петроградской [illegible] войны продовольственного кризиса не приходится. Да это и не могло быть под силу кооперации, построенной фактически на песке и не имевшей никаких серьезных корней в хозяйственной жизни страны.

ГЛАВА III.

Продовольственные мероприятия в годы войны.

Хотя Петрограду уже с первых дней войны угрожала опасность наступления продовольственного кризиса, и по существу для предупреждения этого кризиса сразу же надо было принимать хоть какие-нибудь мероприятия, однако для царского правительства действительное положение вещей было совершенно непонятно. Даже те полумеры, которыми в последовавшие годы характеризовалась продовольственная политика старого режима, появились только тогда, когда кризис уже был налицо и давал себя реально чувствовать в виде растущей дороговизны. Первые месяцы войны сопровождались только бумажными распоряжениями и бумажными комиссиями, являвшимися на свет, как результат этих распоряжений.

Таксы петроградского градоначальника.

В первый же месяц войны, в целях охранительно-полицейского порядка (дабы цены не росли и не ослабляли «патриотических» настроений населения), петроградский [illegible]. Как и следовало ожидать, этот первый опыт явился результатом легкомысленного и командирского подхода к вопросу, без какого бы то ни было [illegible] прогноза возможных результатов. Градоначальник по наполеоновскому приему администраторов разных времен — ввел таксы для розничной торговли на продукты питания в городе. Уже через полгода один из докладчиков на совещании [illegible] и Москве [illegible] января 1915 г. [illegible] «С первых дней войны в Петрограде, 24 июля 1914 г., была введена такса, не соображаясь ни с чем, как только с представлением о том, что что-то надо таксировать» [1]). Если и в мирное время практика такс ничего не давала даже в условиях спокойного рынка, и торговцы находили тысячи способов к тому, чтобы ускользать от осуществления и выполнения таксированных цен, то тем [illegible] возможности регулирования цен и нормальной [illegible] очень сомнительна. Последующий ход событий показал, что введение такс было [illegible] в последствии развившемуся припрятыванию продуктов торговцами.

Первый продовольственный шаг царской власти в Петрограде был шагом полицейским. Это, разумеется, не было случайностью, как не случаен был и провал на практике этого первого регулирующего мероприятия. После этого [illegible] через несколько месяцев [illegible] кризисом развертывается во всей своей полноте.

Продовольственная комиссия городской думы.

Одновременно с петроградским градоначальником на [illegible] выступает городское самоуправление. [illegible] было [illegible] прозорливости думских отцов города или их особых забот о населении. Причиной интереса думы к продовольственному вопросу была директива, полученная свыше.

23 июля 1914 г., на четвертый день после объявления войны с Германией, городской голова Толстой получил от министра внутренних дел Маклакова [illegible] За последние дни, в связи с обстоятельствами военного времени, замечается [illegible] на беднейшей части населения, по отношению которого должна быть особая [illegible] полицию обращаться [illegible] Если, которые будут приняты, прошу незамедлительно меня уведомить" [2]).

По письму министра внутренних дел петроградский городской голова созвал 24 июля 1914 г. гласных городской думы на чрезвычайное заседание.

[1]) „Труды экономического совещания всероссийского союза городов в Москве 3 и 4 января". Издание 1916 г. М. стр. 25.

[2]) „Отчет исп. бюро петрогр. городск. продовольств. комитета за 1915 г." II. 1916 г. стр. 3.

В своем докладе чрезвычайному заседанию городской голова выяснил „необходимость обеспечения разрозненных потребителей столицы продуктами продовольствия и первой необходимости". Городская дума вынесла по сему поводу ряд постановлений. Прежде всего дума избрала „Особый комитет для организации всех мероприятий, вызываемых обстоятельствами военного времени". Комитет этот был избран в помощь городскому голове, на ответственности которого по постановлению думы должно было лежать принятие соответствующих мероприятий по обеспечению снабжения столицы. Тогда же в его распоряжение был ассигнован 1 миллион рублей на нужды [illegible] городского голову принять меры к обеспечению населения города на время войны съестными припасами и другими предметами первой необходимости.

В состав этого комитета вошли в качестве членов представители крупной буржуазии Петрограда из промышленного и купеческого мира, домовладельцы и несколько членов управы из кадетов, игравших в то время видную роль в городской думе. На другой день, 25 июля 1914 года, особый комитет собрался на первое свое заседание и постановил образовать при комитете, кроме санитарной комиссии и комиссии по топливу, Особую Продовольственную Комиссию.

Крайне характерным для оценки степени серьезности подхода думцев к вопросу было то, «что никаких исполнительных функций на комиссию не было возложено» [1]). Это заранее обрекало комиссию на пустословие и лишало ее, даже при наличии желания, возможности выступить реально в борьбе с дороговизной.

Комиссия заседала и говорила очень много. Официальный обзор петроградского продовольственного комитета [2]) сам отмечает, что комиссия заседала 40 раз,—цифра для полугода существования комиссии очень почтенная. Кроме того, комиссия участвовала в других заседаниях различных комиссий, комитетов и даже приняла участие в двух особых совещаниях по продовольственной части при петроградском градоначальнике. Работа комиссии носила лишь „изучающий" характер, она выясняла размеры потребности в пищевых продуктах петроградского населения, подсчитывала на бумаге [illegible] на которых в то время строились петроградские цены. Те практические меры, которые пыталась провести комиссия, дают возможность установить отсутствие у нее понимания серьезного значения правильной организации продовольственного дела в Петрограде и чрезвычайное сходство в оценке положения и подхода к вопросу с подходом главы городской полиции—петроградского градоначальника. Комиссия также не удержалась от соблазна устанавливать излюбленную таксу—предельные цены на продукты. Практическая работа комиссии была незначительна и выразилась в том, что она частично способствовала усилению подвоза продуктов в столицу, получая наряды на необходимые погрузки на местах их отправления. Продовольственная комиссия проработала весь 1914 г. и захватила начало следующего года. Конечно, реальных результатов ее работа не дала.

[1]) Отчет исполнит. бюро петроградского городского продовольственного комитета за 1915 год. Издание 1915 года, стр. 4.

[2]) Краткий обзор деятельности исполнит. бюро петроградского городского продовольственного комитета с апреля по август 1915 года. Издание 1915 г. стр. 3.

Беспечность, отсутствие творческой инициативы, преступная вера в кажущееся изобилие страны, [illegible] сыграли свою роковую роль в организации продовольственного дела в Петрограде. Применение излюбленных такс [1]) еще более усилило кризис, при чем крайне характерно, что в то время еще не решались говорить о надвигающемся [illegible] цен», «некотором» вздорожании жизни, как о временном явлении, связанном с мобилизацией и сосредоточением на границах действующей армии.

Продовольственный „хвост" Перед февралем 1917 г.

Но безжалостное время и наступающий развал хозяйственной жизни в провинции делали свое дело. Ожидание притока, из-за прекращения заграничного экспорта, значительного количества избыточного хлеба и тому подобные экономические теории, которыми старались убаюкивать себя чиновники министерства земледелия и доморощенные экономисты, не оправдались, и продовольственный кризис непрестанно развивался.

Уже в апреле 1915 года даже кадетские журналы писали, «что почувствовалось всеобщее вздорожание», «по нескольку дней пришлось сидеть без мяса», «яйца перед пасхой поднялись до фантастических в. России цен 40—50 коп. десяток», «на овес стоят сумасшедшие цены» и прочее. «Внезапно обрушившийся удар был силен, да к тому же сила его усугублялась внезапностью. Повышение цен было очень резкое. Цена на фунт мяса за две недели повысилась с 22 коп. до 29 коп. По таксе же мясо достать вообще нельзя...» [2]). Рост цен был весьма значителен, и не замечать его стало невозможно. Уже к январю 1915 года основные продукты поднялись в среднем на 30—50%. Соль и гречневая крупа вздорожали больше, чем в полтора раза, масло—на 30%, мясо—на 26%, молоко—на 25%.

Несмотря на всю свою осторожность в выражениях, городская дума в феврале 1915 года должна была признать «чрезмерное вздорожание в Петрограде продуктов первой необходимости» и заговорить о «принятии мер к понижению на них цен». Общая неблагоприятность окружающей обстановки становилась все более очевидной.

[1]) О том, как умно и продуманно устанавливались эти таксы, можно судить хотя бы по тому, что в Москве такса на мясо доходила за пуд до 9½—10 рублей, тогда как в Петрограде была установлена 8—8½ р. за пуд. В таксах была обычная путаница, отсутствовало изучение конъюнктуры, цены не были согласованы и фактически таксы только усиливали дороговизну и заставляли торговцев просто припрятывать товары. „Из средств борьбы с дороговизной наименьший результат дали таксы" — заявил в своем докладе думе сам председатель комиссии М. Федоров („Продовольствие Петрограда за время войны" П. 1915 г. стр. 20).

[2]) „Русская Мысль". Май 1915 г. А. С. Изгоев. „Борьба с дороговизной." Стр. 1-6.

У органов, собиравшихся бороться с дороговизной, не было никакой согласованности и сработанности. Мероприятия по регулированию проводились по разному разными ведомствами, и неудивительно, что мероприятия эти — опять-таки по весьма осторожной терминологии — «при отсутствии общего плана нередко являлись совершенно недействительными» [1]). В период существования и деятельности «Продовольственной комиссии особого комитета для организации всех мероприятий, вызываемых обстоятельствами военного времени», царила административная система регулирования, вдохновляемая из бюрократических и полицейских источников. Этот полицейско-охранительный подход только увеличивал хаос на рынке, загоняя болезнь еще более в глубь хозяйственной жизни страны и еще более затрудняя лечение и борьбу с ней.

На этом патриотически-полицейском фоне даже безобидная и тоже весьма патриотическая деятельность продовольственной комисси городской думы казалась правительству подозрительной. Естественно поэтому, что деятельность комиссии «встречала нередко непреодолимые препятствия со стороны некоторых ведомств, которые, не будучи осведомлены об острой нужде города в различных продуктах, принимали иногда меры, шедшие в разрез с интересами населения столицы» [2]).

Разумеется, никаких оснований для подозрительности, недоверия и противодействия не было. Дума была вполне благонамерена в своей продовольственной политике — и не только благонамерена, а, попросту говоря, совершенно бездеятельна. Какой-нибудь серьезной работы со стороны продовольственной комиссии проделано не было. Один из членов управы — кадет из бывших царских чиновников — в своем докладе о продовольственных мероприятиях петроградского городского общественного управления на экономическом съезде Союза Городов в Москве 11—13 июля так характеризовал период работы продовольственной комиссии: «до апреля м-ца городское управление, хотя и проявляло инициативу в деле содействия подвозу частных товаров на рынок, а равно установлению такс, но без какой-либо системы и планомерности, и в сущности занимало пассивное положение. Главная инициатива деятельности в этом направлении была сосредоточена в руках администрации». [3]).

Продовольственная комиссия городской думы, с самого начала своей деятельности не получившая «никаких исполнительных функций», отзаседавшая за полгода сорок раз, просуществовала с 25 июля 1914 года до 11 февраля 1915 года, когда городская дума признала необходимым изменить организацию продовольственного дела; одновременно с этим дума постановила ассигновать в распоряжение городского головы еще два миллиона рублей уже «на противодействие [illegible] и [illegible] предметов первой необходимости» и «на принятие мер к понижению на них цен».

Вместо абсолютно бездеятельной продовольственной комиссии при думе был создан „Временный комитет по снабжению столицы предметами первой необходимости", выделивший из себя специальный исполнительный орган.

[1]) „Продовольствие Петрограда за время войны". 1915 г. стр. 20.

[2]) Там же стр. 21.

[3]) „О продовольств. мероприятиях петр. гор. общ. упр". Доклад Голубкова экономич. съезду в Москве. Петроград 1915 г., стр. 2.

Временный комитет по снабжению столицы.

не сразу. Угрожающее положение снабжения столицы поставило перед думой значительно большие задачи, чем прежде, и заседание думы

обществ).

До начала апреля специального органа, ведающего продовольственными

в этот период формального организационного

председательством члена управы. В это время в городе начало чувствоваться отсутствие некоторых предметов первой необходимости и, главным образом,— что всех заставило забеспокоиться,—печеного хлеба. По указке властей город-

27 марта 1915 г. в третьем заседании «Особого комитета для организации

городские комиссии и совещания, расплодившиеся к этому времени в значительном количестве, и объединить всю работу в одном органе с исполнительными функциями. Дело снабжения столицы

образовался «Временный комитет по снабжению столицы предметами первой необходимости».

По существу положение вещей не изменилось: крупные промышленники

пошли по тому же пути и вновь созданный комитет

вался на торговую и промышленную буржуазию [1]).

Первое заседание комитета состоялось 31 марта 1915 года под председательством городского головы. На этом совещании было образовано «Особое совещание» или «Исполнительное бюро». Фактически вся последующая работа была сосредоточена в этом исполнительном бюро. В обязанности бюро — по

снабжение предметами продовольствия городских

для хранения продуктов и принятие мер к снабжению города достаточным количеством вагонов для подвоза продуктов.

Исполнительное бюро собралось 2 апреля на первое заседание — и, собственно говоря, только с этого момента начинается более или менее реальная

прошло почти девять месяцев, пока «отцы города» раскачались на мало-мальски серьезный шаг.

[1]) Председателю комитета было предоставлено право привлекать к участию в работах комитета с правом совещательного голоса представителей бирж, земств, кооперативов, совета съездов промышленности и торговли, представителей биржевой торговли и сельского хозяйства.

Постепенно при исполн. бюро организовался административный аппарат, который состоял из отдела иностранных поставок, юрисконсульта, отдела сбора сельскохозяйственных продуктов, отдела, ведавшего распределением и продажей, секретариата и счетной части. Фактически конструирование аппарата бюро шло в процессе работы, и окончательно аппарат сложился лишь впоследствии.

Основным признаком в плане работ новой продовольственной организации городской управы явилось решение выступить в качестве самостоятельного заготовителя и распределителя, чтобы выпуском продуктовых товарных масс на рынок ослабить или задержать рост дороговизны и недостатка в продовольствии. [1]).

Заготовительная работа петроградской городской думы отнюдь не являлась особенностью Петрограда. Наоборот, Петроград в этой работе отставал. В это время уже в гораздо меньших городах началась продовольственная работа: к октябрю 1915 г. к закупочным операциям, по данным анкеты особого совещания, приступили 140 городов и 158 земств [2]).

Сначала исп. бюро намечает в связи с отсутствием в городе фуража закупку овса. Затем начинает заключать договоры с хлебопекарнями о выпечке и закупке хлеба, приступает к открытию городских мясных лавок, вступает в переговоры с городскими попечительствами о бедных об организации ими специальных продовольственных лавок.

Петроградский Продовольственный Комитет.

В это время в связи с отступлением армии в обще-
ственной жизни появились новые течения. В верхах бюро-
кратии, под влиянием оскудения начинается либеральное веяние.
Государственная дума начинает проявлять интерес к продо-
вольственному вопросу. Бюрократическое правительство [illegible]. В результате
совещаний [illegible] 1915 г. об организации
«Комитетами по организации потребности населения в предметах пер-
вой необходимости» образуется главный центральный правительственный комитет
«по объединению мероприятий различных ведомств в сфере продовольственного
дела» (привлечения куда, кстати сказать, представителей городов требовало
петроградское городское бюро). Петроградский градоначальник отказывается от
создания при своей особе специального продовольственного аппарата и доводит
до сведения [illegible] городской управы. Исполнительному бюро предо-
ставляется весьма важное право на внеочередность продвижения идущих в его
адрес продовольственных грузов.

Под влиянием этих новых веяний и обстоятельств продовольственная работа городской управы начала кое-как расширяться. В конце концов городской голова в заседании исполнительного бюро 26 мая 1915 года решил переименовать его в «Петроградский продовольственный комитет». Продовольственная организация обособилась от «Комитета по организации мероприятий, вызываемых обстоятельствами военного времени». Были утверждены штаты отделов. Члены управы, входящие в состав продовольственного комитета, получили наименование уполномоченных комитета.

---

[1]) К этому ее усилению толкали обстоятельства и растущий кризис. Даже бюрократические правительственные верхи к этому времени начинали обнаруживать беспокойство; 13 апреля 1915 г. министр торговли Шаховской предложил городу принять на себя заботу о снабжении населения мясом; то же самое предложил в особом предписании 11 мая петроградский градоначальник.

[2]) А. М. Ковальская. „Дороговизна жизни и борьба с ней", стр. 312.

Городской продовольственный комитет пытался бороться с ростом цен в городе путем самостоятельных закупок продовольствия и содействия подвозу частных грузов и путем организации розничной торговли припасами. Эту торговлю предполагалось развивать не только за счет создания собственных городских магазинов, но также через кооперативы, городские попечительства о бедных и другие общественные организации. На ряду с этим городским самоуправлением принимались частичные меры к организации надзора за частной торговлей: был создан институт участковых попечителей,—всего 24 человека, по два попечителя на каждый район города.

По существу переименование исполнительного бюро в продовольственный комитет не означало каких-либо изменений в общем направлении работы. И продовольственный комитет продолжал основную линию исполнительного бюро, наполнив ее только чуть-чуть большим практическим содержанием.

Снова градоначальник.

Как только царское правительство начало оправляться после паники от военных неудач середины 1915 г., стала чувствоваться перемена курса во всех вопросах, связанных с проявлением какой бы то ни было общественности. Притворные уступки правительства, сделанные в критические моменты 1915 г. оппозиции в государственной думе и государственном совете и выразившиеся в создании нескольких особых совещаний (по закону 17 августа 1915 г.), уже с первого момента аннулировались на практике всяческими способами. На первом заседании особого совещания по продовольствию (29 августа 1915 г.) министр земледелия сразу же определил отношение правительства ко всем общественным мероприятиям по борьбе с продовольственным кризисом: — господа, прошу не увлекаться по пути выработки плана, прошу держаться ближе к жизни, — заявил он. Такая точка зрения была логична: незачем вам строить большие планы, если мы при первой возможности постараемся вас разогнать.

Правительство, не доверяя даже таким безобидным общественным организациям, как городские самоуправления, на практике старалось создавать местный продовольственный аппарат [illegible]. В [illegible] и губернии уполномоченными особого совещания по продовольствию назначались губернаторы и градоначальники.

К этому времени окончательно определилась точка зрения правительства [illegible] в основу продовольственной политики, при чем самым большим преступлением, разумеется, было проявление общественности, попытки к организации и какая бы то ни была критика.

Дирижерская роль в области продовольственного дела в Петрограде начинает переходить к полиции. Уполномоченным особого совещания по продовольствию в Петрограде является градоначальник, по районам — полицмейстеры и пристава. Такой порядок фактически сохранился до февральской революции 1917 года.

Уже с 1 октября 1915 г. при уполномоченном по продовольствию создался параллельный городскому продовольственный аппарат. Аппарат этот рос и ширился по мере усиления реакции, начал вести значительную хозяйственную работу, закупал, распределял, выпускал продуктовые карточки и т. д.

Как отражалось такое полицейское самодержавие на продовольственном снабжении Петрограда, можно легко себе представить. Всякого рода безграмот-

ные глупости чередовались с злоупотреблениями и преступлениями. Фактически почти ничего не делая для снабжения города, полицейский продовольственный аппарат срывал и так небольшую работу городского самоуправления и старался свести на нет городской продовольственный комитет. Само собой понятно, как такая регулирующая деятельность уполномоченного отражалась на деле снабжения города. „Плодотворная" работа полиции в области продовольствия ни для кого не являлась секретом „В Петрограде", писали даже кадетские органы,- „продовольственное расстройство приписывалось печатью злоупотреблениям, в связи с чем последовал выход в отставку градоначальника кн. Оболенского, и запоздалая просьба как его, так и его помощника Фокина, о назначении ревизии их деятельности" [1]). Тем не менее решающая роль в вопросах продовольствия оставалась за полицией, и в 1916 г. продовольственные органы городской думы постепенно сходили на нет и держались градоначальником в полном загоне и на заднем плане.

Городская исполнительная комиссия по продовольствию.

В связи с общим походом на различные круги либеральствующей буржуазии и подъемом реакции, в Петрограде начинается решительное наступление крайних правых кругов („стародумцев") [2]) на прогрессивную часть гласных городской думы („обновленцы"). Несмотря на военное время были произведены частичные перевыборы гласных в городскую думу, на которых победили правые, воспользовавшиеся продовольственным кризисом, как средством опорачивания „обновленцев".

10 мая 1916 г. городской продовольственный комитет был преобразован в порядке ст. 83 положения об общественном самоуправлении Петрограда в „Городскую исполнительную комиссию по продовольствию". Это преобразование в дореволюционный период было последним в общей цепи реорганизаций городских продовольственных органов. В состав городской исполнительной комиссии по продовольствию входили, главным образом, представители победивших на последних выборах „стародумцев". Городская исполнительная комиссия по продовольствию не имела собственного лица и была, по существу, в полной зависимости от градоначальника. Фактически на долю комиссии выпал самый сложный период в продовольственной работе за годы войны, когда картина общего развала выяснилась с достаточной ясностью, когда голод наступал на город со всех сторон и крах был совершенно неминуемым.

Организация работа городского самоуправления.

Хозяйственная деятельность продовольственных органов [illegible] и менялась как в своем объеме, так и направлении. В период существования продовольственной комиссии „Особого комитета для организации всех мероприятий, вызываемых обстоятельствами военного времени" (июль 1914 г.—февраль 1915 г.), как мы видели выше, дума совершенно не развивала заготовительных операций и в области продовольствия хозяйственно бездействовала. „Каких-либо реальных мер по борьбе с дороговизной комиссией предпринято не было", сообщает отчет петроградского продовольственного комитета за 1915 год.

[1]) Ежегодник газеты „Речь" на 1916 г., стр. 212.

[2]) „Стародумцы" еще до войны окончательно провалились на выборах в думу в виду своей, доказанной на практике, полной неспособности управлять делами городского хозяйства. В их рядах были крупные купцы, промышленники и домовладельцы, т. е. самая махровая своекорыстная часть городской буржуазии.

Лишь со времени организации временного комитета по снабжению столицы и городского продовольственного комитета городское самоуправление начало развивать некоторую заготовительную и снабженческую работу. Первая половина 1915 года фактически целиком ушла на подготовку и организацию. Отдел заготовок мяса и скоропортящихся продуктов организовался лишь 22 мая 1915 г., хотя секретариат исполнительного бюро «работал» уже со 2 апреля (за этот первый день «было уже зарегистрированных 110 входящих бумаг и 21 бумага исходящая»). В мае поступили первые партии мяса (842 головы крупного рогатого скота), в июне первые партии рыбы (1193 пуда сазана и 622 пуда знаменитой воблы, которая потом неразрывно сопровождала население города через все периоды продовольственных бедствий). С мукой, зерновыми и нескоропортящимися продуктами продовольственный комитет начал работать несколько раньше, и уже в мае поступило 46 вагонов ржаной муки, 13 вагонов пшеничной, 10 вагонов сахару, 7 вагонов картофеля и некоторое количество фуража.

К числу основных заготовок комитета нужно отнести мясные заготовки, в области которых была проделана довольно большая работа, выразившаяся в завозе в город крупных партий мяса. До 1 января 1916 г. было заготовлено и завезено в Петроград около 580.000 пуд. мяса парного, охлажденного и мороженого. Преобладало говяжье мясо, но на ряду с этим ввозилась свинина и баранина, которую до этого Петроград потреблял в небольших количествах. Заготовка мяса производилась по линии закупки живого скота для получения парного мяса на текущие потребности и по линии заготовки мороженого мяса в запас. Заготавливалось мясо либо путем покупки гуртов скота на местах и доставки его в Петроград для убоя, либо путем заготовки мяса на месте покупки и отправки его в вагонах-ледниках [1]). С наступлением зимнего сезона развились операции с мороженым мясом: из общего количества, поступившего в 1915 г., мороженое мясо составляло 52 тыс. пуд., баранина 27 тыс. пуд., свинина 18 тыс. пуд.

За тот же период (до 1 янв. 1915 г.) было закуплено лишь 19,6 тыс. пудов рыбы, главным образом, сазана и воблы. Также незначительна была работа с маслом. Закуплено было до 1 января 1916 г. 3.703 пуда сибирского масла на 62.500 рублей. Фактически же прибыло всего 2.403 пуда, главным образом, в августе и ноябре. Из скоропортящихся продуктов таким образом более или менее серьезно комитет работал только с мясом, при чем для ясности необходимо указать на то, что на эту работу городскую управу толкали неоднократные распоряжения правительства и обнаружившийся серьезный мясной кризис на рынке.

До 1 января 1916 г. прибыло закупленных петроградским городским продовольственным комитетом 1.770 вагонов ржаной муки, 600 вагонов пшеничной муки и 388 вагонов ржи. Крупы, пшена и гороха прибыло 104 вагона, соли—343 вагона, сахара—308 вагонов (из них 121 ваг. рафинада). Поставок овощей совсем не было, если не считать очень небольшого количества картофеля (48 ваг.). Масла постного прибыло 2 вагона. Фактически продовольственный комитет из нескоропортящихся продуктов провел некоторую работу только с мучными товарами, в остальном работа была незначительна [2]).

[1]) Приводим данные о ценах на мясо и себестоимости городских заготовок. Крупный рогатый скот: парное—себестоимость 9 р. 21 к. за пуд, рыночная цена—9 р. 40 к.; мороженое—себестоимость 7 р. 20 к., рыночная цена 7 р. 90 к. Баранина: парная—себестоимость 7 р. 12 к., рыночная цена—10 р. 12 к.; мороженая—себестоимость 6 р. 30 к., рыночная цена—8 р. 10 к. („Отчет Исп. Бюро Петр. Гор. Прод. Комитета на 1915 г.", стр. 10).

[2]) На ряду с этим были ввезены 335 ваг. овса, 207 ваг. ячменя, 200 ваг. сена.

Как указывалось выше, уже с весны 1915 г. начались попытки снабжения печеным хлебом населения. Вначале пошли по пути соглашения с крупными хлебопеками. Владельцу частного хлебозавода Коковцеву была выдана ссуда в 70.000 рублей для выпечки определенного количества хлеба и продажи его в 10 лавках по ценам на ½ к. за фунт ниже таксы. Средняя дневная продажа достигала 800 пуд., колеблясь по отдельным лавкам от 45 до 132 пуд. в день. Помимо этого Коковцев должен был снабжать лазареты и городские учреждения хлебом. Этот опыт оказался неудачным, вызвал массовые нарекания на качество хлеба, финансовые осложнения, и в результате завод был приобретен у Коковцева городским самоуправлением за 20.000 руб. и с 4 октября перешел в управление города [1]). На ряду с этим, с мая 1915 г., продовольственный комитет вел переговоры с частным владельцем Лесманом и с Сибирским банком о выпечке хлеба в дер. Волынкино и на заводе „Балтика". Сибирский банк на основе временного соглашения приступил к выпечке хлеба для продовольственного комитета на „Балтике" в конце ноября 1915 г.

Уже первая половина 1916 г. протекала в более трудных условиях в связи с ростом экономической разрухи и поворотом политики правительства в сторону стопроцентного полицейского режима. «Первая половина 1916 года представлялась для деятельности петроградского городского продовольственного комитета, реформированного с мая текущего года в городскую исполнительную комиссию по продовольствию, наиболее трудной по выполнению возложенных на город-

с этим расширение, согласно требованиям момента, деятельности при нарушенном железнодорожном транспорте создали крайне неблагоприятную обстановку. Большинство закупленных и заторгованных товаров образовало ряд пробок на узловых станциях в пунктах отправления, а неподготовленность столицы в отношении хранения больших количеств продовольственных грузов требовала спешных построек и срочного размещения по складам, зачастую не приспособленным к правильному хранению» [2]).

Общая разруха застигла прод. комитет не подготовленным. Рынок осложнился чрезвычайно, и в этих условиях комитету не так было просто работать, как в предыдущее полугодие. Разруха захлестывала его, и вместо стойкости и твердой линии обнаружилось метание от одного мероприятия к другому. По существу, в первой половине 1916 г. продовольственный комитет уже не проявлял никакой инициативы, дело сводилось к завершению мероприятий, начатых в 1915 году, и к текущей работе, которая получила свое начало точно также в предыдущем полугодии и подхлестывалась ростом продовольственных осложнений в городе. Общий оборот исп. комиссии по закупкам на 1 июля 1916 г. — около 13 миллионов рублей (13.379.573 р.), по продаже — около 12,5 миллионов рублей (12.653 096 р.).

Победа «стародумцев» при выборах в думу еще более ухудшила работу продовольственного комитета. Градоначальник и полиция захватывают первое место в продовольственном деле Петрограда. Продукты исчезают с рынка.

[1]) Хлебозавод Коковцева находился на Петроградской стороне, на Вульфовой улице, представляя собою большую не оборудованную пекарню. Впоследствии на заводе был пожар, и он почти полностью сгорел. Сейчас в совершенно переоборудованном виде завод принадлежит ЛСПО (2-й Хлебозавод им. т. Бадаева).

[2]) „Отчет Петр. Гор. Исп. Комиссии по продовольствию на 1 июля 1916 г.", стр. 3.

Торговые сделки делаются почти невозможными: большинство из них не выполняется продавцами, значительная часть срывается административными запрещениями и реквизициями. Городские продорганы постепенно уходят от дела снабжения населения к снабженческой работе для всяких учреждений. Стародумцы покорно тянутся в хвосте за полицией. Вот обстановка второй половины полугодия 1916 г. Сохранившиеся отдельные данные представляют возможность [illegible] катилась по старым рельсам, а на новые мероприятия «стародумская» исполнительная комиссия была неспособна. Да и было уже поздно.

При наличии растущего панического спроса на продукты хозяйственная [illegible] Население почти не чувствовало этой деятельности. Начавшаяся в первой полови[illegible]

Распределение. Вначале городское самоуправление, рассчитывая, очевидно, на скорый конец войны, не предполагало строить собственного розничного аппарата и думало ограничиться привлечением к продаже населению заготовленных продуктов кооперативов, городских попечительств о бедных и частных контрагентов. Общество оптовых закупок (союз кооперативов) в первое время выдвинуло проект организации в городе до ста продовольственных лавок, но несмотря на утверждение комитетом этого предположения, городская дума не дала своего согласия на осуществление плана Оптосоюза. [illegible] относительно продажи его товаров из-за отдельных коммерческих разногласий. Таким образом, через кооперативный канал продовольственный комитет не смог (да и не хотел, по существу) проводить полностью свои товары. Распределительная работа комитета с кооперацией и в будущем шла только по некоторым товарам, не была систематичной и носила случайный характер. На ряду с этим комитет обратился к городским попечительствам о бедных. В августе 1915 г. представители попечительств были созваны на совещание при комитете, и им предложено было на специально отпускаемые комитетом ссуды открывать продовольственные лавки. Затем комитет использовал услуги частного предпринимателя Лесмана. Лесманом был заключен договор, по которому он обязался открыть для продажи населению по установленным ценам продуктов 50 лавок в течение 6 месяцев. Из этой затеи ничего не вышло: Лесман открыл только 9 лавок, и поэтому, несколько месяцев спустя, договор с ним был расторгнут.

В результате этих неудачных попыток, а также в связи с развитием заготовительной работы по мясу, требовавшей наличия специальной розницы, — [illegible] мясные лавки, хлебные лавки и лабазы. На 1 января 1916 г. у города было 22 розничных мясных лавки, 1 оптовая мясная лавка, 10 хлебных лавок и 7 лабазов. К июлю 1916 г. городских розничных мясных лавок было 34, оптовых мясных—5, рыбных—4, оптовая лавка при бойне — 1, хлебных лавок—10 и 6 лабазов.[1]) Помимо продажи продуктов непосредственно населению, городские

[1]) Таким образом весь распределительный аппарат городского продовольственного комитета, через который продукты шли непосредственно населению, состоял из городских лавок и лабазов, лавок попечительств о бедных и частично лавок кооперативов. Временно в этот аппарат входили контрагентские лавки Лесмана и Коковцева

продовольственные организации в весьма значительных размерах практиковали отпуск товаров городским учреждениям, лазаретам, воинским частям и учреждениям, группам служащих и рабочих разных учреждений и предприятий, частным торговцам, и впоследствии военным и прочим учебным заведениям. Весь этот отпуск проходил мимо широких слоев населения, носил специальный характер и мог лишь весьма косвенно отражаться на состоянии рынка и рыночных цен. В начале своей продовольственной деятельности город в своих планах держал курс на снабжение продуктами в первую очередь населения. Но постепенно обстоятельства сложились так, что из этого ничего не вышло, и основное место заняла снабженческая, в узком смысле этого слова, работа. Не останавливаясь для характеристики этого процесса на всех материалах и цифрах, в качестве [illegible] с 1 янв. по 1 июля 1916 г. из общего количества лабазных товаров 1.772.522 пуд. городским продовольственным комитетам было отпущено кооперативам и продовольств. лавкам—273.699 пуд. и попечительствам—220.263 пуда, т. е. в розничную торговлю прямо к потребителю пошло около 28%, тогда как на учрежденческое снабжение около 72%. Таким образом, продовольственные организации городского самоуправления, пытавшиеся сперва стать распределительной организацией продуктов среди населения, превратились затем в казенную организацию снабжения полиции, воинских частей, военно-учебных заведений и проч.

Нормирование отпуска.

По мере того, как кризис разрастался, городу пришлось вводить при отпуске товаров всякого рода ограничения и нормы. Чрезвычайная медлительность в этом вопросе и боязнь регулирования отпуска сыграли не малую роль среди условий, затруднявших борьбу с наступающим продовольственным кризисом, вызывая утечку продуктов на частный рынок и попадание их в руки спекулянтов, с одной стороны, и неравномерное удовлетворение населения и даже учреждений, с другой стороны.

Проявление первых попыток к нормированию можно усматривать в порядке отпуска товаров из городских лавок, которые отпускали одному покупателю не свыше 20 фунтов того или иного продукта. Далее в моменты обострившегося мясного кризиса комитет производил отпуск из своих лавок не более 3 ф. мяса одному покупателю. Этим, пожалуй, исчерпывались попытки города к нормированию отпуска продуктов населению.

Один из важнейших вопросов, который почти сразу после начала войны стал в ряде воюющих стран, который находил то или иное разрешение даже в других губерниях России,—в Петрограде сначала почти не привлекал внимания, а впоследствии получил весьма уродливую оценку. Между тем отсутствие регулирования распределения и нормирования отпуска фактически сводило на нет даже ту небольшую продовольственную работу, которая велась органами, снабжавшими столицу. Спекулянты скупали завезенные этими органами продукты и перепродавали населению по высокой цене; само население, в условиях очевидного кризиса, естественно стремилось создать домашний запас; паника усугубляла оба эти явления. Распределение носило не экономный и не равномерный характер; трудящиеся в этом распределении фактически получали крошки с господского стола; никаких запасов продовольствия не хватило бы для того, чтобы удовлетворить напуганного ростом цен и отсутствием товаров потребителя...

Между тем введение ограничения потребления и нормирование отпуска продуктов казались продовольственникам Петрограда страшнейшим жупелом-

чуть ли не подрывающим основы основ. Введение карточной системы представлялось концом света. «Мы—страна богатая и изобильная, нам ли вводить карточки! Такие дела подстать голодным немцам»,—вот была горделивая мысль [illegible] данный продовольственный кризис.

Первая карточка. Вопрос о введении карточек в Петрограде, разумеется, находился в связи с общей продовольственной политикой правительства. Впоследствии карточной системе суждено было играть значительную роль в правительственной работе [illegible] первой продовольственной карточки в городе.

Несомненно, что это скрытое желание „переложить всю тяжесть недостатка продуктов“ на неимущие классы создавало ту особую трудность, которой сопровождались попытки к введению карточной системы. Во всяком случае это обстоятельство [illegible] в деле всяческого затормаживания введения карточной системы.

Еще в конце 1915 г. поднимался вопрос о введении карточной системы в Петрограде. Особое Совещание по продовольственному делу по докладу комиссии по борьбе с дороговизной относительно введения продовольственных карточек в Петрограде [illegible] по существу, вредною и опасною для правительственной власти [1]). Мы сознательно останавливаемся на довольно длинном ряде цитат, характеризующих подход к этому вопросу со стороны продовольственных бюрократов, в руках [illegible]

Распределение продуктов по карточной системе комиссия считала ненужным прежде всего потому, что „сложная для выполнения и тягостная для населения [illegible] Между тем, в России продовольственные запасы имеются в изобилии, и лишь [illegible] Петроград“ [2]). Введение карточной системы казалось комиссии не только не облегчающим [illegible] расчета продовольствия на всех обывателей явится необходимость повышения ежедневных норм подвоза: лица, вовсе не потреблявшие известных продуктов или пользовавшиеся ими в ограниченном размере, получат по карточке право на одинаковое со всеми количество продуктов“ [3]).

---

[1]) Винниевский, И. Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. Москва, 1920 года. Изд. ВСНХ.—Работы Бюро Экономических Исследований — стр. 8

[2]) Там же и брошюра „Карточная система“, изд. Управл. Делами Особого Совещания по Продовольствию, стр. 3—57.

[3]) „Карточная система“, изд. Упр. Дел. Особ. Совещ. по Прод., стр. 3—57

По существу, дело было даже не в этом, а в том, что правительство считало, что оно не имеет никаких обязательств по отношению к населению и пуще огня боялось этих обязательств. Мудрые деятели особого совещания беспокоились за существующий строй, указывая на то, что „до сих пор каждый житель Петрограда, чувствуя недостаток продовольствия из-за затруднений железнодорожного транспорта и питал себя [illegible] органам правительственной власти требования о снабжении определенным количеством продуктов. С введением нормировки потребления, последствием которой является снабжение населения продовольственными карточками, фактические отношения между потребителями и торговцами заменяются уже правовыми притязаниями и обязанностями, при чем обязанности по доставке в определенный срок и в определенное место данного продукта ложатся на органы власти, а горожанам предоставляется право требовать снабжения полагающимся для них количеством продуктов". Кроме того, самая техника введения карточек представлялась для бюрократов очень сложной: „серьезные сомнения в технической возможности осуществить в Петрограде систему нормировки". Уже одна раздача карточек свыше чем 500.000 семействам представляется грандиозной [illegible] семьи. Понадобится непосильная в наших условиях стройная и сложная организация [illegible] и правительственных органов".

Приведенные „соображения" как нельзя лучше характеризуют подход и взгляды деятелей царского правительства на разрешение вопросов политики распределения.

Однако уже менее чем через полгода пришлось тем же самым деятелям из особого совещания по продовольствию признать, что карточная система является «единственным средством, благодаря которому можно достигнуть равномерности распределения», а иначе «хвосты будут принимать все более чудовищные размеры» [1]).

Боязнь хвостов сыграла решающую роль. Хвосты голодающего населения у лавок были самой удобной платформой для усиливающейся критики прогнившего [illegible] боялись.

В июне 1916 г. по всей стране, а также и в Петрограде, обнаружился острый [illegible] и если ожидаемый транспорт сахара не прибудет, столица окажется без него»,— писали «Бирж. Ведомости» 29 июня 1916 г. Положение вещей лучше не стало, и в августе сахарный кризис в Петрограде принял характер тяжелой затяжной болезни, которую уже и лечить было трудно [2]).

По существу, сахарный кризис дал первый толчек к изыскиванию способов проведения какой-либо системы более или менее равномерного распределения продуктов среди населения. С боязнью и недоверием, вследствие непонимания

[1]) Винниевский, Н. Принципы и методы организованного распределения продуктов продов. и предметов первой необходимости, стр. 9.

[2]) Положение делается совсем критическим, и в городе висят объявления полиции, что в течение целой недели продажа сахара производиться не будет („Речь" 29 августа 1916 г.). Появляющиеся суррогаты в виде постного сахара расхватываются по небывало высоким ценам—80 к. за фунт („Бирж. Ведомости", 25 авг. 1916 г.)

и неправильной оценки опыта Германии в проведении карточной системы, начинается обсуждение вопроса о введении продовольственных карточек.

Городская исполнительная комиссия по продовольствию в заседании 12 сентября 1916 года слушала доклад о введении в городе карточной системы на сахар. Комиссия, однако, не решилась принять предложения докладчика о введении карточной системы [1]).

Постепенно противников карточной системы на сахар становилось все меньше. Даже биржевой комитет сахарной биржи также настаивал на введении карточек на сахар, считая, что только таким путем можно достигнуть равномерного его распределения между гражданами.

Наконец, и министр земледелия принужден был изменить свою прежнюю точку зрения, заявив, что «при создавшейся конъюнктуре карточная система является единственно правильным и справедливым принципом распределения сахара между населением" [2]).

Признав необходимость карточной системы, продовольственные чиновники, однако, не только оправдали свое запоздание с введением карточек, но возводили это опоздание чуть ли не в признак особого благоденствия страны. „Карточная система—результат тяжелой необходимости"—заявляли бюрократы на продовольственного совещания,—„и мы должны быть рады, что вопрос об ее введении становится злободневным у нас в отличие от наших врагов (т. е. Германии) лишь после двух лет войны; еще более должны мы радоваться потому, что введение карточной системы желательно у нас не в отношении всех важнейших продуктов, как в Германии, а лишь в отношении сахара" [3]).

Осенью 1916 года градоначальником была выпущена первая продовольственная карточка — сахарная. Сахарные карточки распределялись через полицейские участки по домам и среди населения через дворников и домовладельцев и должны были действовать три месяца (октябрь—декабрь 1916 г.). Каждая карточка была снабжена порционными купонами и имела обозначение, что хотя она и ограничивает потребление нуждающихся граждан тремя фунтами сахара в месяц, но вместе с тем не гарантирует им обязательного получения всего указанного количества и ставит его получение в зависимость от общего количества сахара, которое поступит в продажу. По своему типу выпущенная градоначальником карточка была, руководствуясь терминологией и классификацией карточной системы в Германии—распределительной (Verteilungs Karte) и одновременно ограничительной (Beschränkungs или Spur Karte). О прикреплении карточек к определенным лавкам для покупки сахара тогда еще не помышляли: карточка давала право на приобретение сахара по всему городу - в кооперативах, в городских и частно-торговых лавках [4]).

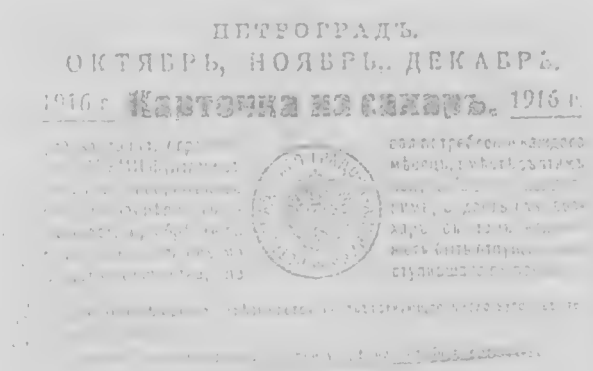
[1]) Журнал Городск. Исп. Комиссии по прод. № 155 от 12 сент. 1916 г.

[2]) Обзор состояния транспорта и рынка по данным периодич. печати. Сахарный рынок, стр. 19 и 28.

[3]) „Карточная система" изд. Упр. Дел. Особ. Совещ. по прод., стр. 3.

[4]) Петроград с введением карточной системы сильно отстал от всей России. Уже к 1 июля 1916 г. в провинции карточная система применялась в ряде городов 31 губерний, предполагалась к введению в 11 губерниях и признавалась излишней только в 8 губерниях. При этом регулирование отпуска по карточкам в этих губерниях не ограничивалось нормированием одного только отпуска сахара, а распространялось постепенно на все важнейшие продукты массового потребления (Н. Вишневский, „Принципы и методы организов. распр. продуктов питания и предметов первой необходимости", стр. 12).

Сахарная карточка осталась до самой революции единственной продовольственной карточкой в Петрограде. Выплывший было почти накануне февральской революции вопрос о хлебных карточках [illegible] острым хлебным кризисом. Уже 25 января 1917 г. часть хлебопекарен прекратила выпечку хлеба из-за отсутствия муки у градоначальника [1]). 8-го февраля в некоторых районах города совершенно исчез хлеб. Начались совещания о введении карточной системы на хлеб. Газеты сообщали о том, что заготовлено два миллиона хлебных карточек и что вводится карточная система с выдачей хлеба на два дня [2]). Однако через несколько дней сообщается, что все это были лишь предположения, и чрезвычайный уполномоченный по продовольствию столицы заявляет, что он не согласен с введением городским самоуправлением карточной системы, и карточки на хлеб отменяет [3]). Таким образом, сахарной карточке суждено было и начать, и закончить собой все мероприятия по введению карточной системы распределения и нормирования отпуска продуктов в Петрограде в дореволюционный период.


ПЕТРОГРАДЪ.
ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.
1916 г. Карточка на сахаръ. 1916 г.

Первая продовольственная карточка в Петрограде.

Значение и удельный вес городских продовольственных организаций.

По существу введение карточки на сахар являлось мероприятием, нисколько не связанным с какой-либо инициативой со стороны продовольственных учреждений петроградской городской думы. Карточка введена была по распоряжению градоначальника. Исполнительная комиссия по продовольствию не только не сыграла серьезной роли в этом мероприятии, но, вообще говоря, придавала мало значения карточной системе. К этому времени значение исполнительной комиссии в деле снабжения продовольствием населения было весьма мало и, в сравнении с маштабами кризиса, почти незаметно. Но не только в этом вопросе и в это время, но и во все годы до февральской революции значение продовольственных организаций города ни разу не достигало сколько-нибудь крупных размеров. Мы указывали уже на то, что во втором полугодии 1916 г., т. е. как раз в самые трудные времена, городскими исполнительными комиссиями по продовольствию [illegible] и обратилась в какие-снабженческий кишарат.

По грубым ориентировочным подсчетам продовольственного комитета потребление города на полугодие по восьми только товарам определялось в 28.200.000 пудов. Между тем за шесть месяцев с 1 января по 1 июля 1916 г. городом было отпущено через продовольственные лавки и всякого рода учре

[1]) „Речь", № 23—25 января 1917 г.
[2]) „Речь", № 41—42 февраля 1917 г.
[3]) „Речь", № 45—17 февраля 1917 г.

ждения всего 1.772.522 пуда. Уже одна только эта цифра свидетельствует об относительно малом значении торговых операций городских продовольственных органов в сравнении с потребностями города. Отпуск товаров продовольственного комитета составлял 2% к потребности города исчисленной только по восьми продуктам и, значит, на самом деле по отношению ко всему потреблению гораздо меньше.

Мы упоминали уже о том, что продовольственный комитет городской думы даже в лучшие свои времена (конец 1915 г.—начало 1916 г.) занимался снабжением только восьми товарами. По перечню 22-х ранее разрешенных к экспортированию продуктов, закупленных городским продовольственным комитетом по 1 января 1916 г. г. видно, что по трем видам продуктов приобретений совсем не было, по десяти продуктам приобретено совершенно незначительное количество, которое никакой роли в снабжении играть не могли, а из остающихся девяти продуктов три (овес, ячмень, отруби) предназначались не для питания населения, а для корма животных.

„В январе 1916 г.», — сообщает Л. М. Ковальская: — «город удовлетворял потребность населения в предметах первой необходимости в следующих размерах: муки ржаной—11%, муки пшеничной—9%, пшена—11%, сахара—11%, соли—[illegible], мяса—[illegible]. Если не считать мяса, то в снабжении остальными продуктами, потребными населению, продовольственная управа фактически никакой роли не играл.

При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что большая часть заготовленных городской управой продуктов, шла для снабжения военных учреждений. Населению получило только то, что шло в продажу через городские лавки. Через всю розничную распределительную сеть городской управы за время до 1 января 1916 г. из заготовленных управой продуктами прошло (по основным продуктам):

хлеба печеного .	96.927 пуд. т. е.	0,7%	потребности населения.
муки ржаной . .	143.940 „ „ „	2,2%	„
„ пшеничной	114.850 „ „ „	1,7%	„ „
круп разных .	99.434 „ „ „	4 %	„ „
сахару . . .	103.677 „ „ „	около 5 %	„ „

Эти цифры достаточно убедительно говорят о ничтожной роли городских продовольственных органов в деле снабжения населения [3]).

К моменту наступления февральской революции, когда продовольственный кризис фактически достигает до того, удельный вес городского общественного самоуправления в районе был незначителен. Продовольственная работа города, если не считать нескольких мясных и хлебных лавок, была совершенно незнакома населению. Да и количественно сеть городских лавок в сравнении с огромной территорией города был очень мала.

Распределительный аппарат в городе не был налажен, лавочная сеть не была организована. Вопросы распределения и нормирования абсолютно не были

[1]) „Отчет исп. бюро Петр. гор. прод. к-та за 1915 г.", 1916 г., стр. 31.

[2]) „Дороговизна жизни и борьба с ней". М. 1917 г., стр. 323.

[3]) Эти товары прошли не только через собственные лавки город. управы, но и через попечительства, лавки некоторых кооперативов и лавки Лесмана.

проработал весь продовольственный аппарат и отношение городского населения. „Фактически положение было не хуже, но и не лучше, чем при распределении продуктов в Петрограде городским продовольственным комитетом и городской исполнительной комиссией по продовольствию", — пишет С. Прокопович в 1917 г.: — „и все их начинания в этой области не создали ни налаженного аппарата, ни продуманной системы потребления" [1]).

От всего этого периода продовольственной истории в наследство февральской революции оставался в Петрограде вместе с фактически наступившим почти полным хозяйственным разрухи голодом лишь совершенно неприспособленный для широкой продовольственной работы аппарат, мало приспособленный даже для худого осуществления худых заданий.

ГЛАВА IV.

Рост продовольственного кризиса и крах царской власти.

Через несколько дней после первых же выстрелов мировой империалистической войны, 23 июля 1914 года, министр внутренних дел Маклаков, верный конвоир погибшего порт. писал петроградскому городскому голове графу Гейстому: „За последние дни, в связи с обстоятельствами военного времени, замечается ненормальное возвышение цен на мясо, хлеб и другие продукты, что отражается на большей части населения, по отношению которого должны быть приняты [illegible] и принимаемые [illegible] меры. Представитель царского правительства под вывеской первого грохота с далекого фронта извещал против силу о возможном разрушительном воздействии большой части населения и задуматься над „ненормальным возвышением цен". На фоне мировой трагедии одновременно разыгрывался первый акт подлейшей и гнуснейшей комедии...

„Ненормальному возвышению цен", связанному с „обстоятельствами военного времени", суждено было получить дальнейшее развитие и постепенно из простого повода к сентиментальным [illegible] царского чиновника о „большей части населения" обратиться в один из поводов к ликвидации самодержавной власти с ее [illegible]. Ненормальное возвышение цен [illegible] в бешеный бег цен. Катастрофический рост дороговизны, на смену которому пришел [illegible] продовольственный кризис, провел через всю историю военной эпохи 1914—1917 годов, вплоть [illegible] февральской революции, [illegible] и [illegible] крестьянство, обрекая на голодуху семьи рабочих и солдат. „Обстоятельства военного времени" [illegible] расшатали все народное хозяйство страны, подорвали в его основах [illegible], истребовали [illegible] и многомиллионные жертвы все от той же „беднейшей части населения".

Это первое трагикомическое письмо царского министра начало собой [illegible] и трагикомичный [illegible] пот [illegible]

[1]) „Война и народное хозяйство". Москва. 1917 г.

лении охранить и пронести через войну целыми и нерушимыми „незыблемые" основы самодержавия. Это первое письмо было началом полного всякой стыдливости и бесстыдного надругательства над основными чувствами жителей двухмиллионной столицы. Вся страна была обречена, но дважды обречен был колоссальный город, отдаленный от производящих районов, отрезанный от них разрушенными железными дорогами и опоясанный немецкими окопами, которые в беге времен не могли разобрать даже своей грядущей судьбы.

Тридцать один месяц — день за днем — нарастали и развивались события. Тридцать один месяц население Петрограда вставало утром голоднее, чем засыпало вечером. Тридцать один месяц сменяли друг друга,—и каждый новый из них все отчетливее делал картину растущего развала, подчеркивал неумолимость наступления голода, готовил неминуемую катастрофу прогнившему строю.

За эти два с половиной года было положено твердое и капитальное основание всем тем неизмеримым бедствиям, которым суждено было в героической борьбе преодолевать впоследствии пролетариату Петрограда. Костлявая рука голода, страшным призраком висевшая над городом революции в самые трудные годы гражданской войны, начала тянуться к Петрограду уже с июля 1914 года. Еще тогда, когда царский министр Маклаков отписывался казенными письмами от „непрошенного оживления цен", когда петроградский градоначальник думал застраховаться от неумолимых законов экономики введением запретительных такс, а многодумное городское самоуправление собиралось при помощи сорок раз заседавшей и ничего не сделавшей продовольственной комиссии оберечь население от дороговизны и товарного голода, эта костлявая рука начала приближаться к самому горлу Петрограда.

Все последовавшие события лишь способствовали тому, чтобы кризис рос и развивался. И уже с конца 1916 года Петроград начал обращаться в голодный город.

Первые симптомы. Фактически до весны 1915 года Петроград по количеству продуктов снабжался вполне нормально. Все обычные продукты потребления имелись на рынке, надежды на скорое окончание войны и уверенность в невозможности слишком большой ее длительности были одним из основных признаков господствовавших настроений; товаров в запас даже обыватель не покупал. Давала себя чувствовать только растущая дороговизна, которая отражалась на потребительском бюджете. Но психологические потрясения, вызванные войной,— ощущение фронта и первый подъем, характерный для этого периода времени,— отодвигали вопросы дороговизны даже в самом населении города куда-то на задний план. Все это соответствующим образом [illegible] патриотически конституционной буржуазной прессы, настроенной в унисон и переживавшей медовые месяцы „единения всех живых сил страны". На ряду со всем этим в городе наблюдался огромный приток населения военные подряды и заказы на первых порах приносили значительные заработки самым разнообразным слоям населения; запрещение винной торговли оставляло в бюджете какие-то свободные средства; спекулянты сорили деньгами. Получилось так, что фальшивая волна оживления вместе с большими массами выпущенных бумажных денег даже чуть ли не совсем застилала собой действительные бремена, нанесенные уже хозяйству страны и благосостоянию жителей. Действительно ощутимой была из экономических явлений одна только дороговизна. Но как когда-то — за ряд лет до этого — Горемыкин пытался

ликвидировать голод, предложив прессе называть его просто „недородом", так и сейчас дороговизну старались называть некоторым вздорожанием цен, прятались за слово „некоторый", и вместо активной борьбы с этим явлением проводили страусову политику неведения и замалчивания. Словом, создавалась иллюзия чуть ли не благоденствия. Дороговизну, как следует, начали чувствовать только рабочие Петрограда, их семьи и беднейшие слои обывателей, из них более всего семьи мобилизованных на фронт. Однако первые кровавые жертвы войны, первые эшелоны раненых, первые списки убитых настолько необычно и катастрофически разбивали старый уклад психики, что и дороговизна эта казалась естественным, мало значительным и ничего особенно страшного не сулящим явлением: — „Что ж, на то и война", — рассуждали многие: — „гибнут люди, льется реками кровь, — до дороговизны ли тут... Вот скоро война кончится, тогда и дороговизне—крышка".

Весной 1915 года в первый раз реально и в массовом масштабе в Петрограде почувствовалось отсутствие одного из основных продуктов потребления. Назрел и разразился мясной кризис.—первая ласточка последовавших друг за другом непрерывной цепью кризисов на разные предметы потребления. Мяса на рынке не стало: за две недели цена на мясо почти утроилась. Отсутствие мяса потянуло за собою недостаток ряда других продуктов. Вопрос о дороговизне, до сих пор казавшейся второстепенным придатком войны, споткнувшись о весенний кризис 1915 года, поднял завесу над другим, гораздо более серьезным вопросом: „война несет развал народного хозяйства, а существующие порядки управления могут только усиливать и развивать процесс этого развала", это из месяца в месяц в дальнейшем становилось понятней населению Петрограда.

„Значит, война несет не только мобилизации, бои, раненых и убитых",—думал даже обыватель:—„она и в тылу создает особое положение, Она распространяется на всю страну, она разваливает все хозяйство"... И, разумеется, делал собственные выводы начал покупать по мере возможности впрок и про запас, бегать за заставы перехватывать крестьян с продуктами, экстренно записываться в кооперативы, искать друзей в продовольственных лавках, заводить специфические „сахарные и мучные знакомства". Этим самым в свою очередь усиливались и без того неизбежные экономические процессы, гарантировавшие переселенному городу неизбежность продовольственного кризиса.

Понятно, что все это совершалось не сразу, не по мановению волшебного жезла. Патриотические песни еще далеко не были допеты. Шовинистические настроения еще далеко не поблекли. Пресловутое „ура", непрерывно покрывавшее собой все несчастья первых месяцев войны, еще далеко не замолкло... Но с мясного кризиса весны 1915 года,—когда население Петрограда впервые сквозь туманы успокоительных иллюзий мельком взглянуло на грозный оскал впоследствии ставшего хорошо знакомым мертвящего лика голода,—процесс начался.

Мясной кризис открыл собой эпопею непрерывных кризисов. В ответственных разговорах звучали новые ноты: „В виду того, что недостаток мяса по обстоятельствам военного времени будет непрерывно увеличиваться"—заявило весьма „компетентное" лицо члену петроградской городской управы Новикову,—выявилось желательность приучения общества к тому, что на время войны необходимо изменить обычный уклад питания" [1]). Увы,—„компетентному" лицу,

[1]) Журнал № 8 исполн. Бюро К-та по организации мероприятий, вызв. обстоят. военного времени, 16 апреля 1915 г. (Архив).

быть может, совершенно неожиданно для него самого суждено было оказаться пророком: „обычный уклад питания" населения Петрограда стал действительно резко изменяться. Начались ограничения отпуска мяса и других продуктов из лавок общественных продовольственных организаций. Постепенно целый ряд продуктов исчезает с рынка. В потребительском обиходе появляются новые продукты—суррогаты всякого рода, до войны не имевшие широкого распространения. Потребитель—и в первую очередь трудящийся потребитель—отказывается почти совершенно от употребления некоторых продуктов продовольствия отчасти из-за чрезмерного вздорожания их, отчасти из-за почти полного исчезновения их с рынка. Кризис надвигается все более быстрыми шагами.

Нарастание кризиса.

М. Балабанов, характеризуя влияние уже первого года войны на бюджет рабочего, приводит следующие результаты бюджетного обследования рабочих металлообрабатывающей и текстильной промышленности. За первый год войны и у металлистов и у текстилей Москвы произошли резкие изменения в расходах на квартиру и пищу (с 66,8% до 105,5% для текстилей); потребление мяса и сахара сократилось почти на 20% за счет некоторого повышения потребления хлеба; центр тяжести питания начал переноситься на картофель и хлеб; заработков (ибо в среднем фактически заработки, несмотря на рост цен, не возросли) не хватало для покрытия минимальной потребности; „среди металлистов 46% семей выравнивали свой бюджет тем, что просто сокращали свои потребности, 12% тратили свои сбережения, 13% закладывали вещи, 18% залезали в долги и т. д. [1]). Такое положение вещей обнаруживалось уже в 1915 году. В дальнейшем оно еще больше ухудшилось и притом с прогрессирующей скоростью.

Мы не имеем аналогичных данных по Петрограду. Но Москва не являлась исключением, и если могло быть какое нибудь отличие в условиях жизни петроградских рабочих по сравнению с московскими, то оно должно было бы—в связи со специфическими условиями Петрограда—только еще в более мрачных красках характеризовать положение петроградских пролетариев. В 1916 г. петроградский рабочий кооператив „Прогресс" так характеризовал бытие своих потребителей: „Поскольку нам приходится наблюдать наших членов, среди коих мы распределяем продукты первой необходимости, положение рабочих стало значительно хуже в смысле питания, а следовательно, здоровья и трудоспособности. Все продукты стали уже настолько дороги, что рабочие семьи экономят и выгадывают на каждой мелочи, стараясь свести концы с концами. Те продукты, которые отличаются высокими ценами, плохо продаются, хотя они и составляют единственные питательные средства, оставшиеся на рынке. Мяса на рынке так мало, что оно редко попадает на стол рабочих; свинина, сыр, яйца, рыба, масло стоят таких денег, что не могут служить средством питания. Мука сейчас исчезла с рынка и нами не продается, хотя мы делали все возможное для обеспечения ею наших членов, сознавая, что мука—последний ресурс в питании трудящихся масс" [2]).

Уже с февраля 1916 г. в Петрограде наблюдается полное отсутствие мяса; из месяца в месяц положение все ухудшается и делается совсем катастрофическим. „Петроградская скотопромышленная биржа бездействовала весь апрель

[1]) М. Балабанов. „История рабочей кооперации в России" стр. 191.
[2]) Балабанов. „История рабочей кооперации в России" стр. 191.

месяц, сделок с мясом не было никаких, на мясные площадки не было поставлено ни одной головы крупного рогатого скота и вообще в мае в Петрограде мяса совсем нет", — сообщала „Торгово-Промышленная Газета". Сам петроградский градоначальник в беседе с сотрудником „Биржевых Ведомостей" заявил о том, что вообще на подвоз мяса к столице рассчитывать нельзя, и он может „рекомендовать населению в настоящее время заняться разведением кур и вообще птицеводством, а самое главное — откармливанием поросят" [1]). По закону 16 июля 1916 г. устанавливаются мясопустные дни и в течение четырех дней в неделю запрещается продажа мяса.

В июне 1916 года по всей стране, а также и в Петрограде обнаруживается острый сахарный кризис. В Петроград не прибыли назначенные по плановым нарядам на июнь 232 вагона сахара. „Неудовлетворение сахаром порождает недовольство", образуются у магазинов хвосты на сахар. Около распределения и продажи сахара растет самая безудержная спекуляция. Спекулируют заводы, нагревают руки банки, наживаются торговцы, — население же сидит без сахара, образует на улицах Петрограда первые „настоящие" очереди [2]).

С августа 1916 г. сахарный кризис в Петрограде обратился в тяжелую хроническую болезнь, вылечить которую было уже невозможно. В городе появились собирающие вокруг себя толпы народа объявления полиции о том, что сахара нет, что намеченное поступление сахара не выполнено, и в течение недели продажа сахара производиться не будет [3]). Осенью 1916 г. вводится градоначальником сахарная карточка.

Весь период времени с мясного кризиса весны 1915 г. до введения сахарной карточки характеризовался стремлением как-нибудь затушевать нарастание продовольственного кризиса в Петрограде. Появление карточки завершило собой этот непрекращавшийся поток бюрократических попыток „шутя" обойти важный вопрос; сахарная карточка свидетельствовала о банкротстве политики замалчивания, о невозможности дальше делать „веселое лицо при дурной игре", о необходимости формально признать то, что фактически было ясно уже всему населению, о чем свидетельствовали „хвосты" на улицах, что являлось, несмотря на цензурный пресс, постоянной темой газетных сообщений.

Начало конца. С осени 1916 г. события развиваются с исключительной быстротой. За сахарным кризисом приходит кризис на крупы и хлеб. Масло и яйца на рынке являются редкостью и продаются по небывало высокой цене. Нарастает фуражный кризис. Постепенно те относительно небольшие количества продуктов, которые выпускаются на рынок разными продорганами и кооперативами, в связи с общим недостатком продуктов, начинают играть серьезную роль или, вернее, сосредотачивают вокруг себя болезненное внимание стоящих перед угрозой голода потребителей.

Последние месяцы 1916 г. проходят под знаком явного нарастания кризиса, не прекращающегося роста паники среди населения и увеличивающейся растерянности руководителей продовольственного дела в городе.

Результаты общей беспечности и преступного бездействия бюрократии становятся с каждым днем очевиднее. „Отсутствие планомерного и рационального вмешательства в экономическую жизнь было причиной у нас острого мясного кризиса",—констатировали экономисты,—„и проложило дорогу острому

[1]) П. Черевании. „Продовольственный кризис" стр. 39.

[2]) „Обзор состояния транспорта и рынка по данным периодич. печати: сахарный рынок", стр. 25—28.

[3]) „Речь", 29 августа 1916 года.

сахарному кризису; не рациональное же и внутренно-противоречивое вмешательство в экономическую жизнь вызвало довольно острый в мукомольном производстве и местами довольно острый кризис в потреблении муки". К концу 1916 года в Петрограде продовольственное положение города уже окончательно выливалось в полный кризис из-за отсутствия, кроме мяса, сахара и муки, почти всех продовольственных товаров.

Перед лицом растущей катастрофы бюрократы и кущая общественность того времени, из-за страха ответственности, невольно входили в конфликт. Обвинения сыпались с обеих сторон. Продовольственное дело стало ареной политических выступлений и „вступало в новый 1917 год в стадии борьбы правительственной системы с общественными организациями" [1].

Наступление голода. Крах.

К началу 1917 года экономические процессы, развившиеся с начала войны, подводят страну к полному истощению, к катастрофической разрухе и голоду. На почве продовольственного положение Петрограда достигает исключительного напряжения. У лавок стоят длинные очереди-хвосты на важнейшие продукты потребления [2]), на частном рынке отсутствует мясо [3]), для кормления скота вместо ячменя выдается суррогат из соломы, жмыхов и пр. [4]). Отсутствует подсолнечное масло, сокращается из-за недостатка муки выпечка хлеба, повышаются таксы. Судорожно и в явочном порядке нормируется распределение; сперва городские лавки отпускают по три фунта мяса на каждого потребителя [5]), затем с 23 января 1917 года только по два фунта мороженого мяса [6]) ..

Вот — основные факты, характеризующие в январе 1917 года состояние продовольственного дела в городе. На эти факты вынуждены реагировать даже те ведомства и организации, которые до тех пор пребывали в абсолютном покое. Совет съездов биржевой промышленности ходатайствует перед правительством о разрешении созыва чрезвычайного биржевого съезда для рассмотрения вопросов о положении продовольственного дела в стране. 17 января 1917 года чрезвычайное заседание петроградского земства решается обратить внимание на угрожающее положение продовольственного вопроса и требует принятия правительством экстренных мер к доставке закупленного продовольствия, подвоз которого в Петроград катастрофически падает. Вместо полагавшихся по плану перевозок с 1 по 20 ян-

В ожидании открытия городской продовольственной лавки (почью).

[1]) „Биржевые Ведомости", № 16014, 1 января 1917 г.
[2]) „Веч. Время" № 1730—1917 г. 25 января у хлебных лавок образовались хвосты.
[3]) „Веч. Время", № 1716—январь 1917 г.
[4]) „Речь", № 9—январь 1917 г.
[5]) „Веч. Время", № 1715—январь 1917 г.
[6]) „Веч. Время" № 1730—февраль 1917 г.

варя 10 тысяч вагонов в Петроград прибыло всего 5964 вагона продовольствия, из них только 49 вагонов ржи. Погрузка продовольствия на местах для Петрограда падает с 2.280.000 пуд. хлеба до 350.000 пуд., т. е. составляет 15,3% нормального количества. Всего за январь поступило в Петроград продовольствия вместо назначенных 15.000 вагонов—8.339 вагонов, муки город получил 246 вагонов вместо ожидавшихся 1.200 вагонов. Мяса в январе 1917 г. в Петроград прибыло 1.662 вагона против 5.640 вагонов в декабре 1916 г.

В ожидании открытия городской продовольственной лавки (ночью)

Уже в первых числах января 1917 г. в заседании городской думы председатель исполнительного комитета по продовольствию докладывал, что город сидит без муки и без мяса. В феврале 1917 г. продовольственное положение обостряется еще сильнее: булок нет—булочные прекращают работу из-за отсутствия муки и рассчитывают рабочих. 8 февраля на окраинах города—особенно за Московской Заставой—в частных лавках уже нельзя было достать черного хлеба, и городские лавки при тысячных очередях отпускали по одному фунту хлеба на покупателя [1]. 19 февраля в виду отсутствия ржаной муки прекращается отпуск хлеба [2], и в тот же день восьмушка картофеля на рынке доходит до 70 коп. [3].

Начинают подумывать, хотя и поздно, о нормировании снабжения населения хлебом путем введения карточной системы. На совещании у градоначальника обсуждается вопрос о хлебной карточке.

20 февраля 1917 г. назначается особо уполномоченный по продовольствию в Петрограде Вейс, которому даются чрезвычайные полномочия [4]. Однако Вейс был совершенно неспособен не только смягчить продовольственный кризис в столице, но даже проявить мало-мальскую инициативу и расторопность. Продовольственные паника и кризис достигли в это время в городе высшего напряжения. Голодные хвосты мерзнувших обывателей росли перед продовольственными лавками.

На фоне дезорганизации продовольственного дела нарастала в Петрограде февральская революция 1917 г. Уже начиная с 19 января 1917 г., секретные доклады охранного отделения отмечали, что „рост дороговизны и повторные неудачи правительственных мероприятий по борьбе с исчезновением продуктов вызывают среди петроградского рабочего волнение и недовольство". Население города (на улицах, в трамваях, в театрах, магазинах) критикует в недопустимом по

[1]) „Речь" № 9 и № 16, 10 и 18 янв. 1917 г. „Вечернее время" № 1734, № 1743, № 1741, № 1746, № 1752, янв. и февр. 1917 г. „Протокол гор. исполнит. комитета по продоволь." № 23.

[2]) „Биржев. Ведом." 5 III 1917 г.

[3]) „Вечерн. Время." 19 II 1917 г.

[4]) „Биржевые Ведомости" № 16111 22 февр. 1917 г.

и питается различными слухами и сплетнями" [1]).

Затем с дальнейшим обострением продовольственного кризиса охранное отделение (жандармы) в специальном докладе 5 февраля 1917 г., посвященном [illegible], так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями. Следствием нового повышения цен и исчезновения с рынка [illegible] „даже консервативные слои чиновничества"... [2]) „Обывателя стригут по нескольку раз в день, и он по своей беспечности лишь вопит к администрации: — спасите, не дайте снять совершенно шкуру" [3]).

Охранное отделение понимало продовольственное положение Петрограда и последствия, которые оно должно было вызвать, лучше своего начальства. „Если население еще не устраивает голодные „бунты", то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет, и конца его росту не видать"—сообщал тот же доклад. „А что подобного рода стихийные выступления голодных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех—анархической революции—сомневаться не приходится" [4]).

К 19 февраля 1917 года хлебный кризис обострился до крайней степени. Отсутствие хлеба взволновало даже такие слои населения, которые обычно относились равнодушно к общественным явлениям. Стали раздаваться угрозы против продавцов хлеба. С 21 февраля начался на Петроградской стороне разгром булочных и мелочных лавок, распространившийся затем по всему городу [5]).

В районе Путиловского завода с 22 февраля 1917 г. и на всех рабочих окраинах ходили огромные толпы народа с криками: „хлеба, хлеба". С четверга [illegible] продовольственные волнения распространяются по разным частям города. Повсюду собираются толпы народа с красными знаменами, революционными лозунгами и криками „хлеба". Крайне характерно, что городские запасы продовольствия, а также запасы на складах уполномоченного достигали в то [illegible] пуд. ржаной и пшеничной муки, что при отпуске в день 20 000 пуд. хватило бы на 10-12 дней [6]).

Начинаются забастовки на фабриках и заводах. Начальник военного округа Хабалов требует от Совета уполномоченных отпуска муки; Исполком отказывается выполнить эти требования, считая, что в городских лавках имеются достаточные запасы муки. Народные митинги разгоняются и обстреливаются полицией. Голодная толпа громит кофейную „Пекарь" и вступает в борьбу с полицией и царскими войсками. Растущую волну народного гнева все еще пытаются заглушить разговорами, и с 24 февраля Хабалов занимается пустыми объявлениями о том, что мука для выпечки хлеба отпускается в прежних количествах, что недостатка хлеба не должно быть, что ржаной муки имеется достаточно и подвоз ее идет непрерывно [7]).

[1]) А. Блок. Последние дни императорской власти, изд. 1921 г., стр. 26.
[2]) Доклад охранного отделения 5 февраля 1917 г. о продовольствен. полож. Петрограда.
[3]) Блок А. Последние дни императорской власти, изд. 1921 г., стр. 38.
[4]) Там же.
[5]) „Биржевые Ведомости" № 16120 5 марта 1917 г.
[6] [7]) А. Блок. Последние дни императорской власти, стр. 51—58.

Все внимание полиции, Хабалова и продовольственных деятелей было направлено не на смягчение продовольственного кризиса, а на „подавление беспорядка". [illegible] заседания, комиссии, совещания. Все лихорадочно мечутся в попытках разрешения [illegible] ными жалобами. Фабриканты ходатайствуют об отпуске муки для фабрик, и. наконец, Хабалов [illegible] и санитарные попечительства о бедных распределение в городе муки по пекарням. В это время выдвигается мысль о необходимости передачи в руки городского общественного управления заведывания продовольственным делом в городе.

На почве недостатка хлеба по городу идут погромы лавок, разрастаются забастовки рабочих, происходят кровавые столкновения с полицией и войсками. Царская власть смотрит на начавшуюся революцию, как на обычные волнения, и Хабалов получает категорическую телеграмму из ставки от Николая с приказом немедленно прекратить беспорядки в столице. Протопопов, Хабалов и пр. бюрократы все еще находятся в полном заблуждении относительно происходящих событий и даже безобидный проект городской думы 25 февраля 1917 г. о передаче ей продовольственного дела находят незаконным, несогласным с городским положением, а Протопопов прямо заявляет, что „город выдумал какой-то революционный проект с продовольствием" [1]).

Вечером в тот же день, т. е. 25 февраля 1917 г. в городской думе происходит обсуждение вопроса о введении в городе хлебных карточек, но вопросы [illegible] и по сообщению охранного отделения „заседание вскоре приняло характер памятных по 1905 году революционных митингов" [2]).

Наконец наступил последний акт драмы. Голодные революционные массы вышли на улицы. Уже первые схватки народа с полицией и стрельба войск вызвали полную растерянность власти. Продовольственный кризис достигает своего кульминационного пункта, и это обстоятельство является одним из основных условий, вызвавших революционный переворот.

[1—2]) А. Блок. Последние дни императорской власти, стр. 51—58.

II. ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА I.

Продовольственные органы Петрограда.

Сметенный февральской революцией самодержавный строй довел продовольственное положение Петрограда до исключительно отчаянного состояния. Голодные бунты были точным математическим выражением продовольственного положения Петрограда. В городе не было продуктов; подвоз в город был чрезвычайно осложнен; не приходилось уже думать о создании каких-либо маневренных запасов продовольствия, а каждодневно стоял катастрофический вопрос: чем будет сегодня питаться население и можно ли будет завтра его хоть как-нибудь снабдить?

Таково фактически было наследие, оставленное самодержавием революции. Между тем самый успех революции и возможность ее дальнейшего развития и укрепления всецело зависели от состояния продовольственного дела. Царское правительство относительно более устойчивой обстановки, когда народное хозяйство было менее разрушено, когда не все запасы были исчерпаны, не смогло, как мы видели, справиться с основными задачами снабжения населения и с продовольственным кризисом. Его банкротство было совершенно неизбежным и законным. Действительно, реальная борьба с наступающим голодом могла быть успешной только в том случае, если бы продовольственный вопрос рассматривался не как самодовлеющее явление, а в тесной связи со всеми экономическими процессами страны. Такой подход, естественно, должен был бы вызвать не только решительные мероприятия в деле государственного овладения продовольственными ресурсами, но и твердое вмешательство в остальные отрасли производства и торговли. Разумеется, это вмешательство ни в коем случае не могло быть осуществлено старым царским правительством, ибо самый факт такого вмешательства нарушил бы священные принципы собственности и не мог бы примириться с интересами класса, которые правительство представляло. Такое лекарство по существу для самого самодержавия, для помещиков и буржуазии являлось смертоносным ядом. Поэтому уже с первых попыток борьбы самодержавия с продовольственным кризисом результат борьбы был предрешен: внутренние противоречия должны были привести продовольственную политику и продовольственную работу самодержавия к полному банкротству. В Петрограде, где подвоз был исключительно остер, весь этот процесс совершился с особенной отчетливостью и ясностью.

Перед новой властью, появившейся в феврале, стояли те же продовольственные задачи. И точно также можно было предвидеть, что с продовольственным кризисом она не справится.

Первые дни.

В первые дни после февральского переворота, разумеется, не могло быть и речи о какой-нибудь организованной продовольственной работе, также как и о планомерном изменении постановки продовольственного дела в городе. Работа шла стихийно, в разных районах по-разному, и основной заботой являлась задача прокормиться только сегодня, без мысли о том, что будет на другой день.

Городская исполнительная комиссия по продовольствию продолжала свою работу. На ряду с этим для борьбы с продовольственным кризисом в столице и главным образом в целях организации снабжения восставших воинских частей, при временном исполнительном комитете совета рабочих депутатов образовалась „временная продовольственная комиссия", создавшая в Таврическом дворце солдатскую продовольственную базу и обратившаяся к населению с воззванием о помощи в прокормлении солдат [1]).

В тот же день на другой половине Таврического дворца временный комитет государственной думы сначала решает создать самостоятельную продовольственную комиссию, а затем постановляет объединиться с продовольственной комиссией совета, послав туда своих представителей [2]). Объединенная комиссия послала своих представителей в городскую исполнительную комиссию по продовольствию, тем самым фактически взяв ее работу под свой контроль, приняла ряд мер к охране складов, организовала несколько питательных пунктов в разных районах города и на вокзалах для воинских частей, установила контроль над деятельностью окружного интендантского управления [3]). 28 февраля 1917 г. продовольственная комиссия совета рабочих депутатов и временного комитета государственной думы объявила населению о том, что она приняла на себя „центральное руководство всем продовольственным делом" [4]). Одним из первых ее мероприятий было обращение к рабочим пекарям с предложением срочно стать на работу и организация снабжения хлебопекарен мукой.

Практическая продовольственная работа в первый месяц после революции была сосредоточена в органах городской думы, которые были до известной степени преобразованы и изменены.

3 марта 1917 г. появилось воззвание „петроградской центральной продовольственной комиссии", сообщавшее, что дело продовольствия Петрограда и его пригородов передается специально образованной центральной продовольственной комиссии при городском общественном самоуправлении. Схема организации продовольственного дела в городе должна была быть такова: для облегчения введения карточной системы и пополнения подрайонных комиссий в каждом районе должны быть избраны специальные уполномоченные; распределение продуктов, надзор за их продажей и распределение карточек возлагалось на подрайонные продовольственные комиссии; практические мероприятия центральной продовольственной комиссии проводятся в жизнь подрайонными и пригородными комиссиями, объединяющими работу подрайонных комиссий. В состав

[1]) Суханов, Н. „Записки о революции". Книга I. 1919 г. стр. 67.

[2]) Хотя объединенная продовольственная комиссия в основном ставила себе задачу „наметить линию продовольственной политики революции", на практике в первое время ей пришлось быть „продовольственным органом революции", т. е. главным образом заниматься вопросами снабжения Петрограда.

[3]) Шелов, Б. „Первые шаги революции в продовольственном деле". „Прод. Вестник" № 1. 1917 г.

[4]) „Изв. Сов. Раб. Деп.", 1917 г., № 1, 28 февраля.

ного правительства, совета раб. и солд. депутатов, центральных и районных общественных организаций, а также центральных и районных рабочих организаций. [illegible] с просьбой ограничить свои [illegible] и не делать закупок в запас [1]).

2 марта 1917 г. было созвано в городской думе учредительное собрание петроградского центрального продовольственного комитета. Состав этого учредительного собрания был [illegible] и членов управы городской думы, губернского и уездного земств; представители союза городов и земского союза, различных [illegible] Крайне Круга. Кроме ограниченного числа представителей [illegible] и иных районных рабочих продовольственных организаций. На этом заседании был [illegible] продовольственный орган городского самоуправления, определены его задачи и утверждены структура и формы продовольственной работы в городе. В основу новой „системы" работы было положено районирование, децентрализация распределительного аппарата и роста автономии мелких продовольственных ячеек. Ясности в структуре и взаимоотношениях не было никакой. Городские районы все время пытались рассматривать новые продорганы, как местные организации, подчиненные районным думам и комиссариатам, что вносило путаницу и вызывало трения между районами и центральным продовольственным комитетом.

Центральный продовольственный комитет при городской думе просуществовал с 2 марта 1917 г. по 21 апреля 1917 г., когда продовольственное дело выделилось в самостоятельную организацию.

Новая реорганизация продоргана.

Работа центрального продовольственного комитета при городском самоуправлении носила на себе отпечаток дореволюционной работы предшественников этой организации: подменяла разговорами практические мероприятия, была нерешительна и, в основном, старалась отмежеваться от „демократических" веяний. „Думцы" попрежнему из классовых соображений не могли пойти на радикальные меры, оправдали всячески интересы спекулянтов и, формально работая, фактически ничего не сделали для облегчения продовольственного положения города. Такая политика не могла удовлетворить даже меньшевиков, и постепенно начал [illegible] между петроградским центральным продовольственным комитетом и советом рабочих и солдатских депутатов.

Был поставлен вопрос о создании независимого от думы самостоятельного продовольственного органа. В заседании 25 марта 1917 г. исполком совдепа, [illegible] представители городской и [illegible] продовольственной комиссии, признал [illegible] продовольственного дела в Петрограде критическим и потребовал преобразования продовольственной организации на „демократических основах" [2]). В течение последовавших нескольких дней был разработан проект [illegible] независимого от городской думы, как бы временного продовольственного [illegible] Проект [illegible]

[1]) Объявление центр. прод. комиссии, напечатанное в „Известиях Комитета Петроградских Журналистов" от 3 марта 1917 г. № 7.

[2]) „Бюллетень Центр. Прод. Управы", № 5, 22 июля 1917 г. Из воззвания к населению города от 13 июля 1917 года.

ственным комитетом и утверждается министром земледелия. На заседаниях центрального продовольственного комитета 30 марта и 1 апреля 1917 г. обсуждается вопрос о необходимости реорганизации комитета на основе самостоятельности, причем 1-го апреля оглашается новое положение, вызывающее понятное недовольство думцев. 4 апреля 1917 г. сам городской голова докладывает, как о совершившемся факте, о реорганизации продовольственного комитета в самостоятельную и независимую временную организацию [1]).

В заседании продовольственного комитета, созванном в городской думе 6 апреля 1927 г., принимается решение о такой именно реорганизации продоргана [2]).

Городская дума принуждена была примириться с совершившимся фактом и задним числом 7 апреля 1917 г. вынесла постановление о передаче всего продовольственного дела в город новому центральному продовольственному комитету. В заседании комитета 8 апреля были окончательно произведены выборы центральной продовольственной управы, действовавшей на основании нового положения. Была центральным исполнительным продовольственным органом в Петрограде [3]).

Продовольственная управа, после больших споров с городом о формах и порядке передачи продовольственного органа, 21 апреля 1917 г. фактически закончила приемку дел и вступила в заведывание продовольственным делом столицы. Положение продовольственного дела в городе и состояние аппарата было далеко не блестящим. Имелся петроградский запас хлеба, заготовительный аппарат отсутствовал; „в ведении дела была обнаружена полная неосведомленность о торговле и хранении запасов", была „совершенно неудовлетворительна отчетность в приемке и расходовании продуктов", и, по мнению управы, было обнаружено „весьма небрежное отношение к казенному имуществу [4])".

Продовольственное положение Петрограда оставалось все столь же безотрадно. Вновь созданному органу, несмотря на всю его „решительность", конечно, тоже не суждено было разрешить продовольственный вопрос.

Центральная продовольственная управа.

На основании положения о продовольственной организации Петрограда, утвержденного 31 марта 1917 г., весь продовольственный аппарат города должен был состоять из нескольких звеньев. Во главе организации—центральный продовольственный комитет, затем районные продовольственные комитеты и ими создаваемые продовольственные комитеты, участковые продовольственные комиссары (и комитеты) и, наконец, домовые продовольственные комиссары и домовые комиссии. Центральному продовольственному комитету предоставлялись все права продовольственных комитетов по закону 25 марта

[1]) Протоколы заседаний центр. прод. к-та, №№ 15, 16 и 17. Архив ЛСПО.

[2]) Протокол заседания центр. прод. к-та, № 18, 6 апр. 1917 г. Архив ЛСПО.

[3]) В состав управы были избраны: председателем В. Г. Громан, заместителями А. Аленников и А. Петров-Ильенко и членами управы А. Андреев, А. Кин, П. А. Сунцов и В. Измайлов (протокол ИЦИК № 18—Архив). Восьмым членом управы решено было допустить представителя городской исполнительной комиссии по продовольствию.

[4]) Резолюция центр. прод. к-та по докладу управы о приемке дел. „Продов. Вестник", № 1,

1917 г. „о хлебной монополии и местных органах" по ее проведению. Председатель комитета был уполномоченным министра земледелия, являвшегося председателем общего распределительного продовольственного комитета. Исполнительным органом комитета была постоянная продовольственная управа. Районные и подрайонные продовольственные комитеты с управами являлись распределительными органами центральной продовольственной управы на территории города. Всего было образовано 20 районных и 45 подрайонных комитетов (впоследствии число подрайонных комитетов увеличилось до 65). Состав комитетов определялся положением 31 марта, включал в себя представителей от самых разнообразных организаций и был довольно многочисленным.

Положение о продовольственной организации города страдало целым рядом дефектов и неясностей; не было достаточно точно определено разграничение функций и общих границ в организационных вопросах и поэтому являлась темой для очень острых споров и серьезных конфликтов между центральной управой и районными.

Как и вся политика эпохи временного правительства, деятельность продовольственной управы носила на себе отпечаток многословия при малой фактической работе: слова резко расходились с делами, обещания ничего общего не имели с исполнениями, размах на словах был велик, ударов же почти не бывало... Обычная в напыщенную и революционную фразу болтология составляла собой действительно какой-то был суровой судьбе всех органов, созданных эпохой сотрудничества. И такой, казалось бы, практический орган, как продовольственная управа, не избег этой судьбы: говорили о связи с массовыми рабочими организациями, а на деле не имели общего языка с ними, не пользовались поддержкой рабочих; говорили о демократии, а свои приказы, диктаторской позиции; пытались быть диктаторами, а фактически плелись в хвосте событий и действительной жизни... Нелепость, что [illegible] существования диктовали по виду интенсивную активность, а в результате продовольственное положение города изо дня в день становилось все хуже и хуже...

Февральской „революционной демократии", поддерживаемой за скрытые пятнами [illegible] социалистами, [illegible] было [illegible] бессильными фронтами слов при полном экономическом и организационном бессилии...

Тем не менее, даже громкие слова действовали на нервы буржуазии. А некоторые—по существу довольно невинные, но все же решительные и принципиально [illegible] мероприятия продовольственной управы вместе с самоуверенным и патетическим тоном ее руководителей совершенно выводили из себя представителей буржуазии и тех, кто приплясывал под их дудочку. Продовольственная управа фактически находилась в руках меньшевиков, которые, пользуясь своим преобладающим в это время влиянием в исполнительном комитете совета, не допустили к продовольственному делу ни стародумцев, представлявших крупную буржуазию, ни кадетов, ни эсэров.

По мере дальнейшего развития событий—после выборов в городскую думу, принесших победу эсэрам, после разрыва правых, перешедших в открытую оппозицию, меньшевикам, руководившим продовольственной управой, становилось все трудней удерживать в своих руках продовольственную власть. Началось наступление на центральный продовольственный комитет со стороны эсэров, блокировавшихся с кадетами и крупной буржуазией. Уже в июле 1917 г. в прениях после обширного доклада председателя управы о положении продоволь-

ственного дела в Петрограде и о мероприятиях по его урегулированию, сделанного в заседании городской думы, на управу посыпался ряд обвинений, сопровождавшихся довольно [illegible] управы со стороны ряда газет и газеток. В заседании городской думы 28 июля 1917 г. [illegible] продовольственной управы и рисуют продовольственное положение города как катастрофическое, а работу продовольственной управы, как никуда негодную. Думы [illegible] вопрос обсуждался в органах совета раб. и солд. депутатов, в думе на ряде собраний. Общественное мнение было взбудоражено. Впоследствии пытались смягчить [illegible] думы 2-го августа, указывается на то, что гласные думы „не допускают никакой мысли о каких-либо злоупотреблениях со стороны управы, а лишь считают необходимым выяснить состояние продовольственного дела в Петрограде" [1]). Продовольственная управа решает подать в отставку, но потом, после долгих уговоров комитета, остается.

Все это, разумеется, отразилось разрушительным образом на продовольственной работе. Трудно объяснить всю эту кампанию какой-нибудь одной причиной: несомненно, серьезную роль играло тяжелое продовольственное положение города и желание найти во что бы то ни стало виноватого; „стародумцы" имели старые счеты с управой; буржуазия и торговцы хотели ограничения реквизиций, [illegible] находившиеся в опьянении от своих „успехов", танцовали под эту дудку; разного рода темные силы и темная пресса просто пользовались случаем развести контрреволюцию...

Во всяком случае инцидент этот сопровождался целым фейерверком напыщенных выступлений с обеих сторон; обвинения и словеса всякого рода били фонтаном; таким же фонтаном била грязь, мелочность, высокопарность и клевета. [illegible] между собой, что она характерна для всей той эпохи, когда политиканство и [illegible] друг у друга, когда [illegible] возможность посклочить между собой.

[illegible] прекратили свое существование.

Петроградское особое по продовольствию присутствие.

В заседании городской думы 6 сентября 1917 г. было вынесено постановление о принятии продовольственного дела в ведение думы и образовании для руководства им двух органов: „особого по продовольствию присутствия" и „городского продовольственного совета". К этому времени закончились [illegible]

[1]) Заседание гор. думы 2 авг.—Бюл. ЦПУ № 8

гральную и районные думы, и не было, как будто, оснований к дальнейшему существованию самостоятельного продовольственного комитета и продовольственной управы. 14 сентября само временное правительство, очевидно, под давлением эс-эров, издает специальный декрет о переходе в Петрограде заведывания продовольственным делом к общественному управлению на всех правах бывшей центральной продовольственной управы. Срочно началась передача дел управы особому присут-
управы, и с 22 сентября продовольственное дело перешло в ведение особого присутствия по продовольствию и продовольственных отделов районных дум.

Особое присутствие по продовольствию просуществовало до 3 декабря 1917 г., т. е. до момента, когда руководители его, вышибленные натиском пролетарской революции, позорно сбежали со своих постов. Во время существования особого присутствия вся продовольственная организация в Петрограде строилась на следующих основаниях: высшим решающим органом была центральная городская дума; особое присутствие являлось ее исполнительным органом; при особом при-
совет. Районные продовольственные органы являлись частью районных дум.

Работа нового продовольственного органа протекала в условиях все разрастающегося продовольственного кризиса, граничащего с голодом. Справиться с кризисом или оказать серьезное давление на него особое присутствие не могло.

В практическую продовольственную работу особое присутствие ничего нового не внесло, являлось бессильным свидетелем нарастания голода и в историю продовольственного дела по существу может войти только из-за беспримерно предательской роли своей в первые дни после Октября, когда, прикрывшись тогой нейтралитета, всячески пыталось саботировать советскую власть и продовольственными махинациями подорвать пролетарскую революцию.

Таков краткий перечень организационных изменений в продовольственной системе Петрограда за время существования временного правительства. В короткий срок — меньше восьми месяцев — в голодном городе на фоне растущей общегосударственной разрухи успела осуществиться сложная продовольственная чехарда, построенная на борьбе групп и партий. Во все периоды февральской революции, несмотря на разыгравшиеся страсти и громкие крики, довлела над всем скрытая воля буржуазии, соблюдавшей свои интересы и пытавшейся голодом утихомирить революционную стихию. Продовольственные органы, созданные Февралем, перед этой волей были бессильны и прикрывали свое бессилие громкой фразой, внутренней борьбой, отвлекавшей внимание рабочих масс, и беспринципными посулами.

ГЛАВА II.

Рост хозяйственного разгала в стране и влияние его на продовольственное положение Петрограда.

Организационная чехарда в продовольственных учреждениях Петрограда в период с февраля по октябрь 1917 г. протекала на фоне чрезвычайно усложнившейся экономической обстановки во всей стране. Конец 1916 г. и весь 1917 г.

дали максимальное и чрезвычайно прогрессирующее ускорение вызванного войной процесса разрушения народного хозяйства; в этот же период, помимо естественного своего роста, разрушительный процесс усиливался обстоятельствами, связанными с результатами февральской революции и противоречиями во всей хозяйственной деятельности новой власти.

После февраля народное хозяйство мчалось вперед по пути разрухи, гонимое по этому пути причинами, заложенными войной 1914—1916 годов, всем прошлым экономическим укладом старой царской России и бессмысленной регрессивной политикой самодержавного правительства. У кормила правления стояла буржуазия, пытавшаяся повернуть исторический процесс вспять и таким порядком восстановить народное хозяйство. В хвосте буржуазии („почти" у власти) тащились соглашатели, именовавшие себя социалистами. И с буржуазией и с соглашателями уже велась в это время ожесточенная борьба той общественной силой, которая одна только действительно могла остановить процесс развала и построить хозяйство на новых, не анархических началах. В период февраля—октября такая сложная обстановка не могла не находить своего отражения на росте разрухи, создавала исключительную двойственность экономической политики и ускоряла разрушительные процессы.

Сопровождавшие февральскую революцию надежды на то, что в ближайшее время наступит оздоровление всей экономики страны, были с самого начала несбыточными надеждами. Дело было не только в том, чтобы устранить царя; и керенщина только ускорила темп полученного ей в наследство развала. В середине сентября 1917 г. тов. Ленин писал: „России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается еще больше. Железные дороги станут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков. Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо" [1]). Это было одновременно и точным итогом полугодовой хозяйственной жизни в условиях февральской революции, и прогнозом ее логического конца.

Рост хозяйственного развала.

Общая разруха затронула все области народного хозяйства. Добывающая и обрабатывающая промышленность, транспорт, торговля, сельское хозяйство — все основные стержни экономического благосостояния страны подверглись разрушительному действию войны и, взаимно влияя друг на друга, делали надолго невозможным свое восстановление.

Даже по сравнению с 1916 годом новый год дал значительное понижение добычи и производства. Добыча каменного угля упала в 1917 г. в сравнении с 1916 г. на 9% (с 33,8 милл. тонн до 30,9 милл. т.), добыча нефти—на 19,6% (с 10,40 милл. тонн до 8,36 мил. т.), выплавка чугуна упала на 17,9%. Сильно сократилось паровозо- и вагоностроение: в 1917 г. было изготовлено обыкновенных паровозов 410 вместо 616 в 1916 г. (сокращение на 33,4%), военно-полевых — 69 вместо 215 (сокращение на 67,9%), семью крупными вагоностроительными заводами было

[1]) „Грозящая катастрофа и как с ней бороться", т. XIV, II часть.

построено в этом году пассажирских вагонов на 16,5% меньше, чем в 1916 г. товарных на 47,1% меньше. Добыча железной руды упала на 5,8%, марганцевой руды—на 11,2%, медной руды—на 23,1%. Валовая продукция всей промышленности 58 губерний Европейской России в границах СССР. по Кавказу, Сибири и Туркестану упала за один только год на 36,4%, сократившись с 6,8 миллиарда довоенных рублей до 4,3 миллиарда рублей [1]).

Помимо общих разрушительных влияний, нашедших свое отражение [illegible] сельского хозяйства помимо прямых [illegible] и неурядиц, вызванных политикой временного правительства в земельном вопросе, на состояние сельского хозяйства страны сильно повлияла также [illegible] урожайность 1917 г. Сбор хлебов как в силу климатических условий, так и в силу экономических и социальных причин дал значительное понижение. В среднем по всей России урожайность в 1916 г. и 1917 г. дала следующее количество пудов с десятины:

	1916 г.	1917 г.
Озимая рожь	63	43
„ пшеница	68	50
Яровая пшеница	49	40
Овес	56	42
Ячмень	57	45
Гречиха	50	43
Просо	48	42
Картофель	465	421

Валовой сбор хлебов в 1917 г. во всей России по шести основным культурам (рожь, пшеница, овес, ячмень, просо, гречиха) дал против 1916 года снижение почти на [illegible]%, а против довоенного времени (1909—1913 гг.) на 18,4%. При этом рожь дала понижение на 18,4% против 1916 г. [2]). Результаты такого снижения, а также [illegible] продовольствия для дальнейшего развития [illegible] производительных [illegible], приобрели особое значение в связи с значительно сократившимся из-за бестоварья и из-за падения стоимости денег выпуском собранного урожая земледельцами на рынок. За тот же 1917 год значительно ухудшилось состояние скотоводства и понизилась степень обеспеченности сельского хозяйства живым инвентарем: число лошадей по всей России сократилось в сравнении с 1916 г. на [illegible]% крупного рогатого скота на 4,4%. В 1917 г. не было ввезено ни одного пуда удобрений (в 1916 г. было ввезено 1,6 милл. пудов против 34,3 милл. пуд. в 1913 г.). Ввоз [illegible] сельскохозяйственные орудия и машины сократил свою производительность на 25% против 1916 года (т. е. в сравнении с 1913 годом на 85%).

Внешнеторговый оборот страны, и так чрезвычайно упавший в годы войны, в 1917 году упал еще ниже: вместо 2.451 милл. рублей в 1916 г. в этом году ввоз составил 2.317 милл. рублей; вывоз—вместо 577 милл. 464 миллиона рублей. По весу ввоз уменьшился против 1916 года на 32%, вывоз на 57%. Вообще же, в сравнении с довоенным временем (1913 г.) ввоз в пудах упал на 78%, вывоз на [illegible]%. Цифры эти—совершенно катастрофические, тем более, что самый [illegible] внешнеторговых операций резко изменился: вывозились главным обра-

[1]) В. Сарабьянов. „Экономика и экономическая политика СССР". М., 1914, стр. 79—87.
[2]) Н. Орлов. „Прод. работа советской власти", стр. 288.

зом, сырье и полуфабрикаты, ввозились жизненные припасы и готовые изделия, т. е. фактически происходил форменный грабеж страны иностранным капиталом.

Дефицитность бюджета возросла и достигла 82% общей суммы расходов. Дефицит по бюджету с 13,8 миллиарда рублей в 1916 г. увеличился в 1917 г. до 22,6 миллиарда. На рынок выбрасывались колоссальные количества бумажных денег: в 1916 г. ежемесячно выпуск бумажных денег составлял 286,1 миллиона рублей, а в 1917 г. (за восемь месяцев правления временного правительства) ежемесячный выпуск составлял 1.175 миллионов рублей, т. е. был в четыре раза больше, при чем эмиссия возрастала из месяца в месяц. За эти восемь месяцев было выпущено 8,5 миллиардов рублей, т. е. как раз столько, сколько было выпущено за все время войны по 1 марта 1917 г. Разумеется, цена бумажного рубля падала катастрофически, никто не хотел выпускать продуктов в обмен на ничего не стоящие и катящиеся вниз деньги, и в результате цены росли беспрестанно. Индекс цен по Москве увеличился с 1,0 в 1913/14 г. до 3,33 в апреле 1917 г. и до 7,50 в октябре 1917 г.; по 39 губерниям России с 1,0 в 1913/14 году до 2,42 в апреле и 5,25 в октябре 1917 г. Железнодорожный и водный транспорт был уже почти полностью разрушен и работал с чрезвычайным трудом. Основной нерв страны, который еще мог бы дать возможность путем маневрирования с имеющимися запасами кое-как облегчить хозяйственную катастрофу, находился в ужасном состоянии и катился сам по пути разрухи.

Лечить так далеко зашедшую болезнь было чрезвычайно трудно. Во всяком случае леченье это потребовало бы решительных и кардинальных мероприятий и поворотов, но об этом не могло быть и речи. Отказ от войны, приносящей колоссальные „сверхприбыли“ буржуазии, был для последней немыслим. Передача земли [illegible] (так называемая хлебная монополия) било в самый центр интересов крупных держателей и производителей хлеба. Контроль над производством и плановое [illegible] не могли быть допущены буржуазией. А, между тем, это были единственные возможные способы лечения.

Вся политика буржуазии была направлена к тому, чтобы, вместо этих совершенно для нее неприемлемых способов, применить старые методы репрессий,— буржуазия всячески старалась задушить враждебные себе силы „костлявой рукой голода“. Меньшевики и эсэры занимались словоблудием. Наиболее реакционные элементы пытались прямо и откровенно осуществить контр-революцию.

При таком сплетении обстоятельств общая разруха могла только усиливаться и расти.

Продовольственное положение.

Вопросы продовольствия наиболее отчетливо и рельефно отражали в себе и общий рост экономических осложнений, и падение народного хозяйства, и политическую борьбу, и двурушническую тактику буржуазии и соглашателей. Здесь яснее, чем где бы то ни было, чувствовался общий распад. Здесь, преломленная через фокус голода, особенно [illegible]

Мы видели, что первые дни февральских событий разыгрывались на фоне отсутствия продовольствия в Петрограде. 1917 год принес новое сокращение сбора хлебов при наличии возросших требований расходов продовольственных продуктов. Сельское хозяйство—основной источник жизненных припасов—было сильно потрясено. Товаров для обмена с деревней не было, а падающие деньги

ии в коем случае не могли быть побудителем для реализации деревней хлеба и прочих продуктов с производства. Плачевность политической обстановки только еще больше сокращала эту реализацию. Транспорт был разрушен. Власть говорила одно, а делала другое.

Одним из основных вопросов был вопрос о хлебе. О том, как выкачивать хлеб от земледельцев и не давать им повышать цены, принуждено было задумываться и царское правительство. Хлебная спекуляция, начавшаяся с первых дней войны, потребовала вмешательства правительства. Заготовление хлеба для армии, в дела хлебного рынка, и на сделки с хлебом, предназначенным для армии, были назначены так называемые предельные цены. При нежелании владельца продать по этой цене, хлеб мог быть реквизирован по предельной цене минус 15%. Фактически помещики сумели обойти этот закон и обратить его в свою пользу, так что, кроме отрицательного результата, предельные цены ничего не дали.

Осенью 1916 г. министр земледелия Трепов, „связанный больше с промышленными авантюрами, чем с сундуком аграрных Коробочек, взял на себя смелость провести закон о распространении твердых цен на все сделки с хлебом“ [1]). После смещения Трепова и замены его помещиком Бобринским, была сделана попытка аннулировать этот закон, но продовольственное положение было таково, что в результате пришлось его оставить. Министр земледелия Риттих, несколько повысив твердые цены на хлеб, пытался провести в жизнь так называемую хлебную разверстку: по всем производящим губерниям в обязательном порядке были разверстаны намеченные к заготовке около 500 миллионов пудов хлеба. Губернии были обязаны выполнить эту разверстку и поставить хлеб по твердым ценам. Фактически разверстка выполнена не была; уже „на губернских совещаниях было разверстано по уездам 405 милл. пудов, на уездных совещаниях по волостям—321 милл. пудов, а на сельских сходах разверстка дала 130 милл. пудов, или 29% предположенного общего количества хлеба“ [2]). Твердые цены на хлеб вместе с разверсткой по существу означали почти полный подход к хлебной государственной монополии. Обстоятельства настойчиво толкали к этому царское правительство, и только кровная связь правительства с помещиками в течение всех лет войны задерживала издание закона о хлебной монополии.

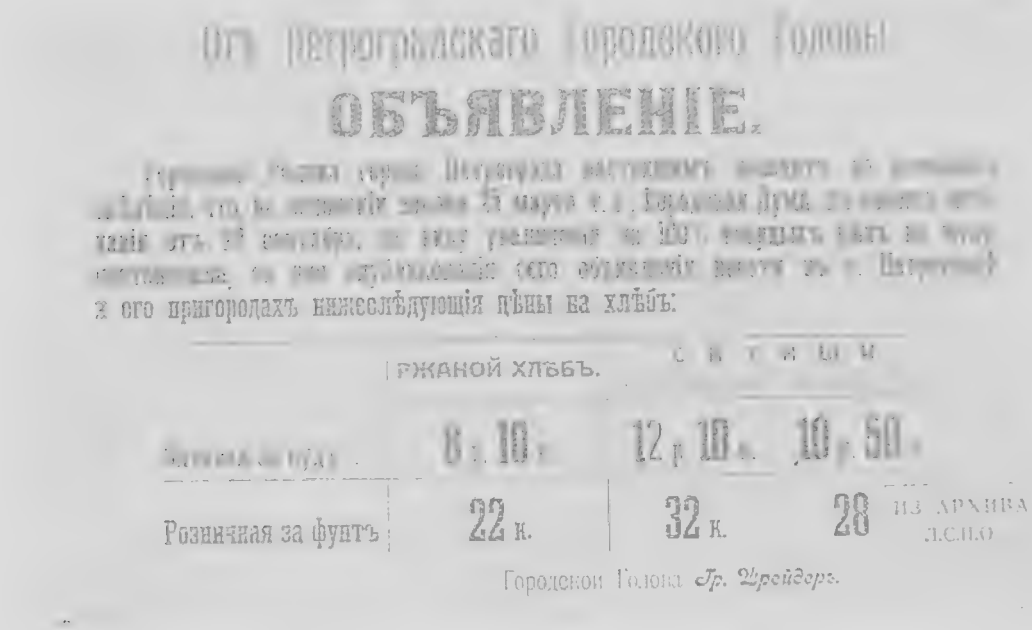
25 марта 1917 года, после февральской революции и „в порыве к решительным мероприятиям“ для борьбы с продовольственным кризисом, временное правительство провело закон о хлебной монополии. Одновременно были даны соответствующие заверения в том, что „твердые цены останутся незыблемыми“. Хлебная монополия означала собой такой порядок вещей, при котором государство является собственником всего хлеба, за вычетом определенных, необходимых для личного потребления и посева норм, а земледельцы являются лишь ответственными хранителями хлебных запасов под контролем местных продовольственных органов.

Хлебная монополия являлась результатом необходимости хоть как-нибудь [illegible] продовольственной вопрос. И помещики и приближенные производящих губерний оказали огромное сопротивление хлебной монополии; вокруг нее начались яростные теоретические споры; практически ее не выполняли, и, таким

[1]) Н. Орлов. „Прод. работа сов. власти“, стр. 5.

[2]) М. Балабанов. „История рабочей кооперации в России“, стр. 190.

образом, хлебная монополия явилась пустым звуком. Фактически хлебная монополия была единственной мерой экономического регулирования, объявленной временным правительством, но уже хотя бы потому, что она была единственной, она и должна была остаться бесплодной и ни на шаг не приблизить разрешения продовольственного вопроса. Окончательный удар продовольственному положению был нанесен объявленным временным правительством 25 августа 1917 г. повышением вдвое твердых цен на хлеб. Закон о повышении цен, появившийся в результате давления помещиков и держателей крупных партий хлеба, был опубликован без обсуждения в различных демократических совещаниях того времени,



Отъ петроградскаго городского головы

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

...Петрограда настоящимъ объявляетъ, что по постановленію 25 марта с. г. Городской Думы, съ начала мая мѣсяца, т. е. 25 августа, но ввиду увеличенія на 100% стоимости хлѣба, по распоряженію Временнаго Правительства, съ того обязательнаго къ исполненію времени въ г. Петроградѣ и его пригородахъ нижеслѣдующія цѣны на хлѣбъ:

	РЖАНОЙ ХЛѢБЪ.			
	С В Т М Ш М			
	6 р. 10 к.	12 р. 10 к.	10 р. 60 к.	
Розничная за фунтъ	22 к.	32 к.	28 к.	

Городской Голова *Гр. Шрейдеръ.*

ИЗ АРХИВА Л.С.Н.О.

Срыв хлебной монополии. Объявление городской думы об увеличении цены на хлеб.

проведен, так сказать, контрабандным путем. Повышение хлебных цен было объявлено как раз ко времени сбора нового урожая, и, таким образом, мартовские цены просуществовали только в период, когда добирались остатки урожая предыдущего года.

Удвоение твердых цен на хлеб резко ударило по рабочим и тем крестьянам, которым приходилось хлеб докупать, и, разумеется, не дало никаких результатов в деле ослабления кризиса. Срыв твердых цен дал держателям хлеба надежду на дальнейшее их увеличение, и хлеб на рынок не выпускался. Первые недели приток хлеба несколько усилился, а затем быстро начал падать[1]). Между тем повышение цен на хлеб резко повлияло на рост цен на все продукты. И фактически это повышение дало толчок к дальнейшему осложнению продовольственного положения.

[1]) Для характеристики приводим одну из многочисленных типичных телеграмм того времени: „Кирсанов, 14 сентября. Несмотря на удвоенные твердые цены на хлеб, крестьянского хлеба в привозе нет. Землевладельческий хлеб потянулся ко всем станциям. Полагают, что он будет доставлен осенью почти весь. Но землевладельческого хлеба немного". „Торг.-Пром. Газета". Цитир. по „Бюлл. Особ. Присутствия" № 15.

Так обстояло дело с основным продуктом потребления—хлебом. Попытка государства взять в свои руки этот главный продукт, сдержать рост цен на него и обеспечить хотя бы минимально потребность в нем населения протекала с самого начала до конца под знаком неудачи. Со всеми другими продуктами дело обстояло, конечно, еще хуже. Крупные города, фабрично-заводские центры и все потребляющие районы страны сидели без продуктов продовольствия и находились либо на грани, либо во власти голода. Уже к 1 августа 1917 г. хлебные запасы министерства продовольствия упали до 26 милл. пуд.— количество почти

„Очередь" за табаком.

рекордное: меньше они были только в конце февраля—накануне революции (20 милл. пудов) [1]). „Острую нужду в хлебе в течение всего лета испытывали также губернии: Калужская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Смоленская, Витебская, Московская", — сообщал министр продовольствия на кооперативном съезде 1917 г. В октябре он же уже говорил: „к сентябрю месяцу наш запас совершенно истощился—в середине августа положение было совершенно критическое". „Положение на фронте в отношении продовольствия катастрофическое. — телеграфировал генерал Черемисов: — Лошади падают от недостачи фуража. Хлебопечение прекращается по недостатку муки. Остается доедать сухари, после которых начнется повальный голод со всеми последствиями" [2]).

Само министерство продовольствия считало, что наряды на хлеб будут выполнены в лучшем случае в размере 50%,—и свой доклад временному совету

[1]) С. Прокопович. „Народное хозяйство в дни революции". М., 1918 г., стр. 8.
[2]) М. Балабанов, „История рабочей кооперации в России" стр. 231.

республики министр продовольствия должен был закончить заявлением о том что „продовольственное дело висит на ниточке".

Бешеный рост цен на продукты питания достаточно ясно характеризует приводимая М. Балабановым сравнительная таблица московских цен:

	Авг. 1914 г.	Авг. 1917 г.	% вздорож.
Ржаной хлеб	2,5 к.	12 к.	380
Ситный	5 „	20 „	300
Мясо	22 „	1 р. 10 к.	400
Телятина	26 „	2 „ 15 „	727
Свинина	23 „	2 „ — „	770
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Масло	48 „	3 „ 20 „	566
Яйца	30 „	1 „ 60 „	433
Молоко	7 „	— „ 40 „	471

Уже к этому времени продукты продовольствия с мирного времени вздорожали на 566%, причем в последующие месяцы цены росли еще быстрее.

Все сообщения с мест (из потребляющих губерний) к началу октября говорят приблизительно следующее: „нет хлеба", „необходимы экстренные меры", „из-за отсутствия продуктов останавливаются фабрики", „запасы муки и крупы снизились, население находится в безвыходном положении", „губернский продовольственный комитет бессилен помочь, рабочие накануне голода, в хлебе везде отказано, просим немедленной помощи" и т. п.

Демонстрация голодных солдатских жен (лето 1917 г.).

На грани голода.

Созданное февральской революцией правительство и классы, ставшие у власти, были совершенно бессильны бороться с широко развернувшейся разрухой. Полумеры, к которым они время от времени прибегали, ни в коем случае не могли дать разрешения всей сложной [illegible] таких мероприятий, которые должны были привести к ее гибели и победе пролетариата. Но до этой победы стране суждено было пройти через искус тяжкой разрухи и голода, а буржуазия вместе с тянувшимися в ее хвосте соглашателями в последние месяцы своего пребывания у власти делала все возможное, чтобы сделать этот искус наиболее мучительным и болезненным.

Правительственная политика периода февраль—октябрь только усиливала рост разрушительных процессов и загоняла болезнь экономического развала в самую глубь народного хозяйства. Наиболее ярко болезнь эта отражалась в вопросах продовольствия, причем продовольственные осложнения в этот период зашли так далеко, что устранить их делалось почти совершенно невозможным.

Петроград в этот период, в сравнении с остальной страной, особенно остро страдал от надвинувшегося голода. Среди карт буржуазии голод был крупным козырем. Она на него рассчитывала, на него ставила одну из основных ставок. Хотя расчеты буржуазии и не оправдались, но голод окончательно навис над страной, а Петроград он фактически зажал в свои тиски.

ГЛАВА III.

Деятельность продовольственных организаций в период февраль—октябрь 1917 года.

Общая экономическая обстановка и тенденции, которыми эта обстановка характеризовалась, в период февраль—октябрь 1917 года были таковы, что продовольственное положение Петрограда отнюдь не могло улучшаться, а, наоборот, должно было с каждым месяцем становиться все хуже и хуже. Несмотря на исключительное политическое значение правильного продовольственного снабжения Петрограда и относительно большие старания, прилагавшиеся к тому, чтобы обеспечить город продуктами питания, — общий развал народного хозяйства создавал непреодолимые препятствия к ликвидации в столице продовольственного кризиса. Продовольственная политика правительства и неустойчивость в самой организации продовольственного аппарата Петрограда, разумеется, еще больше усугубляли влияние хозяйственной разрухи на дело снабжения города. В этих условиях протекала деятельность городских продорганов, получивших после февраля, в связи с общим уменьшением подвоза продовольствия и ограничениями частной продуктовой торговли, большое значение, как единственный источник, из которого население могло получать продукты по сравнительно низким ценам.

Нормирование отпуска и карточная система.

Февральская революция застала Петроград без какого-либо порядка и системы в деле распределения продуктов питания. Население не было учтено, потребности его не были точно определены, никакого опыта в деле нормирования не было; в распределительной работе не было никаких установившихся методов. Наследство в этой области состояло из сахарной карточки градоначальника, хвостов у лавок и общего, наскоро принятого перед самой революцией решения о необходимости перейти к карточной системе и к концентрации в одном органе всего дела снабжения города. Отсутствие распределительного аппарата и какой-либо установленной системы распределения было одной из серьезных причин, усиливавших продовольственную разруху в Петрограде. Это понимали к моменту революции уже почти все. 2-го марта 1917 г. на собрании, учреждавшем городской центральный продовольственный комитет, был принят проект хлебной карточки. Еще за день до этого в № 2 „Известий Сов. Раб. Депутатов" сообщалось о том, что продовольственной комиссией совдепа и вр. к-та государственной думы вынесено постановление о введении карточной системы на хлеб и установлении первой в Петрограде нормы выдачи ($1^1/_2$ ф. хлеба в день на человека, в зависимости от наличия продовольственных запасов в городе; для солдат $2^1/_2$ ф. хлеба).

Выдача хлебных карточек в Петрограде была довольно сложной операцией, и ей должен был предшествовать учет и регистрация населения города, так как имевшиеся в распоряжении города данные последней переписи 1910 года сильно устарели, и количество населения очень изменилось, особенно за время войны. Продовольственная перепись населения сперва была назначена на 12 марта 1917 г., но затем перенесена на 14 марта и была закончена лишь 20 марта [1]).

После этого началась подготовительная работа по изготовлению карточек и по распределению их по подрайонным и домовым комитетам. Карточки не удалось ни пронумеровать, ни проштемпелевать, и часть их была выпущена с почтовыми штемпелями или со штемпелями районов, а часть без всякого штемпелевания. Из-за затруднений в изготовлении карточек центральный продовольственный комитет несколько раз отсрочивал выдачу хлеба по новой системе и, наконец, решил объявить первым днем введения карточек на хлеб в Петрограде — 24 марта 1917 г. [2]). Норма выдачи хлеба была установлена в 1 фунт и по дополнительной карточке $^1/_2$ фун. Карточка была индивидуальная, выпущена была на один месяц с свободным прикреплением к любому распределительному пункту и лавке в городе [3]). Купоны были двухдневные.

Центральный продовольственный комитет ограничился введением только хлебных карточек и вынес постановление об изготовлении новых сахарных карточек. Для распределения сахара он фактически пользовался в марте 1917 г. прежней карточкой, выпущенной градоначальником, причем норма отпуска сахара была сокращена до 2 фунтов на человека в месяц. Кроме этого, в связи с обострением продовольственного кризиса в Петрограде, комитет вынес довольно отвлеченное постановление о разработке и подготовке проектов введения карточек на мясо, жиры, яйца, молоко и фураж [4]).

22 апреля из-за отчетливо определившегося ухудшения продовольственного состояния норма выдачи хлеба была снижена до $^3/_4$ ф. по основной карточке, по дополнительной повышена до $^3/_1$ ф. [5]).

Центральная продовольственная управа в основу своей работы пыталась положить переход от свободной торговли продовольствием к строгому учету и „справедливому“ распределению. Основными путями к этому намечались контроль над отпуском товаров, установление норм и борьба со спекулятивным повышением цен. В связи с этим, естественно, должен был расшириться круг продуктов, распределяемых по определенным нормам и по карточкам.

С июля была введена карточная система на мясо, при чем были установлены такие нормы: по основной карточке на неделю $^1/_2$ фунта на едока, по дополни-

[1]) По данным продовольственной переписи, в городе было 2.588 000 человек гражданского населения и 300 000 солдат. „Бюллетень Прод. Управы“, № 9, 1917 г. Возможно, что цифра была преувеличенной из-за условий, в которых протекала перепись.

[2]) Прот. засед. центр. прод. к-та № 10, 17 марта. Архив ЛСПО. На первой мартовской карточке были пронумерованы купоны на 18 — 23 марта.

[3]) С 1 июня 1917 г. (прот. засед. управы № 14 от 13 мая) после долгих обсуждений было введено прикрепление к районам для получения хлеба по месту жительства. Рабочим и служащим разрешалось получать нормированные продукты по месту работы, членам кооперативов — по месту нахождения кооператива, причем, чтобы устранить для пайщиков возможность двойного получения, они должны были обменивать полученные по месту жительства карточки на карточки района местонахождения своей кооперативной лавки (Бюллетень Прод. Управы № 37, 11 августа).

[4]–[5]) Протоколы центр. пр. к-та № 2, № 3 и № 21. Архив ЛСПО.

гельной также ½ фунта. Мясная карточка нормировала отпуск парного и мороженого мяса (телятина, ветчина, голье, птица и пр. попрежнему отпускались без карточек [1]). С июля же распространяется карточная система на масло при нормах в ¼ ф. в неделю на едока по основной карточке и ⅛ ф. на едока по дополнительной [2]). Затем, с 10 июля 1917 г. по карточкам распределяются все виды круп (1 фунт по основной карточке и ½ ф. на купон по дополнительной, сорт по желанию потребителя) [3]). 10 августа вводится для детей до трех лет особая молочная карточка (норма 1½ бут. в день на ребенка). Для больных молоко отпускается по медицинским свидетельствам по бутылке в день на человека [4]). Таким образом, за время деятельности центральной продовольственной управы принцип нормирования получил дальнейшее распространение, и к сентябрю 1917 г. по карточной системе управа распределяла уже хлеб, муку, крупу, мясо, масло, сахар, яйца и молоко (в ограниченной норме для детей и больных) [5]).

С 1 июля 1917 г. карточная система была реорганизована, и индивидуальная основная карточка была заменена коллективной на каждое хозяйство в городе с указанием числа порций, соответственно числу едоков в данном хозяйстве. Для дополнительного пайка оставалась индивидуальная карточка. С 31 августа, в связи с последовавшим из-за политических осложнений и корниловского восстания сокращением прибытия грузов, управа понизила норму отпуска хлеба до ½ ф. по основной карточке и до ½ ф. по дополнительной. 8 сентября норма была восстановлена в старых размерах.

Сменившее управу особое присутствие по продовольствию (22 сентября) сохранило существовавшие карточки. Кроме того, оно ввело с октября карточку на фураж, с 21 октября распространило карточную систему на чай (при норме отпуска чая в ¼ ф. на человека до 1 декабря 1917 г.), на телятину, свинину, баранину и солонину, включив отпуск этих мясных продуктов в общую норму выдававшегося по карточке мяса [6]). В связи с осложнившимся продовольственным положением особое присутствие сократило нормы выдачи жиров, яиц, заменило коровье масло растительным и, наконец, 21 октября 1917 г. уменьшило хлебный паек по основной и дополнительной карточкам до ½ фунта в день [7]). За исключением текущей работы, особое присутствие по продовольствию, по существу, в карточную систему ничего нового не внесло.

Таксы, запрещения, контроль.

В распределительной работе всего этого периода очень крупную и фактически главную роль играл частный розничный торговый аппарат. Поэтому продовольственные организации все время должны были заниматься вопросами таксировки продуктов и

---

[1]) Циркуляр центр. прод. управы № 78/а, 28 июля 1917 г.

[2]) Бюллетень центр. прод. управы № 2, 1917 г.

[3]) Циркуляр центр. прод. управы № 87, 8 июля 1917 г.

[4]) Бюллетень центр. прод. управы № 8.

[5]) В конце своей деятельности управа в заседании 16 сентября поставила на обсуждение вопрос о выделении третьей группы хлебного пайка для лиц особо тяжелого физического труда, но практического разрешения вопрос этот не получил. (Протокол № 41).

[6]) Бюллетень особ. прис. №№ 15 и 21.

[7]) Особое присутствие продолжало свою работу некоторое время после Октябрьской революции. 28 октября в „Известиях Сов. Раб. и Солд. Деп." имеется указание на то, что особое присутствие постановило уничтожить отпуск по дополнительным карточкам всех видов продуктов, кроме хлеба. На ноябрь были установлены такие нормы отпусков по карточкам: хлеб ½ ф. в день, крупы—

контролем за ее выполнением. Еще до введения карточек насущная необходимость в ограничении отпуска вызывало установление максимумов, т. е. предельных количеств продуктов на одного покупателя. Так, центральный продовольственный комитет обязывал мясников отпускать мясо не свыше 3 фунтов на покупателя и вывешивать в лавках объявления с указанием количества отпускаемого продукта [1]). 11 марта были установлены ограничительные нормы отпуска фуража. Параллельно с этим были введены таксированные цены на ряд основных продуктов. В первом же своем заседании продовольственный комитет установил следующие таксы: хлеб ржаной—7 к. фунт; говядина 1 сорт—68 к., 2 сорт—60 к., свинина—1 руб. 20 к., масло слив. столовое—1 р. 90 к., кухонное—1 р. 80 к., молоко стерилизованное—32 к. бут., обыкновенное—25 к., яйца—50 к. десяток, куры—90 к. фунт., гусь—70 к., сыр всякий—1 р. 40 к., колбаса вареная—1 р., сахарный песок—24 к. В том же заседании была запрещена продажа в городе сливок и выработка из сахара конфет и кондитерских изделий. Установленные комитетом таксы встретили резкий протест торговцев, на практике всячески обходились и неоднократно пересматривались самими продорганами.

После введения хлебной монополии, с 29 марта вся ржаная и пшеничная мука юридически поступает в исключительное распоряжение центрального продовольственного комитета. При этом запрещены были всякие частные сделки на хлеб, запрещена выпечка иных сортов хлеба, кроме ржаного и ситного, и сделана была попытка взять на учет все частные запасы муки (свыше 100 пудов). Так, разумеется, дело выглядело только на бумаге, в действительности же торговцы всячески обходили и это распоряжение.

С 3 мая такса на ржаной хлеб была повышена до 10 к. за ф., на ситный до 17 к. за фунт. Затем 16 июля цены вновь были повышены на ржаной хлеб до 14 коп., на ситный до 20 коп. за фунт [2]). Цена на сахар-рафинад к 16 июля была повышена до 43 коп. за фунт в рознице (опт. 15 р. 60 к. за пуд), цена на сахар-песок до 31 коп. (опт. 11 р. 20 к.). Таксы на парное мясо были увеличены до 95 к. за фунт первого сорта и 80 к. второго сорта; на телятину до 1 р. 50 к. за первый сорт и 1 р. 24 к. за второй сорт; на молоко стерилизованное 37 к. бутылка и простое до 30 к. бут.; картофель до 32 к. за фунт [3]). В связи с повышением правительством твердых цен на зерно и муку, таксы на печеный хлеб были также увеличены: ржаной до 22 коп., ситный до 32 к. за фунт [4]).

Осуществление такс требовало в первую очередь хорошего учета и контроля. В условиях усилившегося продовольственного кризиса и готовности, в связи с этим, со стороны покупателя заплатить сколько угодно, лишь бы получить продукт, рассчитывать на массовый общественный контроль самих потребителей, разумеется, было бы наивным. В погоне за продуктами потребители мало считались с обходом такс частными торговцами и покупали по повышенным ценам из под полы. Одновременно был возможен целый ряд злоупотребле-

---

1 ф. по первым 2 купонам карточки, сахар — 2 ф. в в месяц, жиры—1/4 ф. кор масла и 1/4 ф. раст масла, мясо 1 ф. в месяц, чай—1/4 ф., яйца—от 1 до 2 шт. в неделю. Карточки в это время существовали таких видов: основные—хлебные, продуктовые, мясные, молочные; дополнительные—фуражные

[1]) Протоколы № 11, 20 марта и № 6, 11 марта. Архив.

[2]) „Речь" № 162, 3 мая 1917 г. Прот. центр. пр. к-та № 31, 13 июля 1917 г

[3]) Протоколы центр прод. к-та № 30-3, 23 июля и 29 августа.

[4]) Бюллетень петр. особого присут. по продовольствию № 17

ний за счет ухудшения качества продуктов и подтасовок их номенклатуры. Налаженного аппарата для контроля не только над частными лавками, но даже над общественными у продовольственных органов не было, и на практике как нормы карточной системы, так и таксы и запрещения, всячески обходились.

Но даже и вне зависимости от этого политика таксировки продорганами за период февраль—октябрь была чрезвычайно неустойчива и не выдержана. Таксы фактически не являлись сдерживающим началом и отражали в себе общие повышательные тенденции рынка. Приведенные нами выше для примера изменения такс на некоторые основные продукты весьма показательны: за очень короткий срок—в среднем около 3—4 месяцев—таксы на мясо были повышены на 40%, на яйца на 100%, на молоко—на 20%, на сахар-песок—на 30%, на ситный—на 100%, на ржаной хлеб—на 210% (больше чем в три раза). Разумеется, такой рост такс на основные продукты сопровождался значительно большим ростом тех действительных цен, по которым население получало продукты. При каждом повышении таксы частные торговцы всякими незаконными способами еще больше повышали цены, а общественная лавочная сеть была слишком мала для того, чтобы охватить все население, и не играла сколько-нибудь серьезной роли в удовлетворении спроса.

Распределительная сеть.

Дело распределения продуктов по карточной системе и таксировочным ценам требовало наличия или срочной организации хорошей распределительной сети. Между тем, и продовольственный комитет, и продовольственная управа, и особое присутствие ни в коем случае не могли создать такого аппарата. Помимо всех прочих причин, неясность разграничения функций между различными продовольственными организациями, с одной стороны, и широкое использование частной торговой сети, с другой стороны, делали все попытки к созданию нормальной сети совершенно безнадежными.

В первые же дни после февраля в стихийном порядке были заложены основы децентрализованной распределительной сети в виде районных и подрайонных комитетов и домовых распределителей. Подрайоны производили раздачу карточек домовым уполномоченным, контролировали всю торговлю в своем участке, заведывали городскими лавками, раздаточными пунктами и складами. Районные комитеты вели главным образом организационную работу и занимались распределением продуктов между подрайонами. Всего в Петрограде было 20 районных продовольственных комитетов и 65 подрайонных.

Аппарат непосредственного распределения продуктов населению состоял из бывших городских лавок, вновь переданных в ведение подрайонов, из лавок, открытых подрайонами, лавок санитарных попечительств и попечительств о бедных, торговых предприятий потребительских кооперативов (главным образом „Вперед“ и „Петросоюз“), домовых распределителей и предприятий частной торговли, игравших преобладающую роль в городской распределительной сети.

Городские лавки, которые по постановлению центрального прод. комитета от 27 мая 1917 г. должны были быть переданы подрайонам, весьма неохотно принимались последними в виду их убыточности. Лавки эти были не приспособлены, плохо оборудованы и требовали реорганизации. Слабость и недостаточность сети муниципальных лавок признавалась почти всеми и являлась одним из самых больных мест распределительной работы. Кооперативные предприятия, хотя и были [illegible] городские лавки по своей сети

же недостатками, при чем число кооперативных магазинов было весьма незначительно в сравнении с потребностью города.

Домовые распределители, которые начали организовываться с первых дней революции, не носили характера широких массовых общественных организаций, были почти в полной зависимости от шкурных интересов обитателей дома, смотрели на дело с точки зрения своей колокольни.

При общей слабости и неразвитости городской кооперативной распределительной сети весьма видное место в распределении играл частный лавочник, [illegible] нормы и таксы и торговавший только до тех пор, пока это было ему выгодно.

В сентябре распределение продуктов производилось через 207 городских лавок, 1741 домовый кооператив, 56 лавок различных общественных организаций, 624 лавки Петросоюза, 1759 лавок частных, лавки кооператива «Вперед» и через заводские кооперативы. Вся эта сеть в 4387 пунктов (по Рождеств., Спасскому, Петроград., Нарвскому и Пороховскому районам неполные сведения) была чрезвычайно разнокалиберна как по социальному своему существу, так и по пропускной способности и способам работы. Частные лавки, игравшие, если не считать домовых кооперативов—чрезвычайно мелких и кустарных ячеек,—самую крупную роль, в общей распределительной сети в то же время были наиболее слабым местом сети.

К началу октября было уже совершенно ясно, что существовавшие формы организации распределителей не дают и не дадут возможности правильно учитывать и распределять продукты. Частно-торговый аппарат, домовые распределители, распыленные мелкие кооперативы и городские лавки в том виде, в каком они существовали, гарантировали все, что угодно,—утечки, усушки, „линовые" карточки, двойной отпуск, обвес, обман, спекуляцию,—но только не правильное распределение.

Продовольственная деятельность требовала серьезной учетной работы. Наиболее крупным мероприятием была продовольственная перепись населения. В самом начале работы управы было произведено обследование хлебопечения и торговли хлебом. После введения хлебной монополии был произведен учет муки в городе, а в первые дни революции частичный учет и реквизиция продовольствия на казенных, интендантских, общественных и иных складах. 28 июня 1917 г. был произведен учет продовольственных запасов по всему городу. Уже до того, с 7-го марта 1917 г. центральный продовольственный комитет получил право выдавать наряды на железнодорожные перевозки продгрузов. Таким образом, казалось бы, в руках продорганов были все юридические возможности для учета всего продовольствия в городе. Но на практике дело обстояло далеко не так, и до самого октября учет был фактически совершенно не налажен, что создавало чрезвычайные трудности в работе.

Приведенные ниже данные, относящиеся к 1917 г., дают ясное представление о размерах практической деятельности продорганов в Петрограде в этот период. Из общего количества выданных за август 1917 г. со станций Петроградского железнодорожного узла 2.771.708 пуд. прод. грузов центральной продовольственной управе было выдано 623.069 пудов. В мае со складов продовольственной управы было выпущено 30.274 пуд. мясных продуктов, 8.180 пуд рыбных, 17.217 пуд. масла коровьего, 9.770 пуд. масла растительного, 1381 ящик яиц. В июне отпуск продуктов усилился: мясные продукты — 38.409 пуд., рыб-

ные — 12.598 пуд., коровье масло — 26.354 пуд., растительное — 4.817 пуд., яйца — 25.974 ящика. В июле было отпущено мясных продуктов 164.744 пуд., рыбных — 32.711 пуд., масла коровьего — 44.858 пуд., растительного — 9.370 пуд., сала — 560 пуд., яиц — 25.796 ящиков. В августе отпуск составлял: по мясным продуктам — 175.210 пуд. по рыбным — 23.917 пуд., по маслу коровьему 43.488 пуд., по растительному — 14.517 пуд., по яйцам — 8.608 ящиков. В сентябре — по мясным продуктам — 149.622 п., по рыбным — 45.265 пуд., по сливочному маслу — [illegible] отпущено — 999 пуд. и сыру — 3.708 пуд. В сентябре 1917 г. было распределено [illegible] через различные общественные лавки — 858 пуд. и через частные лавки 17.879 пуд., т. е. всего около 75.000 пудов. За этот же месяц через ту же сеть было пропущено 47.173 пуда разных круп. За период с июля по декабрь 1917 г. центральной продовольственной управе и особому присутствию поступило 5.049.785 пуд. овощей, 48.401 пуд. фруктов и 2.045.548 пуд. фуража.

Через продовольственные органы шли большие количества продуктов, но городу этих количеств было слишком мало, и поэтому продовольственная управа и особое присутствие даже в самые лучшие свои времена не могли хоть сколько-нибудь значительно удовлетворить потребности населения в продуктах питания. Тем более обострялось положение в моменты перебоев в прибытии тех или иных продуктов.

Если предположить, что абсолютно все количество поступавших продуктов сразу же распределялось бы непосредственно населению, без всяких усушек, утрусок, отходов, недостач, перепродаж и т. п., то перечисленных выше продуктов [illegible] града по таким, примерно, нормам: мяса — около 2-х фунтов в месяц на человека, рыбы — 0,44 ф. в месяц, коровьего масла — 0,68 фунта, растительного — 0,15 ф. На деле же часть продуктов шла на снабжение лазаретов, часть пропадала из-за естественной убыли, часть перепродавалась; кроме того, шедшие в распределение через частный аппарат продукты в значительной части продавались по повышенным ценам, с нарушением установленных норм, так что фактически из каналов продовольственных органов каждому едоку в городе попадало еще меньшее количество продуктов, чем эти мизерные нормы. Официальные данные о распределенных за сентябрь продуктах дают среднюю норму на едока: сахара — 1,3 ф., мяса — 1,6 ф., круп — 0,85 ф. Каков был паек хлеба, мы видели выше: он колебался от ½ ф. до 1 ф. на человека в день.

ГЛАВА IV.

Кооперация.

В период февральской революции число потребительских кооперативов в России начало расти еще с большей быстротой, чем в предыдущие годы. Этому способствовали, с одной стороны, ликвидация законодательных рогаток, поставленных на путях развития кооперации царским правительством, а с другой стороны, непрерывно усиливавшийся продовольственный кризис.

По внутреннему своему содержанию кооперация февральской революции продолжала все тенденции, заложенные в ней военным периодом. То же расширение размеров работы за счет [illegible] пайщиков, те же торгово-спекулятивные уклоны,—все это наследие первых военных лет сохранилось в полной мере. Новое, что принесла с собой февральская революция—это была „политика", в которую с головой ушли кооперативные организации. Кооперация, в которой [illegible] мелко-буржуазных групп, стала на крайне правом фланге соглашателей.

Кооперация в Петрограде.

К моменту февральской революции основными кооперативными организациями в Петрограде были петроградский союз рабочих потреб. обществ (Петросоюз) и центральный рабочий кооператив „Вперед". Рядом с [illegible] кооперацией [illegible] существовало много [illegible] общества, среди которых [illegible] Но [illegible] развертывается производственный кризис [illegible] в кооперации в значительной мере усилилась тем более, что на пути к организации кооперативов [illegible] административных препятствий. К концу 1917 г. число потребительских обществ в Петрограде достигло [illegible] За год [illegible] революции количество кооперативов в Петрограде увеличилось на 250, или на 167% [2]).

[illegible] революции [illegible] назвались „Петроградским Союзом Рабочих Потребит. О-в", определив таким образом сферу [illegible] быть выдержана полностью, так как волны обывателей захлестывали то одно, то другое из союзных обществ, имевших в большинстве случаев смешанный состав пайщиков.

К концу февраля 1917 г. Петросоюз объединял 22 кооператива с 49 тысячами пайщиков, к августу того же года 41 общество с 92 тысячами пайщиков и к концу 1917 г. в союз входило 60 обществ, насчитывавших 150 тыс. членов пайщиков. У всех этих обществ в декабре 1917 г. было 250 лавок. Паевой капитал союза с 24 тыс. руб. на 1 января 1917 г. вырос к июлю до 41 тыс. руб., а к октябрю до 70 тыс. рублей. Средний месячный оборот союза в 1916 г. составлял 70 тыс. рублей, а в 1917 г.—свыше 2 миллионов рублей. Рост оборотов в 1917 г. виден из следующей таблицы (в тыс. рубл.):

Январь	292	Июль	2065
Февраль	209	Август	2855
Март	470	Сентябрь	3301
Апрель	239	Октябрь	3620
Май	804	Ноябрь	3948
Июнь	1744	Декабрь	7228

Петросоюз выпускал два журнала „Труд" и „Рабочий Кооператор", организовал издательство и книжный склад, взял в свое ведение народный дом Паниной, затем передвижной театр Гайдебурова, устроил ряд курсов и т. д.

[1]) „Петроградский Кооператор" № 1 за 1918 г.

[2]) К апрелю 1918 г. в одном только районе города—Петроградском (седьмая часть города) насчитывалось 411 кооператива („Петроградский Кооператор" № 6 за 1918 г.). В других районах кооперативная сеть была не реже, и таким образом количество кооперативов к этому времени в Петрограде может быть исчислено примерно в 3.000 единиц.

Взаимоотношения Петросоюза со своими союзными обществами оставляли желать много лучшего. Выпущенный Петросоюзом отчет-сборник констатирует у обществ „отсутствие идейно-организационной связи с союзом". Общества были недовольны и торговым обслуживанием со стороны правления. Петроградские кооперативы, которые за годы войны успели вдосталь набраться „торгового духа", расценивали союз только как снабженческий центр. Высокие слова о кооперативной дисциплине и солидарности не производили на них никакого впечатления так же, как в свою очередь не давали никаких результатов обращения самих обществ к своим пайщикам с призывом о поддержке.

Несогласованность и отсутствие единства в работе кооперации еще больше увеличивались [illegible] между Петросоюзом и центральным рабочим кооперативом „Вперед". Старый спор централистов и федералистов после февральской революции вспыхнул с особенной силой и не прекращался до самого слияния всей рабочей кооперации Петрограда по декрету Сов. Нар. Комиссаров от 11 апреля 1918 г. Правление обеих организаций были в непрерывной вражде, обвиняли друг друга в „империалистических" тенденциях, в стремлениях поглотить соседние организации и т. д.

Центральный кооператив „Вперед" после февральской революции подобно [illegible] централистские взгляды; кроме того, в „Вперед" коллективно вступили пайщиками рабочие нескольких петроградских заводов и фабрик [1]).

Начав 1917 г. с $11^1/_2$ тысяч пайщиков, „Вперед" к октябрю имел 40 тысяч пайщиков, а к концу года 50 тысяч. Соответственно вырос и паевой капитал— с 91.552 р. (на 1 января 1917 г.) до 354.863 р. (на 1 декабря 1917 г.). Баланс общества на 1 января 1917 г. был сведен в сумме 193.018 р., а на 1 декабря в сумме 3.773.191 р. [2]).

За 11 месяцев число торговых предприятий о-ва увеличилось с 8 до 39 (38 продовольственных лавок и одна обувная), на службе у общества было 333 человека. К концу 1917 г. у кооператива „Вперед" наметилась тенденция к [illegible] сложная [illegible] Общество [illegible] Хлебопекарни с 3-мя двухъярусными печами было [illegible] на Кожевенной линии [3]). Суточная выпечка рассчитана на 1600—2000 пуд. хлеба. Оборудование завода началось с апреля 1917 г., а пущен он был в ход 5 марта 1918 г.

[1]) До весны 1918 г. к кооперативу „Вперед" присоединились общества—„Рабочий", „Василеостровское", „Объединение", „Продукт", „Снабжение", „Новый Путь" и „Общество Московской Заставы". Коллективно записались в члены кооператива фабрика „Скороход", заводы „Сименс-Шукерт", „Динамо", „Дюфлон", Фефелова, Семенова, „Тюдор", Балтийский Судостроит. и Механич. Соединенные кабельные заводы, Н. К. Гейслер и К° и др.

[2]) Баланс кооператива на 1 декабря 1917 г. опубликован в № 9 -10 за 1918 г. „Известий" о-ва „Вперед".

[3]) Теперь 8-й Механич. Завод ЛСПО „Красноармеец"

Культурно-просветительная деятельность общества выражалась в издании [illegible], в организации [illegible] (Васил. Остров), в создании детского клуба, общеобразовательных курсов и т. д. В организационном отношении „Вперед“ опирался на пять районных комитетов (Васил. Острова, Петроградской стороны, Лиговки, Московской Заставы и Городского), в ведении которых находились расположенные в районе лавки. В каждой лавке существовал [illegible], избиравшийся общим собранием пайщиков [illegible]. Заведующие лавками назначались из состава членов районных комитетов или лавочных комиссий, позже районным комитетам было предоставлено право приглашения на платную должность завлавкой из среды рядовых пайщиков.

Внешне строгая централизованная система не гарантировала общество от внутренних неладов. Характерные для кооперативов этого периода ссоры и грызня внутри правления и между правленцами и работниками на местах были [illegible] в обществе „Вперед“. На [illegible] возникали постоянные нарекания на служащих за грубое обращение с покупателями. Низовые выборные органы— ревизионные комиссии и лавочные комиссии — были совершенно не активны. Многие из них просто распались, так как члены их не посещали заседаний. Словом, общество „Вперед“ уже к концу 1917 г., а в особенности в первые месяцы 1918 г. в организационном отношении представляло собой картину быстро прогрессировавшего распада.

Чтобы закончить описание петроградских центральных кооперативных организаций, [illegible] следует сказать несколько слов о существовавших в Петрограде оптовых закупках, которые велись в пределах тесных [illegible] с торговой кооперацией, в то же время частично снабжало и кооперативы Петрограда. После февральской революции общество оптовых закупок перешло на новый устав, согласно которому члены правления избирались на собрании уполномоченных. Его оборот ООЗ за 1917 г. дал до 40 миллионов рублей. К 1 января 1918 г. в обществе насчитывалось 753 кооператива с паевым капиталом 204.683 р. Согласно устава, сумма членских взносов должна была составить 470.250 руб., таким образом больше половины паевых взносов ООЗ не было собрано.

ООЗ не могло удовлетворить и четвертую часть предъявляемых ему областной кооперацией требований. Оборотные средства общества еле достигали 200 тыс. рублей, тогда как продажный оборот его за год превысил 36 миллионов рублей. Взаимоотношения ООЗ с кооперацией Петрограда выражались в снабжении последней различными товарами вне определенной системы и порядка. Инструкторско-организационной связи с городскими кооперативами почти не было. Общество оптовых закупок приняло на себя комиссионные операции по снабжению Петрограда хлебными грузами. Эти операции достигли за 1917 г. цифры в 20 миллионов рублей. Оптосоюзом было доставлено в Петроград 1457 вагонов муки, 1321 вагон зерна, 45 вагонов крупы, 595 вагонов жмыхов и 33 вагона прочих хлебов. Из неторговой деятельности союза следует отметить открытие осенью 1917 г. кооперативного института для подготовки инструкторов и других работников кооперации. ООЗ издавало свой журнал „Петроградский Кооператор“ и было одним из основателей и главных пайщиков издательского союза „Кооперация“.

Домовые кооперативы.

Специфической чертой петроградской кооперации периода февральской революции были так называемые домовые кооперативы, впервые возникшие в Петрограде летом 1917 г. Своего наибольшего расцвета домовые кооперативы достигли после Октября, когда в связи с усилением продовольственного кризиса в Петрограде начала проводиться жесткая распределительная политика. Но уже к концу второй половины 1917 г. домовые кооперативы начали быстро распространяться по городу и покрыли густой сетью все районы.

Домовый кооператив был своеобразным продуктом продовольственного кризиса. Ни в прошлой истории потребительской кооперации, ни после мы не встречаем подобного типа кооперативов. Они [illegible] прямым завершением, доведением до своего логического конца того процесса, который наметился в кооперации с первых же месяцев войны, когда дороговизна и недостаток товаров на рынке превратили кооперацию из организации с определенной общественной базой в органы с исключительно снабженческими функциями. В то же время домовые кооперативы являлись наиболее ярким выражением новой особенности кооперации, принесенной обострением продовольственного кризиса. Распределительные функции составляли почти [illegible] домовых кооперативов. Домовой кооператив и домовой распределительный пункт фактически были синонимами. Сами эти наименования обычно путались, и та или иная домовая организация то называлась кооперативом, то распредпунктом.

Домовые кооперативы, выражаясь образно, вырастали в конце хвоста за продуктами. Появление и распространение домовой кооперации шло параллельно с ростом [illegible] очередей. Принципиально домовые кооперативы возникли в форме распределительных ячеек даже без лавок. Вместо того, чтобы каждому в отдельности ходить за продуктами в [illegible] кооперативы, [illegible] и получали коллективно причитающиеся им по карточкам продукты, которые затем в каком-нибудь домовом подвале развешивались и распределялись по едокам. Единственным оборудованием такого кооператива были весы. Впоследствии многие из них превратились в распределительные пункты с особой лавкой и даже в уставные кооперативы.

В конечном итоге наметились следующие типы домовых организаций: 1) распределительный пункт; паев нет, облагаются лишь карточки; постоянного приказчика нет—либо члены кооператива по очереди распределяют продукты, либо входят в соглашение с кем-нибудь за плату; 2) жители данного дома сговариваются с лавочником, который приобретает нормированные продукты по карточкам, сданным ему жильцами за определенное комиссионное вознаграждение; 3) имеется определенный пай, своя лавка, постоянный штат наемных приказчиков, иногда устав. Общее для всех этих организаций было то, что все они [illegible] данного дома или нескольких соседних домов. В домовых кооперативах первого и второго типа нет правления, в редких случаях имеется контрольный орган; в домовых кооперативах третьего типа есть правление, но никаких организационных целей оно не преследует. С течением времени среди домовых кооперативов появилось стремление к объединению: возникли квартальные и уличные кооперативы. Последние так и назывались по имени своей улицы Алексеев-

ский, Усачевский, Петровский и т. п. Создался также и общегородской центр домовых кооперативов „Центроко".

Руководители кооперативных организаций (Петросоюз, Вперед, Оптосоюз) увидели в домовой кооперации угрозу всему кооперативному движению и выступили против нее с резкими нападками. В своих выступлениях кооператоры заявляли, что домовые организации лже-кооперативны, что оказываемые им покровительства со стороны продорганов создают угрожающее положение для всего дела снабжения городского населения. За „идеологическим" прикрытием [illegible] боязнь конкуренции. При той борьбе за гегемонию, которая характерна для всех [illegible] постепенно перемещалась в сторону исключительно функций по раздаче продуктов [illegible] быть, что потребитель предпочитал записаться в пайщики домового кооператива, [illegible] только узкий круг живущих в доме, имел все недостатки, присущие закрытым потребительским обществам, но в то же время он разрешал острый вопрос об излишнем простаивании потребителей в продовольственных хвостах. Случайного [illegible] для прикрепленных к той или иной открытой кооперативной лавке, здесь не было.

Кооперация и продовольственный аппарат.

В первые же дни февральской революции, когда [illegible] „Керенщины" и когда представители „демократии" получили права гражданства, в числе первых выступили на арену продовольственной деятельности и кооператоры.

Участие представителей кооперации в работе продовольственного органа впоследствии узаконяется. С преобразованием петроградского продовольственного комитета в самостоятельный орган, независимый от городского самоуправления, в его состав, согласно закона временного правительства от 30-го марта 1917 г., вошло 10 представителей кооперативных организаций. Эти представители были избраны на созванном в экстренном порядке общем собрании всей кооперации Петрограда. Фактически кооперация получила преобладающее значение в продовольственном комитете, т. к. ее представители заняли 4 места из 7 в продовольственной управе, исполнительном органе продовольственного комитета. Приблизительно такое же соотношение было в районных и подрайонных органах центрального продовольственного комитета. В каждый из 20 районных и 67 подрайонных продовольственных комитетов входило по 6 представителей кооперативных организаций. К середине лета 1917 г. на руководящих и выборных должностях в петроградских продовольственных органах работало свыше 300 кооператоров. Кроме того, не мало кооперативных работников перешло в продовольственный комитет на ответственные технические должности.

Продовольственное дело было, таким образом, как будто полностью захвачено кооперацией. Это позволяло кооператорам ставить между кооперацией и продовольственным органом знак равенства, отождествлять оба рода работы и считать, что в очень близком будущем кооперативные организации и продовольственный аппарат должны слиться в единое кооперативное целое.

Действительность, однако, очень скоро подсказала иной путь развития продовольственных органов.

Если вначале продовольственный аппарат опирался (или хотел опираться) на кооперативные организации, то к началу осени 1917 г. положение переменилось. Теперь уже кооперация в своей работе вынуждена была опираться на продовольственный орган, который сделался главным источником ее снабжения.

Основным и коренным недостатком кооперации, не позволявшем сосредоточить в ней все распределение монополизированных продуктов, было то, что кооперативы отпускали продукты только своим пайщикам. Не пайщик правом на получение продуктов из кооперативной лавки не пользовался, но с другой стороны пайщик нескольких кооперативов мог фактически получить монополизированные продукты в двух — трех и четырех кооперативах, в которых он состоял. Создавалось положение, при котором совершенно невозможно было провести строгую систему распределения. С одной стороны, при членстве в нескольких обществах нельзя было точно учесть количество едоков, которые должны были снабжаться из кооперативной лавки, а с другой, создавалось явное и бьющее в глаза неравенство между кооперированными и некооперированными группами населения. Естественно, что такое отсутствие равенства перед голодом возбуждало недовольство необъединенных групп населения, которое чревато было серьезными последствиями для продовольственной работы.

Вопрос мог быть разрешен в том смысле, чтобы кооперация открыла двери своих лавок и для непайщиков, приняв на себя обслуживание всего населения города. Но таких серьезных обязательств кооперативные организации не решались выдавать, совершенно основательно полагая, что для этого у них нет ни сил, ни достаточных средств. А именно в таком разрезе и было наиболее приемлемым для продорганов установление общей работы с потребительскими обществами.

Вопрос о продаже не членам приобрел для кооперации характер серьезной остроты. Кооперативы видели в создавшемся положении угрозу для самого своего существования, так как выпустить из рук распределение монополизированных продуктов было равносильно самоубийству. В то же время открытая продажа всему населению ставила под сомнение не только вопрос о дальнейшем увеличении числа пайщиков, но и угрожала массовыми требованиями членами кооперативов обратно своих паевых взносов, т. е. в конечном итоге разрушала финансовую базу кооперативной работы. Запутавшись в этих двух противоположных и одинаково опасных для себя положениях, кооперация попыталась перенести вопрос в область организационных и прочих споров с продовольственным аппаратом. Между продовольственниками и кооператорами возникла склока; взаимные обвинения и раздоры приняли личный характер, и в этом море обвиняющих друг друга слов потонула самая сущность вопроса.

В связи с отказом кооперативов подчиниться требованиям о регистрации пайщиков и их прикреплении к определенным лавкам особое присутствие систематически урезывало количество отпускаемых кооперативам продуктов, вполне основательно полагая, что предъявляемые кооперацией в продовольственный центр цифры едоков сознательно вздуваются в интересах создания запасных резервов. Правление Петросоюза требовало продуктов на 410 тысяч едоков, районные же продовольственные организации утвердили всего 340 тысяч, а продовольственный центр снизил эту цифру до 310 тысяч, уменьшив таким образом

заявки союза почти на 25% [1]. В результате между кооперацией и особым присутствием создались отношения непрерывного торга — кооперативы „запрашивали", продовольственный орган „скидывал".

Продовольственная работа кооперации.

Нам остается сказать еще несколько слов о продовольственно-хозяйственной деятельности петроградской кооперации в месяцы февральской революции. Круг этой деятельности по мере нарушения существовавших до военного времени отношений на продуктовом и товарном рынках постепенно смыкался, непрерывно суживая поле хозяйственной работы кооперации. К осени 1917 г. преобладающее значение в работе кооперативов получили распределенческие функции. Основную массу продуктов для своих пайщиков кооперация стала получать со складов продовольственных органов. Нервом всей деятельности потребительских обществ стали отделы распределения, которых до того времени структура кооперативного аппарата не знала.

В какой хозяйственной зависимости от продовольственных учреждений оказались кооперативные организации, показывает баланс общества „Вперед" на 1 ноября 1917 г. Из общей суммы задолженности общества различным учреждениям в 1.107.886 р. 53 к., максимальная цифра—454.464 р. 74 к. падает на долю продовольственной управы и трех ее подрайонов. Если отбросить из суммы задолженности 143.512 р., которые „Вперед" был должен Балтийскому Судостроительному заводу за помещение для хлебопекарни, то окажется, что почти 50% долга общества за товары для его лавок приходятся на петроградские продовольственные органы. Таким образом, уже к этому времени „Вперед" на половину снабжался продовольственными организациями. Но „Вперед", как крупнейшее потребительское общество в Петрограде, имел еще кой-какие возможности самостоятельной заготовительной работы; в мелких же кооперативах доля снабжения со складов центральной продовольственной управы, а затем особого присутствия, очевидно, была еще более высокой, подходя моментами до полных ста процентов.

Несколько более развитой была заготовительная работа Петросоюза, но и у него собственные заготовки превратились к осени 1917 года лишь в дополнительные операции к снабженческой деятельности продовольственного органа. Уже к июлю 1917 года союз прекратил заготовки нормированных продуктов и главное внимание обратил на немонополизированные товары, развив деятельность по четырем отделам—бакалейному, молочному, лабазному и овощному. Таким образом, на первый план в заготовительной работе выступили продукты, имевшие второстепенное значение в потреблении города. Но и в части заготовок этих продуктов Петросоюз не был в полной мере самостоятельным. Отсутствие необходимых оборотных средств заставило союз вступить в соглашение с особым присутствием, которое финансировало работу союза и вело с ним совместные заготовительные операции.

Специфическая обстановка продовольственного рынка вызвала к жизни организацию агентуры Петросоюза в различных районах России. Наиболее крупные агентурные конторы находились в Сибири—Челябинске и Иркутске. Агентура вела на местах закупки ненормированных продуктов и в то же время играла роль толкача в продвижении к Петрограду идущих в адрес особого при-

[1] Цифры относятся к концу октября 1917 г. „Труд" № 9—10 1918 г.

сутствия монополизированных товаров. Этой своей работой союз помогал продовольственному органу, при чем там, где это было возможным, особое присутствие даже передоверяло свою заготовительную работу агентуре Петросоюза. Приблизительно такой же характер носила заготовительная деятельность О-ва Оптовых Закупок в части его работы по снабжению Петрограда. Оптосоюз выступал как комиссионер петроградского продовольственного органа, поручения которого он выполнял аппаратом своих агентурных контор на местах.

В общем и целом все снабженческие операции кооперативных организаций к концу февральского периода превратились в работу, подсобную продовольственному аппарату особого присутствия. С одной стороны, они велись по его заданиям, а с другой, в значительной мере, на его же средства.

Характеристика петроградской кооперации к моменту Октябрьского переворота.

К Октябрьскому перевороту петроградская кооперация подошла с явно выраженными тенденциями внутреннего разложения и загнивания, которые в связи с последующим ростом хозяйственного кризиса не могли уменьшаться, а, наоборот, должны были непрерывно расти. В этот же период с определенной ясностью наметилась историческая необходимость отхода на задний план хозяйственной работы кооперации, место которой занималось более сильным и более организованным продовольственным органом государства.

Весь город был покрыт лавками с кооперативными вывесками, но за этими вывесками было мало хозяйственного и организационного содержания. Связи с пайщиками у кооперации не было, пайщик в любую минуту мог пожертвовать своим кооперативом во имя получения лишнего фунта муки более удобным способом и любой другой практикуемой [illegible] даже объединяющими одни и те же социальные группы. Рабочая кооперация делилась на два лагеря, которые находились в острой и непрерывной вражде друг с другом. [illegible] торговая деятельность [illegible] и по примеру своих пайщиков [illegible] другому, а [illegible] товаров.

Торговая деятельность петроградских кооперативов не подкреплялась никаким финансовым [illegible]. Какая-то [illegible] хозяйственная работа того или иного кооператива, по существу этот кооператив в высший момент своего расцвета был финансовым банкротом. Жизнь кооперативных организаций [illegible] продовольственных органов. Кооперативы фактически, жили лишь за счет своей работы по распределению тех продуктов и товаров которые они получали со складов продовольственного аппарата. [illegible] кооперативных организаций, в которой кооперация много и [illegible], по существу была лишь фирмой. Прекратите [illegible] продовольственного органа, и все кооперативные лавки надо было бы вешать замок

В то же время обстановка продовольственного кризиса уже к концу февраля [illegible] кооперацию [illegible] традиций исключительного обслуживания своих пайщиков. Волей-неволей кооперативам пришлось принять на себя функции распределительного аппарата государственных продовольственных органов. Правильным логическим шагом отсюда было огосударствление кооперации, проведенное впоследствии советской властью

встретившее особенную критику руководителей кооперативной коопера-
ции. Но как мы видели споры кооператоров с продовольственными органами
начались задолго до советского периода и были вызваны уже наметившимся
в февральскую революцию противоречием интересов между самостоятельной
кооперативной работой и государственной политикой ликвидации продоволь-
ственного кризиса. Правительственная власть февральской революции про-
водила продовольственную политику однобоко и неполно, но уже в это время
наметилось расхождение путей между кооперативными и продовольственными
организациями страны.

Главным пунктом спора между кооперацией и продовольственными
органами была необходимость обслуживания кооперативными организациями
населения Петрограда. Продовольственные органы, отказавшись последова-
тельно проводить политику временного правительства, не решались, да и не имели
для этого сил, принудительным порядком заставить кооперацию приспособить
свою работу к требованиям общих политических и экономических условий
страны. Это сделала советская власть, повернувшая руль политической работы
в сторону удовлетворения нужд всего населения страны. Советская власть опи-
ралась прежде всего на ту часть кооперации, которая была органически
чужда классовой слабости кооперации. Она встретила кооперативные организации своему
руководству и, усилив их необходимой государственной помощью, заставила их
выполнить свои задания.

ГЛАВА V.

Рост продовольственной разрухи в Петрограде в период февральской революции.

Если все предшествовавшие 1917-му военные годы были прологом к продовольственной драме Петрограда, то после февральской революции драма эта уже началась в полных размерах. Все дело борьбы за улучшение продовольственного положения огромного революционного центра к этому моменту было уже пропитано той исключительной трагичностью, которая характеризует наиболее острые моменты классовой борьбы.

В продовольственном деле Петрограда после февраля сплелись в один сложный клубок самые различные обстоятельства, противоречивые тенденции, противоречивые интересы. Город висел на ниточке над пропастью голода. И в моменты перебоев в снабжении оставалось очень маленькое расстояние от кризиса до форменного голода. При этом самым страшным было то, что будущее определилось: дело могло итти только к худшему; каждый новый день мог принести только ухудшения; просвета не было видно...

Основной лейт-мотив продовольственных событий с февраля по октябрь, как бы пышно ни прикрывали его ворохами громких слов, лживых обещаний и фальшивых стремлений, — был таков: буржуазия, быстро выбившая из
[illegible] почувствовала [illegible] осознала, что [illegible] ухудшила положение по существу и отчетливо ощущала приближение пролетарской революции: она уже не верила успешности своей обманной игры с вождями

соглашателей и социал-патриотов; она чувствовала, что вожди эти блекнут в глазах массы, теряют авторитет и что этим вождям, как бы они ни старались, не удержать рабочий класс от выступления; основные узлы новой революции были увязаны внутри рабочего населения Петрограда, здесь кипела революционная мысль, здесь ковалась вера в неизбежность борьбы и воля к победе; разрубить, отсечь эти узлы можно было только „костлявой рукой голода". И буржуазия,—по крайней мере, наиболее дальновидная и классово-выдержанная ее часть—ставила главную ставку на то, чтобы удушить революцию голодом.

Все остальное было игрой марионеток, приводимых в движение закулисной рукой капиталистов. Люди боролись с кризисом, организовывали аппараты, спорили и боролись друг с другом; лились потоки слов; делались разнообразные попытки... Но за всей этой обреченной на неудачу суетой — скрытое и уверенное—стояло режиссерское стремление саботировать восстановление производства, усилить разрушительные процессы и рукой голода привести в покорность „взбунтовавшихся рабов".

Март и апрель.

Февральская революция в Петрограде сопровождалась голодными бунтами. К началу второй половины февраля 1917 г. банкротство старой хозяйственной политики царизма было налицо, и вместе с ним налицо—и в особенно активных формах—был серьезнейший продовольственный кризис в Петрограде. Первые „медовые" недели после февраля, по существу, не внесли никаких улучшений, но революционный подъем чрезвычайно смягчал остроту кризиса и на ряду с этим в стихийном порядке шло,—дабы не подорвать революцию голодом,—безучетное распределение всего того, что имелось среди продовольственных запасов города. Трудно установить это цифрами, но в эти первые дни, из боязни ли гнева толпы, или в расчете на лучшие времена, даже мародеры частного рынка как-то притихли и спрятались со своей спекулятивной политикой. Но, разумеется, законы кризиса должны были вступить в свои права, и ни громкими словами, ни тратой последних запасов нельзя было их отменить и уничтожить. Уже к концу марта и к апрелю 1917 года в городах совершенно обычным явлением снова стали хвосты у булочных, мясных, молочных лавок, и люди становились в очередь пораньше, часов с 4-х утра. С рынка постепенно исчезали самые разнообразные продукты. Не было яиц, крупы, мяса, хлеба...

Сколько было основных продуктов в Петрограде к началу февральской революции, определить невозможно, так как не было точного учета. В выпущенном обращении к населению хлебные запасы на складах, мельницах и на колесах к 27 февраля исчислялись приблизительно в 80.000 пуд. в муке и в зерне. „Известия Совета Раб. Депутатов" (№ 2) сообщали через два дня, что запас муки в Петрограде на первое марта составлял 400.000 пудов. А. Блок в своей работе „Последние дни императорской власти" (стр. 51) считает, что запас был равен 500.000 пуд. На 14-е марта запас пшеничной муки был 335 вагонов, ржаной—137 вагонов [1]); на 15 марта запас пшеничной муки—580 000 пудов. [2]). На 16-е марта ржаной муки было 50 вагонов, пшеничной—580 [3]). На 17-е марта запас ржаной муки был 23 вагона. Во всяком случае, Петроград к началу

[1]) Прот. П. Ц. И. К. № 8. 14 марта.
[2]) „Бирж. Вед." 16 марта.
[3]) Прот. П. Ц. И. К. № 9, 16 марта

февральской революции уже сидел без продуктов, а март месяц ничего нового в этой области для улучшения не принес, и приведенные выше цифры вполне достаточно характеризуют продовольственное положение города, в котором запас такого основного продукта, как ржаная мука, колебался примерно от пятидневной до однодневной потребности, при сравнительно небольших запасах пшеничной муки. Согласно плану перевозок на февраль было назначено к погрузке в Петроград 2.500.000 пуд. хлеба, а фактически погружено — 940.000 пудов, т. е. 37% [1]). На март назначено было к погрузке в Петроград 1.998.000 пудов хлеба, погружено — 823.000 пудов, т. е. 41,6%. При таком прибытии хлеба трудно было установить нормальное снабжение тем более, что первые недели революции требовали дополнительных продовольственных издержек. Недовоз хлеба усугублялся невозможностью правильно организовать хлебопечение, так как все пекарни и булочные находились в руках у частных владельцев. Владельцы хлебопекарен предпочитали спекулировать мукой, скрывать ее, продавать хлеб из-под полы по повышенной цене и, в общем, всячески срывать продовольственную работу. Разрозненное и сосредоточенное в частных руках хлебопечение не давало никакой возможности маневрировать с пользой для населения теми небольшими запасами муки, которые имелись у города, снижало до минимума возможный эффект от выпуска на рынок этих запасов. 28-го марта „Биржевые Ведомости" писали о том, что у частных пекарей обнаружены тайные склады муки. 29-го марта „Вечернее Время" сообщало: „булочникам выдано 300.000 пудов муки, населением же получено 100.000 пуд. хлеба. Установлено сокрытие муки и торговля булочниками мукой". Частные владельцы пекарен, как об этом свидетельствуют эти взятые на выборку сообщения, быстро сумели реализовать новый вид прибыли, так сказать, прибыль от революции. В конце марта [2]) „Известия Совета Раб. и Солд. Депутатов" констатировали вполне выяснившийся крах возможности правильно организовать распределение хлеба через частновладельческую хлебопекарную сеть.

Помимо недостаточного подвоза муки, плохой системы выпечки и распределения хлеба, все время были перебои в разгрузке и перевозке муки к местам выпечки. Уже в первые дни после революции на товарной станции Николаевской (ныне Октябрьской) жел. дороги образовалась пробка, и продовольственная комиссия совета и государственной думы должна была вынести особое решение о срочной разгрузке станции [3]). Но эта пробка не была случайной. Работа станции была нарушена, и взамен каждой разгруженной пробки вырастала новая. 25-го марта 1917 г. „Известия" сообщали: „Продовольственный кризис в столице чрезвычайно обостряется дезорганизацией разгрузки железнодорожных складов... Петроградский железнодорожный узел забит. 6.200 неразгруженных вагонов... Восемьдесят тысяч пудов мяса рискуют сгнить..." Разгрузка, помимо всего прочего, сильно тормозилась экономической забастовкой рабочих ломового извоза. Центральный продовольственный комитет просил сов. раб. и солд. деп., в виду серьезности положения, найти меры для ликвидации забастовки [4]).

[1]) Протокол П. Ц. П. К. № 23, 6 мая.
[2]) 28-го марта 1917 г., № 26.
[3]) „Известия С. Р. Д." № 3, 2-го марта 1917 г.
[4]) Протокол петр. центр. прод. к-та № 8, 14 III 1917 г.

Забастовка затянулась, и поэтому воззвание совета к „товарищам ломовикам и извозопромышленникам об усилении разгрузки и подвозки продуктов питания“ звучало весьма платонически [1]). И уже на другой день после опубликования этого воззвания исполнительный комитет совета раб. и солд. деп. по вопросу об продовольствии [illegible] ками постановил: „в случае, если добровольное соглашение не состоится, секвестровать [illegible] разгрузки узла“ [2]). Во всяком случае, начиная с этого периода, вопрос о надлежаще быстрой выгрузке вагонов, своевременном освобождении железнодорожных [illegible] периоды был очень больным и не сходил с повестки дня, несмотря на попытки [illegible] специальных отделов и т. д.

Помимо всех этих причин, был целый ряд добавочных обстоятельств, усугублявших хлебный кризис в городе. Из-за отсутствия овса и сена, извозчики кормили лошадей хлебом, который стоил дешевле фуража. Значительное количество [illegible] продавали хлеб в уезд, где цена одного пуда ржаной муки уже в начале марта поднялась до 7 рублей [3]). Таким спекуляциям помогало бесконтрольное распределение [illegible] и злоупотребления ловких аферистов: „центральным продовольственным комитетом, — писала „Рабочая газета“ 30 марта, — мука отпускалась в районы без всякого контроля и передавалась в руки недобросовестных людей... И мука не попадала к потребителю... У уполномоченного центр. прод. комитета Тюфтякова обнаружены 2.000 пуд. крупчатки... Будучи арестован, он выдал целый ряд лиц, утаивших, как и он, муку...“

Все эти обстоятельства на фоне общегосударственного продовольственного [illegible] было 541.000 пудов хлеба, т.-е. 27,2%. Фактический недовоз хлеба в город [illegible] состоянии Петрограда. Уже 2-го марта центр. продовольств. комитет обратился к населению с указанием на „необходимость ограничиваться закупками продовольствия на 1—2 дня“. 11 марта совет рабочих и солдатских депутатов в специальном [illegible] необходимостью и призывал всех граждан „к спокойствию и бережливости“ [4]). 16-го марта продовольственный уполномоченный по Петрограду сообщал, что ржаной муки хватит только на два дня [5]). С 19-го марта в виду отсутствия ржаной муки [illegible] в продажу ситный по цене 15 коп. за фунт [6]) 20-го марта был запрещен отпуск

[1]) „Известия Сов. Раб. и С. Деп.“ № 24, 25/III
[2]) „Известия“, № 25, 26-го марта.
[3]) „Изв. Совета“ № 2, 1 марта.
[4]) „Биржевые Ведомости“, № 16130, 11 марта
[5]) Там же, 16-го марта.
[6]) Протокол П.Ц.П.К. № 10

белой муки для выпечки куличей. Положение с хлебом обострилось до чрезвычайности. В праздники (23-го, 25-го и 26-го марта) была установлена обязательная торговля хлебом; вынесено было решение об организации специального контроля над хлебопекарнями, причем в качестве контролеров привлечены были свободные пекаря; вместо хлеба по карточкам отпускалась довольно часто мука. У лавок, торгующих хлебом, выросли огромные очереди. Сыпались предложения о сокращении хлебного пайка.

Отдельные перерывы в хлебном кризисе и маленькие облегчения подавали сперва ложные надежды на то, что это—начало полной ликвидации затруднений со снабжением хлебом. Но разочарование наступило очень скоро. „Постепенно исчезли хвосты у хлебных лавок",—сообщало 5-го апреля „Вечернее Время", а через 3 дня опять принуждено было печально заявить: „у булочных и мясных большие хвосты с четырех часов утра". 20-го апреля „с утра весь Петроград был в хвостах". Апрель принес не облегчение, а только еще большее осложнение в продовольственном положении города.

Петроградский совет вынес постановление о необходимости вмешательства советов раб. и солд. депутатов в продовольственное дело для действительной мобилизации хлебных запасов на местах. Радикальной мерой совет считал посылку своих эмиссаров в хлебородные губернии [1]). Интересно, что мысль о посылке за хлебом, о необходимости чего-то вроде похода за хлебом—неясная и не определившаяся—уже начала бродить в умах рабочих. Рабочие Северного механического и котельного заводов, собравшись в количестве 1.500 человек и обсудив продовольственное положение Петрограда, постановили предложить отрядить группу товарищей в распоряжение исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов для отправки их в деревню, в целях разъяснения переживаемого момента и организации подачи хлеба в город [2]).

Так обстояло дело с хлебом. Немногим лучше было с остальными основными продуктами питания. С мясом вначале как будто бы было не очень плохо: в середине марта „Дело Народа" сообщало о том, что в Петрограде имеется запас мяса на четыре месяца—около 500 тысяч пудов, считая, очевидно, средней нормой на человека около 2 фунтов в мес. Уже через неделю—22 марта—официальный орган центр. прод. комитета определял этот запас в 300.000 пуд. [3]) Мясо в это время отпускалось по 3 фунта на покупателя, причем 20-го марта постановлением комитета решено было выпустить на рынок около 70.000 пудов мяса. Однако в подсчетах этих запасов мяса и в нормах его расхода были какие-то ошибки, ибо очень скоро начало осложняться не меньше, чем с хлебом, и снабжение мясом населения. Уже в начале апреля с ночи вытягивались хвосты у мясных лавок. За апрель прибыло скота и мяса 555 вагонов, т. е. 30% потребности по норме [4]). Мясные хвосты стали усиленно „конкурировать" с хлебными. „Особенно велики хвосты у городских мясных лавок, где выдают по 3 фунта мороженого мяса", писали газеты в двадцатых числах апреля. На первое мая, по сообщению „Речи" (3-го мая), мороженого мяса было в наличии 142.000 пудов,

[1]) „Известия" № 48, 25-го апреля. Мероприятие это не являлось новостью: еще 2-го марта было постановление продов. комит. совета и врем. комитета госуд. думы о посылке таких эмиссаров за хлебом, но у нас не имеется сведений о том, какие из этого получились результаты.

[2]) „Новая Жизнь", № 11, 30 апреля.

[3]) Протокол ИИКП, № 12, 22-го марта

[4]) „Вечернее Время" 5-го мая 1917 г

телятины, свинины и баранины — 47.000 пудов и, кроме того, 50.000 пуд. битой птицы и 28.000 пуд. копченостей. Запас мяса упал значительно, и „в городских мясных лавках выдавали уже только по два фунта мяса на покупателя, а в очередь становилось население с 12 часов ночи".

В марте против плана не довезено было 227 вагонов яиц, 33 вагона коровьего масла, почти не было прибытия круп. В апреле не довезено было 117 вагонов яиц, 39 вагонов крупы и значительные количества других продуктов. Уже 7-го апреля газеты сообщали о полном отсутствии на рынке яиц и сметаны [1]). Появились очереди за молоком. В конце февраля „Вечернее Время" писало: „Пшена в столице нет пять месяцев. Манная и перловая крупа—40 коп за фунт, горох 30 коп. фунт. Нет в продаже макарон и вермишели". Молочные отпускали не более двух бутылок молока в одни руки. С 8-го апреля начинается кризис с гречневой крупой, которая исчезла с рынка. „Цены на другие крупы беспрерывно растут...". Газеты того времени были полны подобными сообщениями.

Продовольственный комитет, разумеется, не мог остановить кризиса. А положение в эти два первых месяца после февраля было исключительно напряженное. „Был момент,—констатировала сама центр. продов. управа,—когда Петроград имел запасы хлеба на один день... Продовольствие двухмиллионного населения столицы находилось положительно в руках судьбы". Грузы прибывали в урезанных количествах и неравномерно, распределение не было налажено. Да, наконец, общее положение страны было таково, что гнало город в объятия голода...

Уже в это время твердо звучали революционные голоса, указывавшие на необходимость резкого поворота в политике. Совет рабочих и солдатских депутатов Выборгского района так формулировал свое отношение к продовольственному кризису и свои предложения: „Кризис может быть устранен только тогда, когда: 1) позиция временного правительства будет ясна по отношению к локализации войны, 2) когда вместо реквизиций хлеба у крестьян будет объявлена реквизиция помещичьих, удельных, кабинетских и прочих земель, 3) когда реквизиция зерновых продуктов будет объявлена прежде всего у помещиков, банков и мукомолов" [2]). В это же время „Правда" писала: „Продовольственный вопрос, требовавший самых решительных мер для своего разрешения не мог быть радикально решен правительством из представителей буржуазии, ибо во всех своих шагах они должны были считаться с интересами своего класса, класса торговцев и предпринимателей... Как же решить этот страшный продовольственный вопрос? Лишь с прекращением войны этот вопрос может быть решен удовлетворительно... А война будет прекращена тогда, когда вся власть и ее орудия будут в руках самого народа" [3]).

Продовольственное положение Петрограда было лишь функцией от общего экономического положения страны. Противоречия, обращавшие в ничто [illegible] в стране, с неизбежностью обрекали Петроград на дальнейшее обострение продовольственного положения и систематически угрожали ему призраком голодного голода.

[1]) „Веч. Биржевые Ведомости" 7 апреля.
[2]) „Рабочая газета" № 45
[3]) 9-го мая 1917 года.

Неизбежность развития кризиса.

Революция не решила вопроса о войне и тем самым не уничтожила одного из основных препятствий к каким бы то ни было попыткам разрешения кризиса. „Война,—писал в середине сентября В. И. Ленин,—стоит России теперь 50 миллионов рублей в день, идущих большей частью военным поставщикам. Из этих 50 миллионов по меньшей мере пять миллионов ежедневно, а вероятно 10 миллионов и более, составляют „безгрешные доходы" капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников" [1]). Буржуазия, ставленником которой было правительство февральской революции, и в мыслях не имела отказаться от сыпавшихся богатым дождем сверхприбылей, получаемых ценою народных бедствий и распада всего хозяйства.

В этих условиях, вообще говоря, невозможно было ликвидировать нараставший продовольственный кризис. Можно было так или иначе пытаться смягчить его, тормозить его развитие, ослабить его последствия путем различного рода продовольственных маневров со стороны государства. Но не только полная ликвидация продовольственных затруднений и окончательное разрешение продовольственного вопроса зависели от общегосударственной экономики и требовали решительного коренного ее переворота: даже и куцая политика ослабления и смягчения кризиса — политика попыток к ослаблению его последствий без борьбы с ним самим и с его основами—упиралась, как в тупик, в общенародную хозяйственную разруху, в развивающийся распад страны, в естественные результаты бешеным темпом обнажавшихся классовых противоречий.

И попытки к ослаблению кризиса не могли остаться нечем иным, как попытками. Временные—однодневные или даже недельные—эффекты ни в коей мере не могли остановить приближения голода.

Рост продовольственной разрухи.

На 1-е мая наличие продуктов в Петрограде, по сообщению „Речи" (№ 102), было таково: „пшеничной и ржаной муки—83.000 пудов, пшеницы и ржи в зерне—29.000 п., разных круп — 44.000 пудов, мороженого мяса — 142.000 пудов, телятины, свинины и баранины — 47.000 пудов". Это был чрезвычайно незначительный запас, который отнюдь не обеспечивал население даже по карточным нормам: хлеба — основного продукта—было при самом скромном рационе — на два дня [2]). Так встречал пролетариат Петрограда свой первомайский праздник в 1917 году.

Положение осложнялось тем, что к этому времени, как отмечалось общегосударственным комитетом, резко упали заготовки и подвоз хлеба, и в продовольственных органах города только что была произведена крупная реорганизация; как будет обстоять дело дальше, никто толком не знал.

Май прошел в попытках ослабить чрезвычайно обострившийся к апрелю кризис. Положение города было очень тяжелым: фуражом Петроград был удовлетворен на 20%; не было прочного запаса хлеба, круп, масла; недополучение мяса за май составило 70%. Центр. прод. управа распределила за май 30.274 пуда мясных продуктов, 8.180 пудов рыбных, 17.217 пудов масла коровьего, 9.770 пудов растительного, что при самой тщательной

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 192.

[2]) Тот же номер „Речи" сообщает, что „из данных, представленных районными продовольственными организациями, выяснилось, что в Петрограде хлеб отпускается на 2.700.000 человек".

работе и отсутствии любых утечек, двойного получения и спекуляции могло составить на человека в месяц лишь около 0,8 фунта. мяса, 0,2 фунта рыбы 0, 4 ф. коровьего и 0,2 ф. растительного масла. Такса на ржаной хлеб была повышена до 10 коп., на ситный—до 17 коп. за фунт, причем булочные продавали хлеб по значительно более высоким ценам. Начались злоупотребления с наименованием грузов: спекулянты ввозили нормированные продукты под видом неормированных, почему [illegible] установили физический контроль над прибывающими грузами как в товарных вагонах, так и багажом, почтой, водными и гужевыми путями. [1]) Разумеется, спекулянты всячески старались обходить запреты и контроль. Бюллетень центральн. продовольственной управы (№ 1) сообщал о таких, например, случаях обходов: „На товарной станции Николаевской ж. д. задержан вагон „свиных копченых голов", при осмотре которого обнаружено 17 корзин с 387 пуд. муки и 66 мест копченых продуктов в 440 пудов". Случаи неправильного наименования грузов стали часто повторяться. „Разница между нормированными ценами и спекулятивными [illegible] настолько [illegible], что спекулянты [illegible] взятки, лишь бы только иметь возможность ввезти продукт и скрыть его от учета: по любой цене продукты питания можно было продать изголодавшемуся населению" [2]).

„Вечернее Время" 11 мая писало: „Апрельский кризис миновал. Подвоз продуктов значительно улучшился". Сама продовольственная управа, суммируя в заседании прод. комитета проделанную работу, успокоительно заявляла: „через 2—3 недели [illegible]". Июль встретил [illegible] после реорганизации продорганов, когда [illegible] временем и в то, что временное обеспечение является началом изжития продовольственных затруднений. По существу же в мае положение не стало лучше, и петля только еще больше затянулась. „Хвосты показывают,—писала „Правда" (№ 66, 26-го мая),—что пока будет длиться война—нищета и голод не ослабнут, а будут все больше и больше крепнуть... Мы поэтому говорим: побороть хвосты можно только путем перехода власти в руки самого народа, в лице его выборных представителей, членов сов. раб. и солд. депутатов". За июнь Петроград удовлетворен был фуражом на 12% потребности; за апрель, май и июнь в Петроград поставлено было фуража по нормам министерства продовольствия лишь в количестве 20% назначенного количества; в июне город получил 1/4 ф. мяса на душу населения вместо общегосударственной нормы в 1 фунт; вместо 3.200 вагонов [illegible] прибыло лишь 1.850, и потребных для Петроградской губернии в июне месяце 2.417 вагонов было прибыло только 180 т. Но нападки [illegible] продовольствием были [illegible]

[1]) „Речь", № 104, 5-го мая. Уже 17 июня центральная продовольственная управа установила заставы. Организовано было 17 застав по шоссейным и грунтовым дорогам и 10 застав по Неве и каналам. Целью застав была борьба со спекулятивным ввозом и вывозом и регистрация грузов (Бюл. особ. присут. № 17). 20-го июня продовольственная управа вошла с ходатайством к начальнику [illegible] ров (Проток. № 32 П. Ц. И. К.).

[illegible] было сопровождение их специальными „толкачами". В заседании П. Ц. И. К. 8-го июля совершенно официально сообщалось о том, что для вывоза из Владивостока 150.000 пудов закупленного риса, нужно платить взятку по 1.000 руб. за вагон (Архив).

[3]) Бюл. центр. прод. управы № 9, № 5, № 3—4. Прот. П. Ц. И. К. № 34. Изв. пет. губ. пр-ка № 2

Петроград в июне—2.160 вагонов хлеба, погружено же в счет июньского плана и недогруза в мае 1.776 вагонов [1]). К концу месяца на частном рынке овес стоил 20 рублей, сено 8 рублей. Чувствовался острый недостаток круп. Еще в самом конце мая, обсуждая план завоза хлеба в Петроград, центральная продовольственная управа считала, что „выполнение планов не обеспечено по многим причинам; так, например, [illegible] косса, когда крестьянам некогда возить, и т. д.“ [2]).

[illegible] почве становились все чаще, в отдельных случаях принимая демонстративно-угрожающий характер. Вот один из примеров: „20-го июня,—сообщало „Вечернее Время“,—толпа, обнаружив много сгнивших продуктов в лавке, обмазала лавочника тухлыми яйцами и вывезла на грузовике на Невский, с надписью: „я—мародер“. Самосуды над лавочниками повторяются ежедневно“. В представлении населения города мерещились колоссальные запасы продовольствия, скрытые в тайных подвалах лавочниками,—запасы, которых хватило бы на полное изжитие продовольственного кризиса. Многие думали, что лавочники не выпускают запасов из-за наличия такс и предельных цен, и переносили свое недовольство на регулирование продовольственного рынка, на карточную систему, на хлебную монополию... Очереди раздражали и без того измученных жителей А обыватель, вообще падкий до ужасов и ночных страхов, коротал свое стояние в хвостах сказками о причинах кризиса, фантазиями о способах его ликвидации и пророчествами о будущих муках. Рабочие, на которых ложилась главная тяжесть кризиса, с каждым днем все отчетливее понимали, что решение продовольственного вопроса возможно только путем коренной экономической ломки во всей стране.

Июль принес новые затруднения в продовольственном положении страны. Председатель делегатской комиссии потребляющих губерний и фронта так характеризировал в своей телеграмме министру продовольствия перспективы снабжения хлебом: „Отсутствие запасов на станциях и пристанях делает невозможным выполнение июньского плана свыше 75%... Что касается июля, то из-за начавшихся полевых работ выполнено может быть не более 30% наряда“ [3])... В том же номере „Бюллетеня центр. продов. управы“, где была помещена эта телеграмма, сообщалось о том, что „подача продуктов фронтам сравнительно с нормой за последнее время резко и угрожающе понизилась“ и что „армии живут лишь подвозом сегодняшнего дня“. Запасы хлеба в распоряжении органов продовольствия снижались с каждым днем. Положение транспорта ухудшалось. „На железнодорожный транспорт надежд нет почти никаких, и если только Волга останется не использованной, то это самым отчаянным образом отразится на Петроградской губернии“,– фиксировал петрогр. губерн. прод. комитет в своем журнале заседаний 30-го июля.

За счет ранее принятых мероприятий к началу июня в распоряжении центральной продовольственной управы имелись довольно значительные запасы хлеба. На 3-е июля в городе было муки и зерна приблизительно на две недели, на 8-е июля запас составлял около 800.000 пудов. Кроме того, на рельсах было

[1]) Бюл. особого присутствия № 16.
[2]) Прот. П. Ц. П. К. № 25 от 27 мая.
[3]) „Бюллет. Ц. П. У.“ № 6

475 вагонов и на баржах шло около 110.000 пуд., что, по вычислениям управы, составляло с возможными поступлениями около 1.500.000 пудов хлеба, которого должно было хватить для обеспечения населения до 15-го августа [1]). Однако, за первую половину июля в адрес прод. управы пришло 372.012 пудов хлебных грузов, а всего за июль—595.595 пуд. при норме потребления по установленным рационам приблизительно в 1.200.000 пудов [2]). Таким образом, прибытие едва покрывало половину самой ограниченной потребности, и уже 31-го июля петроградский центральный продовольственный комитет в своем протоколе констатировал, что запасов зерна имеется только на 7 дней, а муки почти совсем нет. На июль месяц назначено было к завозу в город 80 поездов живого скота, что должно было дать около 140.000 пудов мяса и 30.000 пудов мороженого мяса. На 3-е июля мяса было в запасе около 58.000 пудов [3]). Однако планы расходились с действительностью, и по подсчетам продовольственной управы на 8-е июля за предыдущие 40 дней снабжение Петрограда живым скотом было выполнено только в размере 35% потребности. За весь июль месяц в Петроград прибыло около 110 тысяч пудов всякого мяса, что, по данным „Продовольственного вестника", составляло 42% потребности по норме фунт на человека в неделю [4]). Очень остро обстояло дело с фуражом, которым, по данным продовольственной управы, в июле Петроград был удовлетворен в 6% своей потребности. Еще в начале июля сообщалось о том, что нет растительного масла и зернового фуража. Запас круп на 8-е июля составлял 90.000 пудов при норме 220.000 пудов в месяц.

С 1-го июля введена была карточная система на мясо, яйца и масло. За июль дважды были повышены таксы на хлеб: сначала—8-го июля—до 12 коп. за фунт ржаного и 17 коп. за фунт ситного, затем—16-го июля—ржаной до 14 коп., ситный до 20 коп. за фунт. Дважды были повышены таксы на сахар. Была повышена такса на мясо и молоко. К концу июля в Петроградской губернии запрещено было, в виду недостатка продовольственных хлебов, использование ячменя для корма с обращением его полностью на производство крупы.

„Продовольственное положение Петрограда в крайне печальном состоянии,—писала в середине июля „Рабочая Газета".—Хвосты около лавок; необходимо затрачивать массу времени, чтобы получить ¾ фунта хлеба... Перспективы в ближайшее время иметь в лучшем случае только ½ ф. мяса и ¼ масла в неделю, при крайне дорогих и недоступных для массы населения ценах на телятину, птицу, дичь и проч... Недостаток яиц и овощей..." [5])

Положение города в августе и сентябре.

Если за счет чрезвычайно напряженной работы и максимальной концентрации усилий удалось добиться некоторых, хотя и не очень больших, но все же достижений в деле снабжения Петрограда продовольствием в течение июня и июля месяцев, то уже к началу августа кризис разросся настолько, что не было возможности его ослабить или смягчить. Голод совершал свое победоносное шествие по стране, разоренной еще во время царского периода и добитой в первые шесть месяцев [illegible] контр-революции, саботажническая политика капиталистов,—все это чрезвычайно

[1]) Протокол П. Ц. И. К. № 30 и Бюллет., № 3—4.
[2]) „Прод. Вестник", №№ 2 и 4.
[3]) Бюллетень, №№ 2 и 5.
[4]) „Прод. Вестник", № 2, 12 августа 1917 г. Протокол П. Ц. И. К. № 30, 8 июля.
[5]) „Рабочая Газета", 15-го июля.

усиливало действующие разрушительные силы и являлось крупным фактором ускорения темпа разрухи. Обстоятельства уже давно сигнализировали неминуемость наступления нового кризиса.

Первого августа „Известия Совета Раб. и Солд. Деп." так характеризовали положение вещей: „Положение потребляющих губерний чрезвычайно острое... Нужны героические усилия, чтобы выйти хотя бы в некоторой степени из все усугубляющегося продовольственного кризиса" [1]). На 10-е августа на складах управы было 84.800 пудов зерно-хлеба, т. е. немногим больше двухдневного запаса. За первую неделю августа—с 1-го по 7-е—поступило 18 тысяч пудов пшеницы, 6 тысяч пудов ржи, 48.077 пудов пшеничной муки и 32.615 пудов ржаной муки, т. е. всего около 99 тысяч пудов. Потребность за эти же дни составляла по нормам около 280 тыс. пудов. Во вторую неделю прибыло больше хлебных грузов, но все же за первую половину августа прибытие хлеба (около [illegible] лишь немногим больше половины [2]). Всего в августе прибыло хлебных грузов—1.051 тысяча пудов, в сентябре — 1.111 тыс. пудов. При этом распределение муки в течение одного только сентября составило 1.372.000 пудов. За август месяц Петроград был удовлетворен фуражом на 39% потребности, за сентябрь—9% „ 24-го августа, по протоколу петроградского центрального продовольственного комитета, запас хлеба в городе имелся на 10 дней; на 16-е сентября запас уменьшился еще больше и едва достигал семидневного. По нарядам министерства продовольствия было назначено к ввозу в Петроград за июнь—сентябрь включительно 8.120 вагонов хлеба; погружено было за период с 1-го июня по 18-е сентября—4.201 вагон, прибыло 3.017 вагонов [3]).

Считая в среднем население в этот период в 2.200.000 человек (что меньше официальных данных), имеем среднюю норму в день на человека около 0,6 ф. печеного хлеба. Цифра—довольно убедительная для характеристики положения населения, особенно, если принять во внимание наличие дополнительных карточек и отдельные перебои в снабжении. Несомненно, что практически средний паек на человека получался еще меньше, так как часть хлеба терялась по пути в распределительной сети. Приведем один только пример, который достаточно показателен. В Казанском районе, по сообщению „Бюллетеня ц. прод. управы" (№ 13), при 46.000 населения и 8.000 дополнительных карточек, районных и городских лавок совсем не было. „Все распределение продуктов производится частными торговцами. Открыты два домовых кооператива. Мест продажи хлеба—44. Контроль — недостаточный. Торговцы проводят свою политику". Само собой понятно, что при проведении этой „своей политики" за счет весов, за счет качества, за счет цены и припека, они умудрялись на практике снизить довольно порядочно и так низкую норму юридически выдаваемого пайка. С 31-го августа был введен пониженный рацион хлеба: полфунта хлеба в день по основной и полфунта по дополнительной карточке. Уменьшение рациона мотивировалось ухудшением продовольственного положения города в связи с корниловским восстанием. Старые нормы выдачи хлеба были восстановлены лишь 8-го сентября. Уже в августе ввиду ограниченной наличности запасов зерна и слабого подвоза „управа подняла вопрос о примеси овса, мучки и ячменя к хлебу" [4]).

[1]) № 132, 1 августа 1917 г.

[2]) Бюллет. Ц. П. У. № 9 и „Прод. Вестник", №№ 2 и 4.

[3]) Бюллетень особого присутств., № 16.

[4]) Бюллетень центральн. прод. управы, № 8.

Очень осложнился вопрос с молоком. Среднее прибытие в первые дни августа молока в Петроград („Прод. Вестник", № 8) составляло около 7.000 ведер в день. Среднее прибытие молока за сентябрь, по данным, приводимым в № 26 „Бюллетеня особого присутствия", было 3.571 ведро. Положение осложнялось тем, что с 1-го сентября финляндским сенатом был запрещен вывоз молока из Финляндии. Это было последним ударом по снабжению Петрограда молоком, которое и без того значительно ухудшилось из-за транспортных осложнений: в нормальное время радиус поставки молока в город был около 600 верст и, само собой понятно, что в условиях транспортной разрухи и трудности переездов по железным дорогам радиус этот должен был значительно сократиться. В Петрограде и его пригородах насчитывалось детей до трехлетнего возраста 127.123; таким образом, средняя дневная норма молока на ребенка, если исходить из приведенных выше размеров завоза молока в город, составляла в августе—около 1,1 бутылки, в сентябре—0,55 бутылки, т. е. уменьшилась ровно вдвое. При этом не следует забывать, что в городе были и другие потребители молока; дети старше трех лет и больные. Да, кроме того, состоятельные взрослые, несомненно, не отказывались также от покупки молока.

Не лучше было и с остальными продуктами. На 19-е августа запас мясных продуктов составлял 12.465 пуд., т. е. около 0,22 фунта на одного жителя. Дичи было 25.293 пуда, рыбных продуктов 16.688 пуд.; масла разного—3.974 пуд., т. е. 0,07 фунта на человека. Уже в начале августа серьезная ставка ставилась на воблу, которую центр. прод. управа хотела получить от министерства земледелия в количестве 120.000 пуд. с тем, чтобы распределить в августе по ½ ф. на человека, в сентябре по 1 ф. и в октябре по ½ фунта.

Положение города было отчаянным. Грузы, шедшие на Петроград, захватывались местными организациями, застревали и не попадали в город: „в пути для Петрограда было 1.800.000 пуд. хлеба, но часть направлена на фронт, часть в другие губернии",—сообщает протокол прод. комитета от 24 августа. Спекулянты, несмотря на все контрольные мероприятия, с одной стороны, вывозили в прилегающие местности продукты из города, с другой стороны, продолжали безучетно и контрабандно ввозить продукты в город для продажи по бешеным ценам.

„Хлеба хватит только при самом бережном и справедливом его распределении,—писал центр. прод. комитет в своем обращении к населению,—мяса на каждого русского гражданина приходится менее фунта в неделю. Масла и других жиров нужно для населения России не меньше 40.000.000 пудов, имеется только 20.000.000 пуд., сахару в мирное время шло сто миллионов пудов, а сейчас его нет и семидесяти... И так со всеми продуктами..."

До такой остроты продовольственное положение города не доходило еще ни разу. Апрельский кризис был значительно мягче. Осенью, после столь напряженных попыток к решению продовольственного вопроса, надвинувшаяся катастрофа не оставляла даже возможности надеяться на улучшение.

Анархия и развал в стране росли. В Петрограде уже царил — не как призрак, не как тень, а как реальный хозяин—голод во всей его ужасной наготе. Прикрыть его нельзя было опостылевшими названиями „продовольственного кризиса", „продовольственных затруднений" и даже — „продовольственной разрухи". Он был слишком отчетливо явен и неизбежен, (притом на долгие времена), чтобы его можно было как-нибудь не замечать или не узнавать.

ГЛАВА VI.

Продовольственная катастрофа в Петрограде и положение города к Октябрьской революции.

В легенде о том, что февральскую революцию сделали женщины из „голодных" хвостов, есть, несомненно, доля истины. Продовольственный кризис был как бы лицевой, наиболее видной для невооруженного глаза стороной общего распада народного хозяйства, явившегося плодом империалистической войны, затянувшейся на долгие годы. И в период, предшествовавший наступлению Октябрьской революции, среди основных лозунгов, которые выставляли народные массы, хлеб играл не последнее место. Осложнения в снабжении Петрограда продовольствием достигли к октябрю невиданных размеров, и было очевидно, что выхода из создавшегося положения не будет.

Октябрь 1917 г.

На октябрь населению было выдано 2.836.740 основных карточек и 1.077.400 дополнительных (для лиц физического труда) [1]). По этим карточкам нужно было выдавать продукты, ибо других ресурсов для удовлетворения своих потребностей у жителей почти не оставалось.

Осень показала на деле результаты позорного краха общегосударственной хлебной монополии, которая фактически была сведена на нет объявленным 25 августа повышением вдвое твердых цен на хлеб. Уже в сентябре первые эффекты от увеличения цен на хлеб начали катастрофически быстро исчезать, а в октябре стало совершенно ясно, что больше никто даже по повышенным ценам хлеба не повезет: правительство само себя скомпрометировало своим отступлением.

Первые дни октября месяца в Петрограде ознаменовались новым вздорожанием печеного хлеба: такса на ржаной хлеб с 3-го октября была поднята до 22 к. за фунт, на ситный—до 28 коп. [2]). Перспективы снабжения даже по плану были угрожающими. Недельная норма масла по основным карточкам составляла 14.500 пуд., по дополнительным — 2.500, т. е. всего — 17.000 пуд. Между тем министерство продовольствия назначило ежедневный отпуск масла в 1.200 пуд., что должно было давать 8.400 пуд. в неделю, т. е. таким образом даже по плану удовлетворение маслом предполагалось только в 50% той минимальнейшей потребности, которая определялась карточной нормой [3]). По плану же предположено было распределить в Петрограде 45.359 пуд. круп [4]) при норме в 220.000 пуд. т. е., плановое удовлетворение крупами должно было составить только немногим выше 20%. Введена была из-за острого кризиса карточка на фураж. Такса на овес была установлена в 7 р. 55 к., ячмень—7 р. 6 к., отруби—5 р. 26 к. [5]).

[1]) Бюллетень особ. присутствия, № 19.
[2]) Бюллетень особ. присутствия, № 17.
[3]) Бюлл. особ. присутствия, № 18.
[4]) Там же.
[5]) Бюллетень особ. присутствия, № 17.

Уже с первых дней октября поступление грузов было самым минимальным. С 1-го по 8-е октября прибыло 986 пуд. круп, 3.252 пуд. мяса, 5.012 п. рыбных продуктов. Хлеб, который в первую неделю октября поступал в относительно приличном количестве, в течение второй недели дал резкое понижение (с 8-го по 15-е октября прибыло в адрес особого присутствия 159.159 п. хлебных грузов при потребности на эти дни в 280.000 пуд. минимум). Поступление молока в Петроград по железным дорогам за весь октябрь составило в среднем 2.168 вед. в день, т. е. 31% „ среднего прибытия в начале августа. Фуражом за октябрь месяц город был удовлетворен в размере 13% „ нормы.

Всего за октябрь месяц в адрес особого присутствия поступило 810.746 п. хлебных грузов, но даже и это поступление чрезвычайно колебалось в разные дни, так что моментами положение города становились совершенно безвыходным. „В Петрограде имеется хлеба всего на несколько дней, — докладывал председатель особого присутствия, — и если в течение ближайших дней не поступит достаточного количества хлебных грузов, то Петроград останется совсем без хлеба" [1]). „Потребность Петрограда по норме — 48.000 пуд. хлеба в день,— сообщали „Известия" 18 октября: — 14 октября поступило 18.000 пудов, 15-го октября—24.000 пуд., из них зерна до 70% „. Работает только одна мельница. Малейшее повреждение машины, и Петроград останется без хлеба". Не лучшими рисовало состояние и перспективы продовольственного снабжения населения воззвание городского головы: „Наше положение таково, что если опоздает почему-либо товарный поезд, или замедлится почему-либо выгрузка, или остановится на несколько часов мельница, то население столицы останется без хлеба..." [2]).

А между тем как раз дела обстояли так, что и поезда задерживались, и выгрузка замедлялась. Транспортная разруха достигла крайних пределов в области продвижения продовольственных грузов; адреса нарушались, хлеб задерживался и пропадал по пути... Образовывались пробки [3]). Вот несколько характерных примеров, которые взяты из одного только номера „Бюллетеня особого присутствия". „Отправленная из Уфы в Петроград баржа с мукой (17.361 п.) и рожью (16.000 п.) перехвачена в Нижнем-Новгороде". „Скопление вагонов под Москвой (4.000 ваг.) грозит порчей овощей, следующих в Петроград". „Юго-Восточная и Екатерининская ж. д. временно закрыли прием грузов, так что приостановлена погрузка и отправка продовольственных грузов в Петроград по этим дорогам" [4]). „В Петроград по Мариинской системе было направлено 400.000 пуд. хлеба, и из них задержано в пути и разграблено до 200.000 пуд.",— сообщали в середине октября „Известия Совета" [5]).

[1]) „Известия Сов. Раб. и Солд. Деп.", 14 окт. 1917 г., № 197.

[2]) „Известия Сов. Раб. и Солд. Депут.", 17 октября, № 199.

[3]) Как прибывал хлеб и работал транспорт, можно судить по сравнительным данным о прибытии по Мариинской водной системе, бывшей всегда одной из главных магистралей снабжения Петрограда:

	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь (24 дня)	Итого
1916 . . .	3.014 п.	2.945.534 п.	4.161.661 п.	3.232 192 п.	1.396.731 п.	11.739.132 п.
1917 . . .	1.124 „	445.371 „	240.465 „	297.571 „	330.616 „	1.315.147 „

„(Бюллетень Петр. особ. прис. по продов.", № 16).

[4]) Бюлл. особ. присутствия, № 21.

[5]) „Известия С. Р. и С. Д.", № 199, 17 октября.

Подвоз хлебных грузов в течение всего октября резко падал:

	С 1-го по 7-е	С 8-го по 14-е	С 15-го по 21-е окт.
Пшеница .	217.284 п.	91.544 п.	31.119 п.
[illegible] .	[illegible] .	[illegible] .	[illegible] .
Пшен. мука .	54.053 „	37.222 „	72.433 „
Ржан. мука . .	19.001 „	5.000 „	2.039 „
Всего . .	312.006 п.	159.159 п.	137.638 п.

Таким образом, среднее прибытие в день за первую неделю составляло 44.572 пуда, за вторую — 22.737 п., за третью — 19.638 п. Самая минимальная норма потребления была около 40 тысяч пудов: население могло получить только половину этой нормы. С 14 октября к дневному отпуску муки особое присутствие решило прибавлять 5 тысяч пудов ячменя. Вскоре было вынесено такое постановление: „считать норму припека как для ржаной, так и для пшеничной муки 50%; при перемоле пшеницы и ржи ввести в качестве примеси ячмень в количестве 25%“ [1]. С 21-го октября хлебный паек был уменьшен до полуфунта по основной и дополнительной карточкам, причем особое присутствие по продовольствию признало необходимым „не возвращаться к прежнему размеру хлебного пайка до тех пор, пока в распоряжении особого присутствия не образуется запас на 10—12 дней...“

„Рабочий Путь“ писал: „За 10 дней октября Петрограду отпущено 40—50 вагонов зерна вместо необходимых 400... Положение поистине критическое... В Петрограде нет хлеба, масла, яиц. Но всего этого нет для бедных классов, для рабочих, служащих, и всегда находится в достаточном количестве для состоятельных слоев населения... Итак, дело, значит, не только в недостатке продуктов, но и в неправильной организации всего дела распределения продовольствия страны...“ Узел голода затягивался над городом туже и туже. Выхода не было, не было надежды на улучшение. Рабочий Петроград убедился в том, что ни широковещательные обещания правительства, ни панические воззвания продовольственных органов не смогут уже вывести город из тупика. Хвосты были бесконечно длинны,—и не было уверенности в том, что, даже отстояв полдня в хвосте, получишь свой паек...

Долгие годы нарастания кризиса закончились полной катастрофой. Голод победоносно вступил в свои права.

За хлеб, мир и землю рабочие и крестьяне в солдатских шинелях вышли в бой 25-го октября. И вместе с добытой в великой битве победой приняли на свои плечи невиданное по тяжести наследие—страну изнуренную, разрушенную, больную затяжной болезнью...

[1]) Бюллетень особого присутствия, № 23.

Некоторые итоги. С первого дня империалистической войны был заложен фундамент непреодолимого развития продовольственного кризиса во всей стране. Корни кризиса крылись в общей хозяйственной обстановке России, напрягавшей силы в длительной и непосильной войне. Обстоятельства военного времени в корне потрясли все народное хозяйство и вызвали к действию непрестанно нараставшие процессы развала почти всех отраслей народнохозяйственной жизни. Продовольственный кризис, родившись из этого развала, был в то же время одним из первых и наиболее ярких его показателей и увеличивался по мере развития общей экономической разрухи.

1. Совершенно естественным было то, что в первую очередь продовольственный кризис появлялся и давал себя чувствовать в потребляющих губерниях и крупных населенных центрах. В такой обстановке положение Петрограда было особенно трудным. Здесь сначала дороговизна, а затем недостаток продовольствия получили особо острые формы, появились очень рано и развивались очень быстро. Здесь раньше, чем во всех других городах, появились все предпосылки к перерастанию дороговизны и продовольственного бестоварья в прямой голод. Экономическое положение города, расположенного вдали от производящих районов, не имевшего налаженного снабженческого аппарата и фактически находившегося во власти частного рынка, в условиях войны неминуемо должно было привести население на границу голода.

2. Народнохозяйственная разруха началась с первых дней войны, была естественным результатом дореволюционных методов хозяйствования, особенно губительно дававших себя чувствовать в обстановке военного времени, и колоссальных по размерам общегосударственных военных издержек. Разруха органически вошла в жизнь страны и была загнана внутрь ее всей политикой правительства, являвшейся продуктом интересов господствовавшего класса. Болезнь приняла хронический характер, и лечение ее должно было бы требовать весьма продолжительного времени даже в условиях спокойной, нормальной обстановки. Отсутствие такой обстановки могло вызвать только дальнейшее обострение и осложнение разрухи, нарастание ее с прогрессирующей быстротой. Поэтому все разговоры о том, что основа и первопричина голода кроются в революции, были простыми словесными упражнениями контр-революционных элементов, пытавшихся на почве голода использовать в своих целях обывателя и наименее стойкие группы трудящихся.

3. К моменту начала войны снабжение города целиком и полностью находилось в руках частновладельческого аппарата; кооперация находилась почти в зачаточном состоянии, обслуживала только небольшие группы населения и в общем снабжении города играла весьма незначительную роль; других организаций, которые могли бы противодействовать анархическому влиянию частного капитала на усиление продовольственного кризиса, не было. За время войны появились продовольственные организации — городского самоуправления, правительственные и филантропические; кроме того, под влиянием растущей дороговизны, значительно увеличила размеры своей работы кооперация. Но все мероприятия этих организаций и, раньше всего, самое появление их на свет чрезвычайно запаздывали.

4. Естественные результаты войны и вся сумма объективных обстоятельств, являющихся постоянным спутником всякой войны, вообще, могли бы быть смягчены, не так остро и не так быстро ухудшать продовольственное положение Петрограда, если бы во-время были приняты соответствующие меры. Разумеется,

уничтожить разруху или совершенно изжить кризис было невозможно, но все же можно было несколько ослабить темп их нарастания, смягчить их действие. Между тем вся деятельность правительственных бюрократов практически только способствовала усилению последствий войны и скорейшему превращению их в голод. Прежде всего оценка положения абсолютно не соответствовала действительности: правительственные верхи считали, что продуктов в стране имеется избыток и поэтому бояться нечего. Никаких регулирующих мероприятий с самого начала предпринято не было. Сроки были упущены, и кой-какая продовольственная работа началась только со второго года войны. Даже тогда, когда стали понимать, что война—дело нешуточное и не простой армейский парад, когда старая точка зрения: „страна достаточно богата, а война скоро кончится"—начала отходить в область предания,—политика борьбы с кризисом носила все же чрезвычайно узкий охранительный характер и, разумеется, не могла дать никаких практических результатов. Аппараты, которые занимались снабжением, были бюрократичны, не гибки, набирались из людей, неспособных к такой значительной работе. Объем деятельности этих аппаратов в сравнении с объемом кризиса был ничтожен. Ко всему этому—в качестве очень серьезного фактора—сильную дезорганизацию в продовольственное дело вносили отсутствие единого аппарата и концентрации в одном месте всех мероприятий по борьбе с кризисом. Продовольственные учреждения всячески подсиживали друг друга, парализуя работу. Выступления на рынке были не согласованы, что вызывало нередко в области заготовок рост цен или исчезновение продуктов. По отношению к кооперации, которую можно было использовать довольно широко в деле распределения, был проявлен максимум недоверия.

Таким образом, помимо общих экономических обстоятельств, на развитие кризиса в Петрограде влияли также и чисто технические причины: слишком запоздалое начало борьбы с продовольственными затруднениями, мизерный масштаб этой борьбы, разрозненность боровшихся с кризисом организаций и плохо слаженный аппарат этих организаций. Эти технические причины сыграли немалую роль в подготовке условий для наступления голода.

5. До февральской революции в организации продовольственного дела в [illegible] комиссия, затем продовольственный комитет, затем исполнительная комиссия по продовольствию), правительство (особо уполномоченный по продовольствию, градоначальник, пристава и т. д.), потребительские кооперативы (зависимые и независимые), а также разного рода филантропические организации (попечительство о бедных и т. д.). Помимо того, что сама техническая деятельность этих органов была неудачна или мала в сравнении с масштабами надвигавшегося бедствия, какие-нибудь действительно серьезные мероприятия борьбы с продовольственным кризисом были невозможны из-за той общей экономической политики, которую осуществляло правительство, представлявшее и защищавшее в первую очередь интересы господствующего класса собственников. Те единственные мероприятия, которые могли бы оказать сильное сдерживающее влияние на развитие кризиса, были органически невозможны и практически неосуществимы, ибо они должны были бы нанести ущерб хищническим стремлениям помещиков, фабрикантов и торговцев.

6. Поэтому в течение всего периода до февральской революции продовольственный кризис в Петрограде мог развиваться, почти не встречая на своем пути

работа, но она не могла сыграть никакой роли. И серьезная экономическая болезнь становилась хронической, почти не поддающейся лечению.

В результате всего этого уже февральская революция получила катастрофическое наследство. Тем не менее, еще не было поздно объявить действительную борьбу с разрухой, ибо ресурсы страны не полностью были исчерпаны и проведение в жизнь серьезного регулирования могло бы исцеляюще отразиться на всем народном хозяйстве. Хотя и поздно, но все же можно было ослабить разруху и во всяком случае начать ликвидацию продовольственного кризиса. В период существования временного правительства ничего, однако, не было сделано, и петля затянулась еще туже.

1. Первой основной причиной этого было сохранение во всей политике правительства и буржуазии, стоявшей за его спиной, всех тех внутренних противоречий, которые характеризовали народнохозяйственную жизнь при царском правительстве. Буржуазия не хотела поступиться своими интересами ради ослабления кризиса, — и поэтому все мероприятия в этой области были заранее обречены на неудачу и на вырождение в полумеры.

2. Решительным и коренным средством к нормализации хозяйства являлось, разумеется, удаление основного фактора, вызвавшего к жизни кризис, т. е. [illegible]. Правительство, [illegible] европейским капиталом, ни в коем случае не могло пойти на это. В борьбе „за войну" его поддерживали всяческие группы соглашателей,—и таким образом уже одно это должно было продолжать дальнейшее разрушение народного хозяйства, углубляя уже выявившиеся кризисы и вызывая к жизни новые.

3. Не только такие радикальные решения, как ликвидация войны, были неприемлемы для буржуазии. Она не могла пойти даже на временные жертвы, которые должны были бы смягчить продовольственный кризис. „Достаточно самого небольшого внимания и размышления, — писал Ленин, — чтобы убедиться в том, что способы борьбы с катастрофой и голодом имеются, что меры борьбы вполне ясны, просты, вполне осуществимы, вполне доступны народным силам и что меры эти не принимаются только потому, исключительно потому, что осуществление их затронет неслыханные прибыли горстки помещиков и капиталистов". И далее: „эти меры: контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного расходования рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их. Контроль, надзор, учет—вот первое слово в борьбе с катастрофой и голодом. Вот что бесспорно и общепризнано" [1]).

Буржуазия не могла пойти на это, ибо „священные интересы собственности", за которыми скрывались военные сверхприбыли, таким образом были бы нарушены, и предпочитала переложить всю тяжесть разрухи на плечи трудящихся.

4. Продовольственный вопрос, разумеется, не мог быть решен изолированно, вне связи с общим регулированием всего хозяйства. Но даже внутри одного только этого вопроса собственники категорически отказывались от допущения какого-либо посягательства на их имущественные интересы (хлебная монополия и срыв твердых цен на хлеб, отношение к монополиям на продукты питания,

[1]) Ленин, „Собрание соч.", т. XIV, ч. II, стр. 178

карточной системе и т. д.). Представители соглашательских партий, вырабатывая для видимости „ультрареволюционные" проекты [1]), практически покорно осуществляли волю капиталистов [2]).

5. Буржуазия, преследуя свои собственные цели, в процессе развития февральской революции постепенно все больше и больше принимала формулу „удушения костлявой рукой голода" как основную программу. Осуществление этой формулы на практике означало такую форму разрушения хозяйства, которая, с точки зрения буржуазии была, так сказать, рентабельной: это были издержки на контр-революцию. Таким образом, продовольственный кризис должен был только усугубляться, а отнюдь не ослабляться.

6. Все это особенно сильно отражалось на продовольственном положении Петрограда. Помимо всех тех обстоятельств, которые обращали уже в дофевральский период снабжение города в очень трудную задачу и которые, разумеется, продолжали действовать и после февраля, прибавилось еще то, что Петроград стал главной базой революции. Работа продовольственных органов февральского периода ни в коей мере не могла сдержать роста продовольственного кризиса. Кооперация, получившая во времена „керенского правительства" полное признание и покорно выполнявшая его волю, точно также не могла внести серьезные облегчения в затруднявшееся продовольственное положение города.

7. Сумма изложенных выше обстоятельств, непрестанно взаимодействовавших друг на друга и друг друга усугублявших, неумолимо должна была на фоне увеличивавшейся народнохозяйственной разрухи способствовать росту продовольственной анархии и толкать Петроград к наступлению голода.

Новая власть, власть революционного пролетариата, по-

для того, чтобы расхлебать его, нужны были бы годы.

По докладу министра продовольствия, положение дела уже в августе 1917 года было таково что в новый сезон рассчитывать можно было на выполнение только 50% заготовок, потребных для удовлетворения армии и населения. Уже тогда министерство продовольствия видело единственный выход из положения в том, чтобы 1) сократить контингент армии, 2) применить суррогаты хлеба, 3) расширить потребление картофеля, 4) бороться с истреблением хлеба самогонщиками... [3]) „Зрелище, которому нет названия, являет нам картина течения экономической жизни на местах"—писал орган министерства

[1]) В. И. Ленин, анализируя в „Правде" такие ультрареволюционные проекты, называл их „образчиком бьющей на эффект фразы". „Такими фразами, — писал он, — постоянно обманывают народ в буржуазных парламентских республиках".

[2]) „Разговоры на эти темы, — рассказывал Суханов, — в правительственных учреждениях направлялись главным образом в сторону организации снабжения деревни, которая без этого перестает давать хлеб. Но так как это дело было безнадежно, а деревня вопила, то селянский министр Чернов напал на плодотворную мысль: устроить „железный день для деревни". Чернов объявил, чтобы все, кому дороги интересы отечества, несли в такой-то день в указанное место — гвозди, подковы, дверные скобки и всякий железный хлам. Все это для нужд деревни... Вот это и было „регулирование промышленности". По Сарабьянову, стр. 78.

[3]) В том же докладе министр сообщал, что вследствие транспортной разрухи вывезти весь заготовленный хлеб не представляется возможным. К началу октября на северном фронте муки было на 15 дней, фуража на 1 день; на западном фронте муки на 11 дней, фуража на 3½ дня; на юго-западном фронте муки на 6 дней, фуража на 1 день; на румынском фронте муки на 7 дней, фуража на 3 дня

продовольствия („Продовольствие и снабжение"), „ее основной фон: замирающий подвоз продуктов, истощающиеся запасы. Понижающиеся хлебные пайки (местами доходит до 6½ ф. в месяц). Начинающееся снабжение суррогатами (подсолнечные выжимки, отруби, жмыхи, солод)... Опасность недосева за отсутствием семян. Прекращение работы в рудниках. Закрывающиеся магазины. Эпидемии цынги, [illegible] голодной смерти"...

Таково было, по признанию самих руководителей продовольственного дела периода временного правительства, наследство, которое получала Октябрьская революция от буржуазии. Ко всему этому империалистическая война была не закончена; начиналась гражданская война.

Петрограду это наследство сулило мало хорошего, особенно, если принять во внимание, что его продовольственный аппарат — по всему своему складу и воспитанию — был подготовлен к саботажу революционной власти.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО АППАРАТА.

ГЛАВА I.

Последние дни старого продовольственного аппарата.

Кризис обострившийся к октябрю 1917 г. продовольственный кризис во всей стране и в особенности в Петрограде заставил партию большевиков отнестись к продовольственному делу с особенным вниманием.

Партия в обращениях к массам указывала, что преодолеть и победить голод может только новая, своя власть, власть трудящихся масс, крестьянская власть. „В городах голодают,—писала газета большевистской партии „Рабочий Путь“—[1]—все хорошо понимают, что уничтожить помещичью власть, отдать землю крестьянам может только новая власть. Правительство буржуазии хочет заморить революцию голодом... Хлеб, как и землю, как и мир, даст только новая революция, новая, своя власть трудящихся и угнетенных масс“. 19, 20 и 21 октября в той же газете появляется статья Ленина „Письмо товарищам“, в которой Ленин называет большевистскими вождями. „Или голод победит—тогда—конец—тогда в Петрограде почти наверное, почти несомненно—власть большевиков. Или большевики победят—тогда—конец—тогда в несомненности—наша победа“. Именно Ленин и Троцкий борются с буржуазией, которая готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом, — писал в ответ на эти доводы Ленин.—Нет и быть не может иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре. Иначе ни достать хлеба у богачей, ни вывезти его, покрыв на себе расходы, ни улучшить сколько-нибудь серьезно скудный и нажившийся капиталистов, ни создать строгий учет и контроль. Это доказывает именно история продовольственных учреждений и продовольственной партии „демократии“, которая миллионы раз жаловалась на саботаж капиталистов, хныкала, умоляла. Нет силы на свете, кроме силы победоносной пролетарской революции, чтобы, вместо слабой и пресной борьбы с саботажем революционному делу. И чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем больше затянут ее соглашательские колебания, тем больше жертв она будет стоить, тем труднее будет наладить подвоз и распределение хлеба. Промедление в восстании смерти подобно — вот что надо ответить тем, кто имеет печальное „мужество“ смотреть на рост разрухи, на

[1]) „Рабочий Путь“, № 34, 19 октября.

близость голода и отсоветовать рабочим восстание (т. е. советовать им подождать, еще положиться на буржуазию)" [1].

Первые распоряжения.

Пролетарская революция стала совершившимся фактом, и перед рабочим классом стоял ряд сложнейших задач. Разумеется, уже в первых решениях советской власти было отдано соответствующее внимание продовольственному вопросу. Второй Съезд Советов, образовавший первое рабоче-крестьянское правительство, в своей декларации-воззвании ко всему населению заявлял, что советская власть, в числе [illegible] димости в деревни". В этой фразе укладывалась вся программа советской продовольственной работы наступавшего периода. Формула „товары—хлеб" в дальнейшем своем развитии постепенно превратилась в объявление государственной монополии наравне с хлебом на важнейшие отрасли промышленности, снабжающие крестьян предметами первой необходимости, в проведение товарообмена и во всю последующую сложную систему смычки города и деревни.

[illegible] согласно которому городским самоуправлениям предоставлялся целый ряд прав в области продовольственного дела [2]. Они признаются единственным распределительным органом, имеющим права реквизиции, конфискации, секвестра всего необходимого для смягчения продовольственного кризиса. Этим постановлением обеспечивалась бесперебойная работа продорганов на первые недели после [illegible] низации продовольственного дела на советских началах. 21 декабря 1917 г. появляется циркулярная телеграмма т. Свердлова и наркомпрода т. Шлихтера, предлагающая всем советам р., с. и кр. деп. приступить к созданию при советах продовольственных комиссий с тем, чтобы эти комиссии тотчас же взяли в свои руки контроль над местными продовольственными организациями. В дальнейшем приказ этот указывал на то, „что все продовольственные органы в их полном объеме переходят всецело в ведение советов, которые, в свою очередь, согласуют свою деятельность по продовольствию с общим направлением деятельности центральных продовольственных органов" [3]. Состоявшийся параллельно с третьим Съездом Советов в середине января всероссийский продовольственный съезд подтвердил правильность взятой Наркомпродом линии на поглощение продкомов советами.

Состояние продовольственного аппарата страны в первые после Октября месяцы было, разумеется, не оформившимся и в организационном отношении весь аппарат представлял собою конгломерат органов разного типа. Часть продкомитетов на местах была распущена, и дела их переданы в продовольственные отделы советов, часть же в виде продовольственных управ продолжала существовать. Только декретами 13 и 27 мая 1918 г. было установлено единообразие органов, и одновременно была объявлена так называемая „продовольственная [illegible]

[1]) Ленин., Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 281—282.

[2]) „Известия Сов. Раб. и Солд. Деп.", № 209 от 28 ноября.

[3]) Цитир. по книге Н. Орлова „Продовольственная работа советской власти". Положения, выдвинутые этой телеграммой, еще некоторое время были предметом спора между коллегией Наркомпрода и другими организациями, пытавшимися стать во главе продовольственного дела (всероссийская продовольственная комиссия—„Девятка")

лах строгой централизации. По мнению тов. Свидерского, эти директивы были „первым актом, определившим основной мотив всей последующей работы в продовольственной области“ [1]).

Сложность обстановки.

Исключительная сложность продовольственного вопроса требовала от власти чрезвычайной осторожности. Тонкая нить продовольственой работы каждую минуту грозила окончательно оборваться. Продовольственный кризис создавал опасную угрозу не только для той или иной группы недоедающего населения, но и в целом для судьбы всей пролетарской революции. Голод всегда был одним из очень сильных стимулов человеческих поступков; на голоде легче всего могли спекулировать (и спекулировали) силы реакции и контр-революции. В первые же месяцы новой власти, когда государственный аппарат был только в зачаточном состоянии, каждая вспышка голодного бунта могла поставить под удар победу революции. Продовольственную работу нельзя было приостановить, и малейший перерыв в ней был чрезвычайно опасен, так как обрекал восставшего рабочего и его семью на лишение сегодняшнего куска хлеба, без которого он не мог существовать.

Учет всех этих условий должен был сыграть решающую роль в отношении советской власти в первые месяцы революции к продовольственному делу. Как бы продовольственный аппарат ни был сам по себе исковеркан к Октябрю, с какими бы перебоями ни работал, все же было лучше, чтобы он продолжал работать и давать хоть что-либо, чем совсем остановился. Было понятно, что аппарат нужно реорганизовать, что необходимо излечить его и изменить систему его работы, но это надо было проводить, менять части машины на ходу, ни на минуту не приостанавливая работы. Тем более нужна была осторожность, что даже и в этой смене частей встречались колоссальные трудности. Требования, которые предъявляла на людей обстановка революции, в несколько раз превышали количество имевшихся работников. Поэтому использование тех работников, которые после возникновения советской власти остались на своих местах и продолжали работать, представлялось насущной необходимостью. Это и было [illegible] городским самоуправлениям широких прав в продовольственном деле. На первое время можно было ограничиться предъявлением одного требования к продовольственному аппарату: не помогать силам контр-революции и не мешать революционной борьбе.

При всех прочих условиях организация советского продовольственного аппарата затруднялась и тем, что процесс установления советской власти на местах, в особенности в отдаленных от Петрограда районах, являвшихся главными поставщиками хлеба для столицы, требовал сравнительно значительного времени. Проводить при таких условиях с места в карьер коренную реорганизацию продовольственного дела было бы нецелесообразным и бесплодным, ибо в этот период все равно еще не удалось бы построить единообразный, централизованный аппарат, который был необходим для правильной продовольственной работы.

Состояние наследства, полученного от временного правительства, и та обстановка, в которой приходилось работать только что родившейся рабоче-крестьянской власти, предопределяли отношение и тактику партии большевиков и

[1]) Статья тов. Свидерского в сборнике „Календарь продовольственника на 1921 г.“ Издание Наркомпрода. Москва

советской власти в области продовольственной работы. В конечном итоге эта тактика сводилась к следующим положениям: временно избегая коренной ломки продовольственного аппарата, ни в коем случае не прерывая его работу и максимально использовывая оставшихся в аппарате работников, в то же время накапливать свои силы, чтобы тогда, когда представится к этому возможность, перевести продовольственную работу полностью на советские рельсы.

В работе петроградского продовольственного аппарата все эти положения получили наиболее яркое отражение. В отношении к петроградскому продоргану советская власть, совершенно естественно, проявила особую, исключительную осторожность, так как на него выпала роль быть интендантом центра революции.

В это время кипела сильнейшая борьба по всем направлениям. Победоносно развивавшаяся революция брала приступом участки за участками во всех областях государственной и хозяйственной жизни. В таких условиях продаппарат Петрограда должен был во что бы то ни стало работать бесперебойно.

К моменту Октябрьского переворота продовольственное дело в Петрограде находилось в ведении „Особого по продовольствию присутствия". Персональный состав особого присутствия отражал сложившееся соотношение политических сил в переизбранной 20 августа городской думе. Хотя августовские выборы дали большинство соглашательским партиям, главным образом эс-эрам, в то же время, по сравнению с майскими выборами в районные думы, значительно увеличилось число поданных за большевиков голосов. Это обстоятельство (большевики составляли треть всех гласных) заставило правое большинство городской думы ввести в состав особого присутствия двух большевиков (т. Владимирова и Смит-Фалькнер). Однако до самого конца своей деятельности особое присутствие руководилось большинством из представителей право-социалистических партий. Таков же был политический состав членов 20 районных продовольственных управ и продовольственных отделов районных дум, руководивших продработой в районах.

Отсутствие внутреннего единства налагало на всю работу особого присутствия печать беспомощности. Деловые заседания превращались в политические дискуссии, сопровождавшиеся взаимными обвинениями. Большевики из особого присутствия, до Октябрьского переворота видевшие свою задачу внутри продаппарата в максимально возможной, при создавшихся условиях, защите интересов рабочих масс, после 25 октября стремились к наиболее безболезненному овладению продовольственным аппаратом изнутри. Представители же право-социалистических партий не желали отказываться от руководства продовольственным аппаратом, цепляясь за этот аппарат и со дня на день ожидая гибели советской власти.

Оценивая работу особого присутствия за весь период его существования, т. Смит-Фалькнер дает ей следующую характеристику: деятельность особого присутствия, в большинстве состоявшего из цензовых элементов, сводилась к тому, что „население получало лишь карточки, но не получало продуктов, ибо присутствие не сделало ни одного решительно шага для того, чтобы гарантировать гражданину причитающуюся ему долю продуктов".

Появление принципа нейтральности.

День 25 октября особое присутствие встретило в состоянии растерянности. У руководящего большинства не было директив ни от городской думы, ни от политических партий, растерявшихся под напором революционной волны. Однако уже в тот самый момент, когда красная гвардия шла на приступ Зимнего дворца, где заседало временное пра-

вительство, особое присутствие, руководимое стремлением сохранить за собой управление продаппаратом и надеясь использовать его для контр-революционных целей, в экстренном заседании 25 октября приняло следующее постановление: „а) предложить служащим особого присутствия оставаться на местах и спокойно продолжать работу, несмотря на текущие политические события, б) признать, что продовольственная организация должна быть политически нейтральной" [1]). Это наспех, под гром пушек с „Авроры" принятое постановление сыграло в дальнейшей продовольственной работе значительную роль. Признание продовольственной работы нейтральной, аналогичной с работой Красного Креста, стало для право-социалистических партий излюбленной формулой, за которую они прятали свои попытки к контр-революционному использованию продаппарата.

Поводом для такого определения политической позиции особого присутствия послужило назначение Военно-Революционным комитетом комиссара по продовольствию Петрограда [2]). Хотя назначенный комиссар заявил, что он пришел для содействия особому присутствию в организации продовольственного дела („я явился для помощи продовольственному делу"), самый факт появления комиссара вызвал среди старых продовольственников целое море многословных протестов: саботажники всячески старались сохранить руководство продовольственным аппаратом и для этого пытались прикрыться ширмой нейтралитета. Вопрос о назначении продовольственного комиссара обсуждался на другой день и в городской думе. К этому времени уже определилась роль городской думы как гнезда контр-революции. Разумеется, и здесь в речах эс-эровских думцев немало было пролито словесного яда по вопросу о „посягательствах на права и независимость" думы [3]). В заседании думы была подтверждена нейтральность и аполитичность продовольственного дела.

Совершенно понятно, что „продовольственный нейтралитет" был очередной ложью контр-революционной головки особого присутствия. В момент такого исключительного напряжения политической обстановки всякие разговоры старых продовольственников о нейтральности были фальшивой фразой.

Октябрьская революция победоносно развивалась, под ее ударами трещал весь старый мир, и, разумеется, все эти события заставляли растерявшихся деятелей периода керенщины прятать свое истинное лицо под любой маской. „Продовольственный нейтралитет" был выдумкой, за которой хотели скрыть свои контр-революционные потуги продовольственники-эс-эры. Такая тактика была шита белыми нитками, и даже сам председатель особого присутствия Аргутинский (эс-эр из князей) на одном из межрайонных собраний должен был признать, что „аполитичное дело продовольствия находится в тесной зависимости от политического положения страны".

Неискренняя формула нейтральности все время грубейшим образом нарушалась самими продовольственниками: практика сохранения нейтралитета особым присутствием была целиком фальшива и ложна. Вот несколько примеров, характеризующих этот нейтралитет. 28 октября 1917 г. один из махровых эс-эров, член особого присутствия Дедусенко, на собрании служащих в типично-провокацион-

[1]) Архив ЛСПО. Прот. особ. присут. № 25 от 25 окт. 1917 г.

[2]) „Дело народа", № 88 от 25 окт. 1917 г. Комиссаром был назначен т. Милютин, который только один раз явился в заседание особого присутствия. Помощниками комиссара были назначены тт. Смит-Фалькнер, Владимиров и инж. Кузьмин.

[3]) Отчет о заседании городской думы 26 окт. 1917 г. „Рабочая газета", № 197 от 27 окт. 1917 г.

ной речи, указывая „на огромную власть, которой обладают продовольственные служащие, и на то, что большевиков можно взять измором", убеждал продовольственников в том, что в их руках „имеется огромное оружие, которое не менее сильно, чем винтовки в руках большевиков"[1]). Особое присутствие всеми мерами противодействовало выдаче продовольствия отрядам красной гвардии, хотя со своей стороны охотно снабжало милиционеров, считая их охранителями старого дооктябрьского порядка. [2]) То самое особое присутствие, которое видело нарушение всех своих прав в предложении помощи со стороны Военно-Революционного комитета, с удовольствием приняло предложение не существовавшего Ц. И. К. советов р. с. и кр. депутатов первого созыва о прикомандировании его представителя (П. Буданова) для содействия мероприятиям продовольственного аппарата [3]). Вся эта возмутительная комедия доходила до таких, например, комических абсурдов, что 4 ноября 1917 г. особое присутствие обратилось к временному правительству, за десять дней до этого ликвидированному, с ходатайством „о распространении на огородные культуры закона 21 апреля об охране посевов" [4]). Само собою понятно, что такого рода шутовские выпады не могли ни в коем случае увязываться с хотя бы минимально приличным сохранением нейтральности. Кучка растерявшихся перед лицом великого пролетарского переворота саботажников, еще сидевших в продоргане, тщилась сунуть палку в колеса развертывавшихся событий. Судьба их была предрешена: дыхание революции должно было смести их вместе со всей прочей контр-революционной нечистью. Но пока они еще цеплялись за управление продовольственным делом и пытались при его помощи как-нибудь повредить советской власти [5]).

Попытки сопротивления.

Революционный план реорганизации и обращения на служение советской власти всех старых учреждений осуществлялся изо дня в день. Бурлившая невиданным напряжением работа первых послеоктябрьских недель захватывала все большие области. Городская дума, вокруг которой группировались почти все контр-революционные силы, являлась одним из оплотов противодействия советской власти, и 17 ноября Совет Народных Комиссаров постановил распустить думу. Впредь до новых выборов Совнарком обязал всех избранных думой должностных лиц исполнять свои обязанности [6]). Роспуск думы вместе с назначением комиссии по проведению новых выборов был катастрофическим ударом для чаявших гибели революции. Большинство особого присутствия не прочь было после этого бросить работу. При этом, помимо ненависти к рабочей власти, продовольственниками, несомненно, руководил и страх перед осложнившейся работой („Дело и так уже накануне краха", заявил Дедусенко) [7]). Но на продовольственную забастовку реши-

[illegible]

[1]) Протокол особого присутствия № 41.

[2]) Протоколы особого присутствия № 28 и № 29.

[3]) Протокол особого присутствия № 30.

[4]) Протокол особого присутствия № 32.

[5]) Интересно отметить такой факт: став перед необходимостью провести новое сокращение хлебного пайка (до $^3/_4$ ф. на два дня), особое присутствие обратилось к Петросовету, центр. бюро профсоюзов и центр. комитету фабзавкомов с просьбой о содействии этой мере. Боязнь оказаться лицом к лицу с голодной толпой была слишком велика, и тут пришлось забыть о нейтралитете! (Проток. особ. присутствия № 30).

[6]) „Известия", № 228 от 17 ноября 1917 г.

[7]) Протокол особого присутствия № 39.

вание и после разгона городской думы. Однако с этого времени деятельность его приобрела такой истерически контр-революционный характер, что о фиговом листочке нейтралитета пришлось забыть окончательно.

Вряд ли интересно останавливаться на всех деталях этой цепи попыток с негодными средствами, этих судорожных мероприятий людей, которым история уже указала на дверь и которые доживали последние дни. Мы остановимся только на трех наиболее характерных моментах из истории последних дней умиравшего старого продоргана. Сразу после разгона эс-эровской городской думы особое присутствие старалось (использовав для этого факт присылки представителя Военно-Революционного комитета на свою мельницу) повести агитацию прямо среди населения. Для этого было даже напечатано воззвание, даны соответствующие директивы районным управам, выпущен плакат и сделаны попытки организации контр-революционных митингов [1]). Разумеется, эта гнусная агитация не имела среди населения никакого успеха. В ответ на потуги господ агитаторов из центра их же районные работники сообщали, что „воззвания особого-присутствия раздражают население, особенно в рабочих кварталах" и „в районах при таком положении работать нельзя, так как население верит новой власти" [2]).

Когда словесные упражнения особого присутствия потерпели крах, они решили изобразить нечто вроде агитации делом: надо показать населению, что Учредительное собрание спасет Петроград от голода. Для этой цели в производящие районы были посланы агенты за хлебом, так сказать, в кредит под Учредительное собрание. Кроме того, на прибывавших вагонах особое присутствие распорядилось вывесить специальные плакаты с надписью, что хлеб прибывает „для Учредительного собрания", и повысило норму выдачи хлеба до ³/₄ фунта в день, сопроводив это повышение воззванием о том, что подвоз хлеба улуч-

об единовременной выдаче на каждого едока специально „учредиловского" фунта пшеничной муки [4]).

Трудно придумать что-нибудь более авантюристичное и лживое, чем этот эксперимент с увеличением хлебного пайка. Не имея никаких ресурсов, авантюристы из особого присутствия думали очередным своим обманом заработать политический капитал. Разумеется, вся наглость обманщиков была совершенно понятна населению, ибо уже на другой день после введения повышенной нормы хлебный паек был снова снижен до полуфунта [5]).

сутствие, была посылка в Смольный делегации в связи с арестом приехавшей из Москвы самозванной десятки, пытавшейся взять в свои руки аппарат министерства продовольствия [6]). Представители особого присутствия отправились в Смольный и хотели там, угрожая все той же пресловутой возможностью продо-

[1]) Протоколы особого присутствия №№ 39 и 41.

[2]) Протокол межрайонного совещания от 25/XI—27 г. Архив ЛСПО, 01—68.

[3]) Газета „Новый Луч", № 10. — Архив ЛСПО 0,1; 68—222.

[4]) Архив ЛСПО. 01; 68—225. Особое присутствие предложило районным органам „разъяснить населению мотивы увеличения хлебного пайка, указав при этом, что дальнейшее изменение его в ту или иную сторону находится в прямой зависимости от общих политических условий".

[5]) Архив ЛСПО; 0,1; 68—262.

[6]) Десятка эта, или, как они себя величали, „Совет десяти", была избрана на продовольственном съезде саботажников в Москве и арестована по распоряжению т. Шлихтера.

вольственной забастовки, изобразить из себя нечто вроде делегации особого государства [1]). Разумеется, господам делегатам пришлось уйти, не солоно хлебавши. И на этот раз разговор о продовольственной забастовке оказался пустой фразой.

Ликвидация особого присутствия.

Финал деятельности особого присутствия наступил после [illegible] старой городской думы. [illegible] залось избранным подавляющее количество большевиков (кроме большевиков, в думу вошло 10 левых эс-эров, 1—ППС и 1 представитель союза имущественного и трудового равенства). Первое заседание новой думы, открытое тов Бадаевым, состоялось 2 декабря [2]).

Шрейдеровская дума была разгромлена этими выборами, показавшими истинное настроение Петрограда. 1 декабря произошло ликвидационное собрание старой думы, принявшей саботажническое решение о том, что „при создавшихся условиях работа исполнительных органов думы продолжаться не может". На основании этого постановления особое присутствие с 3 декабря прекратило свою работу, передав заведывание продовольственным делом в Петрограде „временному бюро", в которое вошли пять служащих центрального аппарата.

Особое присутствие было изгнано из продовольственного аппарата Петрограда развивавшимся с неумолимой силой ходом революционных событий. Перепуганные революционной активностью петроградского пролетариата, эс-эровские руководители продоргана в панике бежали, забыв все свои красивые слова, и не решились даже призвать продовольственных работников последовать их примеру. Однако они косвенным образом намекали служащим на желательность продовольственной забастовки и старались создать для этого необходимые материальные возможности. В последнем своем заседании 2 декабря особое присутствие постановило выдать вперед служащим жалование за декабрь и наградные к празднику. Эта преждевременная выдача денег официально маскировалась приближающимися (через 3 недели) рождественскими праздниками и быстрым ростом дороговизны жизни. Несмотря на эту маскировку, было совершенно ясно, что „преждевременная выдача жалования проектируется в виду предстоящего сложения особым присутствием своих обязанностей, чтобы облегчить служащим возможность забастовки" [3]). Таким образом, выброшенные волей петроградского пролетариата из продоргана, эс-эры в последний момент все же старались на народные деньги организовать контр-революционную попытку голодом отомстить за свое изгнание. Из этой попытки тоже ничего не вышло, ибо в этот момент уже организовалась в продовольственном аппарате твердая руководящая советская сила.

Бегство членов особого присутствия с работы встретило должную оценку со стороны революционного пролетариата Петрограда. „Большинство членов особого присутствия по продовольствию, — пишут „Известия Совета Р. С. Деп.," - постыдно и преступно бежало со своего ответственного поста... Они даже не созвали общего собрания особого присутствия, чтобы разрешить вопрос, кому, хотя бы временно, передать руководство продовольственным делом. Они не потрудились созвать продовольственный совет. Не оказались на высоте положения

[1]) Переговоры они вели с т. т. Шлихтером, Стучкой и Красиковым
[2]) „Известия ЦИК", № 242 от 2 декабря 1917 г.
[3]) Заявление т. Владимирова. Протокол особого присутствия № 46

ответственные служащие особого присутствия. Вместо того, чтобы созвать немедленно совет и работать в ближайшие дни в контакте с ним, часть служащих избрала совет пяти, объявивший себя продовольственной организацией" [1]).

Яркую характеристику поведения большинства особого присутствия дал тов. Мануильский в своей речи на заседании новой городской думы 13 декабря. Тов. Мануильский указывал на то, что продовольственники-контр-революционеры объявили саботаж в момент высшего напряжения голода: „Мы являемся свидетелями страшного преступления, которое слишком необычайно даже для состояния той внутренней гражданской войны, которую буржуазия нам объявила. Во время войны по установившимся традициям щадят беззащитных, воздерживаются от всего того, что может причинить вред женщинам и детям, если только это допускается объективными условиями войны. Но в этой войне пощады не знают. В этой войне нарушены все установившиеся традиции и обычаи. Когда Рябушинский заговорил на известном совещании капиталистов о том, что нужно „костлявой рукой голода схватить за горло русскую революцию", мы содрогнулись от негодования, но мы думали, что это лишь пустая угроза. Теперь мы видим, что эту угрозу пытаются осуществить и еще так недавно называвшие себя социалистами [2])".

Временное бюро. Несмотря на то, что члены особого присутствия перед своим позорным бегством из продоргана постарались сделать все возможное для объявления продовольственной забастовки, верхушка служащих все же не решалась пойти на это. Вместо этого исполнительный комитет служащих выделил из своей среды пятерку, которая с санкции общего присутствия разогнанной думы объявила себя „временным бюро по управлению делами особого присутствия по продовольствию". Несомненно, что одной из главных причин, помешавших саботажникам забастовать, были категорические предупреждения советской власти о тех мерах, которые постигнут их. 6 декабря Петроградским Советом было опубликовано следующее постановление: „Исполнительный комитет и пленум Петроградского совета р. и с. д., заслушав сообщение о готовящейся забастовке заведующих и служащих продовольственного отдела при петроградской городской управе, постановил: всех, кто в настоящий грозный момент саботирует общественные работы, подрывая авторитет рабоче-крестьянской власти, объявить врагами народа, обрушив на них всю тяжесть вытекающих отсюда последствий. Составить списки, опубликовать в плакатах, призвать к бойкоту саботажников, лишать их хлебных карточек и отдавать народному революционному суду" [3]). Само собой понятно, что при таких условиях „храбрые" продовольственники не особенно-то рвались забастовать.

Однако временное бюро, состоящее из „завов", монополизировавших представительство всей массы продовольственных служащих, пыталось продолжать ту же игру которую вело прогнанное революцией эс-эровское особое присутствие. Лепет о „продовольственном нейтралитете" и об „учредиляке", которая одна только сможет „вывести Петроград из безнадежного продовольственного тупика" представлял собой подобие платформы этих самозванных управителей [4]).

[1]) „Известия Совета Раб. и С. Деп.", № 244

[2]) „Известия ЦИК", № 252 от 15 декабря 1917 г

[3]) «Известия ЦИК», № 245 от 7 декабря 1917 г.

[4]) „Бюллетень центр. прод. упр. петр. продов. совета", № 29-1 „Очерк деятельности временного бюро"

Банкротство временного бюро наступило чрезвычайно быстро. Просуществовав всего девять дней, бюро вынуждено было сойти со сцены, и попытка верхушки продовольственных служащих сохранить за собою - опять-таки до того же пресловутого созыва „учредилки"—руководство продовольственным делом оказалась очередной авантюрой [1]).

Перед ликвидацией временное бюро умудрилось принять такое комическое решение: „Дел бюро не сдает, так как оно не принимало их от особого присутствия. Никаких прав временное бюро не передает, ибо оно не имеет этих полномочий. Сообщить во все отделы к непреклонному исполнению, чтобы ни один бланк с титулом петроградского общественного управления и центральной продовольственной управы не выходил после 13 декабря 1917 г. впредь до возвращения к деятельности особого присутствия по продовольствию" [2]). На фоне могучего развития величайшей в мире революции такая бумажная демонстрация прекрасно характеризует всю ту клику эс-эровско-меньшевистских чинуш, которые пытались изображать из себя продовольственных спасителей города.

Состав аппарата.

То обстоятельство, что верхушка продовольственных служащих сделала попытку заменить особое присутствие, не было случайным. Корни его крылись в самом составе продовольственного аппарата того времени. Вся внушительная армия продовольственников, насчитывавшая в себе несколько тысяч человек, руководилась ставленниками классов, заведомо враждебных пролетариату, и, естественно, должна была стать во враждебную позицию к великой пролетарской революции.

Петроградский продовольственный орган имел в своем составе довольно разнообразные группы служащих. Центральное место среди них занимали руководящие технические работники, воображавшие себя монополистами продовольственного дела, избалованные и распустившиеся, привыкшие к многословным выступлениям и враждебно настроенные против советской власти. В период керенщины они захватили в свои руки руководство всей общественной жизнью продорганов, подчинив себе всю остальную массу служащих и используя ее в контр-революционных целях. В политическом отношении в те времена было очень модно звание меньшевиков, и поэтому формально среди ответственных работников большинство были меньшевиками. Но на самом деле даже и меньшевизм для многих из них был просто вывеской: на ряду с меньшевиками имелось очень много самых типичных черносотенцев и монархистов разного калибра, после февральской революции перекрасившихся в „социалистов". Этого одного было достаточно для того, чтобы сразу дать внутри аппарата приют самой махровой ненависти к советской власти. Прикрываясь званием „социалистов" и общественной работой, нередко самые типичные дармоеды принимали участие в организации саботажа советской власти.

Что касается средних и низших канцелярских служащих, то они ничем не отличались от всей массы чиновничества, встретившего пролетарскую революцию со всей злобой обывателя и мещанина. „Служащие продовольственной органи-

[1]) Практическая „деятельность" врем. бюро свелась к принятию весьма неудачного постановления о реквизиции поступающей в Петроград дичи, к посылке еще нескольких слезниц к всякого рода разогнанным учреждениям об организации делегации на место заготовок и к невыполнению распоряжения Наркомпрода об установлении новой цены на сахар. (Протоколы врем. бюро № 5 и № 7. Протокол центр управы № 4. Архив).

[2]) Протокол врем бюро № 8.

зации,—писал в своих воспоминаниях один из членов первой управы,—состояли тогда почти исключительно из так называемого до корней интеллигентского материала, мало восприимчивого к пролетарским сдвигам. В подавляющем своем большинстве эта публика, волей или неволей мечтавшая о саботаже, изыскивала способы, чтобы его осуществить. Этим людям не по плечу пришлась рабоче-крестьянская власть" [1].

Из всей массы продовольственных служащих на стороне советской власти, по тогдашней терминологии,—„на платформе второго съезда советов", оказались только „низшие" служащие—курьеры, уборщицы, дворники, рабочие транспорта. Этой группе служащих классовый инстинкт подсказывал, по какую сторону баррикад им следует быть, и, действительно, в первые дни организации советского продовольственного органа они сумели занять нужную позицию [2].

При таком социальном составе, верхушке продовольственных служащих, сплошь состоявшей из ставленников враждебных пролетариату классов, не трудно было создавать саботажническую атмосферу. До разгона особого присутствия коллегия ответственных служащих все время вмешивалась в действия двух членов особого присутствия—большевиков [3], вела кампанию за выход работников продоргана из союза торгово промышленных служащих, принявшего с первых же дней после Октября советскую платформу [4], всемерно поддерживала контрреволюционные выступления особого присутствия, нередко проявляя в этом деле и собственную инициативу. Коллегия ответственных служащих технически обслуживала неудавшуюся агитационную попытку особого присутствия по выпуску воззваний к населению, присоединилась к резолюции московского продовольственного съезда, протащила через съезд представителей и агентов отдела снабжения, работавших на местах заготовок, пару крикливых контр-революционных резолюций, участвовала в делегации особого присутствия в Смольный (по поводу ареста продовольственной десятки). Исполнительный комитет служащих был подголоском коллегии ответственных работников и, путем всякого рода избирательных махинаций, оттиравших от участия в выборах низших и советски настроенных служащих, почти полностью был составлен из высших продовольственных чиновников [5].

Вопрос о забастовке.

За весь период времени со дня ликвидации особого присутствия до разгона учредилки деятельность упомянутых выше организаций продовольственных служащих сводилась к нескольким основным моментам. Во-первых, они всячески стремились снять с себя ответственность за продовольственное снабжение города и кричали об этом при всяком удобном и неудобном случае. Во-вторых, они все время пытались устрашить сформировавшийся советский продовольственный орган возмож-

[1]) „Известия Петрокоммуны", 7 ноября 1919 г.

[2]) Все работники петроградского продоргана были членами союза служащих в продовольственных организациях, который на правах секции входил в союз торгово-промышленных служащих. У продовольственников существовал исполнительный комитет служащих и, кроме того, коллегия ответственных работников, объединявшая верхи продовольственных чиновников и фактически руководившая всеми служащими. (Проток. особ. присут. № 29).

[3]) Протокол особ. присутствия № 29.

[4]) Архив ЛСПО—0,1-68. Эта кампания привела к тому, что продовольственники выделились в самостоятельный союз и лишь весной 1918 г., под давлением необходимости заключить новый коллдоговор, снова влились в общее русло профессионального движения.

[5]) Архив ЛСПО 01,68 –196; 01,68—192. Протоколы особого присутствия №№ 35, 38, 39.

ностью объявления забастовки, не решаясь в то же время пойти на эту забастовку. В-третьих, они фактически стремились по возможности тормозить продовольственную работу. И наконец, в-четвертых, они всеми мерами бесплодно старались мобилизовать некоторое подобие общественных симпатий к созыву Учредительного собрания. Все это совершалось при благосклонном участии еще существовавших меньшевистских и эс-эровских газет.

Революция побеждала по всем направлениям. Невиданный подъем энергии и могучий напор революционной активности, знаменовавший собой великие дни Октября, совершенно разбили все жалкие планы соглашателей. Катастрофическое смятение господствовало в их рядах, а росший с каждым днем авторитет советской власти загонял их в самый темный угол истории. Разбитые и растерянные, потерявшие почву под ногами, они с ужасом глядели на развертывающиеся победы революции и все свои дешевые надежды возлагали на учредилку. Вокруг нее они пытались собирать оставшиеся крохи своих сил и в бессильной злобе дожидались ее созыва. Саботажники из петроградского продовольственного аппарата в ожидании Учредительного собрания несколько раз собирались объявить продовольственную забастовку. В первый раз серьезно стал об этом вопрос сразу же после объявления декрета о роспуске городской думы: 18-го ноября собрание служащих особого присутствия в порядке протеста грозило прекратить работу („в воздухе чувствовалась угроза забастовки"), но все же решения об этом не вынесло [1]), а ограничилось наглой декларацией против выборов новых гласных. Затем вопрос о забастовке поднимался в связи с арестом „десятки" [2]), в связи с началом работ новой городской думы (когда забастовали все предприятия городского самоуправления) [3]), в связи с появлением советской продовольственной управы (частично, так как на этот раз предполагался лишь уход высших служащих). Кроме того, мысль о забастовке сохранялась, как последний козырь, до созыва Учредительного собрания; козырь этот, по мнению политиков из проданпарата, должен был устрашающе действовать на советскую власть и тем оберегать учредилку. Все эти рассуждения о забастовке продовольственников так и остались только разговорами. В продовольственном аппарате в отличие от всех других учреждений того времени, забастовки не было, и реорганизация его на советских началах прошла в процессе не прекращавшейся работы продоргана. Большую роль среди причин, которые не дали развернуться продовольственной забастовке, сыграл естественный страх самих продовольственников перед последствиями приостановки снабжения города и „народным гневом", который при этом обрушился бы на их головы. Точно также серьезно повлияло на провал забастовки то обстоятельство, что контр-революционная верхушка продовольственных служащих ошиблась в своих расчетах, полагая, что может объявить забастовку в любой момент; на деле оказалось так, что почва из-под их ног уползала изо дня в день.

Но несомненно, что главным фактором, парализовавшим возможность забастовки, была чрезвычайно продуманная тактика советской власти в отноше-

[1]) Прот. особого присутствия № 41. „Забастовка одной лишь петроградской продовольственной организации признана нецелесообразной".

[2]) Протокол особ. присутствия № 45.

[3]) Меньшевистская газета „Новый Луч" сообщала, что „служащие особого присутствия по продовольствию о т к а з ы в забастовке участия не принимают". „Нов. Луч", № 3, 3 дек. 1917 г.

нии продовольственного аппарата и вся та сумма решительных и энергичных мероприятий, которые начали проводиться в жизнь сразу же после организации центральной продовольственной управы [1]).

Под флагом борьбы за учредилку.

Не решившись объявить забастовку в связи с роспуском городской думы и организацией большевистской управы, петроградские продовольственные служащие хотели сохранить угрозу забастовки как оружие борьбы за последнюю ставку антисоветских партий за созыв Учредительного собрания. К этому времени забастовка чиновников во всех других правительственных и муниципальных учреждениях была уже в полном разгаре.

Настроение [illegible] Организация служащих центральной продовольственной управы подошла к 5 января—дню открытия Учредительного собрания—уже в [illegible] обстановке, отбитой революционной политикой пролетариата и общим укреплением советской власти. Попытки организовать забастовку были уже дважды отбиты. Это не могло не понизить настроения саботажников. К тому же за предыдущий период наметилось сильное расслоение среди продовольственников, так как внутри аппарата под влиянием усиленной агитации и систематической работы [illegible] пролетарской части [illegible] происходило объединение советски настроенных элементов. В результате, долго подготовлявшаяся [illegible] чиновников в защиту Учредительного собрания провалилась, без всякого внешнего эффекта и вместо „торжества" привела к окончательному провалу. По существу дело ограничилось одним лишь участием служащих центральной продовольственной управы в контр-революционной демонстрации.

4 января исполнительный комитет служащих разослал циркуляр во все отделы управы и районы о праздновании 5 января (день открытия Учредительного собрания). Одновременно исполнительный комитет проводил всю агитацию принять участие в демонстрации. Предотвратить невыход на работу управа уже не могла потому, что комитет служащих объявил 5 января нерабочим днем за полчаса до окончания занятий.

Таким образом, 5 января в управе и большинстве ее районных органов работа не производилась. Саботажники из продовольственного аппарата приняли участие в демонстрации, отправившейся к Таврическому дворцу (ныне „Дворец Урицкого") „защищать" Учредительное собрание. Организованное правыми партиями [illegible] собрание, разумеется, Учредительное собрание и не могло иметь никакого влияния на ход революции. Учредилка была распущена, и так старательно подготовлявшаяся инсценировка выступления „народа" в защиту

[1]) Все разговоры о продовольственной забастовке всемерно раздувались меньшевистской печатью. Хотя официально она заявляла, что считает пока продовольственную забастовку нецелесообразной, но в то же время всячески натравляла на это продовольственников. Кстати, очень интересно упомянуть здесь о „наполеоновском" плане меньшевиков, появившемся как последняя попытка сыграть на голоде. 16 декабря 1917 г. в „Новом Луче" в статье под громким названием „За дело" Мартов предлагал выбирать по заводам „комитеты борьбы с голодом" с тем, чтобы потом эти комитеты создали новый общегородской продовольственный центр. Через несколько дней то же самое предлагалось в выпущенном меньшевистским ЦК специальном воззвании („Новый Луч", № 15, 19 дек. 1917 г.). Как и следовало ожидать, план этот не нашел отклика на петроградских заводах и блестяще провалился, хотя и после этого дважды (на 12 января — в Вольно-экономическом обществе и на 20 января — в Технологическом институте) назначался меньшевиками созыв продовольственной „рабочей конференции". Конференция не состоялась из-за неявки „представителей масс".

Учредительного собрания вылилась в мирную уличную демонстрацию по улицам Петрограда. Ставка на учредилку была последней. Крах ее отразился весьма сильно на позиции продовольственных служащих. Последние надежды, которые возлагали саботажники на созыв Учредительного собрания, оказались ложными. Смешно было и возмутительно это противопоставление группы засевших в продовольственном органе чиновников могучему развитию пролетарской революции. Их стремление, пыжась и театральничая, изображать из себя представителей народа изо дня в день становилось слабее, разбивалось о напор революционных действий [illegible] и многословия дешевый авторитет среди служащих растрачивался с каждым новым поражением. Внутри служащих росла советски настроенная группа. До января 1918 г. саботажники все еще надеялись и всячески себя подогревали мечтами о роли Учредительного собрания. Крах же учредилки ликвидировал и эти последние мечты, а вместе с ними уничтожил последние остатки активности для открытия борьбы. После этого оставалась возможность лишь скрытого саботажа и тайного обывательского злопыхательства. Вопрос об общей продовольственной забастовке, которой продовольственники все время угрожали на случай роспуска Учредительного собрания, к этому времени уже стал пустой фразой. Больше вопрос о забастовке [illegible] (Центропродовольственная) [illegible] служащих была сломлена, и единственным памятником на могилу забастовочного вопроса были только пара десятков многословных резолюций.

18 января 1918 г., когда еще не умолкли разговоры о забастовке в связи с роспуском Учредительного собрания, [illegible] Совет Союза, обсуждавший среди прочих также вопрос об организации продовольственного аппарата, принял следующую резолюцию:

„Съезд находит необходимым еще раз, в полном согласии с громко выраженной всеми советскими организациями волей, заклеймить презрением тех саботажников в продовольственном деле, которые не остановились перед созданием голода в стране в целях борьбы с советской властью, и, выражая настойчивое требование о предании [illegible] суду этих [illegible] преступников, переходит к очередным своим работам“ [1]).

ГЛАВА II.

Организация советского ядра в продаппарате Петрограда. Скрытый саботаж старых продовольственников.

Разумеется, саботажническое противодействие служащих ни в коем случае не являлось главным тормозом продовольственного снабжения Петрограда. В сравнении с той исключительно сложной экономической обстановкой, которая [illegible] перед [illegible] продовольственными [illegible], это противодействие, конечно, было [illegible] злом. Но именно поэтому улучшение продоволь-

[1]) Орлов, Н. А. „Продовольственная работа советской власти“. М., 1918 г., стр. 33.

ственного дела было одним из основных условий, облегчавших дальнейшее развитие революции, нужно было в особенности считаться с задачей организации в самом ударном порядке советского продаппарата, способного обслуживать продовольственные нужды революции.

При таких условиях борьба советской власти за овладение продовольственным аппаратом Петрограда была боевым участком фронта. Сама по себе задача реорганизации и советизации продовольственного аппарата и аппарата, без создания каких-либо перебоев в снабжении населения, была сложным и требовавшим продуманного подхода маневром. Собственно говоря, подход к этой задаче, план действий прорабатывался еще до Октября. По существу, еще до Октябрьской революции к этому очень готовились, и уже сразу после октябрьских дней наметилась основная линия в этом направлении. Прочие ведомства и различные старые министерства представляли собой устоявшееся издавна контр-революционное болото; это были организации заведомо чужие, исключительно контр-революционные и безнадежные для реорганизации; здесь нужно было ломать до основания и строить заново. От остановки таких министерств, ведомств и учреждений многое не могло зависеть. В продовольственном же аппарате нужно было отсеять годные элементы, переработать и направить их в нужное русло. Все последующие события и все попытки к саботажу внутри продовольственного аппарата, по существу, протекали на фоне твердого осуществления в жизни плана советизации. Было известно заранее, что перерождение значительных групп продработников происходит и будет происходить с каждым днем, что такое перерождение выгодно советской власти и способствует систематическому выметанию контрреволюционного сора из продаппарата. Продовольственная управа вела именно в этом направлении твердую линию, позволяя до поры до времени еще державшимся на верхушке контр-революционерам некоторые вольности.

На деле события протекали так. Саботажническое ядро продовольственников разыгрывало всякие сцены протестов, пыталось изображать собой чуть ли не равную по сопротивляющуюся силу, спекулировало на своих якобы „исконных" продовольственных знаниях и опыте; руководители же управы в известных пределах терпели эту комедию, систематически выбивая из-под этой группы почву, подготавливая момент, когда они останутся одинокими, когда за ними никто не пойдет, и постепенно обновляли аппарат. Именно такая твердая по существу тактика дала возможность без срыва продовольственного снабжения не допустить забастовки в продаппарате и превратить его в советский аппарат, вытравив из него саботажнические элементы.

Организация советского продоргана.

Мы видели раньше, что в первые недели после Октября управление продовольственным делом в Петрограде оставалось еще в руках особого присутствия. Прежде чем овладеть им, нужно было провести другое крупное мероприятие — ликвидировать старую городскую думу, провести выборы и уже после этого сформировать по-новому, по советски руководство продовольственной организацией думы.

Фракция большевиков городской думы, а затем и общее собрание думы решили организовать новый продовольственный орган на основе существовавшего еще при особом присутствии продовольственного совета [1]). Сама система

[1]) „Известия Петрокоммуны" от 7/XI 1919 г.

именно такой для первого времени организации продовольственного аппарата в Петрограде была тактическим маневром революции в целях возможно скорого и безболезненного обращения этого аппарата в твердое орудие пролетариата. Продовольственный совет был образован в сентябре 1917 г. по постановлению центральной городской думы как совещательный орган при особом присутствии. Он оказался мертворожденной организацией: за время работы особого присутствия продовольственный совет даже не собирался. Особое присутствие не созывало совет, боясь встретить в нем оппозицию, так как в совет входили представители ряда рабочих организаций. Но как раз это условие позволяло новой думе использовать продовольственный совет как переходную форму. Участие в совете представителей рабочих давало уверенность, что продовольственный совет в конечном результате будет выполнять указания советской власти. С другой стороны, создание нового продовольственного органа на основе уже [illegible] сохраняло фиктивную преемственность [illegible], кто кричал о полной ломке старого аппарата.

6 декабря состоялось заседание петроградского продовольственного совета, признавшего себя „ответственным и верховным руководителем продо[illegible] Петрограда". Была избрана организационная комиссия, которая выработала „положение о продовольственном совете с законодательно-распорядительными функциями".

9 декабря продовольственный совет, обсудив проект организационной комиссии, постановил пополнить свой состав представителями от районных советов р. и с. д. и других рабочих и профессиональных организаций, доведя состав совета до 83 человек. На профессиональных союзов в совете были представлены те союзы и организации, которые объединяли рабочих и служащих, имевших отношение к продовольственному делу, например, союз по выработке пищевых продуктов, союз железнодорожных служащих, объединение городских рабочих, союз торгово-пром. служащих, проф. союз служащих в прод. организациях и т. п. На том же заседании был избран исполнительный орган совета, получивший название „Центральная управа петроградского продовольственного совета". Состав управы был определен в 10 человек [1]). Однако на заседании 9 декабря было избрано всего 4 члена управы: т. Бадаев от Петроградского совета р. и с. д., т.т. Азовский, Фалькнер от продовольственного совета, т. Кучменко от рабочих организаций. В виду того, что 2 района из 20 отказались участвовать в выборах, выборы представителей от районов были перенесены на следующее заседание продовольственного совета 12 декабря. От районных продорганов в управу были избраны т.т. Пучков и Гужевский. В выборах приняли участие представители 8 районов, присутствовавших на собрании, представители 4 районов от участия в выборах воздержались [2]).

В дальнейшем управа так и работала в составе 6 человек, причем взамен выбывшего т. Кучменко 16 декабря был избран т. Владимиров [3]). Остальные четыре занятых места в управе оставались незаполненными, так как некоторые

[1]) От совета р. и с. деп.—1, от продовольственного совета—2, от профессионального союза служащих в продовольственных организациях—2, от кооперативов—1, районов—2, от Викжеля - 1 и от остальных организаций—1.

[2]) Бюллетень центр. прод. упр. № 29 (1).

[3]) Протокол центр. прод. упр. № 5.

еще не советизированные организации из-за контр-революционных соображений отказались послать своих представителей.

Состояние снабжения.

Прибытие хлеба в Петроград непрерывно падало. В первую неделю декабря подвоз хлеба еще держался на невысокой ноябрьской норме. В последующие же недели число прибывавших вагонов с хлебом изо дня в день уменьшалось.

Сравнительное прибытие хлебных грузов в Петроград за ноябрь—декабрь 1917 г. [1]) (в пудах).

	Ноябрь		Декабрь	
	Общее колич.	Средн. [illegible] за день	Общее колич.	Средн. [illegible] за день
Первая неделя	86.605	12.372	251 285	35.895
Вторая „	302.251	43.179	103.944	14.849
Третья „	227.988	32.569	153.414	21.916
Четвертая „	249.014	35.578	11.949	1.707

За ноябрь и первую половину декабря в ряде заготовительных районов совсем не было погрузки хлеба для Петрограда. При ежедневной потребности Петрограда по голодной норме (1/2 ф. в день) в 30 вагонов, среднее дневное прибытие за декабрь составляло 17 1/3 ваг., причем цифра эта образовалась главным образом за счет первых дней месяца. Во второй же половине декабря ежедневное прибытие упало до 10 1/2 ваг., причем в течение нескольких дней подвоза совсем не было [2]).

Очень тяжелы были также и перспективы заготовок в хлебных районах России. На Украине контр-революция в лице украинской рады не позволяла производить заготовки на своей территории: генеральный секретарь (министр) по продовольствию Ковалевский отдал распоряжение о немедленном прекращении вывоза всех продуктов за пределы украинской республики [3]). В другой житнице России—в Западной Сибири—положение было не лучше: „В последние дни,—говорил 2 декабря на съезде отдела снабжения омский представитель особого присутствия,—создалось положение, при котором Западная Сибирь в близком будущем не даст России ни одного фунта хлеба. До сих пор выполнение нарядов страдало от расстройства транспорта, от погоды и т. п. причин. В настоящее время станции, которые давали 80.000 пуд. хлеба в день, дают по 5.000 пудов. На [illegible] хлеба стоит в связи с [illegible] хозяйственного положения губернии [illegible]

[1]) Бюллетень центр. прод. упр. № 29 (I).
[2]) Там же.
[3]) Архив ЛСПО Телеграмма из Екатеринослава 13 дек., 01 68/308.

пающих хлеб по вольной цене. В Челябинске мешечники по цене 15—20 рублей за пуд скупали в один день до 30.000 пуд. хлеба. В течение двух последних недель продовольственные управы в Акмолинской области в осаде у мешечников и не в состоянии вести нормально работы" [1]). Аналогичную картину рисовали сообщения из других заготовительных районов.

Продовольственные органы на местах заготовок почти не работали; „старые губернские и уездные продовольственные комитеты—писали—„Известия ЦИК" в большинстве случаев вступили на путь политической демонстрации против новой власти, вместо непосредственного выполнения возложенных на них задач. Отстранив от продовольственных дел, разрешавших все вопросы чисто практическим путем, эти комитеты в значительной степени скомпрометировали себя в глазах населения" [2]).

Непрерывно росла и транспортная разруха. Только незначительная часть отправляемых в Петроград грузов доходила по назначения, остальные пропадали в дороге. „Вагоны продовольственные с трудом пробивались к Петрограду. По дороге на них совершались набеги, организованные контр-революционерами. На крышах вагонов стояли пулеметы, отбивавшие поезда и хитро подстроенные крушения... Хлеб отсутствовал отдельно от Питера клубы и судорожно задерживался на ж.-д. линиях, чему часто помогали контр-революционные железнодорожные чиновники". С 15 ноября насчитывалось застрявших в пути до 700 вагонов, предназначенных для Петрограда в предыдущие месяцы, начиная с сентября [3]. На одном из первых же своих заседаний управе пришлось заняться вопросом, как получить 10 вагонов хлеба, следовавших в Петроград по Северной дороге и реквизированных Череповецким советом р. и с. деп. В виду того, что никакие меры не помогали, управа была вынуждена обратиться в центр. исп. комитет с просьбой воздействовать на Череповецкий совет [5]).

Продовольственная работа в Петрограде затруднялась, кроме того, тяжелым финансовым кризисом. „Второй пережиток продовольственных органов. Финансовое положение еще у особого присутствия было катастрофическим. Задолженность местным заготовительным органам за продукты достигла 25 милл. рублей, а по другим сведениям—даже 50 миллионов. Все агенты и представители Петрограда в заготовительных районах заявляли, что если не будет усилена посылка денег, поступление заготовки прекратятся. Центральное же управление находилось в безвыходном положении, так как по-прежнему принимая банки, не имевшие распоряжения о передаче денег управе, отказывались от платежей. Мобилизованные в районах также не присылались подводчики, так как районные продорганы, имея свои средства в банке, получали от последнего только мелкие суммы на ежедневные расходы. Часть средств завязла в кооперативах, товарах и т. п. [6]). В результате не только нельзя было получить какой-либо финансовой помощи от районов, но и нельзя было заставить их платить за взятые с центральных складов продукты. Нельзя было рассчитывать также и сколько

[1]) Бюллетень центр. прод. упр. № 29 (I).
[2]) „Известия ЦИК", № 262.
[3]) „Известия Петрокоммуны", 7 ноября 1919 г.
[4]) Протокол центр. прод. упр. № 3.
[5]) Протокол центр. прод. упр. № 6.
[6]) Протокол центр. прод. упр. № 1.

нибудь значительную помощь со стороны Петроградск... совета и он тогда тоже находился в периоде организации.

Сама центральная управа в своем воззвании-декларации, принятой на первом же заседании, следующим образом характеризовала те условия, в которых ей пришлось начать работу:

„В тяжелый момент пришлось нам взять на себя ответственность за продовольствие [illegible] Петрограда. Страшное [illegible], отрезавшее от творческого труда лучшие силы страны, сделало свое дело: посевные площади сократились, [illegible] и восточное хозяйство [illegible] угля и производство всех необходимых для жизни предметов, изломаны, искорежены уже давно и не ремонтированы паровозы и вагоны. Страна переживает [illegible]. Отрезанные от производящих районов и отделенные от них ряда [illegible] потребляющих районов, [illegible] Петроград не получает и незначительной части всего, что ему необходимо и что ему приходится по справедливой разверстке продуктов между областями и городами России. Не [illegible] продуктов и грузов [illegible] спекуляция. Хлеб, обозначенный еще 25 марта [illegible], попадает зачастую не в справедливую разверстку, а в алчные руки спекулянтов всех видов и [illegible]. Петроград восстановил свободную торговлю и свободные цены, спекулянты и мешечники отнюдь не считаются с справедливой разверсткой хлеба по губерниям и городам, а стремятся захватить только для себя и только для тех, кому им удается сбыть свою наживу по дорогой цене. Цена на хлеб достигает [illegible] обратно пропорционально местам, благодаря их подвозу, до 50 и 70 р. за пуд. Мешечничество процветает и в деревне и в городе, и тысячи охотников до легкой наживы не перестают осаждать продовольственные управы с требованием на разрешение сепаратных закупок только для своей колокольни. Там, [illegible] добился разрешения, они низкими [illegible] скупают и продают его из-под полы за бешеные цены только кучке богачей. Но, помимо этих общих причин, положение продовольственной организации Петрограда осложняется [illegible] финансовым положением. Задолженность петроградской продовольственной организации достигает в настоящий момент уже 25.000.000 рублей. [illegible] и [illegible] В последнее время от ряда губпродкомов стали поступать настойчивые требования денег и угрозы прекратить погрузку и закупки за неимением средств. [illegible] Задержаны продукты [illegible] станциям, оплачивать нечем, погрузки приостановлены, поставщики грозят самосудом, продукты гниют“ [1]).

В этой обстановке новым революционным продовольственным органом была развита чрезвычайная по своему напряжению работа. Мобилизовались все возможности для обеспечения [illegible] в зависимости от самых скромных и наличных продовольственных [illegible]. Управа проводила ряд [illegible] мероприятий по усилению завоза в город продуктов: на места заготовок командировались новые работники, которые должны были там любыми усилиями получать необходимые для отправки продукты; специальные „люди отправлялись [illegible] отправляющие в Петроград и [illegible] путей [illegible] отделяет целые группы „толкачей“, на обязанности которых было сопровождать адресо-

[1]) Бюллетень центр. прод. упр № 29 (1).

заимок и город продовольствие. На ряду с этим изыскивались потребные для заготовок средства, что в тогдашних условиях требовало точно также немалых усилий. Принятых мер по улавливанию излишков второй продукты. Шла жесточайшая борьба против спекуляции и мешечничества. Кроме того, нужно было серьезное внимание уделять организационной работе по созданию огромного продовольственного аппарата на новых советских началах. Во всей этой бурлящей деятельности, как руководящее начало и как величайший источник сил и энергии, чувствовалось дыхание Октября. Революция требовала максимальной энергии и напряжения и, в то же время, сама являлась могучим вдохновителем всей работы.

Опубликованная здесь программа деятельности [illegible] отвечала тем требованиям, которые предъявлялись партией большевиков к продовольственным организациям. Управа указывала на следующие насущные и неотложные задачи: „1) Расширить коллегию работников по снабжению и ввести в нее представителей от важнейших районов Петрограда. Коллегия должна стать в самый тесный контакт с сотрудниками народного комиссара по продовольствию и выработать совместно с ними энергичные меры для проталкивания грузов и получения на местах продуктов, назначенных Петрограду по общей разверстке. 2) Организовать самый тщательный контроль над распределением продуктов. Выработать систему мер по проведению этого контроля не только в центре, но и на всех стадиях продовольственной организации. Привлечь союз торгово-промышленных служащих к контролю над незакономерной продажей продуктов без карточек в ущерб голодным хвостам. Добиться от всех районных и [illegible] организаций самой тщательной отчетности в распределении ими продуктов и провести всюду один и тот же план товарной бухгалтерии. 3) Широко организовать всякого рода муниципальные распределительные пункты и сделать возможные при данной экономической разрухе шаги к скорейшему муниципализированию торговли съестными припасами. 4) Расширить до возможного максимума концентрацию хлебопечения, проводить самый строгий контроль над выпечкой и продажей хлеба как в частных, так и в муниципальных пекарнях. В осуществлении этого контроля продовольственная организация должна работать совместно с союзом рабочих мучных изделий. Провести аналогичный контроль и в области мясной торговли. 5) Заставить все рестораны и трактиры перейти на систему общественных столовых, где обеды выдаются только по карточкам и не свыше установленной таксы. Реформу эту и контроль над ре[illegible] [illegible] [illegible] [

ного хозяйства и труда. И продовольственным организациям предстоит в первую голову творческая работа на этом пути [1])".

Организация советского ядра.

Для выполнения таких серьезных заданий, разумеется, нужно было немало поработать над созданием революционного продовольственного аппарата. Нужно было уничтожить саботаж, парализовать влияние саботажников, создать условия для отсеивания из среды продовольственников способных служить советской власти людей, нужно было орабочить аппарат, влить в него новые силы, приучить к новым методам работы.

К моменту Октябрьского переворота большевистская группа служащих особого присутствия была крайне незначительна, всего 10—12 человек. Но уже с первых после Октября дней закипела работа по расслоению всей массы продовольственников, по агитации за советскую власть, по созданию советского ядра. Группе большевиков почти сразу же удалось приблизить к себе ряд работников, главным образом из числа „низших" служащих, ставших почти полностью „на платформу 2-го Съезда Советов". Классовое чутье подсказало трудовой части продовольственных работников (курьерам, уборщицам, дворникам, шоферам, грузчикам и т. д.), за кем им следует итти. Это была неквалифицированная в продовольственном деле масса, у которой неопытность и незнание дела возмещались революционностью и желанием итти по пути рабочего класса. Частично к ним примкнули и некоторые революционно настроенные работники районных продовольственных органов, особенно в рабочих районах.

Архивный материал, к сожалению, не сохранил достаточного количества документов, относящихся к чрезвычайно интересному и глубоко-революционному по содержанию периоду организации советски настроенной группы продовольственных служащих. Только отрывочные данные и личные воспоминания некоторых участников этого натиска на саботажников в известной степени позволяют восстановить картину организации советского ядра.

Вначале основным лозунгом, вокруг которого собиралось новое советское ядро продовольственников и при помощи которого шло отсеивание от контрреволюционеров, служащих продоргана, был такой: „Все, кто считает забастовку преступлением, должен сорганизоваться, чтобы продолжать дело, в случае забастовки" [2]). Организация группы служащих, стоявших на советской платформе, имела своей задачей подготовку смены на случай прекращения работы продовольственных служащих. Начало ее организационного оформления относится к середине ноября, когда продовольственная забастовка грозила стать совершившимся фактом.

После общего собрания служащих особого присутствия 18 ноября, на котором обсуждался вопрос о забастовке в связи с роспуском городской думы, в ряде районов и подрайонов состоялись собрания противников забастовки. 20-го ноября в третьем Петроградском подрайоне собрались служащие для обсуждения вопроса, как быть в случае забастовки, и для составления списка служащих, согласных остаться на работе. Аналогичные собрания произошли в помещении газеты „Дело народа", в 3-м Литейном подрайоне и в других местах [3]).

[1]) Бюллетень центр. прод. упр. № 29 (1)
[2]) Протокол особого присутствия № 11
[3]) Там же.

Во всех этих собраниях принимали участие большевики-продовольственники, стоявшие вокруг себя группы работников, которые могли бы продолжать работу в продовольственном органе в случае забастовки [1]).

В конце ноября состоялась районная конференция продовольственников Петрограда, стоявших „на платформе второго Съезда Советов". На конференции участвовали представители Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-Революционного комитета, совета рабочего контроля, совета рабочей милиции, районного совета фабрично-заводских комитетов и других рабочих организаций. Конференция постановила избрать свой исполнительный комитет, который должен был объединять продовольственников, противников саботажа. В отличие от саботажнического комитета служащих особого присутствия, в избранный на конференции комитет входили не только представители работников центра, но и районов. Из одиннадцати избранных членов исполкома шесть человек были большевики, а остальные пять—представители партий, стоявших на советской платформе. Комитет помещался на Фонтанке, 59, в помещении партийного комитета [illegible].

Небольшая группа членов исполкома непрерывно работала здесь. Остальные приходили после окончания занятий и работали там до поздней ночи. От имени исполнительного комитета писались воззвания к служащим и рабочим продовольственных органов и их учреждений и предприятий. В этих воззваниях разъяснялись преступность саботажа в ответственный момент и смысл совершавшегося переворота. Работники исполкома и группа организовавшихся вокруг него товарищей объезжали продовольственные учреждения в районах с целью противодействия саботажу. Для этого они созывали в районах и предприятиях ячейки из служащих, на которых всегда можно было опереться в критический момент. Собирались сведения о работниках, рассылались анкеты для заполнения и после проверки выдвигались кандидаты на случай массового ухода работников и членов управы. Одной из работ исполкома была выработка схемы организации предполагавшегося к учреждению продовольственного совета.

Работа развивалась по всем направлениям. Великие события революции являлись неисчерпаемым источником энергии, вдохновляли ее и заставляли усиливаться с каждым днем. Хотя группа большевиков-продовольственников и была мала, но за ней стоял весь авторитет Октября, и, опираясь на этот авторитет, они изо дня в день все больше вырывали почву из-под ног саботажников, все сильнее вносили разложение в их среду и вербовали новые кадры сочувствующих.

Уже в начале декабря 1917 г., когда после разгона городской думы и полного бегства городского присутствия старые служащие начали развертывать повсюду организацию „должного сопротивления", они получили отпор уже среди самих работников продорганов.

Общее собрание служащих 6 декабря (на которое, не в пример прошлым собраниям, были приглашены не только служащие центра, но и служащие и рабочие районных и подведомственных продовольственных организаций) постановило „лишить распорядителей саботажной „диверсии" не только права, но и возможности всего

[1]) Само собой понятно, что эс-эры, меньшевики и перекрасившиеся черносотенцы пытались изо всех сил противодействовать этому движению. Доходило до того, что Аргутинский приказал увольнять „лиц, стоящих на платформе советской власти". Протокол особого присутствия № 39.

[illegible] Шуман, Ягн, Марголин, Кондратьева, Селиванов

Параллельно с отсеиванием советски настроенных элементов происходило подтягивание новых работников из районов и рабочих организаций. С первых же дней создания возглавляемой т. Бадаевым управы началось усиление аппарата советскими работниками. Большевистская группа петроградских продовольственников полностью сумела воспользоваться обстановкой внутри аппарата для его советизации. В результате напряженной революционной работы было положено начало советскому ядру новой продовольственной организации.

Советизация аппарата. Последние попытки саботажа.

На первом же деловом заседании управы—при обсуждении продовольственного положения Петрограда—председатель управы т. Балаев обратился с призывом к энергичной работе. Отметив чрезвычайную сложность переживаемого момента, он в своем обращении указал на то, что „работники продовольственного дела, принадлежа к различным политическим партиям, сумеют найти общий язык для работы в области продовольствия“ [1]).

Однако управе было совершенно ясно, что до окончательного разгрома [illegible] служащих против управы и агитация в пользу антисоветских настроений. Под влиянием такой агитации в первое время (особенно до разгона учредилки) служащие управы при всяком удобном и неудобном случае „снимали с себя ответственность“ за продработу, бездельничали, выполняли свои обязанности формально, по-чиновничьи, „отсиживали часы“. Среди попыток саботажа в этот период можно отметить такие. Верхушка служащих пыталась противодействовать мероприятиям управы и разыгрывать комедию непризнания советских продовольственных органов. Так, например, техническая коллегия снабжения отказалась согласовать план снабжения Петрограда на январь 1918 г. с Наркомпродом и тем самым сорвала этот план. Отказ этот глубокомысленно мотивировался „политическими причинами“ [2]). Коллегия распределения пыталась [illegible] заготовления государственных бумаг. Комитеты служащих в отдельных случаях (Черниговские холодильники, завод „Экстроль“) устанавливали свой контроль над выпуском продуктов, стараясь этим помешать нормальной работе управы. Руководящая саботажническая верхушка служащих (исполнительный комитет) [illegible] аппарата. Шла она по двум линиям: они, с одной стороны, пытались при каждом увольнении старых служащих не допускать этого увольнения [3]) и, с другой стороны, протестовали всякий раз при назначении новых работников (примеры—протесты по поводу назначения тт. Молвина, Косарева, Иоффина и др.).

Подобных примеров можно было бы привести довольно много. Все это [illegible] планомерного натиска, организованного управой, не могли сорвать огромной работы по перерождению продовольственного аппарата.

[1]) Протокол центр. прод. управы № 2.

[2]) Протокол центр. продов. управы № 7.

[3]) Защита старых служащих распространялась даже и на пойманных в кражах, замешанных в злоупотреблениях и т. п.

Управа, проводя в жизнь свой тактический план, изо дня в день все больше подчиняла себе путем непрестанной борьбы продовольственный аппарат, парализуя влияние антисоветских группировок. Самым трудным был период до ликвидации Учредительного собрания, когда ответственные служащие старого продаппарата фактически играли еще значительную роль. С одной стороны, совершенно очевидно спадала саботажническая волна, и росло расслоение служащих, отсеивание из их среды элементов, годных для службы советской власти; с другой стороны, для руководителей саботажа было неизвестно, что будет с учредилкой; на нее возлагались все надежды и расчеты, и потому они пытались продержаться до Учредительного собрания, пытались, несмотря на всю свою растерянность, дотянуть до учредилки хотя бы видимость протеста. Ликвидация учредилки и непрерывное укрепление советской власти сбили все волны саботажа, разрушили надежды и создали твердую почву для борьбы с саботажниками, которые сами чувствовали, что шансы их со дня на день уменьшаются.

Первый состав управы, вынесший на себе всю сложность этого периода и проведший завоевание продаппарата путем правильной тактической линии, был, как мы видели, неполным. Туда не вошли представители ряда организаций. Необходимо было пополнение и усиление руководящей группы. Кроме того, первый состав был сформирован от имени продовольственного совета, что также являлось тактическим шагом. Теперь обстановка изменилась, и можно было провести расширение и увеличение управы вне всякого применения лозунга нейтральности. Новая управа, утвержденная в следующем составе: председатель — т. Бадаев, члены управы — тт. Владимиров Стриевский, Обуховский, Кучменко, Михельсон, Будаев, Маковецкий, Супонев, Пучков и Лашевич [1], начала работать с 28 февраля 1918 г. Члены управы были назначены Петроградским советом р. и с. д.

Однако и после этого процесс советизации петроградской продовольственной организации встретил на своем пути еще одну попытку контр-революционеров создать некоторое подобие противодействия советской политике. Почвой для этой попытки явился весенний продовольственный кризис 1918 года.

Весенние месяцы 1918 г. поставили советскую Россию перед тяжелым испытанием. На страну надвигался подлинный неприкрытый голод со всеми его ужасами. Неблагоприятная обстановка продовольственной работы усугубилась к этому времени еще больше, с одной стороны — обычными сезонными причинами, а с другой — чехо словацким восстанием, отрезавшим север и центральный район от богатейшей житницы России—Сибири. Непрерывное падение хлебных заготовок в стране весной 1918 г. видно из сопоставления данных о нарядах на погрузку и фактической погрузке хлебных продуктов (в вагонах) [2].

Месяцы	Назначено	Погружено	% выполнения наряда
Март	30.320	6.701	22,1
Апрель	20.195	3.231	16,1
Май	19.430	1.622	8,35

[1]) В этом составе в последующие месяцы произошел ряд персональных изменений: из членов управы выбыли тт. Кучменко, Владимиров, Лашевич, Обуховский; вновь вошли тт. Трубачев, И. С. Попов, Зоф и Восков.

[2]) И. Орлов, „Прод. раб. сов. власти", стр. 339.

В Петрограде за декабрь 1917 г. и январь, февраль, март 1918 г. была кипела день и ночь. Были впервые применены новые, советские методы борьбы с голодом. Был поставлен вполне твердо вопрос о концентрации хлебопечения, проведены очень серьезные мероприятия по учету продовольствия, по борьбе с мешечничеством, со спекуляцией и хищениями. Именно в этот период был нанесен первый практический удар по частной торговле и проведены первые предпринятый по инициативе управы после тщательного обсуждения в Смольном,—поголовная реквизиция продовольственных запасов, произведенная под руководством специально избранной для этого комиссии из 10-ти товарищей (тт. Бадаев, Комаров, Трубачев, Попов и др.). Это мероприятие, помимо своего революционного принципиального значения, буквально вырвало Петроград из когтей голодной смерти: были обнаружены большие запасы продовольствия (одной рыбы свыше трех миллионов пудов), которые, если бы во время не была произведена реквизиция, исчезли бы.

Но, разумеется, на фоне общего продовольственного состояния страны одни мероприятия Петрограда не могли ничего сделать. Город зависел от продовольственных выступлений извне, от производящих районов, которые были отрезаны разрухой. Несмотря на все героические мероприятия, положение очень осложнилось. Прибытие хлеба в апреле упало против марта на 61,7%, а в мае еще на 9,1%. В марте прибыло 1314 вагонов с хлебом, в апреле—504 ваг. и в мае 386 ваг. [1]).

Петроград принимает ряд решительных мер. Председатель управы т. Бадаев в конце апреля едет в Сибирь, чтобы усилить там заготовки и получить сколько-нибудь хлеба из лежащих там миллионных запасов. По постановлению совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны в городе по примеру прошлой работы „Совета десяти" (десятки) производится срочная ревизия всех складов и пакгаузов. Для этой цели был мобилизован весь продовольственный аппарат; для служащих управы был введен восьмичасовой рабочий день. Но склады были пусты (по сообщению на заседании Петросовета 18 мая, ревизия железнодорожного узла обнаружила только 31 вагон хлеба, которых могло хватить Петрограду всего на три-четыре дня по самой голодной норме) [2]).

С 29 апреля центральная управа была вынуждена понизить хлебный паек до 1/8 ф. в день как по основной, так и по дополнительной карточке [3]).

Надвигающийся голод грозил стране тяжелой катастрофой. В речи на съезде народных комиссаров труда 22 мая Ленин говорил, что советской России приходится переживать самый тяжелый период: „теперь подходит самый критический момент, когда голод и безработица стучатся в дверь все большего числа рабочих, когда сотни и тысячи людей терпят муки голода, когда положение обострено тем, что хлеба нет, но он мог бы быть, когда мы знаем, что правильное распределение его зависит от правильного подвоза" [4]).

В тот же день (22 мая) т. Ленин пишет адресованное питерским рабочим письмо „о голоде". Письмо начиналось следующими словами: „Товарищи, у меня

[1]) „Продовольствие Севера", № 55.
[2]) „Северная Область", № 15.
[3]) Прот. центр. прод. упр. № 33.
[4]) В. Ленин. Собрание сочин., т. XV, стр. 269

Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что после [illegible] продовольственное дело стоит также остро, голод также мучительно стучится в дверь рабочих и [illegible] и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний решительный бой [illegible] верном и остром вопросе, на вопросе о хлебе" [1]).

Слова т. Ленина получили быстрое подтверждение. С конца мая после нескольких месяцев относительного успокоения началась новая вспышка гражданской войны. [illegible] Дутова за Волгой, 8 июня—захват Самары, 23 июня—захват Уфы и т. д. Линия наступления белогвардейцев с совершенной ясностью указывала, что их стратегическим планом было отрезать советскую Россию от хлебных районов и [illegible] В таких условиях [illegible] саботажники сделали еще одну попытку использования продовольственного дела для выступления. Это, разумеется, было отражением общего стремления внутренней контрреволюции [illegible] Так называемые ответственные служащие, пользуясь каждым новым обострением продовольственного кризиса, из заседания в заседание пытались протащить через управу решение об отказе от прежних методов работы и о привлечении к продовольственному делу частного капитала [2]) Целым рядом бессмысленных предложений они стремились [illegible] на ряду с этими своими выступлениями и агитацией из-за угла они всячески старались подорвать дисциплину в общей массе средних и низших служащих и вызвать переход на работу с саботажнической розвальцей. Наконец, в связи с объявлением [illegible] протащить через него „план борьбы с управой". Наглость этих господ дошла до того, что они попробовали начать агитацию и за стенами управы [3]).

Еще до этого управой был принят ряд мер по усилению дисциплины среди служащих [illegible] „деятелям". „За дело продовольствия в Петрограде ответственным является только Петроградский совет р. и кр. депутатов в лице Петроградской центральной продовольственной управы. — говорилось в этом постановлении. —

[1]) В. Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 273.

[2]) Они предлагали привлечение к заготовкам „технических сил" частного капитала и пр. (протоколы Ц. П. У. № 38 от 27 апр. и № 44 от 9 мая 1918 г.).

[3]) Так, например, в воскресенье 2 июня 1918 г. один из служащих управы выступил на митинге в Лесном, где преобладали торговцы, и предложил собранию высказаться за свободную торговлю

против продовольственной политики Петроградского совета р. и кр. депутатов, центральная управа доводит до сведения злонамеренных лиц, что всякое выступление против организации продовольственного дела будет рассматриваться управой как прямая борьба против советской власти".

Появление „инициативной группы" было явлением, потребовавшим решительных мер в отношении саботажников. Возмутительное выступление кучки интеллигентских болтунов не могло пройти безнаказанным. На заседании президиума Петроградской трудовой коммуны, где присутствовало большинство членов управы, решено было уволить зачинщиков этого контр-революционного выпада [1]). Одновременно с этим управа опубликовала следующее обращение ко всем служащим и рабочим центра и районов: „В виду чрезвычайно обострившегося положения продовольственного кризиса в Петрограде и затеянной контр-революционной агитации против продовольственной политики советской власти, центральная продовольственная управа вынуждена прибегнуть к экстренным мероприятиям в области организации работы. Необходимо выполнение распоряжений центра. Нужно максимальное напряжение труда всех работников и служащих продовольственного дела в петроградских районах и на местах снабжения. Ни один час, ни одна минута не должны пропасть даром. Никто не имеет права покидать своих постов и отлучаться во время занятий. Всякий злоупотребляющий или саботирующий своими обязанностями будет рассматриваться, как враг народа и революции, преступление будет передаваться революционному суду" [2]).

Увольнение „одиннадцати" и последующий после него уход ряда работников почти полностью обновили состав технических руководителей управы, оставшихся ей в наследство от дооктябрьского продовольственного аппарата. На смену старым саботажническим органам пришли новые, назначенные из районов и рабочих организаций. Застрявшие же еще в аппарате остатки контр-революционной группы служащих уже не имели возможности вести хотя-нибудь организованную борьбу против советской власти.

Продовольственным аппаратом в Петрограде полностью овладела советская власть, причем это овладение произошло не путем слома старой машины и построения на ее месте новой, а постепенным подчинением себе на ходу, без прекращения хотя бы на один день регулярного снабжения петроградских рабочих. И в этом была большая победа советской власти.

---

[1]) Это постановление было проведено в жизнь 3 июня 1918 г.

[2]) Протокол центр. прод. упр. № 61

ГЛАВА III.

Основные мероприятия по продовольственному снабжению Петрограда в период центральной управы продовольственного совета.

Первоначальные мероприятия советской власти по организации продовольственного дела в Петрограде протекали в исключительно сложной обстановке. Сумма таких обстоятельств, как нарастание продовольственной разрухи во всей стране, развал народного хозяйства, начало гражданской войны, отсутствие советских работников, саботаж самих продорганов, а затем саботаж продовольственных служащих, близость фронта еще не закончившейся империалистической войны и т. п., ни в коей мере не могла благоприятствовать успешной и планомерной работе [illegible] каким тогда был Петроград, был сугубо политическим вопросом, от которого в значительной степени зависели интересы революции. Продорганы стояли, с одной стороны, перед огромной важности и трудности практической и политической задачей, а с другой стороны—перед целым рядом требований и волнений изголодавшегося населения. На ряду с этим массу времени и энергии отнимала борьба за аппарат и работа по ликвидации саботажа продовольственных служащих и по созданию новых кадров советских продовольственников.

Организационные формы.

В начале советского периода (до 3-го декабря 1917 г.) продовольственное дело находилось в ведении органа городской думы—особого присутствия по продовольствию. При [illegible] на правах совещательного органа. Затем, после того как особое присутствие было ликвидировано, в течение нескольких дней руководство находилось в руках так называемого „временного бюро по управлению делами особого по продовольствию присутствия". 9-го и 12 декабря продовольственный совет, объявивший себя органом с законодательно-распределительными функциями, избрал исполнительный орган для руководства продовольственным делом — центральную [illegible] Управа 14 декабря 1917 г. вступила в заведывание продовольственным делом в Петрограде [1]).

В новой структуре продовольственный совет являлся формально высшим [illegible] совет и его центральная управа стояли во главе всех продовольственных органов города. В районах продовольственное дело сосредоточивалось в районных продовольственных советах и их исполнительных органах—районных продовольственных управах. В состав продовольственных органов входили представители советов раб. и солд. депутатов, профессиональных организаций, кооперативов и [illegible]

[1]) Председатель управы А. Е. Бадаев 19 января был избран председателем продовольственного совета, т. е. произошло практическое объединение руководства совета и его исполнительного органа

и представители (2) от торговцев, владельцев хлебопекарен и извозопромышленников. Районные продовольственные управы могли для удобства населения открывать и организовывать свои подрайонные отделения.

Эта схема организации продовольственных учреждений Петрограда была построена на началах усиления централизации продовольственного дела и предусматривала более или менее значительную зависимость и подчинение районов центру. Разумеется, одной схемой нельзя было просто ликвидировать центробежные стремления районов, и на почве вопроса о самостоятельности районов неоднократно происходили споры и конфликты. Но так или иначе, это был крупный шаг по пути централизации и введения единообразия в работу продовольственного аппарата Петрограда. Опыт показал, что именно централизацию, переходящую в диктатуру, нужно было применять в такой работе, как продовольственная: через несколько месяцев централизация была положена в основу всего советского продовольственного аппарата [1]).

23 (10) февраля 1918 г. произошли изменения в составе продовольственной управы. Новый состав управы был утвержден Петроградским сов. раб. и солд. деп. в количестве 11 товарищей.

Первые мероприятия по распределению.

До 1-го июля 1918 г., т. е. до введения классового пайка, политика распределения в Петрограде носила переходный и временный характер. В течение всего этого периода, в условиях общих продовольственных затруднений, с одной стороны, и борьбы за советизацию аппарата, с другой, постепенно [illegible] впоследствии в определенную систему.

В обстановке Октябрьской революции и перед лицом не прекращавшихся [illegible] Петроградского продовольственного совета должна была употребить все силы, чтобы скорее восстановить нормальный ход работы в районах, подрайонах и приступить к тщательному, основанному на правильном учете населения и продовольственных ресурсов города распределению продуктов питания.

Перебои в снабжении, слабое поступление продовольствия на склады управы все время создавали грозные препятствия для ведения нормальной работы по постепенному созданию городского распределительного аппарата. Центр тяжести деятельности управы был в стремлении завезти в город возможное количество [illegible] завоза. Каждый вагон хлеба доставался с огромным трудом. Нужно было изо дня в день изыскивать способы усиления снабжения города продовольствием и бросать на это все силы.

Задачи своей распределительной политики и способы работы по распределению управа намечала в своем воззвании, изданном к населению 14 декабря 1917 г., т. е. в день ее вступления в заведывание продовольственным делом в Петрограде. [illegible] районах и подрайонах) [illegible] распределительных пунктов как за счет открытия новых распределителей, так и за счет

[1]) „Положение о районах" просуществовало вплоть до издания декрета 8 июня 1918 г. „Об изменении существующих форм организации продовольственного дела в Петрограде".

муниципализации всей торговли съестными припасами; концентрация хлебопечения и организация контроля за выпечкой хлеба; тщательный учет и проверка всех видов продуктов в городе. Всю эту работу предполагалось проводить при ближайшем участии и непосредственной помощи профессиональных и районных организаций [1]).

В своей практической работе на первых порах управа продолжала пересмотр так называемых „отдельных пропусков". Был объявлен список подлежащих обязательной реквизиции продуктов, который охватывал почти все виды продовольствия. Реквизиции подлежали все прибывающие в город грузы, за исключением ввозимых пассажирами в количестве одного пуда. Были взяты на учет все торговые предприятия города, молочные продукты, установлены нормы выдачи фуража, проведено и начало распространяться выдачи сухой бурды молока как на детей от 6 месяцев до 3 х лет, так и на матерей, имеющих 6 месячных детей и кормящих грудью [3]). Установлены были нормы выдачи картофеля по карточной системе и проведен его учет.

В течение этого периода выдача хлеба производилась по двум нормам. Существовала одна норма для всего населения и, кроме того, дополнительная норма для рабочих, занятых физическим трудом на предприятиях. Тяжелое положение продовольственного дела вызвало ряд время колебаний размера выдаваемых пайков. Путем сокращения в отдельные моменты удалось увеличить норму хлебной выдачи, но затем под давлением сократившегося подвоза снова приходилось ее уменьшать.

Размеры хлебного пайка за это время были таковы:

ПЕРИОД.	Паек для рабочих (нормальный плюс дополнит.) (в день).	Основной паек (для населения) (в день).
С 20 декабря 1917 г. до 20 января 1918 г.	3/4 ф.	3/8 ф.
С 21 [illegible] по 27 [illegible]	[illegible]	[illegible]
С 27 янв. по 31 янв.	3/4 „	3/8 „
Со 2 февр. по 5 февр.	1/4 „	1/8 „
С 6 февр. по 13 февр.	1/2 „	1/4 „
С 14 февр. по 17 февр.	1/4 „	1/8 „
С 18 февр. по 26 февр.	1/2 „	1/4 „
С 27 февр. по 7 мая	3/4 „	3/8 „
С 8 мая по 9 мая	1/4 „	1/8 „
С 10 мая по 30 июня.	1/2 „	1/4

[1]) Воззвание центр. управы Петр. прод. совета—Бюллетень управы № 1 (28) 1917 г.
[2]) Бюллет. центр. упр. Петр. прод. сов. № 3 от 23 янв. 1918 г.
[3]) Прот. засед. центр. упр. Петр. прод. сов. № 5 от 23 дек. 1917 г.

Таким образом, за пять месяцев 1918 г. средний месячный хлебный паек вместе с дополнительным составлял для рабочих физического труда около 20 фунтов, для населения вообще 10 фунтов (основная норма). По месяцам размер месячного пайка колебался так:

	С дополнительн. пайком.	Основная норма.
Январь	24,75 ф.	12,4 ф.
Февраль	12,50 .	12,25 .
Март	23,25 .	11,60 .
Апрель	22,50 .	11,25 .
Май	17,25 .	8,65 .

Помимо продуктов питания, в 1918 г. начато было распределение по нормам таких предметов широкого потребления, как мыло и керосин. С 2-го апреля 1918 г. мыло распределялось лавками по норме $^1/_4$ фунта в месяц по основной карточке. Для детей до 3-х лет выдавалось дополнительно по $^1/_4$ фунта на [illegible] карточку. Особый порядок был установлен для распределения мыла [illegible] фирмам экстренных, больницам, аптекам, родильным домам, [illegible] учреждения, потребляющие мыло в количестве свыше 12 пуд., получали его непосредственно от складов по ордерам центральной управы [1]). Распределение керосина началось с 23 января 1918 г., керосин отпускался через районные и внерайонные продовольственные управы по карточной системе: в мае были установлены нормы—полуфунта в месяц на карточку для квартир с электрическим [illegible] и 2 фунта без электрического освещения [2]). Для распределения мыла и керосина в мае 1918 г. центральной управой были выпущены специальные керосиновые и мыльные карточки.

Концентрация хлебопечения.

29-го января 1918 г. было опубликовано весьма важное постановление о концентрации хлебопечения в Петрограде [3]). В январе 1918 г. Петроградским продовольственным советом [illegible] на основании постановления Совнаркома 27 X 1917 г. (Собрание Узак. и Расп. Раб. и Кр. Правит. № 1—ст. 61 1917 г.), обязательное постановление о проведении в жизнь концентрации хлебопечения для улучшения качества выпечки хлеба и усиления контроля над его продажей [4]).

План концентрации был выработан совместно с районами: выделены были наиболее крупные пекарни, и на основании приведенного выше обя-

[1]) Бюллетень центр. упр. №№ 10 и 11.

[2]) Бюллетень центр. упр. № 13.

[3]) Еще 13 мая 1917 г. Петроградская центральная продовольственная управа вынесла постановление о необходимости перехода к концентрации хлебопечения, однако мера эта в жизнь проведена не была.

[4]) Бюллетень центр. управы прод. сов. № 5 (32) 1917 г

ительного постановления владельцы их обязывались к ежедневной выпечке определенного количества хлеба, согласно указаниям центральной управы. Владельцы пекарен, оставшихся вне плана концентрации, а также владельцы [illegible] все домовые комитеты и кооперативы также обязывались немедленно усилить [illegible] управы должны были немедленно организовать в своем аппарате специальный [illegible] союза пекарей. Во всех предприятиях по продаже и выпечке хлеба, а также в остальных магазинах, лавках и кооперативах вводился рабочий контроль при [illegible] торгово-промышленных служащих, согласно декрету ВЦИК 14 ноября 1917 г. [1]). Необходимые для проведения концентрации пекарни, склады, магазины, лавки, аппараты, предметы и прочие принадлежности производства и распределения хлеба, вплоть до грузовых автомобилей и других транспортных средств, подлежали, независимо от принадлежности частным лицам или учреждениям, реквизиции, секвестру и конфискации районными управами с согласия и определения центральной управы продовольственного совета.

Значение концентрации хлебопечения в деле контроля, учета и правильного распределения хлеба в городе было очень велико, ибо, как показала последую- [illegible] города. Концентрацией хлебопечения начинается проведение управой целого ряда [illegible]

Напряженная организационная работа центр. управы была осложнена на неко- [illegible] мецкого нашествия. Петроград был объявлен на осадном положении, в связи с чем управе были даны специальные чрезвычайные полномочия. Обязательным постано- [illegible] предоставлено исключительное право распоряжения и выпуска всех продовольственных грузов, прибывающих на петроградский жел.-дор. узел. С 23 (10) февраля 1918 г. все продовольственные грузы поступали в полное распоряжение управы для распределения по районам, и все предприятия, торгующие и изготовляющие съестные припасы, должны были в течение 48-ми часов сообщить управе сведения о своих запасах. Кроме того, была образована разгрузочно-транспортная комиссия с широкими полномочиями для разгрузки петроградского жел.-дор. узла, причем комиссии предоставлено было право реквизировать все наличные в Петрограде транспортные средства, склады, досматривать грузы, конфисковать невыгруженные грузы и т. п. [2]). Весь распределительный аппарат центр. управы был мобилизован, должен был работать круглые сутки; была усилена выпечка хлеба; районам были выданы в запас продукты и мука, а также была произведена населению срочная выдача по карточкам: крупы — 1 ф., мяса – 1 ф. и масла—1 ф. по каждому купону продовольственных карточек [3]).

[1]) Собр. Узак. и Расп. Раб. и Крест. Правит. № 3, ст. 35, 8/XII 1917 г.

[2]) Бюллетень центр. упр. прод. совета № 6—1917 г.

[3]) Бюллетень центр. упр. Петр. прод. совета №6 1917 г. Циркуляр 4/III 1918 г., №512.

Прикрепление к распределителям.

Когда военные осложнения несколько ослабли и работа центр. управы вошла в более нормальное русло, началось проведение в жизнь ряда крупных мероприятий в области политики распределения в Петрограде. Прежде всего управа приступила к упорядочению учета и техники распределения по карточной системе.

Весьма больным моментом, спутывавшим все расчеты правильного распределения продовольствия, было отсутствие прикрепления продовольственных карточек для получения хлеба и продуктов к определенным распределительным пунктам. Летом 1917 г. в Петрограде было проведено прикрепление карточек лишь к районам и кооперативам, но этого было мало; территория действия карточки все же была слишком велика, и распределительные пункты не могли даже приблизительно знать, сколько потребуется им продовольствия для отпуска предъявляющим свои карточки потребителям. С другой стороны, у потребителей не было уверенности в том, что они получат в данном распределительном пункте причитающееся им количество продовольствия. Отсюда происходили хвосты, нарекания, и спутывался учет. Запросы районов на продовольствие превышали действительную потребность, являясь источниками для различных злоупотреблений и хищений.

Лавки и распределительные пункты, за исключением домовых кооперативов, работали вслепую и, естественно, не были связаны с определенным кругом потребителей, что в свою очередь открывало возможности для предъявления подложных карточек и для других злоупотреблений. Прикрепление карточек и потребителей к определенным распределительным пунктам давало улучшение контроля над распределением и затрудняло злоупотребления как со стороны лавочников-распределителей, так и со стороны самих потребителей. Кроме того, при прикреплении возможно было установить точно нормальную пропускную способность лавки и разрешить окончательно пресловутый вопрос о хвостах.

Удачный опыт прикрепления был проведен в Лесном районе еще в ноябре 1917 г. [1]) Лесновской районной прод. управой была выработана своя техника прикрепления, удачно разрешен сложный вопрос о праве потребителя свободно выбирать распределитель для получения продуктов, а также был разрешен вопрос об очередях. Упорядочен был учет едоков по лавкам и выяснен круг едоков, обслуживаемых кооперативами. Только в отношении хлеба и молока Лесновская районная управа не разрешила вопроса из-за ряда технических трудностей.

Примеру Лесновской управы последовали другие районы. Опыт ее работы был изучен, учтен статистическим органом центр. управы прод. совета, и, наконец, 18 марта 1918 г. был издан циркуляр управы, узаконяющий прикрепление и устанавливающий единообразную его технику по всему городу [2]).

До того времени районы создали для прикрепления своеобразную, сложную технику, выпускали специальные лавочные карточки разных цветов, с различными шрифтами, отрезали купоны от общегородских карточек и в общем устанавливали каждый на свой образец произвольный порядок и систему прикрепления населения к лавкам.

Своим циркуляром управа запретила выпуск всяких лавочных карточек и ввела изменения в форму продовольственной карточки, присоединив к ней осо-

[1]) Бюллетень центр. упр. прод. совета № 7 (34) 1918 г.

[2]) Циркуляр центр. упр. № 558 18 марта 1918 года. — Бюллетень центр. упр. прод. совета № 8 (35) 1918 г.

бый прикрепительный талон. Прикрепительные талоны отрезывались от карточек в лавке или распределителе, где потребитель желал получать продукты; затем на карточке лавка ставила свою печать, заносила талон в список и отсылала его в подрайонную или районную прод. управу. Таким образом техника прикрепления упрощалась, не вызывала излишних расходов и по самой идее была чрезвычайно проста и удобна, просуществовав без серьезных изменений до полной отмены карточной системы (в 1921 г.).

По числу таких отрезанных прикрепительных талонов управа отпускала лавке соответствующее количество продовольствия, и, таким образом, явилась возможность планировать и точно учитывать распределение продовольствия как в районе, так и в лавках.

Прикрепление карточек к лавкам имело крупное принципиальное значение, и следствием его проведения явилась возможность установить определенную [illegible] городском масштабе.

Карточная система. Перепись населения.

Центральной управой прод. совета был проведен ряд изменений в карточной системе Петрограда. По отдельным месяцам 1918 года в городе действовали такие количества образцов карточек:

Январь, февраль и март	1918 г.	— 9	образцов
апрель	1918 „	— 10	„
май	1918 „	— 25	„
июнь	1918 „	— 26	„

Карточки были следующих видов: хлебные—основные и дополнительные; продуктовые; мясные; молочные; детские от 1 до 3-х лет; детские от 3-х до 12 л.; [illegible] карточки и обеденные билеты для столовых.

В январе 1918 года было заготовлено: „основных взрослых карточек"—2.990.000 шт., „дополнительных взрослых" – 1.150.000 шт., „дополнительных детских"—550.000 шт. [1]).

Количество карточек, основных и дополнительных, бывших на руках населения и выпущенных в обращение центр. упр. прод. совета по отдельным месяцам 1918 г., видно из следующих данных:

МЕСЯЦЫ.	Основные.	Дополнительные.
1918 год:		
Январь	2.240.000	1.011.000
Февраль	2.241.000	1.001.000
Март	2.146.000	1.024.000
Апрель	1.967.000	951.000
Май	1.840.000	85[illegible].000
Июнь	1.751.000	774.000 [2])

[1]) „Известия Петрогубкоммуны"—спец. номер к 3-летнему юбилею Окт. революции—1920 г.

[2]) Винневский. „Принципы и методы организ. распред.", стр. 129.

Произведенная управой перепись имела большое значение, и на основании ее данных продовольственной организацией могли приниматься и проводиться в жизнь мероприятия по распределению. Данные переписи были сгруппированы по районным карточным бюро, и в них для ведения текущего учета населения были организованы специальные регистрационные столы. По переписи 2 июня 1918 г. в Петрограде проживало 799.000 мужчин и 766.440 женщин. По возрасту данное население Петрограда распределялось так: до 1 года—20.756 человек; от 1 года до 3-х лет—32.963 чел.; от 3-х до 7 лет—84.965 чел.; от 7-ми до 12 лет—123.935 ч.; от 12-ти и более лет—1.215.519 чел. Временно отсутствовавшее из города население составляло—79.523. Безработных было: мужчин—58.545 и женщин—57.199 [1]).

При сопоставлении данных переписи с данными как раз совпавшей июньской раздачи основных и детских продовольственных карточек, как и следовало ожидать, было обнаружено отклонение числа выданных карточек от числа фактического проживания в Петрограде населения. На каждую сотню взрослого населения излишние выданных карточек приходилось 17 шт., на каждую сотню детских до 3-х лет—51 и детских старшего возрасти от 3-х до 12 лет—21.

На ряду с этим ясно обнаружилась тенденция населения к переходу в высшую привилегированную категорию по снабжению продовольствием, т. е. получить вместо рабочей и иждивенческой дополнительную карточку. Получение дополнительных карточек облегчалось тем, что список профессий, имеющих право на дополнительную карточку, к тому времени сильно расширил (список был установлен в 1917 г.) [2]).

Распределительная сеть.

В области организации распределительной сети в городе управа постепенно осуществляла свой план муниципализации продовольственной торговли.

Состояние распределительной сети города в этот период характеризуется данными учета торгово-промышленных предприятий по сектам в городской земотделе Петрограда. По этим данным в распределительной сети города входили следующие категории торговых предприятий:

Частные торговые предприятия	3.901	69,5%
Кооперативные торговые предприятия . .	1.019	21,4%
Городские лавки	73	1,6%
Распределительные пункты	16	0,4%
Столовые-рестораны	304	6,4%
Предприятия городских учреждений . .	35	0,8%
Всего . . .	4.348	100 %

В распределительной сети города еще продолжали преобладать предприятия частной торговли. Доля в общем количестве торговых единиц кооперативных составляла 21,4%, а распределительные пункты и городские лавки, составлявшие всего 2,7% [3]).

Введение прикрепления населения к определенным лавкам и концентрация снабжения более крупными единицами должны были повлечь за собой

[1]) „Известия Петрокомпрода", № 2 9 июля 1918 г.

[2]) Бюллетень центр. упр. прод. сов., № 8 (35) 1918 г. Новый список профессий, дающих право на получение дополнительных карточек.

[3]) Циркуляр центр. упр. прод. сов., № 657, 13 апреля 1918 г. - Бюллетень центр. упр., № 12 1918 г.

к осуществлению муниципализации торговли города, т. е. к созданию собственного распределительного аппарата. Центральная управа выделила в своем аппарате специальный подотдел муниципализации торговли, в котором была сосредоточена работа по собиранию и разработке материалов к намечаемой в будущем муниципализации распределительной сети города.

За это время удалось главным образом провести подготовительную работу и осуществить только ряд предварительных мероприятий; окончательное же создание распределительного аппарата произошло лишь в конце 1918 и 1919 года.

Снабжение.

И борьба за овладение продовольственным аппаратом, и организационная работа по созданию такой системы продовольственной организации, которая удовлетворяла бы новым условиям, и вся распределительная работа Петрограда протекали в обстановке, исключительно трудной и по существу ухудшавшейся с каждым днем.

Ко всем факторам, создававшим предпосылки к нарастанию кризиса до октября и продолжавшим в усилившейся форме действовать в период времени октябрь 1917 г.—июнь 1918 г., прибавился ряд новых, являвшихся естественным результатом гражданской войны.

В разных районах и разных местностях одного и того же района завоевание советами власти происходило в разное время; при этом и качественно, и по объему в первое время организация новой государственной системы в провинции резко отличалась от крупных рабочих центров и районов [1]). Фактически в последние месяцы 1917 г. и в начале 1918 г. еще шла борьба за распространение завоевания пролетариатом власти во всей стране. В этих условиях правильное снабжение продовольствием были совершенно невозможны. Стихийная демобилизация армии, саботаж технического персонала железных дорог, борьба за железные дороги,—все это чрезвычайно затрудняло транспортировку даже тех грузов, которые уже были заготовлены. Весьма серьезным тормозом к маломальски правильной снабженческой работе был разлад продовольственных организаций в производящих районах.

На местах шла борьба за власть, и это отражалось на всей заготовительной работе,—тем более, что кулацкие элементы организовывали все время деревню на предмет того, чтобы не давать городу хлеба.

Так было в первые месяцы после революции, пока советская власть охватывала всю страну. Но даже и там, где формально и по существу победа оказывалась в руках советов, взаимоотношения между центром и периферией своей неясностью весьма отрицательно отражались на продовольственной работе. О централизованной системе с твердым управлением из одного источника говорить в этот период стихийной борьбы не приходилось. Власть на местах нередко превращалась в голый сепаратизм, политику местной колокольни. Грузы реквизировались по пути; заготовляемые продукты оставлялись местными властями для своих районов вместо того, чтобы быть отправленными туда, где они были—с точки зрения интересов революции—наиболее нужны.

[1]) Например: советская власть в Уфе организовалась только 4 декабря; в Витке еще 2 декабря совет состоял из плехановцев и кадетов, большевики арестовывались; в деревнях и захолустных городах—даже промышленного района—захват власти происходил только в течение ноября—декабря. Юг и производящие районы переживали Октябрьскую революцию в декабре 1917 г. и начале 1918 г.

В таких условиях, конечно, невозможно было сразу создать и наладить правильную снабженческую работу Петрограда. Город снабжался продуктами по нарядам комиссариата продовольствия и за счет собственных заготовок. Комиссариат продовольствия в этот период не получил еще того значения, которое он имел впоследствии; саботаж центрального аппарата вместе с сепаратизмом мест или явным контр-революционным сопротивлением старых губернских и уездных продорганов предопределяли на фоне общей разрухи невозможность правильного выполнения нарядов. Собственные заготовки петроградского продоргана вначале тоже не могли быть достаточно успешными как по этим причинам, так и потому, что находящийся на местах заготовок аппарат был оторван от центра, органически с ним не связан, практически не подготовлен к такой большой работе и политически ей не сочуствовал.

Поступление хлебных грузов по железной дороге в Петроград в первом квартале 1918 г. было таково: январь — 269.000 пуд., ферваль — 320.118 пуд. (с 14 по 28-е); март — 917.397 пуд. [1]).

За апрель прибыло 293.021 пуд. хлебных продуктов [2]). За первые четыре месяца 1918 г. в Петроградскую губернию прибыло 243 вагона хлебных грузов тогда как из расчета 1/4 ф. хлеба на едока в день месячная потребность губернии в хлебе определялась в 250 вагонов.

По другим сведениям, поступление хлебных грузов в Петроград в течение первых месяцев после октября было таково: ноябрь 1917 г. — 1.016 тыс. пуд.; декабрь — 544 тыс. пуд.; январь 1918 г. — 269 тыс. пуд.; февраль — 299 тыс. пуд. март — 809 тыс. пуд.; апрель (с 1 по 20-е) — 284 тыс. пудов [3]).

К этому времени прибытие хлебных грузов и снабжение хлебом стало почти единственным и основным, показателем продовольственного снабжения; остальные продукты поступали неорганизованно и несистематически.

Петроградский продовольственный аппарат все силы свои обращал на усиление снабжения. В заготовительные районы в первую очередь были брошены работники. На места отгрузок посылались товарищи, выделенные из профессиональных органов, фабрик и заводов, из районов. Принимались разнообразные меры к тому, чтобы грузы, идущие в Петроград, не задерживались и не переадресовывались местами. На ряду с этим огромную роль сыграла упоминавшаяся уже нами ранее массовая реквизиция продовольствия на всех крупных складах и у оптовиков. В результате этой реквизиции, этого первого удара по частной торговле, управа получила значительные запасы продовольствия; давшие возможность городу просуществовать, а опыт массовой работы питерских рабочих по реквизиции выделил из среды их немало будущих продовольственников.

Городу, который внес в историю мира невиданные по своей мощи и патетичности моменты революционной борьбы, суждено было, кроме этого, вписать еще и несравненные страницы пролетарской активности в условиях полного голода. К пафосу революции прибавился пафос умения голодать, работая и работать, голодая.

Почти полное отсутствие продуктов, завершившее собой, как конечный итог, всю продовольственную работу военного времени и периода февральской

[1]) „Бюллетень центр. управы", № 36.

[2]) „Бюллетень центр. управы", № 13/40.

[3]) „Северная Область", № 5. Удовлетворение фуражем Петрограда: в ноябре — 18%; в декабре — 26%; в январе 1918 г. — 12%; в феврале — 25% [Б. Ц. У. 9 (36)].

революции, — вот каково было наследие, полученное Октябрем. Обстановка голодного времени внесла в продовольственное дело совершенно новые критерии. Произошла полная переоценка ценностей в вопросах продовольствия; вагон хлеба стал огромной и значительной величиной, ибо вагон этот означал собой в конечном счете около 300.000 „восьмушек". Вагон хлеба мог дать ежедневный голодный „паек" 300.000 жителей, мог улучшить снабжение значительной группы рабочих. От этого вагон вырастал в огромную величину, в революционную ценность, ибо где-то за ним непрестанно чувствовались жизни тысяч людей. И потому любые жертвы, любые усилия для получения этой тысячи пудов муки блекли перед самым фактом получения: ничего не было жалко, лишь бы собрать где-нибудь в заготовительном районе хлеб, достать вагоны, погрузить их и пригнать — сквозь ощетинившуюся разрухой страну — в Петроград маршрутный поезд, т. е. гарантию нескольких дней жизни голодному городу.

Отсюда — перерождение продовольственного дела. Если прежде оно было делом коммерческим, делом зачастую просто бюрократическим, и только через весьма отвлеченные рассуждения освещалось идеей общественной полезности, то с Октября оно стало живым, полным революционного пафоса и непосредственного революционного содержания делом. И именно поэтому история борьбы Петрограда с голодом поистине является одной из неотъемлемых страниц великой книги о пролетарской революции.

Таким образом, первый период существования советской власти (октябрь 1917 г. — май 1918 г.) характеризовался в продовольственной работе Петрограда одновременным наростанием нескольких основных моментов: шла жестокая революционная борьба за овладение продовольственным аппаратом и реорганизацию его на советских началах; происходила практическая переоценка ценностей в объеме и значимости продовольственного дела; налаживалась новая распределенческая система: продовольственная работа получила новое патетически-революционное содержание, на почве которого должна была вырости новая, невиданная система заготовительной и снабженческой работы, и, наконец, прилагались невиданные по своему напряжению усилия для того, чтобы улучшить голодный паек города. В этот период времени, кроме того, было положено твердое основание будущему петроградскому продоргану и был применен ряд таких методов работы, которые впоследствии получили распространение по всей республике Советов.

В эти первые трудные месяцы во всей продовольственной работе Петрограда жило и пульсировало напряжение, свойственное великим дням Октября. Дыхание Октября чувствовалось во всей работе и являлось неиссякаемым источником энергии, дававшим силы не отступать перед любыми трудностями.

Гос. Публичная библиотека

СОДЕРЖАНИЕ.

А. Е. БАДАЕВ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА.

Стр.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ 9

ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 28

До октября и первый месяц революции. Саботаж. Первые шаги советского продоргана. Борьба за хлеб. Трудовой паек. Коммунальный котел. Наступление Юденича. Последний год гражданской войны.

НЭП 72

В начале нэпа. Первые кооперативы при нэпе. Заграничная мука. Производственная работа. Хлебопечение. Товарный кризис и денежная реформа. Год успехов. 1925—1926 г. Ленинградская кооперация к 10-й годовщине Октября.

НА НОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ 113

ПРОДОВОЛЬСТВЕННО-КООПЕРАТИВНАЯ РАБОТА В ЛЕНИНГРАДЕ.

I. ДО ФЕВРАЛЯ.

ГЛАВА I. ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ 121

Начало разрухи. Рост экономического развала. Нарастание продовольственного кризиса. Дороговизна и продовольственный кризис. Положение Петрограда.

ГЛАВА II. ПЕТРОГРАДСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ 132

Первые кооперативы Петрограда. После 1905 года. Характеристика потребительской кооперации к началу войны. Рост кооперации во время войны. Количество кооперативов в Петрограде. Объединения кооперативов. Роль петроградской кооперации в смягчении продовольственного кризиса.

ГЛАВА III. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ 147

Таксы петроградского градоначальника. Продовольственная комиссия городской думы. Временный комитет по снабжению столицы. Петроградский продовольственный комитет. Снова градоначальник. Городская исполнительная комиссия по продовольствию. Оперативная работа городского самоуправления. Распределение. Нормирование отпуска. Первая карточка. Значение и удельный вес городских продовольственных организаций.

ГЛАВА IV. РОСТ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА И КРАХ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ . . . 165

Первые симптомы. Нарастание кризиса. Начало конца. Наступление голода. Крах.

II. ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ГЛАВА I. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ 174

Первые дни. Новая реорганизация. Центральная продовольственная управа. Петроградское особое по продовольствию присутствие.

Стр.

ГЛАВА II. РОСТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВАЛА В СТРАНЕ И ВЛИЯНИЕ ЕГО НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕТРОГРАДА 180

Рост хозяйственного развала. Продовольственное положение. На грани голода.

ГЛАВА III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬ—ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА 188

Нормирование отпуска и карточная система. Таксы, запрещения, контроль. Распределительная сеть.

ГЛАВА IV. КООПЕРАЦИЯ 194

Кооперация в Петрограде. Домовые кооперативы. Кооперация и продовольственный аппарат. Продовольственная работа кооперации. Характеристика петроградской кооперации к моменту Октябрьского переворота.

ГЛАВА V. РОСТ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ РАЗРУХИ В ПЕТРОГРАДЕ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 203

Март и апрель. Неизбежность развития кризиса. Рост продовольственной разрухи. Положение города в августе и сентябре.

ГЛАВА VI. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ КАТАСТРОФА В ПЕТРОГРАДЕ И ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДА К ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 215

Октябрь 1917 г. Некоторые итоги. Наследие Октябрю.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО АППАРАТА.

ГЛАВА I. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАРОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО АППАРАТА. 223

Первые распоряжения. Сложность обстановки. Появление принципа нейтральности. Попытки сопротивления. Ликвидация особого присутствия. Временное бюро. Состав аппарата. Вопрос о забастовке. Под флагом борьбы за учредилку.

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ЯДРА В ПРОДАППАРАТЕ ПЕТРОГРАДА. СКРЫТЫЙ САБОТАЖ СТАРЫХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННИКОВ. 236

Организация советского продоргана. Состояние снабжения. Организация советского ядра. Советизация аппарата. Последние попытки саботажа.

ГЛАВА III. ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМУ СНАБЖЕНИЮ ПЕТРОГРАДА В ПЕРИОД ЦЕНТРАЛЬНОЙ УПРАВЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СОВЕТА . 250

Организационные формы. Первые мероприятия по распределению. Концентрация хлебопечения. Прикрепление к распределителям. Карточная система. Перепись населения. Распределительная сеть. Снабжение.

Гос. Публичная Б-ка